

С. З. ЧЕРНОВ

**Могутовский
сфрагистический комплекс XII века
и предыстория Москвы**

Институт археологии Российской академии наук

С. З. ЧЕРНОВ

**Могутовский
сфрагистический комплекс XII века
и предыстория Москвы**

Москва – Вологда
«Древности Севера»
2023

УДК 904
ББК 63.4
Ч-45

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН
«Эталонные памятники археологии Московской Руси и Российской империи:
монастырь и город в ландшафте XIV–XIX вв.»
(№ НИОКТР 122011200385-1)

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков

Рецензенты:
член-корреспондент РАН Вл. В. Седов,
доктор исторических наук Н. А. Кренке

Чернов С. З.
Ч-45   **Могутовский сфрагистический комплекс XII века и предыстория Москвы** / С. З. Чернов ; Институт
археологии Российской академии наук. – М. ; Вологда : Древности Севера, 2023. – 383 с. : ил.
ISBN 978-5-93061-203-5

В книге публикуется комплекс вислых свинцовых печатей конца XI–XII в., найденных на посаде древнерусского городка Шерны (селище Могутово-2), расположенного между Москвой и Переславлем-Залесским. Печати атрибутируются новгородским князьям Мстиславу Великому (1088–1094, 1095–1117), Всеволоду Мстиславичу (1117–1136), Ростиславу Мстиславичу (1154, 1157–1158) и Святославу Ростиславичу (1158–1160, 1161–1167). Излагаются результаты раскопок (508 кв. м) двух усадеб наместников (посадников) середины XII – третьей четверти XIII в., типологически близких к новгородским. На одной из них и был обнаружен сфрагистический комплекс. Эти материалы позволяют предполагать, что земли, позднее вошедшие в Московское княжество, в первой трети XII в. управлялись из Новгорода. Могутовская находка запускает во многом неожиданное прочтение летописных рассказов, отражающих новгородско-суздальское противостояние XII в. На основе комплексного изучения различных источников рассмотрено сочетание элементов инкорпорации, совладения и конфедерации во взаимоотношениях Суздальских князей и Новгорода. Обсуждается гипотеза о новгородском происхождении Кучко (Купко). Устанавливается период, на протяжении которого был заключен брак Андрея Боголюбского и Кучково (Москва) перешло под власть Суздальских князей.

Издание предназначено для историков, археологов и всех, кто интересуется историей Руси.

УДК 904
ББК 63.4

ISBN 978-5-93061-203-5
DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-93061-203-5

© Чернов С. З., 2023
© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2023
© Оформление. ООО «Древности Севера», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Часть I	
Могутовский сфрагистический комплекс	
в археологическом и историко-географическом контекстах	
Глава 1. Сфрагистический комплекс из Могутова.....	15
Глава 2. Могутовский археологический комплекс	45
Глава 3. Шерна-городок: историко-географический контекст.....	62
Часть II	
Раскопки древнерусской Шерны	
Глава 4. Раскопки в пойме реки Шеренки: открытие раннего поселения	75
Глава 5. Усадьба А на посаде Шерны. Раскоп 1. 2002 г.	100
Глава 6. Усадьба А на посаде Шерны. Раскоп 2. 2003 г.	161
Глава 7. На границе усадеб. Раскоп 4. 2006 г.	184
Глава 8. На границе усадеб. Раскоп 5. 2007 г.	201
Глава 9. Усадьба Б на посаде Шерны. Раскоп 3. 2003–2004 гг.	257
Глава 10. Датировка усадеб и интерпретация Могутовского сфрагистического комплекса.....	292
Часть III	
Новгородско-Суздальское пограничье	
в ходе противостояния старших и младших Мономашичей	
Глава 11. Могутовский сфрагистический комплекс и новгородское политическое присутствие на западе Волго-Окского междуречья в первой половине XII в.	305
Глава 12. Печать Святослава Ольговича из Могутова (1136–1141 гг.)	312
Глава 13. О хронологических рамках заключения брака Андрея Боголюбского и присоединения Кучкова к Суздальскому княжеству	315
Глава 14. Реликты новгородского присутствия на землях западной части Волго-Окского междуречья: Волок Ламский и Воиницкий мыт на Спаса на Входне.....	319
Заключение.....	339
Приложение 1. Игорь Викторович Волков. Амфоры усадьбы А на селище Могутово-2.....	340
Приложение 2. Могутово-2. Сводный список индивидуальных находок	342
Список источников и литературы	374
Список сокращений	383

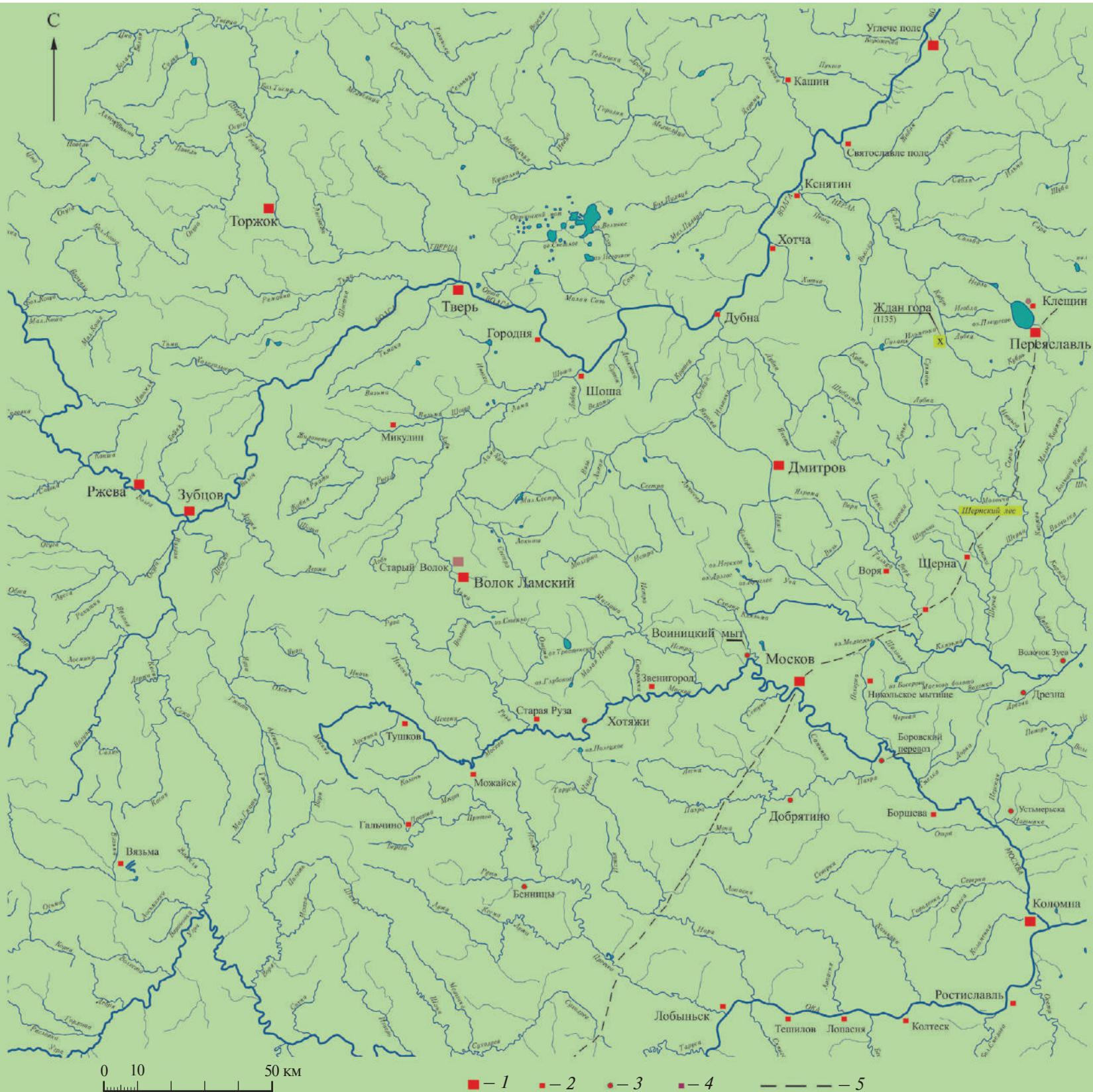

Рис. 1. Западная часть Волго-Окского междуречья в XII–XIII вв. Карта.

1 – города; 2 – городки; 3 – неукрепленные поселения; 4 – торгово-ремесленные поселения XI в.; 5 – дорога из Киева в Ростов.
Ряд топонимов, показанных на карте, впервые упоминается в источниках XIV–XV вв.

ВВЕДЕНИЕ

Регионализация Древней Руси, начавшаяся в XII в., не описывается в полной мере посредством представлений о феодальной раздробленности. Изменения форм юрисдикции шли рука об руку с переменами типов расселения, этническими изменениями, усилением роли местной элиты в управлении. Поэтому для изучения этих процессов весьма востребованными оказываются междисциплинарные исследования.

Цель настоящей работы – опираясь на сфрагистические, археологические и письменные свидетельства, реконструировать модели исторических процессов, протекавших в конце XI – середине XII в. на землях, на которых во второй половине XII–XIII в. сложилось Московское княжество.

Для этого будут рассмотрены археологический и исторический контексты находок печатей новгородских князей Мстислава Владимировича, Всеяводы Мстиславича, Святослава Ольговича и других, сделанных в ходе раскопок посада летописного города Шерны, располагавшегося между Москвой и Переяславлем-Залесским.

Излагаются результаты раскопок (508 кв. м) двух усадеб наместников (посадников) середины XII – третьей четверти XIII в., типологически близких к новгородским, на одной из которых был обнаружен сфрагистический комплекс. Эти материалы позволяют увидеть, как была устроена система юрисдикций в западной части Волго-Окского междуречья в XII в., и запускают во многом неожиданное прочтение летописных рассказов, отражающих новгородско-суздальское противостояние XII в. На основе комплексного изучения различных источников предполагается рассмотреть сочетание элементов инкорпорации, совладения и конфедерации в политике суздальских князей по отношению к Новгороду.

В свою очередь понимание изменений, связанных с поглощением Суздалем земель, управлявшихся первоначально из Новгорода, позволяет по-новому увидеть археологические реалии второй половины XI – первой половины XII в., связанные с водно-волоковыми путями и исследованные раскопками в Большево на верхней Клязьме и в Волоколамске.

* * *

Характер юрисдикции на землях Новгородско-Суздальского пограничья в западной части Волго-

Окского междуречья в XI–XII вв. исследован в работах А. Н. Насонова (1951), А. В. Кузы (1975) и В. А. Кучкина (1984). Первая из них посвящена Древнерусскому государству в целом, вторая – Новгородской земле, а третья – Владимиро-Суздальской земле.

А. Н. Насонов рассматривает расширение земель, управляемых из Новгорода, как последовательную деятельность по устройству погостов и организации сбора дани, которая наиболее интенсивно происходила во второй половине XI и первой четверти XII в. Применительно к интересующей нас территории он писал, что «к востоку от оз. Селигер, верхней Волги и р. Вазузы новгородские владения далеко зашли на юг»¹. Речь шла о землях к востоку от принадлежавших Смоленскому княжеству Ржевских погостов на верхней Волге² вплоть до впадения р. Медведицы в Волгу, откуда, судя по летописным известиям 1096, 1135 и 1149 гг., начинались Ростово-Суздальские земли.

«В первой половине XII в., – отмечает историк, – источники называют здесь новгородское поселение Волок на Ламе, лежавшее на пути из Новгорода в Ростовскую «область» (Лавр. 1135 г.), укрепленное новгородцами, как явствует из известия 1178 г. (сжигают «город» и «жито»)»³. По мнению А. Н. Насонова, в течение второй половины XII в. этот район Волги был частью захвачен владимирскими князьями, ибо в 1216 г. в летописи упоминаются принадлежавшие им крепости Зубцов и Тверь (рис. 1). Эти захваты исследователь предположительно относит ко времени правления Всеяводы III или князя Ярослава Всеяводовича.

¹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. СПб.: Наука, 2002. С. 81.

² См. исследование по Ржевской земле: Кучкин В. А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV–XV вв.) // История СССР. 1984. № 6. С. 149–161; Кучкин В. А. Межевание 1483 г. и вопрос о древней Новгородско-смоленской границе // Новгородский исторический сборник. 2 (12). Л.: Наука, 1984. С. 165–176; Фролов А. А. Новые материалы по средневековой исторической географии земель Ржевы Володимеровой // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2013. Вып. 3. С. 56–86; Вып. 4. С. 77–89; Горский А. А. От земель к великим княжениям. «Примыслы» русских князей второй половины XIII–XV вв. М.: Индрик, 2010. С. 89–95.

³ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. СПб.: Наука, 2002. С. 82.

Обратившись к теме формирования территории Ростово-Сузdalской земли, В.А. Кучкин предпринял детальный разбор рассказа Лаврентьевской летописи о событиях 1096 г. и пришел к выводу, что в этот период ростовские земли не распространялись западнее устья реки Медведицы, впадающей в Волгу слева несколько выше впадения реки Нерли⁴.

В 1975 г. было опубликовано исследование А. В. Кузы о Новгородской земле. В нем были проанализированы рассказы Новгородской I и Лаврентьевской летописей о походах новгородцев 1134 и 1135 гг., завершившихся битвой на Ждан-горе. В первый из этих походов Всеvolod Mstislavich с новгородцами «воротился на Дубнъ опять»⁵, а его брат Изяслав «оста на Волоце Ламъском»⁶. Поскольку полки Всеvoloda и Mstisława не пересекли сузальскую границу, А. В. Кузя приходит к выводу, что «вся территория данной части Верхнего Поволжья принадлежала Новгороду»⁷.

Комментируя подробный рассказ Ипатьевской летописи о походе Изяслава и Ростислава Mstislavich на Ростовскую землю в 1149 г., А. В. Кузя проницательно замечает, что военные действия были начаты только после отказа Юрия Долгорукого от переговоров и велись от Кснятина вниз по течению Волги в направлении к Угличу и устью Мологи. Таким образом, даже если к этому времени Юрий Владимирович и претендовал на земли выше Кснятина и устья Медведицы по течению р. Волги, то Mstislavich рассмотривали их как новгородские и не подвергли разграблению⁸.

В 1984 г. вышла в свет монография В. А. Кучкина «Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв.», где Новгородско-Сузdalскому рубежу посвящен специальный раздел. Разбирая рассказы летописцев о походе Изяслава и Ростислава Mstislavich на Ростовскую землю в 1149 г., В. А. Кучкин выделяет сообщение Новгородской I летописи о шести городах, сожженных Mstislavichами на Волге и предполагает, что в их число, помимо названных Ипатьевской летописью Кснятина, Углеча Поля и Мологи, следует относить Тверь, Шошу и Дубну, располагавшиеся выше Кснятина⁹. С этим

⁴ Кучкин В.А. Ростово-Сузdalская земля в X – первой трети XIII века // История СССР. 1969. №2. С. 74.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 23, 208.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Изд. 2-е. Л., 1926. Стлб. 302.

⁷ Кузя А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 197.

⁸ Там же. С. 198.

⁹ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. С. 81.

предположением согласиться трудно, поскольку Ипатьевская летопись прямо говорит, что новгородцы, подойдя к Кснятину, «начаста города его (князя Юрия Владимировича. – С. Ч.) жечи и села»¹⁰. Тем не менее предположение В. А. Кучкина о том, что к 1149 г. на тверское течение Волги уже распространялось влияние Юрия Долгорукого, не лишено оснований. Тем более представляется вероятным, что Mstislavich рассматривали эти земли как новгородские и не подвергали их разорению.

Эти новые границы Сузdalской земли четко фиксируются при сравнении походов 1149 и 1180 гг. В 1180 г. Святослав Всеvolodovich и его сын Владимир с новгородцами «съяшася на Вълзѣ устье Тъвери, и положиша всю Вългу пусту, и города всѣ пожгоша, и не дошьдыше Переяславля за 40 вѣрстъ, у Вълѣнѣ у рѣцѣ, ту ся воротиша»¹¹.

Итогом исследования В. А. Кучкина явились карты границ Сузdalской земли на конец XI в. и середину XII в.¹² Сравнение этих карт показывает – хотя и в самом общем виде – значительное приращение Сузdalской земли в западной части Волго-Окского междуречья (рис. 2). Эти приращения примерно соответствуют территориям Тверского¹³, Микулинского¹⁴, Клинского, Кашинского, Звенигородского¹⁵ и Московского¹⁶ (в границах «городских станов») княжеств / уездов, известным поданным XIV–XV вв. На севере и западе эти территории были ограничены землями Торжка и Волока Ламского, находившихся со временем Всеvoloda III в совладении Суздаля и Новгорода. С юга граница интересующих нас территорий смыкалась со смоленскими погостами, упоминаемыми в Уставной грамоте Ростислава Mstislavicha Смоленского

¹⁰ ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стлб. 371.

¹¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 36.

¹² Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. С. 74, 98.

¹³ Кутаков С. С., Степанова Ю. В. Границы и административное деление Тверского уезда в XVI веке // Историческая география. Т. 3. / Отв. ред. И. Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2016. С. 280–317.

¹⁴ Зинько М. А. Микулинский уезд в XVI в.: территория и структура землевладения // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов–2011». М., 2011.

¹⁵ Юшко А. А. Звенигород Московский и удел Звенигородских князей. М., 2015.

¹⁶ Чернов С. З. Домен московских князей в городских станах, 1271–1505 годы. (Акты Московской Руси. Микрорегиональные исследования. Т. 2) // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты: в 3 т. Т. 2. [Отв. ред. В. Л. Янин, В. Д. Назаров]. М.: Наука, 2005.

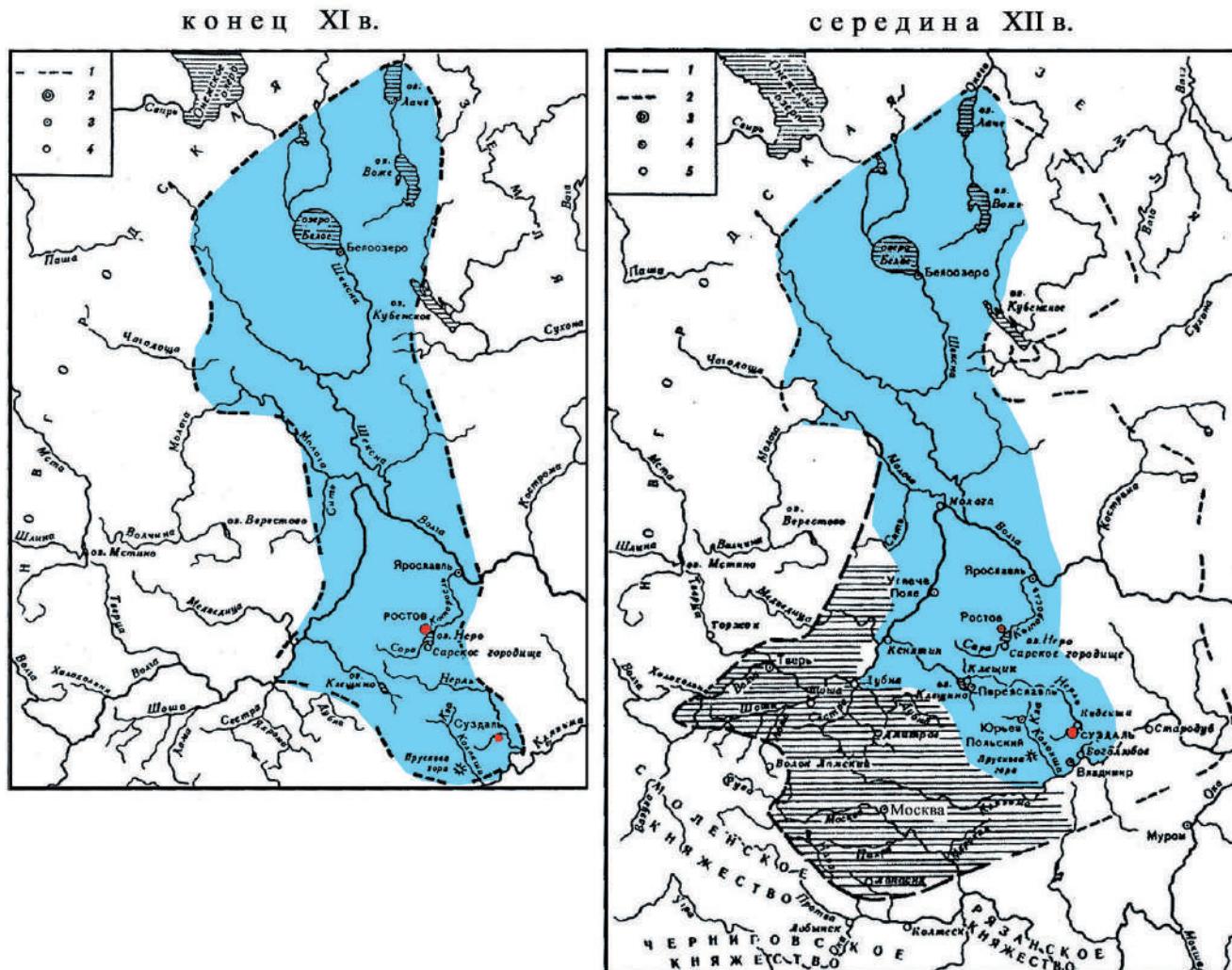

Рис. 2. Слева: Ростовская земля конца XI в. (по В. А. Кучкину).

1 — границы; 2 — столица земли, 3 — города — административные центры, 4 — прочие города.

Справа: Суздальское княжество середины XII в. (по В. А. Кучкину).

1 — граница, определяемая более точно; 2 — граница, определяемая приблизительно; 3 — столица княжества;

4 — города — административные центры, 5 — прочие города.

Штриховкой показана территория западной части Волго-Окского междуречья, которая не была включена В. А. Кучкиным в пределы Ростовской земли конца XI в.

1136 г., Исконой и другими можайскими волостями, а также волостью Добрятину¹⁷ на р. Пахре.

Таким образом, проанализированные в историографии данные летописных памятников и других письменных источников неоспоримо свидетельствуют о крупных территориальных сдвигах, которые произошли в середине XII в. на Суздальско-Новгородском пограничье. Между тем в литературе мы не найдем попыток сколько-нибудь полно осмыслить причины этих событий и механизмы, посредством которых они

совершились. Кроме того, мы не найдем попытки исследовать досуздальский период жизни этого обширного края как особого исторического этапа (см. карту памятников археологии XI в. на рис. 3).

Вместо этого в историографии мы находим опыты написания предыстории городов (и соответствующих им сельских территорий), возникших на этой территории в 1150—1160-е гг. — Москвы, Дмитрова, Твери и других. Подобные попытки, при всей их любопытности, по определению не могут ответить на поставленные выше вопросы, так как эти города явились совершенно новыми образованиями и как таковые имели, судя по всему, мало общего с досуздальской эпохой.

¹⁷ Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. С. 213—216.

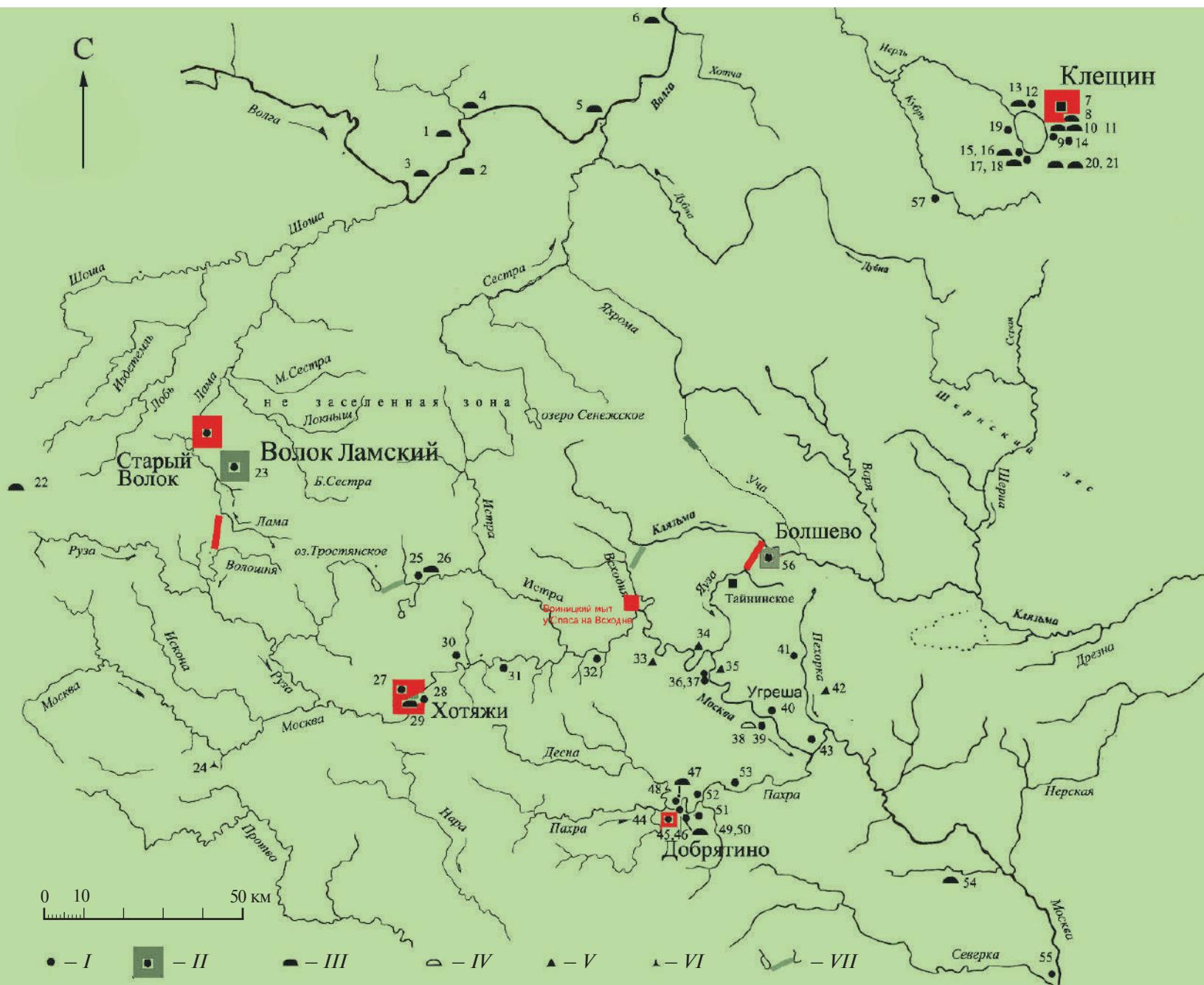

Рис. 3. Западная часть Волго-Окского междуречья в IX–XI вв. Схема расположения памятников археологии.

- I – открытые поселения с лепной и раннекруговой керамикой;
- II – центры торгово-ремесленной деятельности с дружинными древностями;
- III – курганные могильники с ингумацией XI в.;
- IV – курганные могильники с кремацией;
- V – клады куфических монет IX–X вв. и западноевропейских монет X–XI вв.;
- VI – местонахождения;
- VII – волоки на водно-волоковых путях.

Памятники Конаковского (1–4) и Кимрского (5–6) районов Тверской области:

1 – курганный могильник Глиники (погребение с дирхемами 823, 908–997 гг. в курганах 8, 15, 17, 31 и денариями 1038–1057 гг. в курганах 10, 22); 2 – курганный могильник Зaborье (погребение с денарием 1027–1054 гг. в кургане 22); 3 – курганный могильник Загорье (погребение с дирхемами 914–943 гг. в кургане 24 и денариями 1027–1086 гг. в курганах 15, 18); 4 – курганный могильник Устье (погребение с дирхемами 914–943 гг. в кургане 3 и денариями

1027–1068 гг. в курганах 7 и 13); 5 – курганный могильник Пекуново-2 (погребения с дирхемами 914–985 гг. из курганов 12, 40, 51, подражаниями дирхемам из кургана 32 и денариями пер. пол. X в., 983–1076 гг. из курганов 5, 6, 11, 18, 19, 21, 26, 43, 63, 66 и курганов 1, 4, 8, 15 нумерации 1972 г.); 5а – Пекуновское селище (40% лепной керамики, золотостеклянные бусы); 6 – курганный могильник Плешково (погребения с дирхемами 917–997 гг. из курганов I-2, I-26, I-29 и денариями 947–1090 гг. из курганов I-7, II-2, II-3, I-2, I-10, I-12, I-16, I-17, I-20).

Памятники Переславского района Ярославской области:

7 – Александрова гора, городище (2-й слой X–XI вв. – монеты 858, 960 гг.); 7б – селище 1 у с. Городище (посад города Клещина). Поселение X–XI вв. площадью 13 га (50% лепной керамики, кресты с эмалью, пломбы, фрагмент подвески со знаком князя Владимира Святославича или Ярослава Мудрого) (Н. А. Макаров. Исследования 2014–2015 гг.); 8 – курганный могильник Городище-5 (237 курганов, в том числе XI в.); 9 – селище Слуда-1 и 5; 10 – могильник Городище-7 (627 курганов: 123 кремации и 504 ингумации, в том числе XI в.); 11 – курганный могильник Городище-1 (202 кургана, в том числе с денариями 936–961, 978–1016 и 1057–1058 гг.); 12 – Криушкино, поселения 1, 2, селища 1, 2; 13 – Криушкино, курганный могильник 5 (100 курганов, в том числе погребения с денариями); 14 – Борисоглебская слобода, селище, 15 – Веськово, селище 1 (Ботик); 16 – Веськово, курганный могильник 1 (412 курганов: 243 кремации, 168 ингумаций, в том числе XI в.); 17 – Веськово, селище 2; 18 – Веськово, курганный могильник 2; 19 – Соломидино, поселение 1; 20 – Брембала, курганный могильник Княжьи Могилы (ингумации с денариями 915–970-х гг. и монетой Константина Багрянородного 912–939 гг., кремация с подвеской из монеты Оттона I); 21 – Брембала, курганный могильник Круглицы (97 курганов: 53 кремации, 44 ингумации, в том числе погребение с дирхемами 905–915 гг.).

Памятники запада Московской области:

22 – курганный могильник Елизарово (Шаховской район) (погребение с денариями 1020–1086 гг. в кургане 26); 23 – селище Лама-1 («Старый Волок» – первоначальный Волоколамск); 24 – местонахождение украшений XI в. на посаде г. Можайска; 25, 26 – селище и курганный могильник Шейки (Истринский район) (погребения с денариями 1024–1086 гг. в курганах 36, 72, 76).

Памятники Одинцовского района Московской области:

27 – селище Хотяжи-1 (левобережное) (дирхемы 906/907 и 939/940 гг. из раскопа 2009 г. Н. А. Кренке); 28 – селище Хотяжи-2 (правобережное) (денарий 1059–1071 гг. подражание дирхему 914–943 гг.); 29 – курганный могильник Хотяжи (Мышкино) (кремации и ингумации); 30 – селище Саввинская слобода-2 (жилище 3 кон. IX–X вв. (радиоуглеродная дата ок. 775–963 гг.) с салтовским перстнем, бочонковидной весовой гирькой, привеской из клыка медведя); 31 – селище Поречье-2; 32 – селище Жуковское.

Памятники г. Москвы:

33 – находки дирхемов 753–775, 790, 806–808 гг. на городище Кунцевское; 34 – находки дирхемов 862 и 866 гг. на месте храма Христа Спасителя; 35 – находка обломка дирхема у Симонова монастыря; 36 – селище Даниловское-1 (в Свято-Даниловом монастыре); 37 – селище Даниловское-2 (в Даниловской слободе).

Памятники Московской области:

38 – большой Беседский курган; 39 – селище Беседы (Ленинский район); 40 – селище на территории Николо-Угрешского монастыря (г. Дзержинский); 41 – селище Акатово-2 (Балашихинский район); 42 – Коренево (Раменский район), клад дирхемов IX–X вв.; 43 – селище Заозерье-2 (Раменский район), находка брактеата дирхема.

Памятники Подольского района Московской области:

44 – селище Добротино-1; 45 – селище Жданово-1; 46 – селище Стрелково-1; 47 – курганный могильник Стрелково (из 13 курганов один с кремацией); 48 – селище Стрелково-2; 49 – селище Покров-5; 50 – курганный могильник Покров; 51 – поселение на городище Щербинском; 52 – селище Макарово-1; 53 – селище Новое Сьяново-3.

Памятники Московской области:

54 – курганный могильник Давыдово на р. Отре (Раменский район) (денарий 1068–1090 гг. в насыпи 7-метрового кургана); 55 – селище Северское (Коломенский район); 56 – селище Большево-3 (г. Королев); 56а – дирхем 862/863 г., найденный на поле у д. Бурково в 2014 г.

Памятник Александровского района Владимирской области:

57 – городище «Золотая чаша» у д. Ям близ летописной Ждан-горы.

Примером такой попытки является статья П.Д. Малыгина и С. В. Богданова «Этапы окнажения Верхневолжья в XII – начале XIII в.». В этой работе на основании процитированных выше летописных рассказов о походах на Ростово-Сузальскую землю 1096, 1134–1135, 1149, 1180, 1216 гг. выстроена обоснованная схема строительства сузальскими князьями укреплений на Волге от Кснятина на востоке до Зубцова на западе. Однако авторы трактуют свои наблюдения превратно: «выше Медведицы в 1149 г. Волга была еще общей древнерусской водной и ледовой дорогой, население этих территорий не входило в данническую зависимость к какому-либо центру»¹⁸. Разумеется, многочисленные поселения, расположенные на этом участке течения Волги и маркируемые кривичскими курганными могильниками XI в., до 1130–1140-х гг. данью и судом тянули к Новгороду¹⁹.

Значительно более перспективным для понимания юрисдикций, создаваемых Великим Новгородом, является изучение совместных («сместных») владений Новгорода и соседних государственных образований: Великого княжества Владимира, Великого княжества Литовского, Швеции и Норвегии²⁰.

Одним из первых опытов такого рода стало исследование погоста Взвад, расположенного при впадении реки Ловати в озеро Ильмень и упомина-

емого в договорах Новгорода с князьями. Как показала детальная локализация данных писцовых книг и актов, земли погоста были поделены «на четверо». Эти четыре части сходились к центру погоста в виде секторов. Великому князю Владимиру принадлежала половина охотничьих угодий в дельте, а также низменности в Подмощье и Любце. Новгородским боярам принадлежала половина дельты и пригодная для хлебопашества сухая гряда в районе Чертицкого погоста²¹.

Наиболее полно изучены совладения Новгорода и Смоленского княжества, которому в XV в. наследовало Великое княжество Литовское²². Зоны совместного сбора даней Новгорода и Швеции в районе Ботнического залива были предусмотрены в Ореховском договоре 1323 г.²³ Договор Новгорода с Норвегией предусматривал зону совместных интересов от Люнгстуэна на северо-западе современной Норвегии до Кандалакшского залива²⁴.

Совладения Новгорода и великих Владимирских князей, известные как «волости новгородские», включали: Волок Ламский, Торжок, Бежиче, Городец, Мелечу, Шипино, Егну, Вологду, Заволочье, Колопермь, Тре, Пермь, Югру, Печеру. Система совладения была закреплена в договорах между великими князьями Владимирскими и Новгородом, наиболее ранний из которых (1265) относит ее появление ко времени Всеволода III (1176–1212)²⁵.

Среди указанных совладений Волок Ламский – благодаря значительному количеству актов XV–XVI вв. по его территории – открывает широкие перспективы для ретроспективного исследования. Система совладения предполагала деление Волоцких земель и, возможно, самого города, на две половины, которые управлялись, соответственно, новгородским и великокняжеским тиу-

¹⁸ Малыгин П.Д., Богданов С. В. Этапы окнажения Верхневолжья в XII – начале XIII в. // Археология Владимира-Сузальской Руси. Материалы научного семинара. Вып. 9. М., 2019. С. 102.

¹⁹ В работе, опубликованной в 2007 г., С. В. Богданов предложил свое прочтение летописных рассказов о походе коалиции князей во главе с Мстиславом Мстиславичем Удатным против князя Ярослава Всея Волыни в 1216 г. На основании этого прочтения он высказал гипотезу о том, что в этот период Суздалю принадлежали Дубна, Шоша, Микулин и Зубцов, тогда как Тверь оставалась новгородской (Богданов С. В. Новгородско-сузальский рубеж на Верхней Волге в конце XII – 1-й трети XIII вв. и основание Твери // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. II. Тверь, 2007. С. 330–338). Между тем Новгородская IV летопись сообщает, что войска Мстислава Мстиславича и новгородцы, чтобы не опустошать «новгородскую волость», каковой являлся Торжок, «поидоша къ Тфери, начаша имати села и жечи» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I Вып. 1. СПб., 1915. С. 186, 187). В Твери укрывается Ярослав Всея Волыни. К Твери бегут «сторожа» Ярослава после поражения в стычке с новгородцами. Таким образом, Тверь выступает в этом летописном рассказе как город Ярослава Всея Волыни.

²⁰ Общий обзор «сместных» владений Новгорода см. в работе: Фролов А.А. Административная система центральных районов Новгородской земли в X – начале XVII века в контексте истории территориальных юрисдикций // Историческая география. Т. 1. / отв. ред. И. Г. Коновалова. М.: Кругль, 2012. С. 110–154, карта 2.

²¹ Янин В. Л. К истории взаимоотношения Новгорода с князьями; Чернов С. З. Историческая география Взвадского погоста // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы социальной и классовой борьбы: межвузовский сборник / под ред. проф. И. Я. Фроянова. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1985. С. 92–112.

²² Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв. М.: Изд-во Московского университета, 1998.

²³ Линд Дж. Х. Русско-шведская граница по Ореховецкому (Nöteborg – Pähkinälinna) миру и политический статус Фенноскандии // Средние века. 1998. Вып. 59. С. 96–115.

²⁴ Линд Дж. Х. «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские договоры 1251–1326 гг. // Новгородский исторический сборник / отв. ред. В. Л. Янин. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 135–143.

²⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 2. С. 11.

нами («А держати ти сво[и] тивунъ на половинѣ, а но [в]городец на половинѣ во всеи волости Волоцкой»²⁶). Четыре окологородные станы, постепенно сужаясь, сходились к городу в виде секторов-долей. Великие князья управляли Льняниковским станом к югу от города, где располагались княжеские села вдоль волокового пути, и Староволоцким станом, к северу от города, с селом Староволоцким, близ урочища Старый волок — места первоначального торгово-ремесленного поселения. Новгородский тиун управлял Раховым станом к западу (на его территории в 1505 г. собирали реликтовый побор «посадничья половина»²⁷) и Ламским станом — к востоку от города, где располагалось древняя вотчина новгородского Юрьева монастыря (село Черницыно)²⁸ и владения Возмищского монастыря, вобравшие земли новгородцев²⁹.

История «сместного» правления в Торжке XIII в. исследована П.Д. Малыгиным³⁰. Следы новгородского присутствия в Вологде и ее окресте рассмотрены М.С. Черкасовой³¹. География «сместных» владений Новгорода и великих Владимирских князей, а также Новгорода и белозерских и ростовских князей реконструирована С.А. Шаровым-Делоне³².

²⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 1.

²⁷ Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2. М., 1956. № 34.

²⁸ «Земли Святого Юрия на Волоцѣ» упоминаются в грамоте великого князя Ивана Калиты (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 86).

²⁹ Чернов С. З. Новгородская и велиокняжеская «половины» Волока Ламского в XIII—XV вв. // Новгородский исторический сборник. 7 (17). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 75—99.

³⁰ Малыгин П.Д. Новый Торг — Торжок в контексте политической истории Новгородской земли XII—XIII вв. // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и Раннее Новое время (XI—XVIII вв.). Тезисы докладов научной конференции (Москва, 3—5 декабря 1996 г.). М., 1996. С. 78—82.

³¹ Черкасова М. С. Новгород и Вологда в XIV—XV вв. // Словия, институты и государственная власть в России. Средние века и Раннее Новое время. Сборник статей памяти Л. В. Черепнина. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 428—443.

³² Шаров-Делоне С.А. К вопросу об историческом контексте формирования культуры Русского Севера // Иконы Русского Севера. Двинская земля, Онега, Каргополье, Поморье: статьи и материалы / редактор-составитель Э. С. Смирнова. М.: Северный паломник, 2005. С. 33—47. Критический разбор этой работы: Анкудинов И. Ю. «А се волости новгородские» новгородско-княжеских докончаний // Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI—XV вв. Свод источников и исследований: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Сургут, 1—5 октября 2018 г.); в 2 ч. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2018. Ч. 1. С. 136—140.

* * *

Поскольку летописные памятники не содержат прямых ответов на интересующие нас вопросы, а документальных источников — таких как Уставные грамоты Ростислава Мстиславича и Святослава Ольговича — по этой части новгородских земель до нас не дошло, необходимо обратиться к иным источникам. Такими источниками потенциально могут стать материалы сфрагистики.

Сохранившиеся до наших дней собрания по-земельных актов монастырей Московской Руси XIV — первой половины XVI вв. содержат серии жалованных, меновных, тарханных и несудимых грамот, выданных местными удельными князьями. Эти правоустанавливающие документы являются источником, позволяющим проследить работу канцелярий того или иного княжества. Поскольку документы обыкновенно касаются четко очерченных земельных владений, они являются одновременно превосходным источником для установления географических пределов, в которых действовала та или иная юрисдикция.

От домонгольской эпохи до нас дошли лишь отдельные грамоты. Поэтому мы не обладаем аналогичным фондом свидетельств о юрисдикциях, функционировавших на территории древнерусских княжеств. Впрочем, отсутствие самих документов отчасти компенсируется хорошо сохраняющимися в земле вислыми свинцовыми печатями (буллами), которые вплоть до XIV—XV вв. привешивались к пергаменным документам.

Благодаря исследованиям Н. П. Лихачёва, В.Л. Янина, П. Г. Гайдукова, С. В. Белецкого удалось определить принадлежность новгородским князьям, а также институтам новгородской республиканской администрации значительного числа печатей.

«Место находки печатей в подавляющем большинстве, — отмечал В.Л. Янин, — совпадает с местом их применения при документе. Печати новгородских князей и посадников найдены в 99 случаях из 100 на Городище или в культурном слое Новгорода. Смоленские печати обнаружены в самом Смоленске. Галицкие и волынские городища содержат сфрагистические материалы местного происхождения и т. д. Не исключая возможности эпизодического употребления буллы князя или епископа при письме, мы приходим к выводу, что основным назначением вислых печатей было употребление их при официальных документах, скрепление актов»³³. Эта закономерность делает местонахождение печати важным историческим источником, своего рода указанием на то,

³³ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М.: Высшая школа, 1977. С. 27.

в каком районе действовала та или иная княжеская или республиканская юрисдикция и/или осуществлялась та или иная властная прерогатива.

* * *

В сентябре 2001 г. на северо-востоке Московской области, на территории Могутовского археологического комплекса древнерусского времени, было найдено 13 свинцовых вислых печатей и 12 свинцовых пломб XI–XII вв. а также другие находки (рис. 4: 3). Обнаружение свинцовых вислых печатей такой древности и в таком количестве для Московских земель уникально. Речь идет о выявлении одного из скоплений древнерусских печатей и пломб, которые пока археологически зафиксированы в весьма ограниченном числе мест. Помимо скопления на Новгородском городище, которое – в силу своего значения и богатства – не имеет аналогов, можно назвать Дрогичинское скопление³⁴ а также скопление печатей и пломб в левобережной части Белоозера³⁵, в Городце на Волге, в Ярополче на Клязьме и Передольском погосте в Новгородской земле. И, наконец, особое значение имеет обнаружение архива владычной канцелярии в Торжке, погибшей в огне пожара во время захвата города тверскими войсками в 1372 г.³⁶

В связи с сфрагистическими находками в Могутове возникает множество вопросов. С какими археологическими реалиями связана находка вислых

печатей? Сколько печатей пока еще скрыты в земле? В какой мере может идти речь об остатках архива и если да, к какому типу он может быть отнесен?

Печати и пломбы были найдены на компактном участке поселения. В 2002–2007 гг. на этом месте были проведены раскопки.

Целью первой части настоящего издания является ввести в научный оборот имеющуюся сегодня сфрагистическую коллекцию и описать ее археологический контекст. В первой главе будет дан обзор сфрагистическим материалам – как тем, которые были найдены в ходе несанкционированного поиска, так и найденным в ходе раскопок. Затем будут рассмотрены основные элементы Могутовского археологического комплекса. Третья глава посвящена историко-географическому анализу и установлению места памятника в историко-географической структуре западной части Владимира-Сузdalских земель второй половины XII в.

Вторая часть книги включает публикацию результатов археологических раскопок на месте обнаружения сфрагистического комплекса. Итогом этого раздела станет реконструкция планировки двух усадеб XII–XIII вв. и определение узкой даты построек, с которыми связаны находки печатей.

Могутовская находка ставит целый ряд вопросов, касающихся предыстории Московской земли и процессов политической истории первой половины XII в., связанных с взаимоотношением Новгорода и Сузdalской земли. В связи с этим в третьей части книги будут сформулированы гипотезы, которые могут быть проверены в ходе дальнейших исследований. На основании летописных и иных свидетельств я постараюсь проследить изменения на Суздало-Новгородском рубеже в связи с противостоянием старших и младших Мономашичей в 1132–1174 гг.

³⁴ Болсуновский К. В. Дрогичинские пломбы. Киев, 1894.

³⁵ Макаров Н.А., Чернецов А.В. Сфрагистические материалы из Белоозера // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 230–241.

³⁶ Малыгин П.Д., Сарафанова Н.А. Новые сфрагистические находки в Торжке // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2007. № 4 (49). С. 207–216.

ЧАСТЬ I

Могутовский
сфрагистический комплекс
в археологическом
и историко-географическом
контекстах

ГЛАВА 1

СФРАГИСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС из МОГУТОВА

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НАХОДКИ. В сентябре 2001 г. житель города Королева Олег сообщил со-труднику Государственного исторического музея Ивану Владимировичу Волкову о находках, сделан-ных им у деревни Могутово в Щелковском районе Московской области. Предметы были получены с помощью металлоискателя в ходе несанкциониро-ванных сборов, которые велись на этом памятнике на протяжении 2001 г. 16 сентября того же года я полу-чил эту информацию от доктора исторических наук Петра Григорьевича Гайдукова.

В связи с тем что находчик не пожелал указать точное место находок, 6 октября 2001 г. мною совместно с геодезистом Московской областной археологической экспедиции Института археологии РАН В. В. Петровым это место было установлено при участии местных жителей. По сообщению жите-ля крайнего юго-западного дома деревни Могутово Владимира Степановича Лазарева 1938 г. рожд., а также жителя крайнего северо-западного дома деревни Александра Петровича Мануилова 1929 г. рожд., регулярно приезжавшие в этом году люди с металлоискателями осуществляли сбор находок на поле от юго-западного края усадьбы В. С. Лазарева и далее вдоль правого берега ручья на пространстве примерно в 300 м. Последний раз, по сообщению В. С. Лазарева, они были здесь 4 октября.

Поле, на которое указали местные жители – селище Могутово-2, – было нами обследовано. По пахоте хорошо читались лунки, остающиеся после извлечения находок из земли, – как совер-шенно свежие, сделанные, судя по всему, в начале октября, так и более ранние. Лунки встречались по всему селищу и за его пределами, однако наи-большая их концентрация была зафиксирована на вершине возвышенности, в 50 м к юго-западу от юго-западного угла крайней усадьбы деревни Могутово (рис. 5: III). Участок, испещренный лунками, имел подпрямоугольную форму, размеры 50×30 м и был ориентирован по линии ВСВ–ЗЮЗ, параллельно склону. Границы его были зафик-сированы на топосъемке относительно столбов

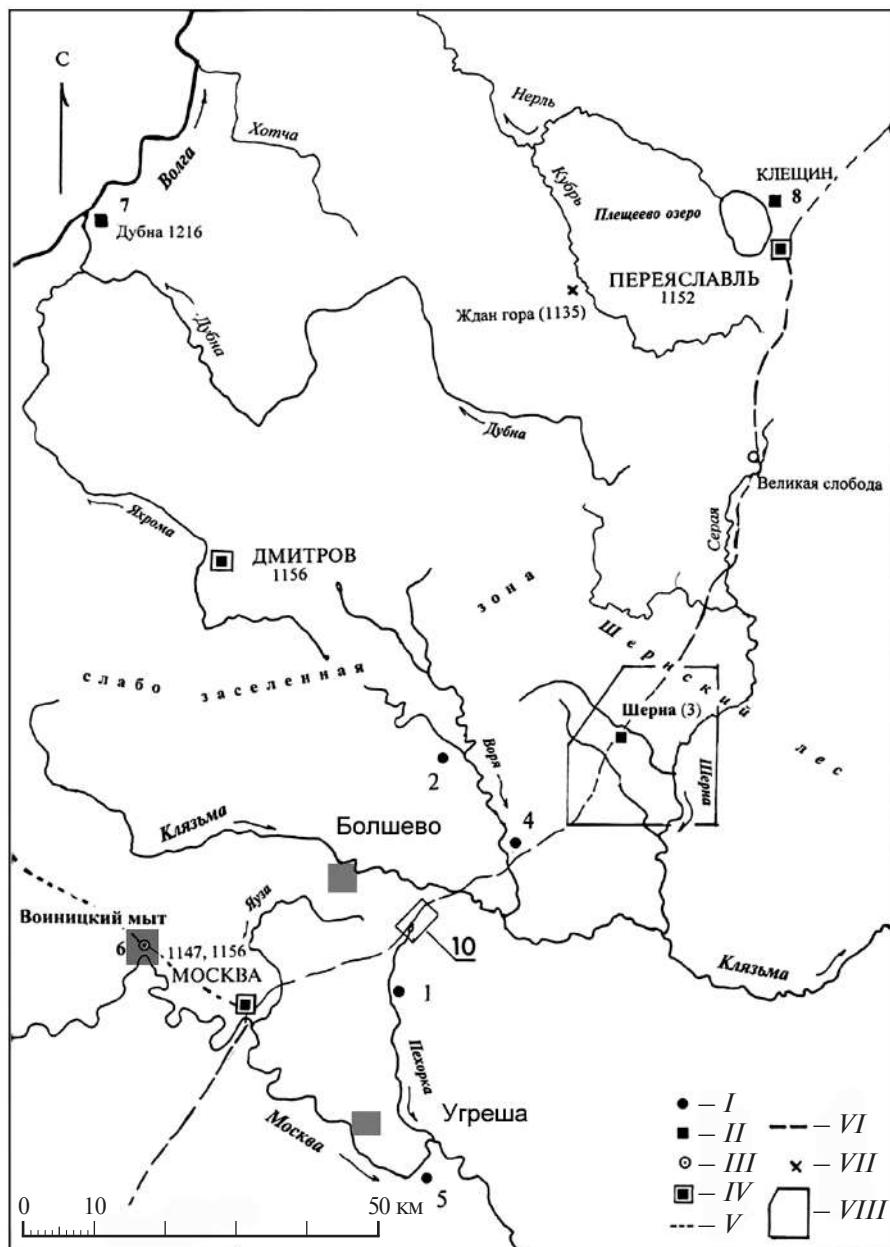
линии электропередачи, проложенной вдоль юж-ной окраины деревни. От столба, расположенно-го в 50 м от угла усадьбы, граница участка лежала в 10 м к ЮЮВ, а от следующего (в западном на-правлении) столба – в 20 м в том же направле-нии. Южная, дальняя, граница участка распо-лагалась в 20 м на ЮЮВ от обоих столбов. Далее к югу на пространстве в 20×30 м лунки располага-лись пятью небольшими скоплениями (рис. 5: II). Во время нашей работы по фиксации лунок к нам подошел В. С. Лазарев и сообщил, что на этом ме-сте грабители показывали ему свои находки, в том числе свинцовые печати.

СОСТАВ КОЛЛЕКЦИИ. ПЕЧАТИ СВИН-ЦОВЫЕ ВИСЛЫЕ (табл. 1)¹: 25 печатей и 12 пломб. Все печати сфотографированы. Из 13 печатей, найденных в 2001 г. (№№ 1–13), одиннадцать были приобретены Отделом нумизматики ГИМ и в настоящее время доступны для исследования (№ 110355 / 1-7; 110740/ 1-6), печати № 8 и 9 оста-лись в частных коллекциях.

В 2005–2006 гг. коллекция была пополнена за счет трех печатей, найденных в ходе раскопок (печати №№ 16–18). Кроме того, на протяже-нии 2004–2008 гг. в ходе несанкционированного металлоиска на селище Могутово-2 было най-дено еще семь печатей, которые были зареги-стрированы и сфотографированы П. Г. Гайдуковым (№№ 15, 19–24), они остаются в частных коллек-циях. В 2013 г. была зарегистрирована еще одна печать № 25, найденная на селище Могутово-1. Пломба № 2 позднее была отнесена к печатям и получила № 14.

Описание коллекции дается в соответствии с принятой типологией вислых печатей.

¹ Печати были атрибутированы доктором историче-ских наук членом-корреспондентом П. Г. Гайдуковым. Ряд существенных уточнений в атрибуцию печатей был внесен академиком В. Л. Янином (они особо ого-ворены ниже). Выражаю сердечную благодарность В. Л. Янину и П. Г. Гайдукову, ознакомившим меня с ре-зультатами своих наблюдений.

Рис. 4. Шерна-городок в системе укрепленных поселений западной части Владимиро-Суздальского княжества второй половины XII – XIII вв. Схема.

I – убежища XIII – первой четверти XIV в.; II – городки XII–XIII вв.; III – открытое поселение XII–XIII вв.; IV – города второй половины XII – XIII вв.; V – участок дороги из Волока Ламского к Москве; VI – участок дороги из Киева в Ростов (между Переяславлем и Москвой); VII – место битвы на Ждан-горе (1135 г.); VIII – район Шерны-городка (рис. 45);

1 – Никольское Мытище (археологический комплекс у Балашихинского городища в урочище «Лисья гора»);
2 – Воря (археологический комплекс городища Царево-1);
3 – городок Шерна (археологический комплекс городища у д. Могутово);
4 – археологический комплекс Громковского городища;

5 – Воскресение у Боровского перевоза (археологический комплекс у городища Боровский курган);
6 – Воинецкий мыт у Спаса на Всходне (археологический комплекс в районе 1-го Спас-Тушинского городища);
7 – Дубна (поселение у с. Ратмино); 8 – городище у с. Городище (Клещин);
9 – центр переславской волости Великая слобода (XV в.), маркирующий зону освоения XII–XIII вв.;

10 – место «старой Переславской лесной дороги», упоминаемой в меновой грамоте Дмитрия Донского на земли Спасской пустыни на Медвежьем озере (1381–1383 г.)

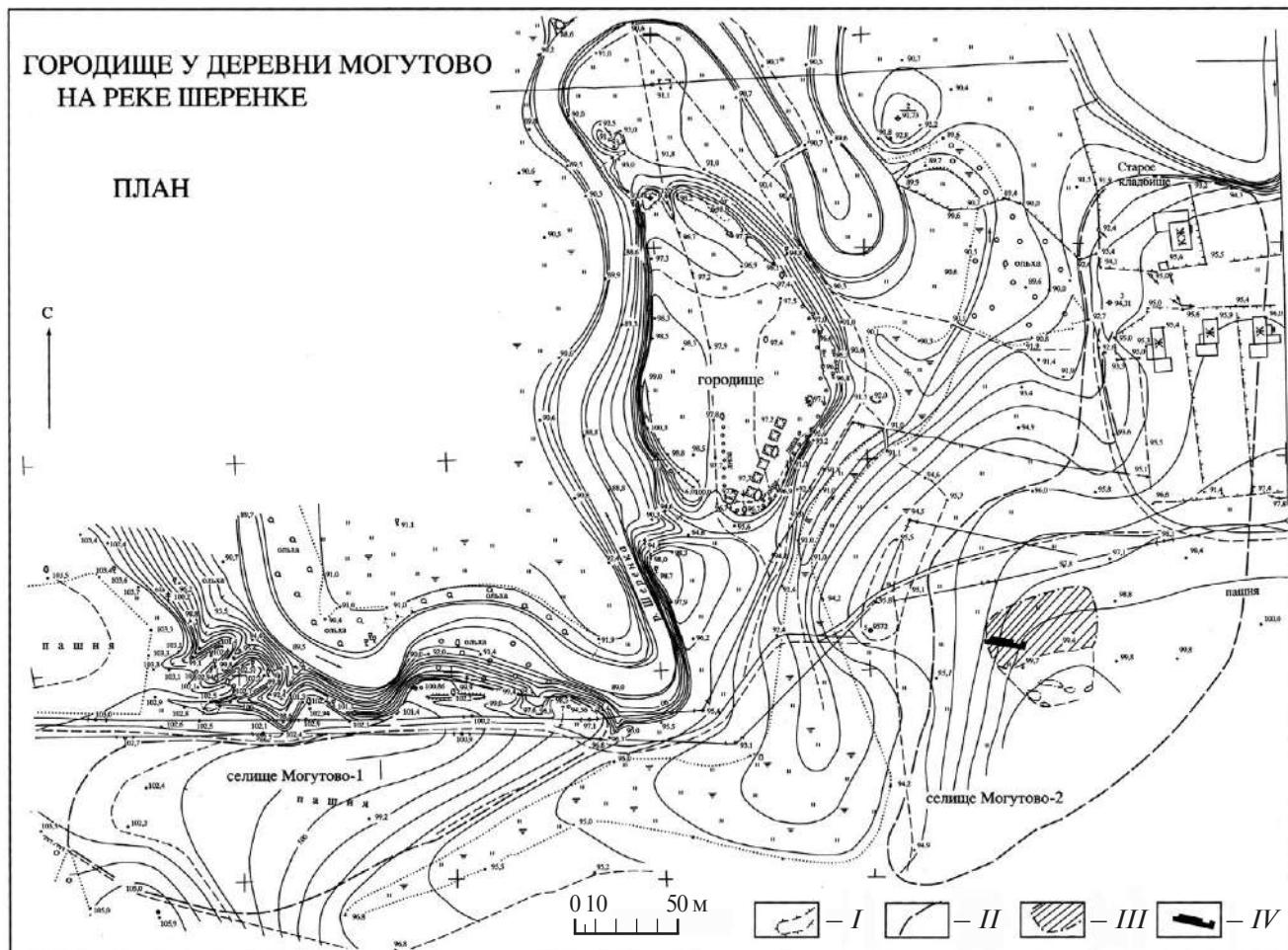

Рис. 5. Могутовский археологический комплекс. План. Снят в апреле 1990 г. А. В. Шаровым и И. В. Абрамцевой.
I – валы городища; II – граница распространения культурного слоя селищ Могутово-1 и Могутово-2 (посад Шерны);
III – граница скопления лунок, зафиксированная 6.10.2001 г. с помощью рулетки –
место находки сфрагистического комплекса; IV – раскоп №1

Рис. 6. Селище Могутово-2 (освещенный солнцем участок поля перед деревней), на котором в 2001 г.
были найдены печати и пломбы. Вид с юго-запада. 6.10.2001 г.

Печати протопроедра Евстафия

Печать №1. Печать протопроедра Евстафия (рис. 7: 1). Диаметр 19,8–19 мм. Печать сильно по-терта. На лицевой стороне надпись в 5 строк, сильно стертая (лучше сохранились 3-я и 4-я строки). В 3-й строке примерно 7 букв. Последние буквы читаются как «А», «О» (или «Ө»), «І». В 4-й строке 7 букв. 3-я–5-я буквы читаются как «МЕС». На оборотной стороне изображен святой Феодор в полный рост с копьем в правой руке и с треугольным щитом в левой и надписью, от которой прослеживаются выступы двух букв близ левого плеча святого.

Аналогична №72 по своду В.Л.Янина 33-й экземпляр. На лицевой стороне – греческая надпись

«Протопреодрој Еустафиој με σκεπε», переводимая как «Воззри на меня, протопреодра Евстафия». На обратной стороне изображен святой Феодор в полный рост с копьем в правой руке и с треугольным щитом в левой и надписью, от которой прослеживаются выступы двух букв близ левого плеча святого.

Из 32 известных печатей этого типа большинство найдено в Новгороде. Обнаружены они также в Пскове, Старой Ладоге, Киеве, Белгородке под Киевом (летописный Белгород), с. Витачове (летописный Святополч), г. Волковыске (Гродненской области). В период с 1997 по 2007 г., если не считать могутовских находок, по одной печати было найдено в Ладоге

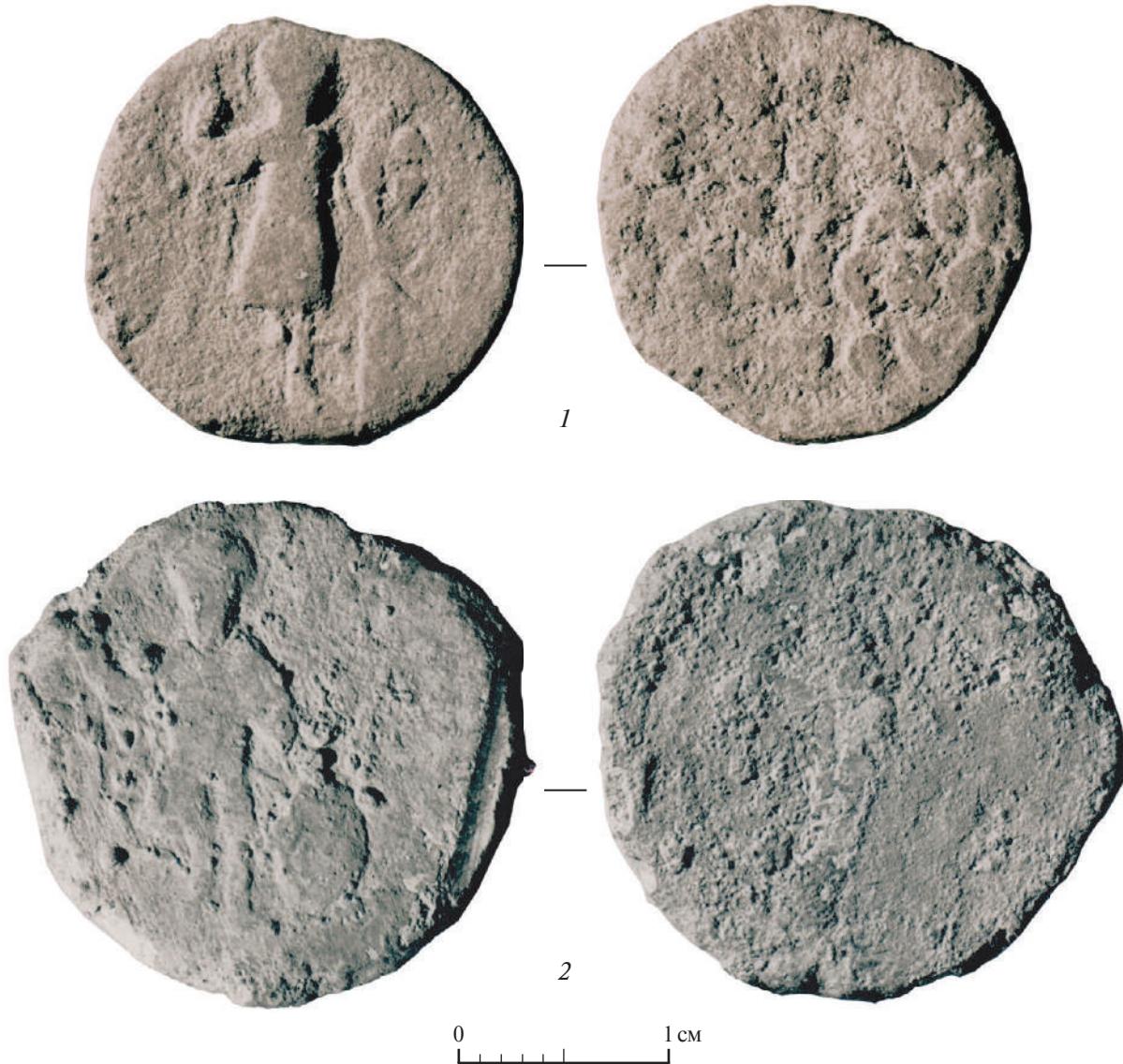

Рис. 7. Вислая свинцовая печать протопреодра Евстафия, № 72 по своду В.Л. Янина (№ 1),
и печать князя Мстислава Владимировича (1088–1094, 1095 – 17.03.1117), № 117 по своду В.Л. Янина (№ 2).
Найдены в 2001 г. на селище Могутово-2. Фото П. Г. Гайдукова

Рис. 8. Вислая свинцовая печать протопроедра Евстафия, № 72 по своду В. Л. Янина (№ 18), найденная на селище Могутово-2 в ходе археологических раскопок. Фото С. З. Чернова

Рис. 9. Вислые свинцовые печати №№ 19 и 20 протопроедра Евстафия, № 72 по своду В. Л. Янина, найденные в 2004 г. на селище Могутово-2. Фото П. Г. Гайдукова

и Пскове и три – в Белоозере. В Южной Руси они были зафиксированы на киевском Подоле и в селах Киевской области: с. Белгородка и с. Витачов (летописный Святополч).

В. Л. Янин относит печать к первым годам правления в Новгороде старшего сына Владимира Мономаха князя Мстислава Владимировича, возведенного на новгородский стол в 1088 г. двенадцати лет. Исследователь связывает появление этой печати с заключением условий между Новгородом и киевским князем Всеволодом Ярославичем, определившим участие первых новгородских посадников (Завида и других) в государственном управлении².

Недавно было высказано предположение, что надпись на печатях следует переводить: «воззри на мя, благопоставленного protoproedra» (на это указывает двоеточие: «Ευ:σταφιοη»)³. В таком случае, учитывая близость иконографии святого Феодора с печатями Мстислава Великого, печать следует связывать непосредственно с правлением этого князя.

Печать № 18. Печать protoproedra Евстафия (рис. 8: 18). Диаметр 21 мм. Найдена в 2006 г. в раскопе 4 (Центральный западный), в заполнении столбовой ямы 45 (кв. 100, -96 см), номер находки 987.

Печать оттиснута с несработанных матриц. Благодаря этому изображения и буквы хорошо пропечатаны. Кроме того, она дошла до нас в превосходной сохранности (нет следов потертости).

На лицевой стороне хорошо читаемая надпись в 4 строки. В 1 строке читается «ΠΡΟΕΩΤΟ», во 2-й строке – «[Π]ΡΟΕΔΡΟΝ». В 3-й строке – «[ΕΥ]СΤΑΘΙ». В 4-й строке – «[ΟΝ]ΜΕΣΚΟ». На оборотной стороне изображен святой Феодор в полный рост с копьем в правой руке, с треугольным щитом в левой и надписью близ левого плеча святого: «ΔΟΡΟС».

Аналогична № 72 по своду В. Л. Янина. 41-й экземпляр. На лицевой стороне – греческая надпись «Протопреоδροι Ευσταφιοη με σκεπε», переводимая как «Воззри на меня, protoproedra Евстафия». На оборотной стороне изображен святой Феодор в полный рост с копьем в правой руке и с треугольным щитом в левой и надписью «Οαγιος Θεοδορος».

Печать № 19. Печать protoproedra Евстафия (рис. 9: 19). Диаметр 23–25 мм. Найдена С. Б. Савчуком в 2004 г. на селище Могутово-2 и зарегистрирована 8.04.2004 г.

Печать оттиснута с качественных матриц. Благодаря этому изображения и буквы читаются довольно уверенно. Печать надколота вдоль линии от-

² Янин В. Л. Актовые печати... С. 66, 67; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати. С. 39.

³ Толочки А. П., Толочки П. П. Печати protoproedra Евстафия // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.: Институт российской истории РАН, 2019. С. 439.

верстия для шнура. В результате в верхней ее части утрачен сектор треугольной формы.

На лицевой стороне печати надпись в 5 строк. Во 2 строке читается: «ΡΟΕ[ ]Ν». В 3-й строке: «Β[ ]C[ ]», в 4-й строке: «[ ]JECKE».

На оборотной стороне изображен святой Феодор в полный рост с копьем в правой руке и с треугольным щитом в левой и надписью близ левого плеча святого: «ΟΔΟΡΟС». Изображение головы святого частично утрачено.

Аналогична № 72 по своду В. Л. Янина, который был описан выше. 34-й экземпляр.

Печать № 20. Печать protoproedra Евстафия (рис. 9: 20). Диаметр 19–21,5 мм. Найдена С. Б. Савчуком в 2004 г. на селище Могутово-2 и зарегистрирована 27.07.2004 г. Сведения о печати опубликованы в сводке 2004 г.⁴

Печать сохранилась удовлетворительно, утрат нет. Она оттиснута с нескольких сработанных матриц, что, впрочем, не мешает прочтению букв.

На лицевой стороне печати надпись в 5 строк
«ΠΡΟΤΟΡΟ[Ο]
ΠΡΟΕΔΡΟ[Ν]
ΕΥ:ΣΤΑΘΙ[]
ΟΝ ΜΕΣΚ[Ε]
ΠΕ»

На оборотной стороне изображен святой Феодор в полный рост с копьем в правой руке и с треугольным щитом в левой и надписью близ левого плеча святого: «ΟΔΟΡΟ[ΟС]». Изображение головы святого частично утрачено.

Аналогична № 72 по своду В. Л. Янина, который был описан выше. 35-й экземпляр.

Печати князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича

Печать № 2. Печать князя Мстислава Владимировича (рис. 7: 2). Диаметр 24,2–24 мм. На лицевой стороне изображение не сохранилось. На оборотной стороне изображен святой Феодор в полный рост с копьем в правой руке и со щитом – в левой. Щит массивный, эллипсовидной формы. Следов стертости нет. Напротив, на поверхности выступают небольшие (1–1,5 мм) пупырышки свинца, которые трудно объяснить иначе как дефектами на поверхности матрицы.

Аналогична № 117 по своду В. Л. Янина. 2-й экземпляр. Первый экземпляр этой печати найден до 1906 г. в Новгороде. На лицевой стороне новгородской печати имеется надпись

⁴ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2004 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 19. Великий Новгород, 2005.

«Господи помози рабу своему Феодору ам(инь)». На оборотной стороне изображен святой Феодор в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Круглый щит показан сбоку, в связи с чем изображение приобрело эллипсовидные очертания. Точками передана орнаментация щита, разделенная линиями на три части. Следует заметить, что, хотя изображение на могутовской печати сильно стерто, все его контуры соответствуют контурам новгородского экземпляра этой матрицы. На щите могутовской буллы виден умбон, который выступает, так как щит показан сбоку. На новгородском экземпляре по сторонам изображения святого имеется надпись «Оагиос Феодорос»⁵.

В. Л. Янин связывает эту матрицу, а также матрицы №№ 117, 118, 119, 120 и 121 с изображением святого Феодора и благожелательной надписью на лицевой стороне, с князем Мстиславом-Феодором Владимировичем, княжившим в 1088–1094 гг. и в 1096–1117 гг. в Новгороде, в 1117–1125 гг. – в Белгороде и Смоленске, и в 1125–1132 гг. – в Киеве. Преобладание среди находок печатей Феодора новгородских экземпляров позволило исследователю отнести большинство их к новгородскому периоду княжения Мстислава Великого⁶. В последние десятилетия экземпляр печати № 118 был найден в Смоленске, а экземпляр печати № 121 – в Витебске⁷.

Обнаружение в Могутове печати, атрибутируемой князю Мстиславу Владимировичу, и четырех печатей «Протопреодра Евстафия» является дополнительным аргументом в пользу отнесения последних ко времени правления князя Мстислава Владимировича.

Печать №3. Печать князя Всеволода Мстиславича (рис. 10: 3). Диаметр 25,7–22,4 мм. Изображение достаточно отчетливое. На лицевой стороне изображено Благовещение с «испуганной Марией». Справа – Мария, сидящая на скамье с пряжей в правой руке. Слева – архангел с жезлом в руке. На оборотной стороне изображена фигура святого воина в рост с копьем в правой и щитом в левой руке. Изображение окружено ободком, причем слева от фигуры святого больше свободного пространства, чем справа.

Аналогична № 133 по своду В. Л. Янина. 16-й экземпляр. На печатях, оттиснутых с этих матриц, слева от святого воина фиксируется надпись «Феодо»(р), а справа – «А(гиос)». 7 экземпляров, оттиснутых с этих матриц, найдены в Новгороде.

⁵ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. М., 1970. Описание: с. 190; изображение: табл. 11 на с. 259.

⁶ Там же. С. 70, 71.

⁷ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати... С. 41. Описание: с. 126; изображение: табл. 6 на с. 264; фотография: табл. 65 на с. 323.

де, один – в Старой Ладоге, один – в Белоозере, для двух местонахождение неизвестно⁸. Атрибутируется князю Всеволоду-Гавриилу Мстиславичу-Федоровичу, который княжал в Новгороде с 17 марта 1117 по 28 мая 1136 г. с небольшим перерывом в 1125 г.⁹

Печать №12. Печать князя Всеволода Мстиславича (рис. 10: 12). Диаметр 23,7 мм. Плохо читаемая печать. Отломан сегмент, составляющий не менее четверти площади (его хорда 17 мм). Имеются симметричные друг другу утраты и в районе крепления шнура, причем между ними наметились трещины. Поверхность печати практически полностью разрушена. На лицевой стороне слева угадывается изображение архангела, данное в профиль. Оно напоминает изображение архангела в сцене Благовещения. П. Г. Гайдуковым отнесена к № 137 по своду В. Л. Янина – 21-й экземпляр. На оборотной стороне читается сильно стертое изображение святого в полный рост, практически идентичное (по своему контуру) печати № 2.

Печать №13. Печать князя Всеволода Мстиславича (рис. 10: 13). В моей публикации 2003 г. под номером 13 был показан нечитаемый обломок, однако, как показало его более внимательное изучение, этот предмет из свинца не является печатью¹⁰. В связи с этим под номером 13 помещаем печать, которая на момент публикации 2003 г. находилась на реставрации¹¹. После завершения реставрации она была введена в научный оборот и отнесена к типу печатей князя Всеволода Мстиславича 133-20¹².

Диаметр 23–24 мм. Плохо читаемая печать. На лицевой стороне еле угадывается сцена Благовещения. На оборотной стороне достаточно отчетливо видны контуры фигуры святого Феодора, опирающегося левой рукой на щит.

⁸ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. М., 1970. Описание: с. 193; изображение: табл. 13 на с. 261; фотографии – табл. 46 на с. 294; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати... Описание: с. 129; изображение: табл. 7 на с. 265; фотография: табл. 68 на с. 326; Макаров Н. А., Захаров С. Д. Новые сфрагистические материалы из Белоозера // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). М., 1997. Описание печати 3 на с. 229, 232; рисунок 2 на с. 231, 3; фотография – рис. 1: третья сверху.

⁹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. М., 1970. С. 108, 109.

¹⁰ Имеются сведения об обнаружении печатей 14 и 15, которые были выброшены находчиками. Они исключены из перечня могутовских печатей.

¹¹ Реставрация выполнена в НИИ реставрации В. А. Понсовым.

¹² Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 18. Великий Новгород, 2004. С. 137–160.

Рис. 10. Вислые свинцовые печати №№ 3, 12, 13 князя Всеvoloda Mstislavicha (17.03.1117 – 28.05.1136), №№ 133 и 137 (печать № 12) по своду В. Л. Янина, найденные в 2001 г. на селище Могутово-2. Фото П. Г. Гайдукова

Печать №4. Печать князя Всеволода Мстиславича (рис. 11: 4). Диаметр 21,3–18,4 мм. На лицевой стороне изображение Благовещения с «испуганной Марией». Справа – Мария, сидящая на скамье с пряжей в правой руке. Слева – архангел Гавриил с жезлом в руке (левая часть изображения утрачена, так как сегмент печати отколот). На оборотной стороне изображена фигура святого воина в рост с копьем в правой и щитом в левой руке. Изображение окружено ободком, причем справа от фигуры святого больше свободного пространства, чем слева.

Изображение потерто незначительно. Нечеткость контуров и слабую проработанность деталей, особенно характерную для изображения Благовещения, можно объяснить стертостью матриц. На оборотной стороне читаются шарики, которыми показаны волосы святого, в остальном изображение также демонстрирует стертость матрицы. Кроме того, имеются прямые утраты верхнего слоя свинца на груди и вдавление в районе левого плеча. Сегмент печати (хорда его имеет в длину 19 мм) обломан.

Аналогична №134 по своду В.Л. Янина. 25-й экземпляр. Печать этого типа несет те же изображения, что и №133. Отличается лишь расположение надписи. Слева от святого воина фиксируется надпись «A(g)io(c)», а справа – «Феодор». 19 экземпляров найдено в Новгороде, местонахождение одного неизвестно. В последние годы печать, оттиснутая с матриц №134, найдена на поселении, идентифицируемом с Передольским погостом Шелонской пятини Новгородской земли¹³. Атрибутируется князю Всеволоду-Гавриилу Мстиславичу-Федоровичу¹⁴. Замечу, что на могутовской печати №4, как и на предыдущей, следов надписи по сторонам фигуры Феодора нет, причем надпись не могла быть стертой (степень стертости изображения, как уже говорилось, невелика) или утраченной в ходе разрушения поверхностного слоя свинца.

Печать №5. Печать князя Всеволода Мстиславича (рис. 11: 5). Диаметр 25,2–24 мм. Печать близка предыдущей. Изображение Благовещения в районе правой руки Богоматери несет след свежего механического повреждения (полуокружности диаметром 5 мм и полоса справа), но в целом сохранилось неплохо.

Представляет собой 26-й экземпляр описанной выше печати №134 по своду В.Л. Янина. Печать была сильно потерта (левая сторона архангела сливаются с фоном), а затем поверхностный слой подвергся воз-

¹³ Алексашин С.С., Белецкий С.В. Сфрагистические памятники Передольского погоста // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 205–206, рис. 2: 3.

¹⁴ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. М., 1970. Описание: с. 193; изображение: табл. 13 на с. 261; фотографии – табл. 46 на с. 294; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати... Описание: с. 129; изображение: табл. 7 на с. 265; фотография: табл. 68 на с. 326, табл. 69 на с. 327.

действию протекающих в земле химических процессов. Тем не менее следы детализации одежды Богоматери сохранились. Оборотная сторона с изображением святого Феодора понесла серьезные утраты в ходе пребывания в земле. Прослеживаются многочисленные мелкие повреждения (0,3–2 мм). В результате этого, а также не очень большой четкости исходного оттиска, видна лишь верхняя часть фигуры святого Феодора. Тем не менее ясно видно, что ободок печати накладывается на верхнюю часть нимба святого. Подобная деталь характерна для печати 134–15 из Новгорода¹⁵.

Печать №6. Печать князя Всеволода Мстиславича (рис 11: 6). Диаметр 24–16,6 мм. Нижняя часть печати обломана, на верхней – след от крепления шнура. Эту печать отличает превосходное качество матриц, с которых она оттиснута, и хорошая сохранность самой печати. На лицевой стороне – изображение сцены Благовещения. Нижняя часть изображения (подол одежд и ноги фигур) утрачена. Справа – Мария, сидящая на скамье. Характерный поворот туловища и головы позволяют узнать в этом изображении иконографический тип Благовещения с «испуганной Марией». Выше изображения сохранился ободок из точек. Слева – архангел с жезлом в руке. Хорошо просматривается выполненный точками крест на верхнем конце жезла. Читается также рука архангела Гавриила, обращенная к Марии, складки одежд. На оборотной стороне показана фигура святого воина в рост с копьем в правой и щитом в левой руке. Детали (латы на плечах, наручи) четко различимы. Изображение окружено ободком (сохранилась его верхняя часть, выполненная выступающими точками). Справа от фигуры святого больше свободного пространства, чем слева. Справа от фигуры читается «Феод» (далее утрачено). Сохранилось изображение верхней части щита, также выполненное точками.

Представляет собой 27-й экземпляр печати №134 по своду В.Л. Янина, которая атрибутируется князю Всеволоду-Гавриилу Мстиславичу-Федоровичу. Наиболее точная аналогия могутовской печати – печать 134–13, найденная около 1979 г. на Новгородском городище В.Н. Сухановым (Новгородский музей, №33656)¹⁶. Она также оттиснута с качественных матриц. Совпадает множество деталей: проработка одежды святого Феодора, точечное изображение его щита, положение надписи «Фео» на поле, жезл и рука Гавриила.

Существенная корректива периода использования описанных выше типов печати Всеволода Мстиславича была внесена В.Л. Яниным после обнаружения в 1999 г. печати князя Ивора Всеволодовича,

¹⁵ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати... Фотография: табл. 69 на с. 327.

¹⁶ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати... Фотография: табл. 68 на с. 326, 134–13.

Рис. 11. Вислые свинцовые печати князя Всеволода Мстиславича (17.03.1117 – 28.05.1136) № 4, 5, 6, аналогичные № 134 по своду В. Л. Янина, найденные в 2001 г. на селище Могутово-2. Фото П. Г. Гайдукова

которую исследователь связал с кратким правлением в Новгороде сына Всеволода Мстиславича Ивана в 1126 г.¹⁷ Дело в том, что печать эта несет на лицевой стороне надпись, а на обратной – изображение сцены Благовещения, то есть принадлежит к архаичной традиции оформления печатей. Следовательно, буллы Всеволода Мстиславича с изображениями Благовещения и святого Феодора, выполненные в соответствии с новой формой оформления печати, могут относиться к периоду после 1126 г.¹⁸

Печать № 15. Печать князя Всеволода Мстиславича (рис. 12: 15). Диаметр 25 мм. Найдена в мае 2002 г. Эта крупная по размерами печать оттиснута с матриц, которые еще не были сработаны, а сама печать дошла до нашего времени в превосходной сохранности. Относится к № 136 по своду В. Л. Янина и является 9-м экземпляром. На лицевой стороне печати изображена сцена Благовещения. Особенностью данного типа является то, что архангел держит жезл вертикально, а между жезлом и фигурой Богоматери имеется колончатая надпись «[Г]авр[ил]». На обратной стороне печати изображен святой Феодор с копьем в правой руке и щитом, на который он опирается, – в левой. Проработаны детали одежды святого. Справа от него колончатая надпись, из которой читается только средняя часть: «[Фео]доро[с]». 7-й экземпляр этого типа печати найден на Новгородском

¹⁷ Янин В. Л. У истоков Новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 24–26.

¹⁸ Благодарю В. Л. Янина, указавшего мне на это заключение, которое тогда еще не нашло отражение в печати.

городище в 1979 г., а восьмой, который наилучшим образом сохранил надписи, – между Юрьевым монастырем и дамбой железной дороги¹⁹.

Печать № 17. Печать князя Всеволода Мстиславича (рис. 13: 17). Диаметр 19 мм. В завершение перечня печатей Всеволода Мстиславича публикую буллу, найденную в ходе раскопок. Обнаружена она в 2005 г. в раскопе 3 (Южном) в заполнении ямы 11 усадьбы Б и имеет № 731 по списку индивидуальных находок. Опубликована в своде вислых печатей 2005 г.²⁰ и статье о раскопках усадьбы Б²¹.

Факт обнаружения данной печати в постройке усадьбы Б дает определенные основания связывать с этой усадьбой и другие печати, атрибутируемые этому князю.

Печать отличается хорошей сохранностью. Оттиск выполнен со свежих матриц и не был затерт в ходе бытования печати. Канал для шнурка пришелся на край печати, в результате чего изображения не деформировались.

¹⁹ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати... Описание: с. 43, 130; изображение: табл. 7 на с. 265; фотография: табл. 70 на с. 328.

²⁰ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2005 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 20. Великий Новгород, 2006. С. 77–97.

²¹ Чернов С. З. Сферагистический комплекс 1088–1160-х гг. усадьбы В на посаде Шерны и проблемы предыстории Московской земли // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале, 2008 г. Т. II. М., 2008. С. 407–410; рис. 1 на с. 409: 18.

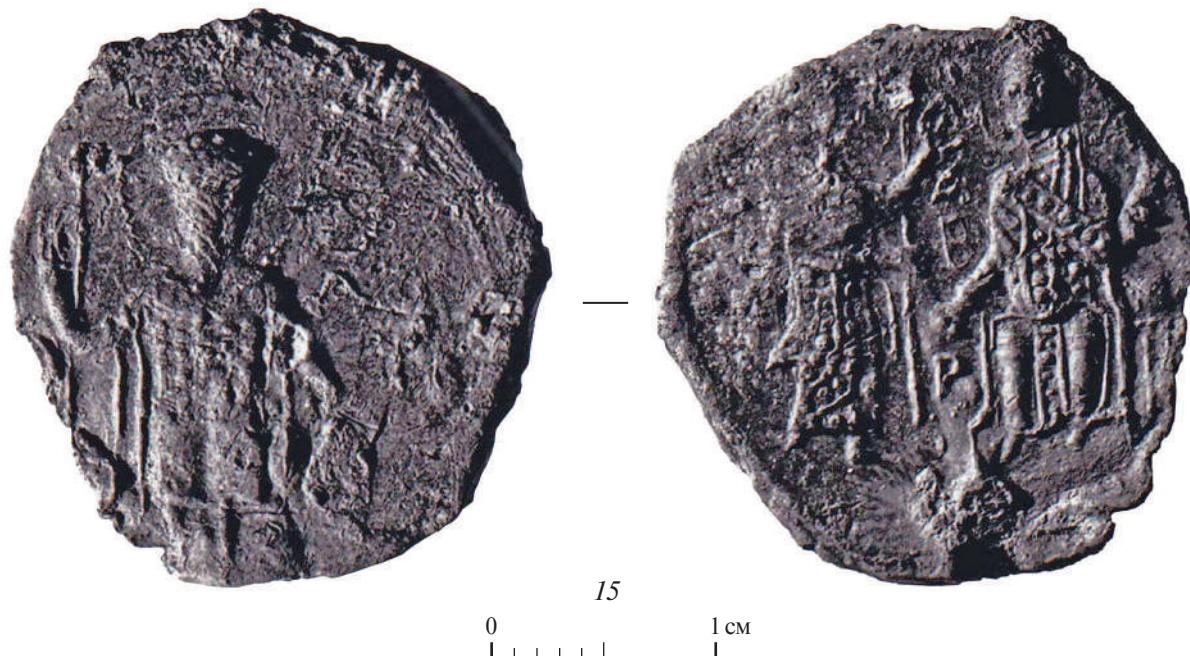

Рис. 12. Вислая свинцовая печать № 15 князя Всеволода Мстиславича (17.03.1117 – 28.05.1136) аналогична № 136 по своду В. Л. Янина, найденная в 2002 г. на селище Могутово-2. Фото П. Г. Гайдукова

Рис. 13. Вислая свинцовая печать № 17 князя Всеиволода Мстиславича (17.03.1117 – 28.05.1136), аналогичная № 137 по своду В. Л. Янина, найденная на селище Могутово-2 в ходе археологических раскопок.
Фото С. З. Чернова

Следует отметить, что хорошая сохранность свойственна обеим печатям, найденным в ямах от древних построек. Возможно, худшее состояние других печатей обусловлено их длительным нахождением в перепахиваемом верхнем слое.

Печать аналогична № 137 по своду В. Л. Янина и является ее 31-м экземпляром. На лицевой стороне изображена сцена «Благовещение у кладезя», что характерно для этого типа. Фигуры архангела Гавриила и Богородицы показаны в полный рост. Правая часть фигуры Богоматери утрачена в ходе имевшего место в древности отделения печати от шнура (?). Между Гавриилом и Богоматерью, в нижней части изображения – колодец. Наверху ясно читается «[р]адоуіса». На оборотной стороне изображен святой Феодор в полный рост с копьем в правой руке и со щитом – в левой. Слева от Феодора надпись «оагиос» не читается, так как это место занято каналом для нити. Справа от святого читается колончатая надпись: «Θ[εω]дор[ос]».

Из шести печатей, найденных в 1970–1996 гг., большая часть обнаружены на Новгородском городище, одна в Новгороде и одна в древнем Белоозере²².

²² Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати... Описание: с. 130; изображение: табл. 7 на с. 265, 137; фотография: табл. 70–71 на с. 328–329.

Другие княжеские печати

Печать 25. Печать князя Святослава Ольговича (рис. 14: 25). Диаметр 23,8–23,3 мм. Печати посвящена специальная публикация²³.

Печать была найдена Валерием (г. Мытищи) на селище Могутово-1 25.04.2013 г., а 11.05.2013 г. место находки было зафиксировано Московской областной средневековой археологической экспедицией инструментально. Печать обнаружена у южной границы селища Могутово-1 (западная часть посада), близ поймы ручья, в 330 м к западу от места обнаружения печатей № 1–15, 19–24 и раскопа 2002–2007 гг.

Изображение отчетливое, выполнено с качественной матрицы. Лишь на реверсе изображение архангела повреждено в древности в результате вдавления тонкого и длинного предмета. Печать практически не подверглась коррозии. На лицевой стороне изображен святитель по пояс в епископском облачении (саккосе), на котором четко видны круглые дробницы. Слева от изображения хорошо читаются буквы «НИ» и неуверенно – «К», справа уверенно читается «ОЛА». В сочетании с изображением это позволяет читать надпись как «Никола».

²³ Чернов С. З. Печать Святослава Ольговича из Могутова (городок Шерна) 2013 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 116–121.

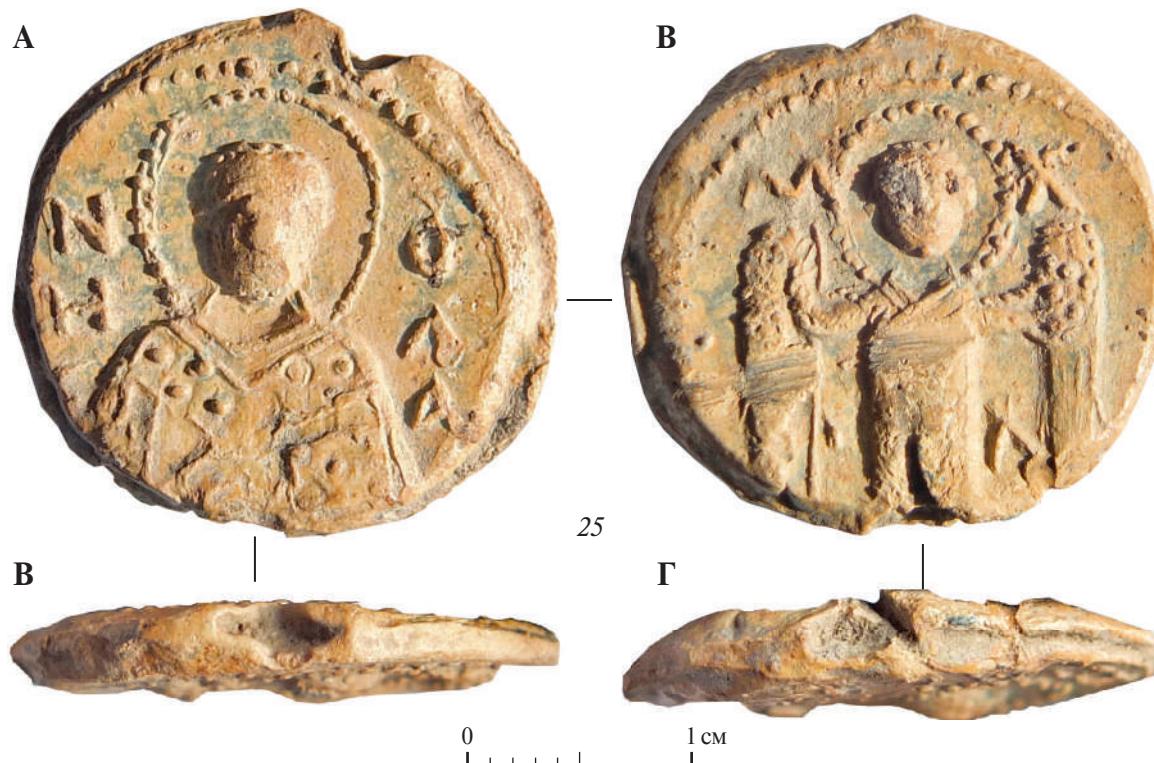

Рис. 14. Вислая свинцовая печать № 25 князя Святослава Ольговича (19.07.1136 – 17.04.1138, 25.12.1139 – февраль 1141) аналогичная № 141 по своду В. Л. Янина, найденная на селище Могутово-1 в 2013 г. Фото С. З. Чернова

0 1 см

Рис. 15. Вислая свинцовая печать № 16 князя Ростислава Мстиславича
(17.04.1154 – конец 1154, март 1157 – весна 1158) аналогичная №№ 152–155 по своду В. Л. Янина,
найденная в ходе раскопок на селище Могутово-2. Фото С. З. Чернова

На оборотной стороне изображен архангел в полный рост. Руки разведены в стороны, крылья изображены отдельно от тела двумя вертикальными «столбами». В правой руке архангел держит вертикально стоящее копье. Слева от изображения читаются буквы «М» (вверху) и «I» (внизу), справа от изображения — «Х» (вверху) и «Л» (внизу), то есть «Мих(ай)л».

Печать аналогична № 141 по своду В. Л. Янина. 3-й экземпляр, оттиснутый этой парой матриц. Одна из печатей № 141 найдена на Новгородском городище. Известны еще печати других пар матриц (№ 140, 140а) с аналогичными изображениями. На лицевой стороне — святой Николай по пояс (слева «НИК», справа «ОЛА»), на обороте — архангел Михаил в полный рост (слева — «М», справа «Х»)²⁴. Печатей № 140 зарегистрировано 6 экземпляров. Все они происходят из Новгорода. У единственного экземпляра печати № 140а местонахождение не установлено. Таким образом, печать из Могутова является десятым экземпляром печатей № 140, 140а, 141. Печати этого типа атрибутируются князю Святославу-Николаю Ольговичу-Михайловичу, который являлся новгородским князем в 19.07.1136—17.04.1138 гг. и 25.12.1139 — февраль 1141 гг.²⁵ Всего же печатей этого князя (с учетом № 141а и 142 по своду В. Л. Янина) в Новгороде найдено 9.

Печать № 16. Печать Ростислава Мстиславича Смоленского и Новгородского (рис. 15: 16). Диаметр 18 мм.

Печать найдена в пахотном слое в 2003 г. и была привязана к сетке квадратов (кв. 53) раскопа 3 (Южного), исследованного в 2003—2004 гг. № 630 по списку индивидуальных находок. Опубликована в статье, посвященной усадьбе Б²⁶.

На лицевой стороне изображен архангел в полный рост с жезлом в правой руке и сферой в левой. На оборотной стороне изображен святой в полный рост с копьем в правой руке.

Печать в древности была надломлена и согнута вдоль тонкого отверстия для шнура. В результате лицевая сторона печати практически не стерлась. Этого нельзя сказать об оборотной стороне, на которой читается лишь контур изображения.

В связи с нечеткостью изображений точная атрибуция печати затруднена. Можно отметить лишь, что она напоминает печати №№ 152—155 по своду

²⁴ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1. М., 1970. С. 194, 195; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1998. С. 131.

²⁵ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1998. С. 43.

²⁶ Чернов С. З. Сфрагистический комплекс 1088—1160-х гг. усадьбы В на посаде Шерны и проблемы предыстории Московской земли // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. 2008 г. Т. II. М., 2008. С. 407—410; с. 409, рис. 1: 17.

В. Л. Янина, атрибутируемые Ростиславу Мстиславичу Смоленскому, который княжал в Новгороде с 7.04.1154 по конец 1154 г. и с марта 1157 по весну 1158 г. Из печатей этих типов, найденных в 1970—1998 гг., 10 обнаружены на Новгородском городище, одна — в Новгороде, одна — в Вышгороде под Киевом и одна — на селище Иловец в пределах Новгородской земли (Удомельский район Тверской области)²⁷.

Печать № 11. Печать князя Михалки Юрьевича (рис. 16: 11). Диаметр 19,7 мм. У печати надколот сегмент (левая верхняя часть изображения на лицевой стороне). На оборотной стороне изображен святой Георгий в полный рост. Изображение читается удовлетворительно. Просматривается кольчуга на груди святого, вертикально стоящее копье в его правой руке, боком поставленный щит, показанный точками. Справа от изображения вертикальная надпись «Г[е]ю». Вторая буква читается неуверенно. Литера «Г» написана зеркально.

На лицевой стороне показана фигура архангела в полный рост. Верхняя левая часть кружка печати испорчена коррозией и совершенно не читается. По этой причине изображение головы утрачено. Слева и справа от фигуры изображены крылья.

П. Г. Гайдуков атрибутирует печать сыну Юрия Долгорукого Михалку Юрьевичу (№ 231aa по своду В. Л. Янина, 2-й экземпляр), который занял Владимирский престол в 1175 г. и умер в июне 1176 г.

Первая печать данного типа была найдена в начале 1990-х гг. на Городище под Новгородом²⁸, а третья — значительно лучше читаемая — в 2012 г. на селище Мордыши-1 на реке Нерль близ Суздаля (рис. 16)²⁹. Совпадение в изображении святого Георгия между могутовской и сузальской печатями так велико, что исследователь полагает, что они были оттиснуты с одной матрицы. На лицевой стороне сузальской печати изображен архангел с двумя крылами и подписью «МИХАЛ». В левой руке он держит сферу-зерцало (символ предвидения), ниже которой показана ниспадающая пола накидки. Крыло, сфера (?) и пола накидки читаются на могутовской печати.

Печать № 10. Печать князя Святослава Ростиславича (?) (рис. 17: 10). Диаметр 23,4—15,8 мм.

²⁷ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати... Описание: С. 132—133; изображение: табл. 8 на с. 266; фотография: табл. 75—78 на с. 333—336. Гайдуков П. Г., Малыгин П. Д. Новые сферагистические находки в Верхневолжье // История и культура древнерусского города. М.: МГУ, 1989. С. 251—252.

²⁸ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998—1999 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14. Великий Новгород, 2000. С. 295, 296, 311, № 231aa. Табл. III: 23.

²⁹ Макаров Н. А., Гайдуков П. Г. Печать князя Михалки Юрьевича из Сузальского Ополья // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 231. М., 2013. С. 224—231. Изображение на с. 226.

Рис. 16. Вислая свинцовая печать № 11 князя Михалки Юрьевича, аналогичная № 231а по своду В.Л. Янина, и ее аналог — печать, найденная на селище Мордыши-2 в Сузdalском Ополье. Внизу — печать № 7 с тамгой и изображением святого Георгия. Фото П.Г. Гайдукова

Печать с изображением на лицевой стороне святого в полный рост и архангела – на оборотной. Печать отличается плохой сохранностью. Сверху и снизу в районе крепления со шнуром отломлены фрагменты размерами 5,5–6 мм, в результате чего оказалась утрачена голова архангела. Голова святого разрушена либо в ходе постепенной утраты поверхностного слоя, связанной с нахождением печати в земле, либо (что более вероятно) не пропечаталась, оказавшись около края свинцовой заготовки.

Учитывая плохую сохранность печати, можно лишь отметить, что имеющиеся на ней следы изображений напоминают печати с Иоанном Предтечей и архангелом Михаилом булл №№ 160–162 по своду

В.Л. Янина³⁰. За смутно читаемыми контурами могутовской печати угадываются совершенно конкретные (и свойственные именно этой группе типов) детали изображения. Сравним нашу буллу с превосходно сохранившейся печатью 160-36 (рис. 17: *нижнее изображение*). Треугольная пола одежды Иоанна ясно фиксируется на 160-36. Ориентированный вертикально подпрямоугольный выступающий контур (справа от фигуры Иоанна) прочитывается как хартия. На обороте совпадают широко расставленные

³⁰ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати... Описание: с. 44; изображение: табл. 8 на с. 266; фотография: табл. 79–82 на с. 337–340.

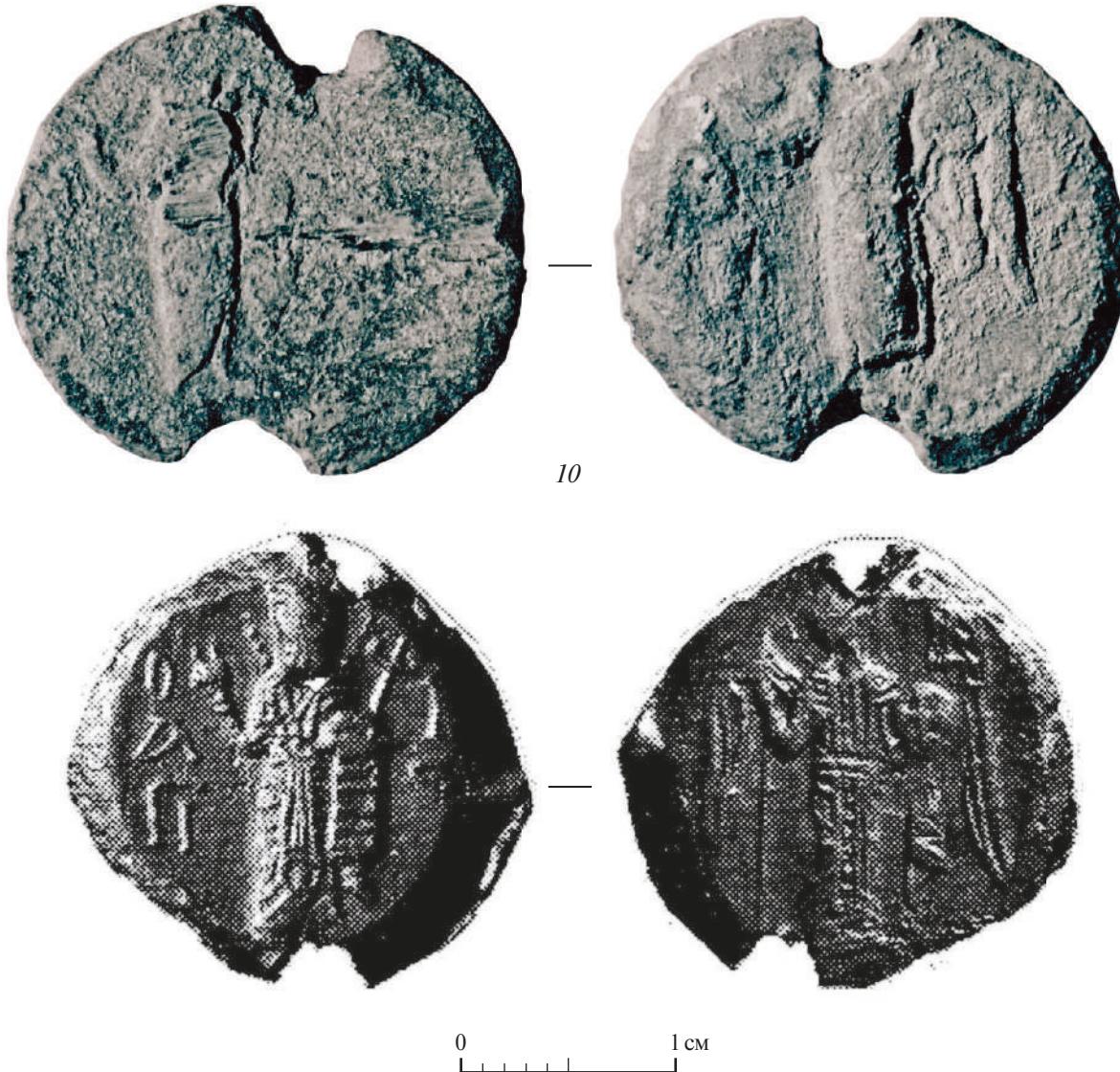

Рис. 17. Вислая свинцовая печать князя Святослава Ростиславича (март 1158 – июнь 1160, 28.09.1161 – 1.09.1167) № 10, найденная на селище Могутово-2 (вверху) (фото П. Г. Гайдукова) и ее аналог – вислая свинцовая печать № 160-36 по своду В. Л. Янина, найденная на Городище под Новгородом Н. В. Пахомовым в 1969 г. (внизу)

крылья архангела, а округлый контур у левого плеча архангела прочитывается как крест в сфере, который четко читается на 160-36.

Буллы 160–162, число которых на 1998 г. достигло 71 (все из Новгорода, кроме одной из Вышгорода под Киевом и 8 беспаспортных), атрибутируются В. Л. Яниным Святославу-Иоанну Ростиславичу-Михайловичу, который стал новгородским князем в 1158 г. (вскоре после смерти Юрия Долгорукого и восшествия на Киевский стол своего отца Ростислава Мстиславича) и княжил там (с перерывом в 1160 г.) до 1167 г.³¹ П. Г. Гайдуков атрибутирует эту печать как 160а-4.

³¹ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати... С. 44.

Печати неопределенных князей

Печать №8 (рис. 18: 8). Диаметр 23,7–22,1 мм. На лицевой стороне изображен архангел. Под правой рукой его четко читающаяся надпись из трех букв «ГАВ» (Гавриил). Матрица, с которой оттиснуто это изображение, имела достаточно четкий рисунок (видны некоторые детали одежды), хотя к моменту оттиска уже давно использовалась. Сама же булла, хоть и потерта, но сохранилась хорошо, поэтому изображение читается уверенно. Оттиск был сделан непоцентру свинцовогокружка, поэтому правое крыло архангела не пропечаталось. На оборотной стороне изображены два святых в полный рост, в мантиях.

Рис. 18. Вислые свинцовые печати с изображением архангела Гавриила и Космы и Дамиана №8 (№231 по своду В. Л. Янина) и печать с изображением святого Дмитрия и святой Марии №9, найденные на селище Могутово-2 в 2001 г. Фото П. Г. Гайдукова

Лица стерты, но фигуры сохраняют проработку одежд, нимбы читаются в виде ряда точек. Каждый из них держит что-то в правой руке. Слева от левой фигуры имеется надпись из пяти стоящих вертикально букв, которые читаются (за исключением 2-й) «к[о]зма». Литеры «К» и «З» написаны зеркально. Часть печати справа от правой фигуры, на которой могла быть надпись, отколота.

Представляет собой 5-й экземпляр буллы № 231 по своду В.Л. Янина. Неопределенная княжеская печать с изображением Гавриила, Косьмы и Дамиана. Совпадают все детали изображения, включая надпись «Козма» с зеркальным написанием литер «К» и «З». Все 4 печати данного типа найдены в Новгороде на Городище³².

Печать №9 (рис. 18: 9). Диаметр 17,3–15,8 мм. На лицевой стороне изображен святой воин в полный рост (святой Дмитрий или святой Феодор). На оборотной стороне представлено женское изображение с нимбом в рост. Фигура дана в небольшом развороте влево. Голова наклонена. По сторонам изображения четко читается надпись «Агия Мар[иа]»³³. Обе стороны оттиснуты с качественных матриц. Печать сохранилась хорошо. Читается проработка одежд, точечные нимбы, буквы. Испорчено лишь сильно выступавшее лицо святой Марии.

Печать такого типа найдена впервые. Наиболее близкие матрицы №№ 272 и 273, с изображением святого воина и неопределенного святого, пока не нашли атрибуции³⁴.

Печати с изображением княжеских знаков

Печать №7. Печать с изображением княжеской тамги (рис. 16: 7). Диаметр 21–21 мм. На лицевой стороне изображена княжеская тамга в виде двузубца прямоугольных очертаний с вертикальной чертой в основании. Изображение очень четкое. На обоих зубцах имеются отогнутые в разные стороны отроги, а на левом зубце еще один отрог, обращенный внутрь двузубца. На оборотной стороне изображен святой воин – видимо, святой Георгий – в полный рост с копьем в правой руке и со щитом – в левой. Оттиск выполнен с матриц хорошего качества. Благодаря этому фиксируются такие детали, как проработка кольчуги точками, точечный нимб и другие.

³² Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. М., 1970. Изображение: табл. 21 на с. 269; фотографии на с. 312; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати... Описание: с. 144; изображение: табл. 11 на с. 269; фотография: табл. 98 на с. 356.

³³ Определение печати принадлежит В.Л. Янину.

³⁴ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати... Описание на с. 148; изображение: табл. 13 на с. 271; фотографии: табл. 104 на с. 362.

Слева от фигуры Георгия надпись «ГЕО». Литеры «Г» и «Е» написаны зеркально.

Печать данного типа обнаружена впервые. Она принадлежит к группе печатей с изображением княжеских знаков, которая еще не нашла своей однозначной атрибуции³⁵. Княжеский знак принадлежит к группе двузубцев с прямоугольными очертаниями, которые атрибутируются старшим Мономашичам. На левом зубце имеется дополнительный элемент. Аналогичные двузубцы фиксируются на буллах № 285, 286, 295, причем на булле 286–2 (местонахождение неизвестно; коллекция В.Ф. Токарева из г. Сумы) на лицевой стороне, также как и на могутовской печати, представлен святой Георгий, но не в полный рост, а по пояс³⁶.

Наиболее близка к могутовской печать № 283 с изображением святого Георгия в рост и с двузубцем и дополнительным элементом на правом зубце³⁷.

А.А. Молчанов атрибутировал подобные двузубцы третьему сыну Мстислава Великого Свято-полку Мстиславичу³⁸, который княжил в Новгороде с 19 апреля 1142 г. по осень 1148 г.³⁹ С.М. Михеев предполагает, что печать с подобным знаком принадлежала Юрию Владимировичу Долгорукому⁴⁰. Однако на нынешнем уровне прочтения «знаков Рюриковичей» обе эти гипотезы не поддаются верификации.

Печать №21 (рис. 19: 21). Диаметр печати 18,5 мм. Найдена на селище Могутово-2 С.Б. Савчуком и зарегистрирована 22.10.2004 г. Находчиком указано место находки: в нескольких метрах от восточного края раскопа 1 2002 г. (Северного). Сведения о печати опубликованы в сводке 2004 г⁴¹.

На лицевой стороне печати изображен Иоанн Креститель в полный рост и следы колончатой надписи. По определению П.Г. Гайдукова, это изображение выполнено с той же матрицы, что и печать № 290⁴².

³⁵ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати... С. 55.

³⁶ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати... Описание на с. 149; изображение: табл. 14 на с. 272; фотография: табл. 105 на с. 363. Буллы 295 (два экземпляра из Городища под Новгородом) на лицевой стороне несут изображение святого Анания.

³⁷ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. М., 1970. Изображение: табл. 25 на с. 273; фотографии: табл. 67 на с. 315.

³⁸ Молчанов А.А. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVI. Л., 1985. С. 67, табл. I: 18; с. 82, табл. II.

³⁹ НПЛ. С. 212, 214.

⁴⁰ Михеев С.М. Княжеские печати с тамгами и атрибуция знаков Рюриковичей XI–XII веков // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 4. С. 22, 23.

⁴¹ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2004 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 19. Великий Новгород, 2005.

⁴² Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати... Описание: с. 149; изображение: табл. 14 на с. 272, 290; фотография: табл. 105 на с. 363, 290.

Рис. 19. Вислые свинцовые печати с изображением княжеских знаков.
Печать № 21 с изображением Иоанна Крестителя и с отрогом в виде «ласточкина хвоста».
Печать № 23 с изображением архангела и знака в виде буквы «Т» с отростком в виде багра.
Найдены на селище Могутово-2 в 2004 и 2005 гг.
Фото П. Г. Гайдукова

Рис. 20. Вислые свинцовые печати №№ 14 и 22 с плохо читаемыми изображениями святых в рост.
Найдены на селище Могутово-2 в 2001 и в 2004 гг. Фото П. Г. Гайдукова

На обороте изображена княжеская тамга с отрогом в виде «ласточкина хвоста».

Печать №23 (рис. 19: 23). Диаметр печати 17 мм. Сохранилась половина печати. Найдена на селище Могутово-2 в 2004 г. Показана И. Б. Цыпурским 1.02.2005 г.

На лицевой стороне изображен архангел в полный рост с жезлом в правой руке. На обратной стороне читается правая половина княжеской тамги в виде багра.

Аналогична №306а, 2-й экземпляр. На лицевой стороне – архангел в полный рост с жезлом в правой руке и сферой в левой руке. На обратной стороне – знак в виде буквы «Т» с отростком в виде багра⁴³.

⁴³ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. С. 221, с. 275, табл. 27: 306; с. 318, табл. 70: 303, 3.

Печати с плохо читаемыми изображениями

Печать №14 (рис. 20: 14). Диаметр 16 мм. На лицевой и оборотной сторонах изображены двое святых в полный рост. Печать оттиснута с сработанных матриц и дошла до нас со стертым изображением. Идентификация не представляется возможной. В публикации 2003 г. эта печать была отнесена к числу пломб⁴⁴.

Печать №22 (рис. 20: 22). Диаметр печати 25–27 мм. Найдена на селище Могутово-2 С. Б. Савчуком и зарегистрирована 22.10.2004 г.

⁴⁴ Чернов С. З. Сфрагистический комплекс из Могутова и его значение для изучения предыстории Московской земли в первой половине XII века. Первые опыты интерпретации. Ч. 1 // Древняя Русь. 2003. № 2 (12). С. 31, табл. 6, 2.

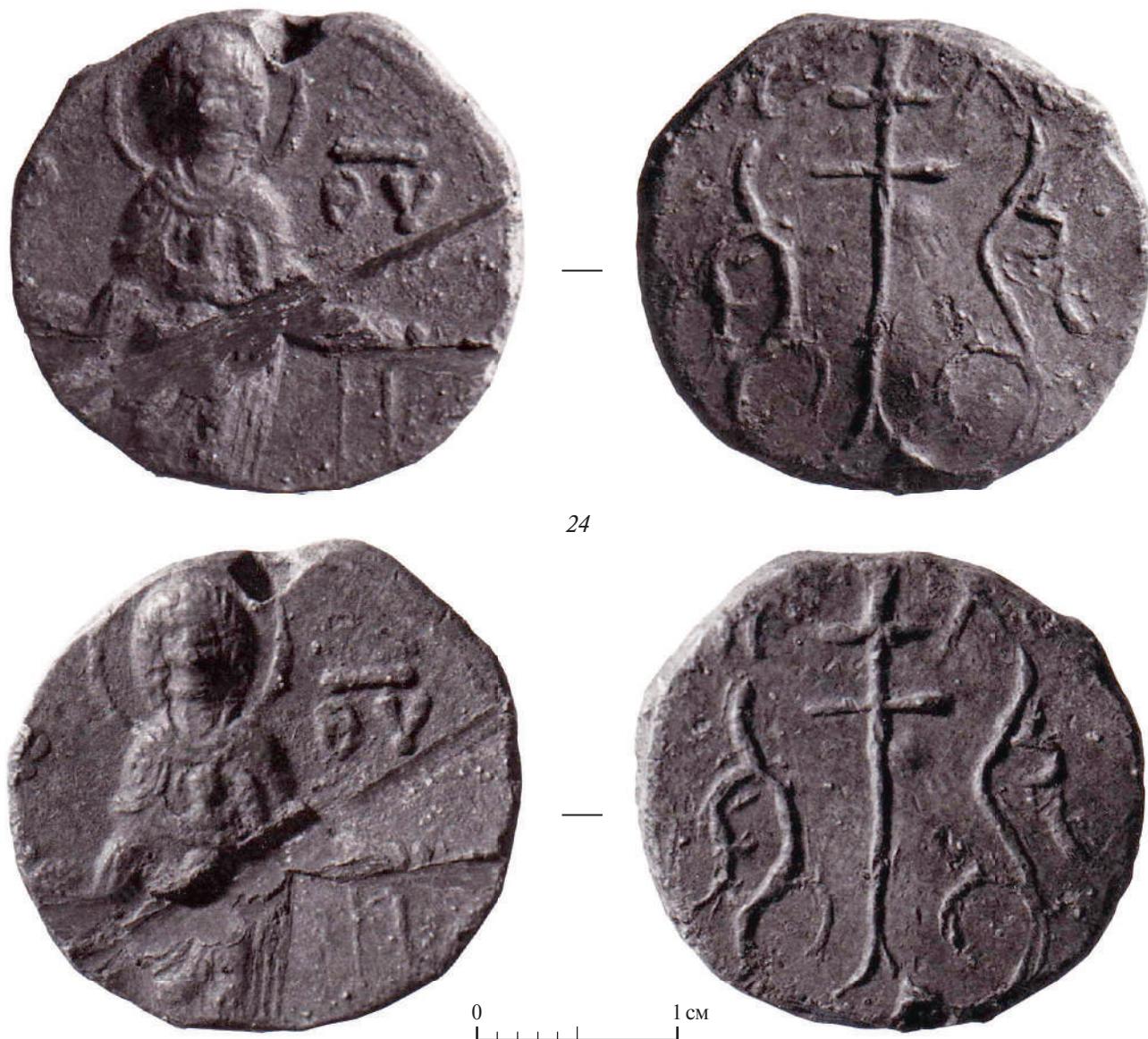

Рис. 21. Вислая свинцовая печать № 24 церковного иерарха с изображением Богоматери на троне и процветшего креста, № 341г по своду В. Л. Янина. Найдена на селище Могутово-2 в 2008 г. Фото П. Г. Гайдукова

Находчиком указано место находки: в нескольких метрах от восточного края раскопа 1 2002 г. (Северного).

Печать сохранилась неудовлетворительно. Изображения почти полностью стерты. На лицевой стороне угадывается изображение святого в рост.

Печать церковного иерарха

Печать № 24 (рис. 21: 24). Диаметр 25 мм. Найдена на селище Могутово-2 в 2008 г. Показана Ю. В. Клочковым 18.05.2008 г. Печать оттиснута с несработанной матрицы, благодаря чему изображения четкие. Единственная утрата – вдавление, нанесенное тонким и длинным предметом и пересекающее изображение на лицевой стороне.

На лицевой стороне изображена Богоматерь Оранта на троне. По сторонам изображения надпись «[МР] ΘΥ». На оборотной стороне изображен процветший шестиконечный крест.

Аналогична № 341г по своду В. Л. Янина – 4-й экземпляр. Печать такого типа найдена на поселении Усть-Шексна-1 (г. Рыбинск Ярославской области) в ходе раскопок 1995 г. в слое первой четверти XIII в.⁴⁵ Кроме того, подобные печати были найдены во Владимире близ Успенского собора⁴⁶ и близ д. Вондюги в верховьях р. Тезы в Ивановской области⁴⁷.

Свинцовые пломбы

Публикуется одиннадцать пломб домонгольского времени (рис. 22, 23) из найденных 22 (хранятся в Отделе нумизматики ГИМ – № 110355 /8-10; 110740/7-25). Размеры пломб таковы: пломба 1: 12,3–8,4 мм; пломба 2: 15,8–13,2 мм; 3: 15,8–11,3 мм; пломба 4: 15,8–11,8 мм; пломба 5: 15–8,4мм; пломба 6: 11,3–10,5 мм; пломба 7: 11,3–9,2 мм; пломба 8: 12,9–10,5 мм; пломба 9: 11,8–9,2 мм; пломба 10: 13,9–11,6 мм; пломба 11: 15,2–10,5 мм; пломба 12: 11,8–9,2 мм. Размеры колеблются от 11,3 до 15, мм, причем почти половина (5 пломб) имеет размеры 15–15,8 мм. Учитывая, что в настоящее время известны печати размерами до 13 мм, отнесение мо-

⁴⁵ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати... Описание: С. 61, 157; изображение: с. 275 табл. 17: 341г; фотография: с. 372, табл. 114: 341г.

⁴⁶ Уткин А. В., Костылёва Е. Л. Древнерусская актовая печать из Владимира на Клязьме // Археология Владимира-Сузdalской земли. Вып. 5. М., 2015. С. 197–200.

⁴⁷ Несмиян О. А., Уткин А. В. Древнерусская актовая печать с верховьев Тезы // Археология Владимира-Сузdalской земли. Вып. 6. М., 2016. С. 288–292.

гутовских находок к пломбам становится весьма условным. Пломбы 1, 4, 10, 11 несут следы симметрично расположенных утрат, произошедших в результате привешивания к шнуре.

Преобладающим знаком на оборотных сторонах могутовских пломб является якорь с вырастающим из него крестом (пломбы 1, 8, 10, 11, 12). То, что перед нами не просто якорь со штоком (перекрестием), а именно крест, видно на пломбе 12, изображение на которой отличает хорошее качество (рис. 23: 12). На двух пломбах изображен крест с двумя перекрестьями (пломбы 5, 6). Сохранность изображения не позволяет заключить, изображен ли здесь также якорь. Однако на пломбе 10 двум перекрестьям соответствует именно якорь (рис. 23: 10). Эта последняя пломба (скорее печать) представляет особый интерес. На ее лицевой стороне изображен святой с волосами, проработанными мелкими кружками и копьем, наконечник которого просматривается в левой части изображения. Справа видны две буквы, нижняя из которых скорее всего «А». Аналогичный сюжет представлен на известной печати, найденной на Белоозере в 1983 г.⁴⁸ На лицевой стороне – поясное изображение святого Георгия (надпись «Гео» слева от фигуры), а на оборотной – якорь, который, впрочем, мало похож на могутовский якорь.

Что касается так называемых знаков Рюриковичей, то их на могутовских пломбах три. В двух случаях им соответствуют оборотные стороны с якорями (пломбы № 6 и 12). На 6-й пломбе изображен знак прямоугольных очертаний с крестом посередине (рис. 22: 6), ближайшей аналогией которого является тип княжеской тамги № 291а по своду В. Л. Янина, который представлен находкой из Городца на Волге⁴⁹. На 12-й пломбе, сохранившейся хорошо, имеется знак округлых очертаний (рис. 23: 12). И, наконец, на пломбе 9 имеется полустершееся изображение княжеского знака прямоугольных очертаний (рис. 23: 9).

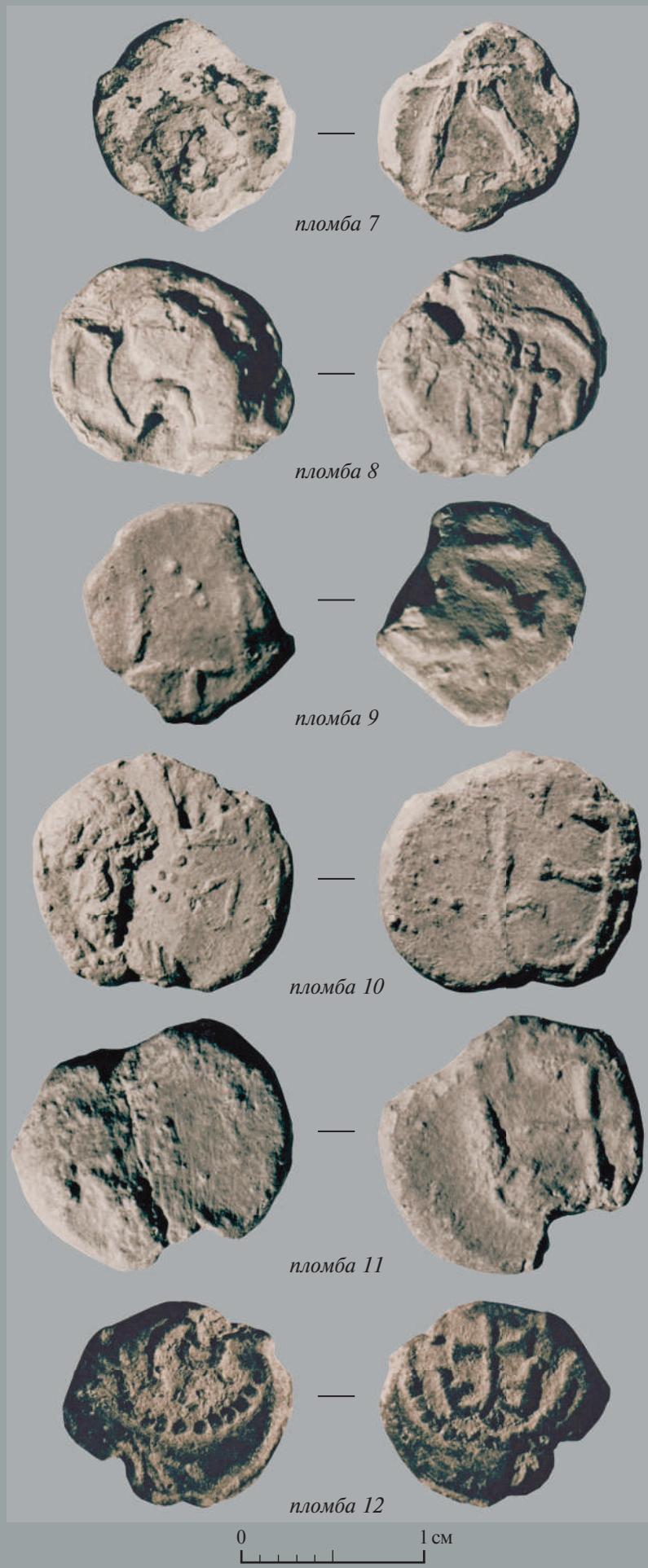
Для того чтобы интерпретировать описанный сфрагистический комплекс, необходимо обратиться к изучению археологического и историко-географического контекста этой находки и познакомиться более подробно с городком Шерна, следы которого сохранились до наших дней в виде группы археологических памятников у деревни Могутово Щелковского района Московской области.

⁴⁸ Макаров Н. А., Чернецов А. В. Сфрагистические материалы из Белоозера // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 236, рис. 2, № 1; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати... С. 149, № 282б; С. 363, табл. 105: 282б.

⁴⁹ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати... С. 149, 150. На другой стороне печати изображен святой Пантелеимон с крестом на груди.

Рис. 22. Пломбы, найденные на селище Могутово-1 в 2001 г.

0 1 см

Рис. 23. Пломбы, найденные на селище Могутово-1 в 2001 г.

Таблица 1.

Список вислых печатей, найденных на территории Могутовского археологического комплекса

№	Год находки, дата фиксации	№ печати по своду В.Л.Янина	Атрибуция	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Опублико- вано
1	2001 22.09.2001	72 – 33-й экз.	Печать протопреодра Евстафия. Посадник Завид (?) в период правления Мстислава Владими- ровича 1088–1094	Святой Феодор	Греческая надпись «Воззри на меня, протопреодра Евстафия»	Свод-2001 Чернов, 2003 Табл. 1, № 1
2	2001 23.10.2001	117 – 2-й экз.	Мстислав Владимирович 1095–1117	Святой Феодор	Видимо: «Господи помози рабу твоему Феодору ам(инь)»	Свод-2001 Чернов, 2003, Табл. 1, № 2
3	2001 22.09.2001	133 – 16-й экз.	Всеволод Мстиславич	Святой Феодор	Благовещенье	Свод-2001 Чернов, 2003 Табл. 2, № 3
4	2001 27.10.2001	134 – 25-й экз.	Всеволод Мстиславич	Святой Феодор	Благовещенье	Свод-2001 Чернов, 2003, Табл. 2, № 4
5	2001 22.09.2001	134 – 26-й экз.	Всеволод Мстиславич	Святой Феодор	Благовещенье	Свод-2001 Чернов, 2003 Табл. 2, № 5
6	2001 13.10.2001	134 – 27-й экз.	Всеволод Мстиславич	Святой Феодор	Благовещенье	Свод-2001 Чернов, 2003 Табл. 3, № 6
7	2001 22.09.2001	Обна- ружена впервые, близка 283в	По А. А. Молчанову, знак Святополка Мстиславича	Княжеская тамга двузубец прямоугольных очертаний. На обоих зуб- цах – отогнутые в разные сторо- ны отроги, а на левом – дополнительный отрог внутрь	«Гео»(ргий) Оа(гиос)»	Свод-2001 Чернов, 2003 Табл. 4, № 7
8	2001 22.09.2001	231 – 5-й экз.	?	Архангел Гавриил	Святые Косьма и Дамиан	Свод-2001 Чернов, 2003, Табл. 4, № 8
9	2001 27.10.2001	272, 273?		Святой Дмитрий	Святая Мария	Свод-2001 Чернов, 2003, Табл. 5, № 9
10	2001 13.10.2001	160а – 4-й экз.	Святослав Ростиславич	Иоанн Предтеча	Архангел Михаил	Свод-2001 Чернов, 2003 Табл. 5, № 10
11	2001 22.09.2001	231aa – 2-й экз.	Михалко Юрьевич	Архангел Михаил	Святой Георгий	Свод-2001 Чернов, 2003, Табл. 4, № 11.
12	2001 13.10.2001	137 – 3-й экз.	Всеволод Мстиславич	Святой Феодор	Благовещенье (плохо читается)	Свод-2001 Чернов, 2003, Табл. 3, № 12

Продолжение таблицы 1

№	Год находки, дата фиксации	№ печати по своду В.Л. Янина	Атрибуция	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Опублико- вано
13	2001 22–23.10.2001 Реставриро- ван В. А. Пон- совым 29.06.2003	133 – 20-й экз.	Всеволод Мстиславич	Святой Феодор (плохо читается)	Благовещенье (плохо читается)	Свод-2003 Чернов, 2003
14	2001 И. В. Волков 21.10.2001		?	Святой в рост (плохо читается)	Святой в рост (плохо читается)	Чернов, 2003. Табл. 6, № 2
15	2002 Показано А. Гаевым 14.05.2002	136 – 9-й экз.	Всеволод Мстиславич	Святой Феодор	Благовещенье	Свод-2002
16	2005 Раскоп 3, № 630, верхний слой 10.03.2005	152–155	Ростислав Мстиславич Смоленский на новгородском княжении	Святой Феодор в рост. Справа надпись	Архангел	Чернов, 2008
17	2005 Раскоп 3, № 731, яма 11 10.03.2005	137 – 31-й экз.	Всеволод Мстиславич	Святой Феодор	Благовещенье	Свод 2005 Чернов, 2008
18	2006. Раскоп 4, № 987, кв. 100, гл. 96, яма 45 24.05.2007	72 – 41-й экз.	Печать протопреодра Евстафия. Посадник Завид (?) в период правления Мстислава Владимировича 1088–1094	Святой Феодор	Греческая надпись «Воззри на меня, протопреодра Евстафия»	Свод 2007 Чернов, 2008
19	2004 Май Найденчик С. Б. Савчук 8.04.2004 4.05.2004	72 – 34-й экз.	Печать протопреодра Евстафия. Посадник Завид (?) в период правления Мстислава Владимировича 1088–1094	Святой Феодор	Греческая надпись «Воззри на меня, протопреодра Евстафия»	Свод 2004
20	2004 Найденчик С. Б. Савчук 27.07.2004	72 – 35-й экз.	Печать протопреодра Евстафия. Посадник Завид (?) в период правления Мстислава Владимировича 1088–1094	Святой Феодор	Греческая надпись «Воззри на меня, протопреодра Евстафия»	Свод 2004
21	2004 Найденчик С. Б. Савчук 22.10.2004 Найдена близ восточного края раскопа 1	290а		Иоанн Предтеча в полный рост. Следы колончатой надписи	Изображение княжеской тамги. С отрогом в виде «ласточ- кина хвоста»	Свод 2004

Продолжение таблицы 1

№	Год находки, дата фиксации	№ печати по своду В.Л.Янина	Атрибуция	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Опублико- вано
22	2004 С. Б. Савчук 22.10.2004 Найдена близ восточного края раскопа 1			Святой в рост		
23	2005 Селище у д. Могутово. Передана И. Б. Цыпурс- ким 1.02.2005	306а – 2-й экз.		Архангел	Княжеская тамга с изобра- жением двузуб- ца или трезубца колоколовид- ных с изобра- жением знака в виде багра	Свод-2005
24	2008 18.05.2008 показана Ю. В. Клоч- ковым. Селище у д. Могутово	341г – 4-й экз.		Богоматерь на троне	Расцветший крест	
25	2013 Селище Могутово-1	141 – 3й экз.	Святослав Ольгович	«Ни(к)ола»	«М(и)х(и)л»	Чернов, 2015

Чернов, 2003 – Чернов С. З. Сфрагистический комплекс из Могутова и его значение для изучения предыстории Московской земли в первой половине XII века. Первые опыты интерпретации. Ч. 1 // Древняя Русь. 2003. № 2 (12). Июнь. С. 5–33.

Чернов, 2008 – Чернов С. З. Сфрагистический комплекс 1088–1160-х гг. усадьбы В на посаде Шерны и проблемы предыстории Московской земли // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. 2008 г. Т. II. М., 2008. С. 407–410.

Чернов, 2015 – Чернов С. З. Печать Святослава Ольговича из Могутова (городок Шерна) 2013 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 116–121.

Свод 2001 – Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2001 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 16. Великий Новгород, 2002. С. 154–173.

Свод 2002 – Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2002 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 17. Великий Новгород, 2003. С. 350–374.

Свод 2003 – Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 18. Великий Новгород, 2004. С. 137–160.

Свод 2004 – Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2004 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 19. Великий Новгород, 2005. С. 91–111.

Свод 2005 – Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2005 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 20. Великий Новгород, 2006. С. 77–97.

Свод 2007 – Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2007 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 22. Великий Новгород, 2008. С. 61–84.

Таблица 2.

Перечень новгородских князей в 1088–1175 гг.
(жирным шрифтом выделены князья, печати которых найдены в Могутове)

Дата княжения в Новгороде	Имя князя	Наличие печати в Могутовском комплексе и других местонахождениях
1088–1094	Мстислав Владимирович	Протопроедра Евстафия Мог-1, 18, 19, 20 Белоозеро
1094–1095	Давыд Святославич	
1095 – 17.03.1117	Мстислав Владимирович	Мог-2
17.03.1117 – 1132	Всеволод Мстиславич	Мог-3, 4, 5, 6, 12, 13, 15, 17
1132–1132	Святополк Мстиславич	
1132 – 28.05.1136	Всеволод Мстиславич	Мог-3, 4, 5, 6, 12, 13, 15, 17 Передольский погост, Белоозеро, Лудина гора под Волоколамском
28.05.1136 – 19.07.1136	Владимир Всеволодович	
19.07.1136 – 17.04.1138	Святослав Ольгович	Мог-25
10.05.1138 – 1.09.1139	Ростислав Юрьевич	
25.12.1139 – февраль 1141	Святослав Ольгович	Мог-25
9 месяцев	Без князя	
26.11.1141 – январь 1142	Ростислав Юрьевич (3 месяца в заточении до 19.03.1142)	
19.04.1142 – осень 1148	Святополк Мстиславич	
осень 1148 – 26.03.1154	Ярослав Изяславич	Передольский погост, Белоозеро, Лудина гора под Волоколамском
17.04.1154 – конец 1154	Ростислав Мстиславич	Мог-16. Тверь к востоку от Спасского собора (2015)
декабрь 1154 – январь 1155	Давид Ростиславич	
30.01.1155 – март 1157	Мстислав Юрьевич	
март 1157 – весна 1158	Ростислав Мстиславич	Мог-16. Тверь к востоку от Спасского собора (2015)
весна 1158 – июнь 1160	Святослав Ростиславич	Мог-10. Тверь – Затьмацкий посад
21.06.1160 – июнь 1161	Мстислав Ростиславич	
28.09.1161 – 1.09.1167	Святослав Ростиславич	Мог-10. Тверь – Затьмацкий посад
14.04.1168 – осень 1170	Роман Мстиславич	
4.10.1170 – зима 1171/1172	Рюрик Ростиславич	
Весна 1172 – весна 1175	Юрий Андреевич	

ГЛАВА 2

МОГУТОВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

Городище и селища у д. Могутово на р. Шеренка¹ были зафиксированы мною 30.03.1975 г. Тогда же был снят их глазомерный план². В 1980 г. было опубликовано описание этого памятника и предложена его историческая идентификация³. В сентябре 1984 г. памятник доследовался⁴, а в апреле 1990 г. по заданию Московской археологической экспедиции ИА РАН геодезистами А. В. Шаровым и И. В. Абрамцевой был снят его инструментальный план (рис. 24).

Городище занимает мыс первой надпойменной террасы р. Шеренки, при впадении в пойму реки ручья (рис. 27–29). Будучи отделен от плато долиной ручья и оврагом, мыс имеет вид останца, возвышающегося над уровнем реки на 8–10 м. Река Шеренка омывает его с запада и севера. С востока пойма ручья отделяет его от селища Могутово-2, расположенного на территории деревни и прилегающем к ней с юга поле.

¹ В списке курганов Московской губернии, составленном М. А. Саблиным в 1879 г., упоминается «1 кург. и древния могилы при сельце Могутове в пустоши Воскресенской» (Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XXXV, Ч. 1. Вып. 1, 2 и 3. Антропологическая выставка 1879 г. Т. III, Ч. 1. М., 1880. С. 186). Поскольку «курганом» местные жители именуют городище, есть основания предполагать, что перед нами первое известие об этом городище в литературе. В составленном до 1920 г. списке памятников археологии С. К. Богоявленского также упоминается «1 курган» у д. Могутово (Богоявленский С. К. Материалы к археологической карте Московского края // Материалы и исследования по археологии СССР. № 7. М.; Л., 1947. С. 175).

² Чернов С. З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6409. С. 14–16, 50–52. В 1976 г. осмотрен Р.Л. Розенфельдтом (Розенфельдт Р.Л. Отчет разведочного отряда Московской экспедиции в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6462; Его же. Работы разведочного отряда в Подмосковье // Археологические открытия 1976 года. М., 1977. С. 68).

³ Юшко А. А., Чернов С. З. Из исторической географии Московской земли (по итогам полевых работ 1976 г.) // Советская археология. 1980. № 2. С. 123, 124.

⁴ Чернов С. З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1984 г. Ч.2 // Архив ИА РАН. Р-1. № 11172. С. 37–41.

Форма городища яйцевидная. Размеры памятника с учетом валов – 170×100 м, площадки – 150×85 м. Площадь городища – 12,5 тыс. кв. м, а его площадки – 8,6 тыс. кв. м. Площадка практически ровная. С запада на восток фиксируется понижение (падение составляет 17 см на каждые 10 м по горизонтали), а в северной части площадки – понижение глубиной до 1 м.

Городище укреплено двумя валами: южным (длиной 110 м) и северным (длиной 70 м). Оба они имеют проемы, соответствующие древним въездам – с напольной стороны (рис. 29, 31) и от перевправы через реку Шеренку. Высота вала колеблется от 1 до 3,5 м при ширине от 6 до 10 м. Ров, при создании которого, вероятно, был использован овраг, отделяет городище от плато. Длина рва 50 м, ширина его 13 м, глубина 2 м.

Поверхность площадки городища задернована. В целом сохранность культурного слоя хорошая. Нарушения связаны с тем, что в XIX в. в восточной части городища располагался господский двор (рис. 26), а в 1960-х гг. в юго-восточной части были выкопаны 8 ям (3×3 м) для устройства лагеря геодезической экспедиции (рис. 27). В 1984 г. из осыпей крайней южной ямы (близ южного входа на городище) и из осыпи наружной части юго-восточного вала был собран керамический материал, включающий 27 фрагментов курганной (с горизонтальным рифлением и волнистым орнаментом), 7 фрагментов сероглиняной и 5 фрагментов белоглиняной грубой посуды. Кроме того, в осыпи вала, на глубине 2 м от поверхности, прослежено два слоя обугленных бревен.

В 2002 г. в 35 м к северу от крайней северной ямы в обнажениях была собрана более представительная коллекция керамики (168 фрагментов, в том числе 27 венчиков и орнаментированных стенок). Она состоит из средневековой посуды (88%) и керамики XVIII–XIX вв. (чернолощеная, белоглиняная гладкая, белоглиняная с зеленой поливой и фаянс), которая отражает хозяйственную деятельность поместьческой усадьбы. В свою очередь, средневековая керамика подразделяется на курганную и северную (80%), и красноглиняную грубую (20%).

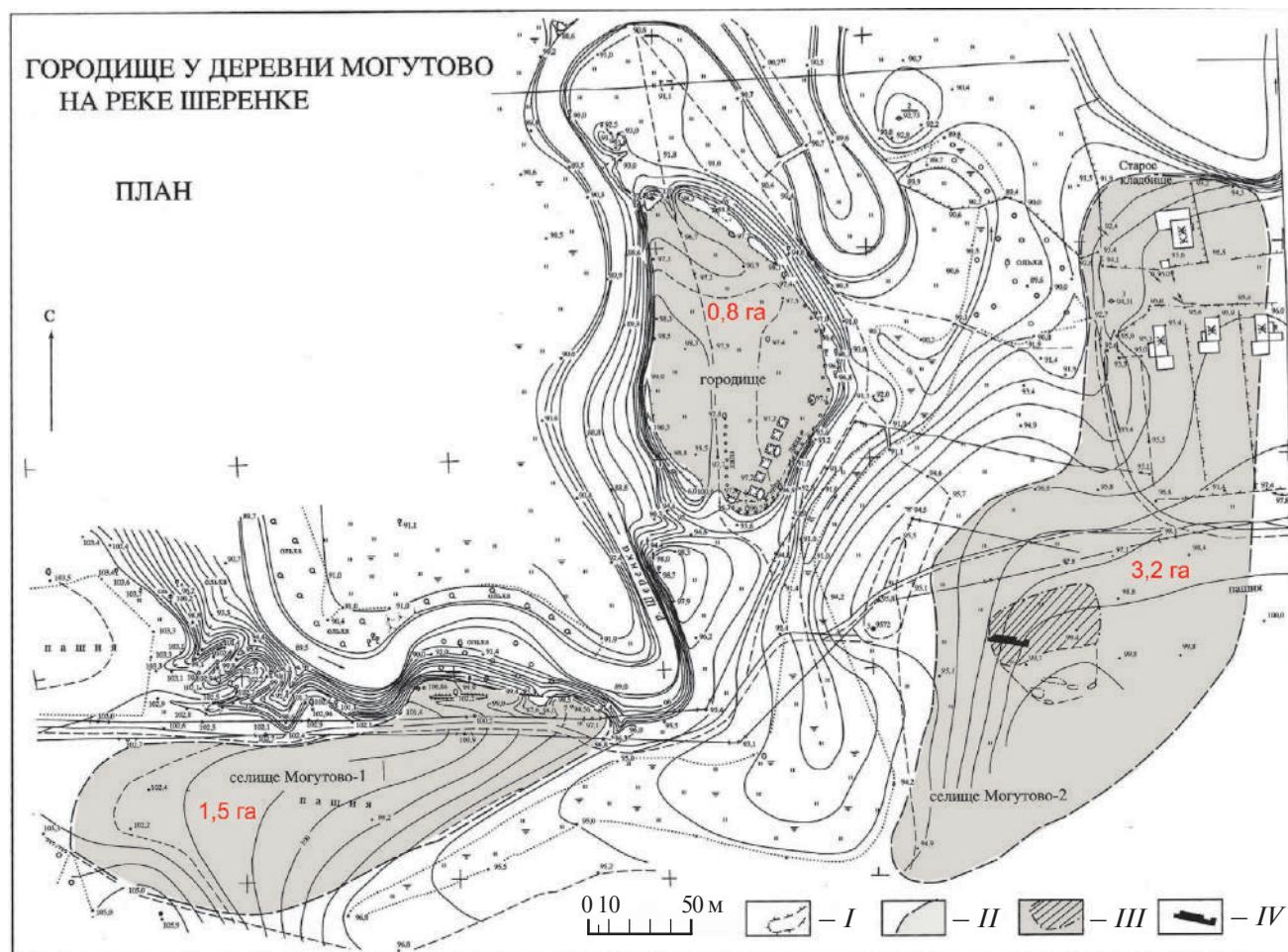

Рис. 24. Могутовский археологический комплекс. План.

Снят в апреле 1990 г. А. В. Шаровым и И. В. Абрамцовой.

I – валы городища;

II – граница распространения культурного слоя городища, селищ Mogutovo-1 и Mogutovo-2 (посад Шерны);

III – граница скопления лунок, зафиксированная 6.10.2001 г. с помощью рулетки, –

место находки сферагистического комплекса; IV – раскоп № 1

Наиболее ранняя группа курганной керамики выделяется по присутствию в тесте крупных (до 2 мм) кварцитов и по сочетанию в орнаментации горизонтального рифления со штампом (рис. 36: 2, 5, 6). К этой группе нужно отнести горшок со срезанным венчиком (4 вариант курганной керамики)⁵ и козырьком, который украшен сплошным горизонтальным рифлением, нанесенным по сырой поверхности (рис. 36: 28). Близкие по форме венчика горшки были найдены в кургане 40 могильника Балатино, который датируется первой половиной – серединой XII в.,⁶

и на селище Дьяково-пойма первой половины XII в.⁷

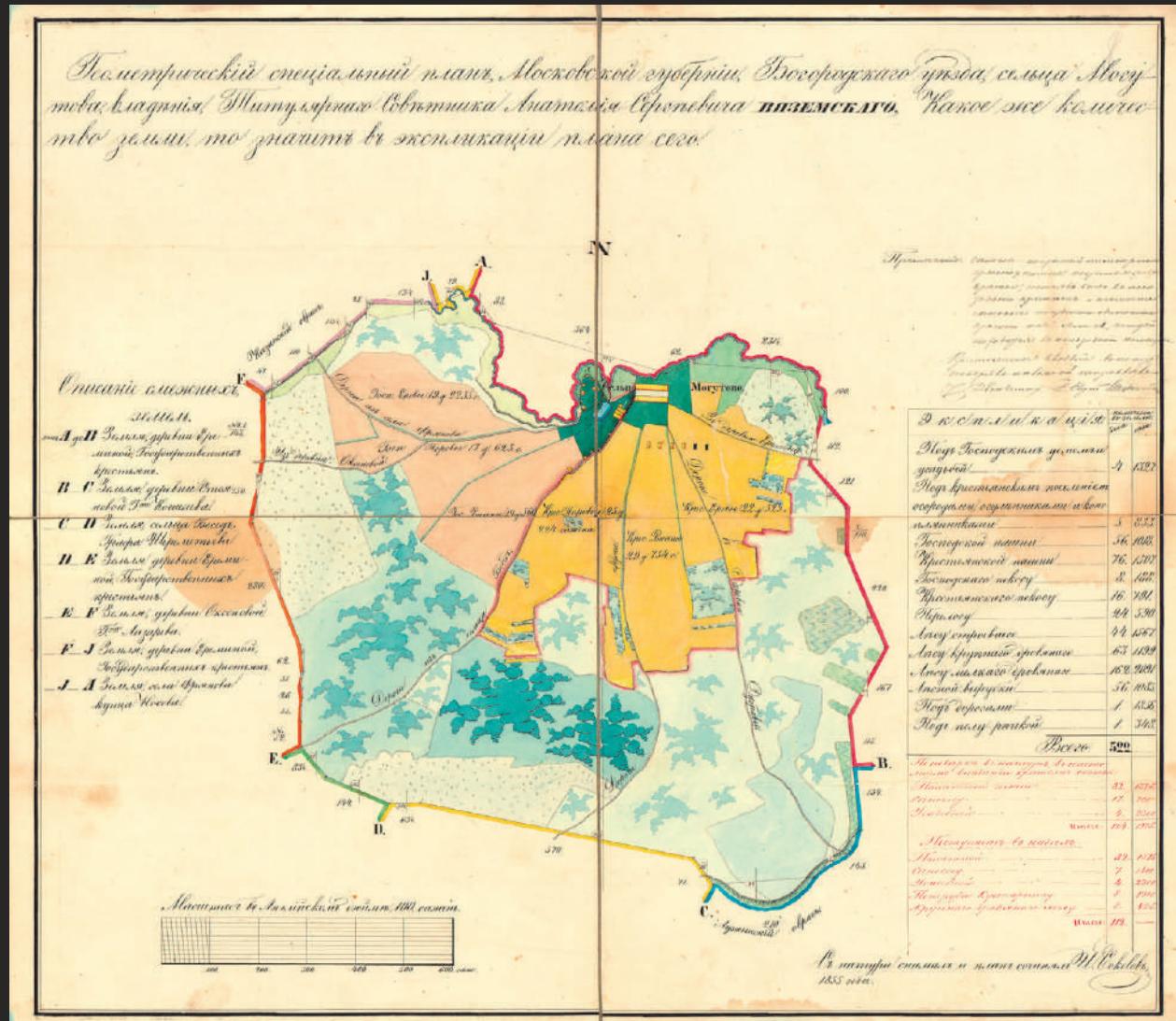
Курганная керамика представлена также наиболее распространенным 3-м вариантом с валиком и упором под крышку (рис. 36: 8, 17) и секировидным венчиком (рис. 36: 19, 20). В качестве примеси в тесте использован крупнозернистый песок (кварциты до 1 мм), поверхность горшков заглажена. Эти формы имеют широкую дату – вторая половина XII–XIII вв. Близкий по форме венчика сосуд с секировидным краем найден в нижнем слое Богоявленского монастыря Москвы первой трети XIII в.⁸

⁵ Классификацию керамики см.: Чернов С. З. Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 годы // Культура средневековой Москвы. Т. 2. М., 2005. С. 111–115.

⁶ Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991. С. 75. Табл. 12: 3.

⁷ Кренке Н. А. Археологическая карта Коломенского в древнерусский период (XI–XIII вв.) // Культура средневековой Москвы. Т. 1. М., 2004. С. 206. Рис. 46 А: 2.

⁸ Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991. С. 83. Табл. 20.

Рис. 25. Геометрический специальный план Московской губернии Богородского уезда сельца Могутова титулярного советника Анатолия Сергеевича Вяземского. С натуры снимал и план сочинял И. Соколов. 1855 г. (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 3. Д. 6. Л. 8)

*Рис. 26. Военная съемка Московской губернии. 1 верста (500 сажен) в дюйме. 1852 и 1853 годов. 135 листов.
Фрагмент на сельцо Могутово (РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3657. Ч. 1. Ряд V. Лист 14)*

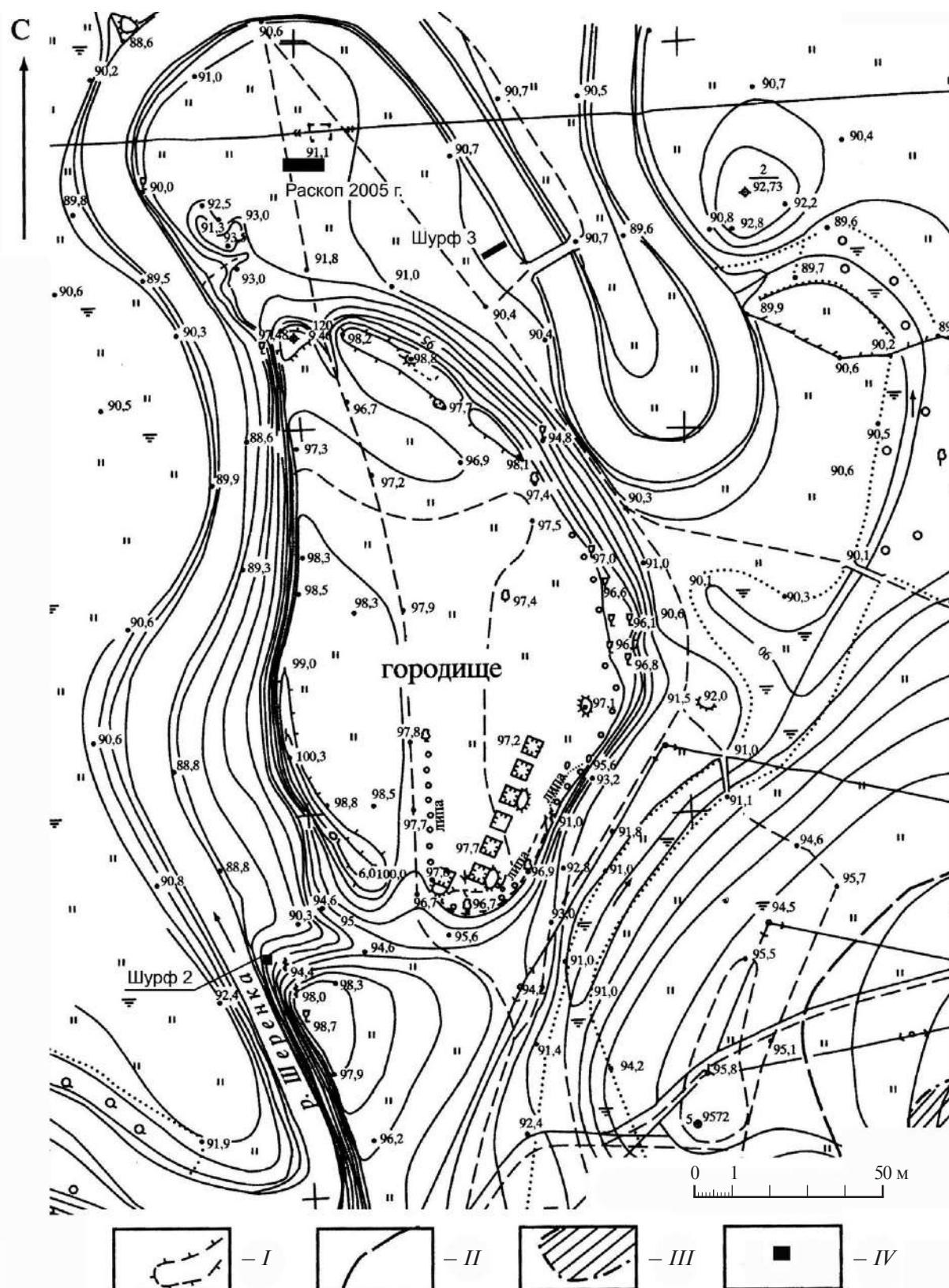

Рис. 27. Могутовское городище. План 1990 г.

I – валы городища; II – граница распространения культурного слоя селища Могутово-2 (посад Шерны); III – граница скопления лунок, зафиксированная 6.10.2001 г. – место находки сфрагистического комплекса; IV – раскоп и шурфы в пойме

Серая керамика определяется по заглаженной поверхности сосудов и характерным формам их верхней части. Выделяется вариант со слабоотогнутым венчиком и эллипсовидным валиком снаружи (рис. 37: 13, 15, 21, 30). Один из этих горшков (рис. 37: 13) имеет аналогии в *срубе 1*, исследованном на *Историческом проезде* в Москве и имеющем порубочные даты 1248, 1251 гг.⁹ Впрочем, большая часть могутовских венчиков этой группы имеют заострения на валиках, что позволяет датировать их более ранним временем. Имеются также срезанные венчики (рис. 37: 9, 22), один из которых (рис. 37: 9) украшен по шейке ранним вариантом орнамента «косая волна», который позднее будет характерен для красноглиняной грубой посуды.

Красноглиняная грубая керамика уверенно выделяется благодаря двум венчикам со срезанным краем, орнаменту «косая волна» по шейке и ребру по плечику (рис. 37: 24, 25). Появление красноглиняной керамики с архаичной формой завершения (срезанный край) фиксируется в *срубе 6*, исследованном на *Историческом проезде* в Москве и датируемом первой половиной XIV в.¹⁰

Таким образом, культурный слой городища может быть отнесен к середине XII–XIV в.

⁹ Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991. С. 95. Табл. 32: 839 и др.

¹⁰ Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991. С. 112. Табл. 49 Б.

Рис. 28. Могутовское городище.
Вертикальный снимок с квадрокоптера. Август 2015 г.
(© В.А. Разумов)

Рис. 29. Могутовское городище. Вид с юга на напольный вал и древний въезд в крепость.
На горизонте Шернский лес, по которому пролегает дорога в Великую слободу (близ Александрова).
Перспективный снимок с квадрокоптера. Август 2015 г. (© В.А. Разумов)

Рис. 30. Могутовское городище. Вид на городище с юго-востока, от раскопа, заложенного в районе находки печатей. Июнь 2007 г.

Рис. 31. Южный въезд на Могутовское городище. Вид с юго-востока на напольный вал городища и проем в валу. Правая часть вала нивелирована в XIX в. 6.10.2001 г.

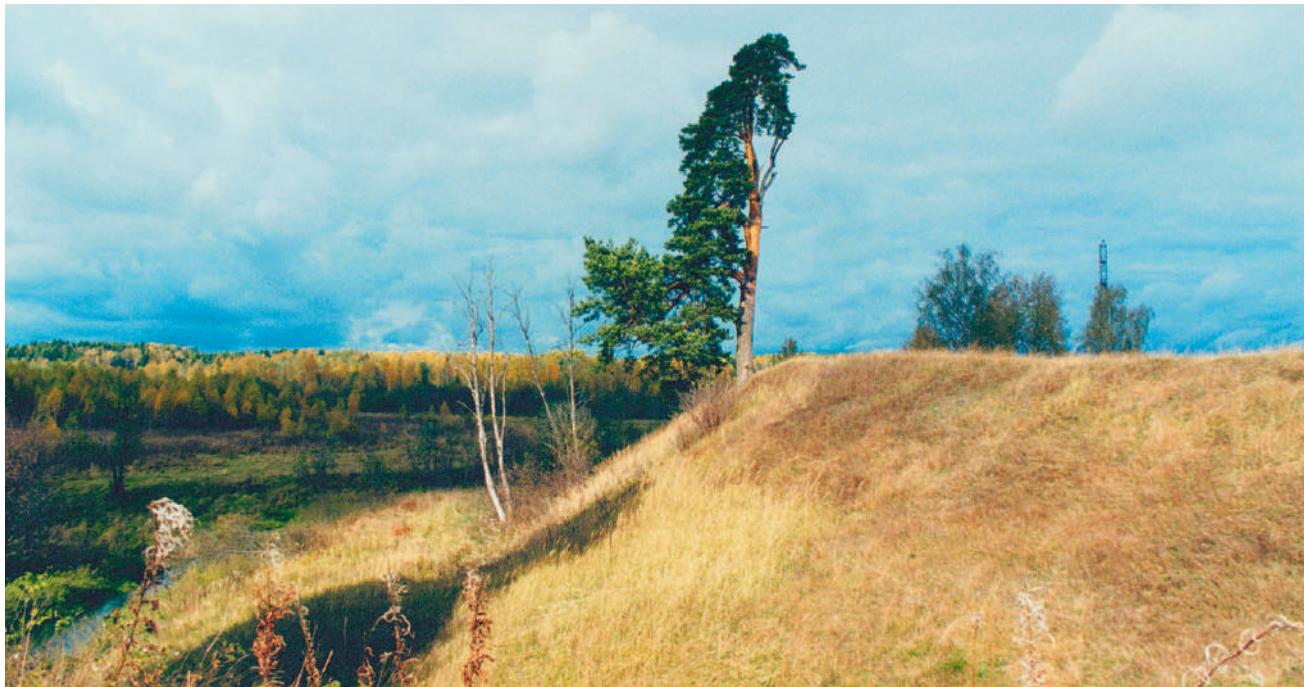

Рис. 32. Могутовское городище. Западный вал, обращенный к р. Шеренке.
Вид с юга. 6.10.2001 г.

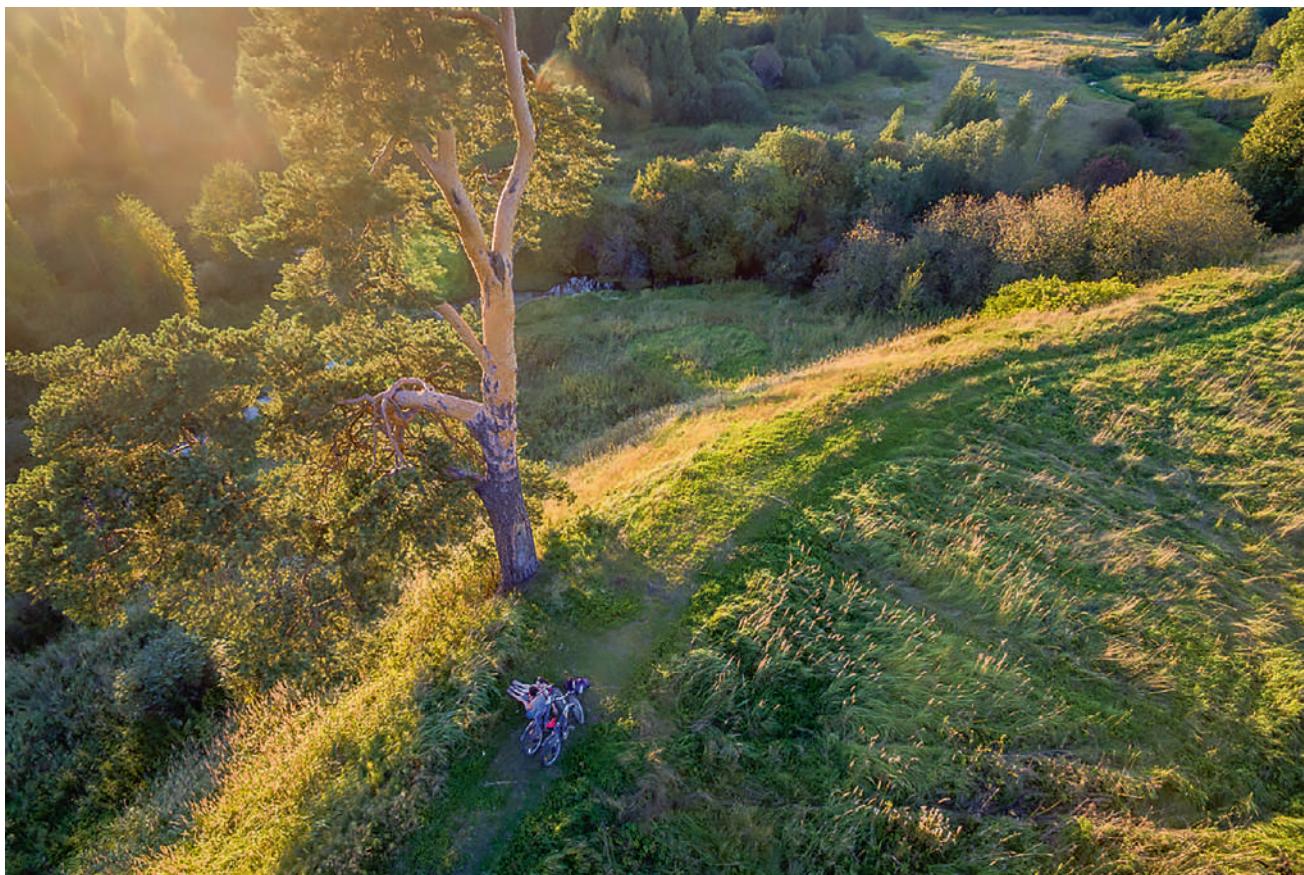

Рис. 33. Западный вал Могутовского городища. Снимок с квадрокоптера.
Август 2015 г. (© В. А. Разумов)

Рис. 34. Западный вал Могутовского городища. Вид с востока, с площадки городища. 6.10.2001 г.

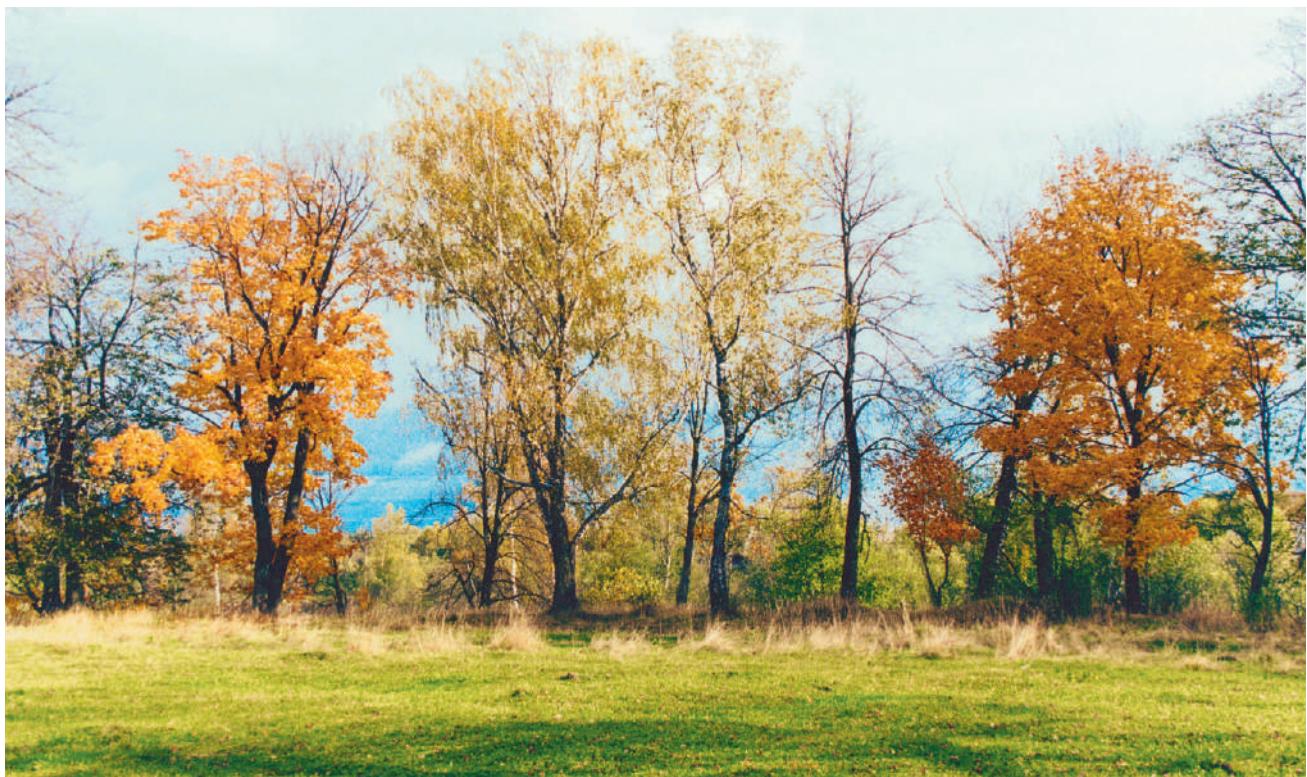

Рис. 35. Могутовское городище. Место усадебного строения.
Вид с запада на восточную часть площадки городища. 6.10.2001 г.

Рис. 36. Керамическая коллекция, собранная в центральной части Могутовского городища в 2002 г.
Курганская керамика

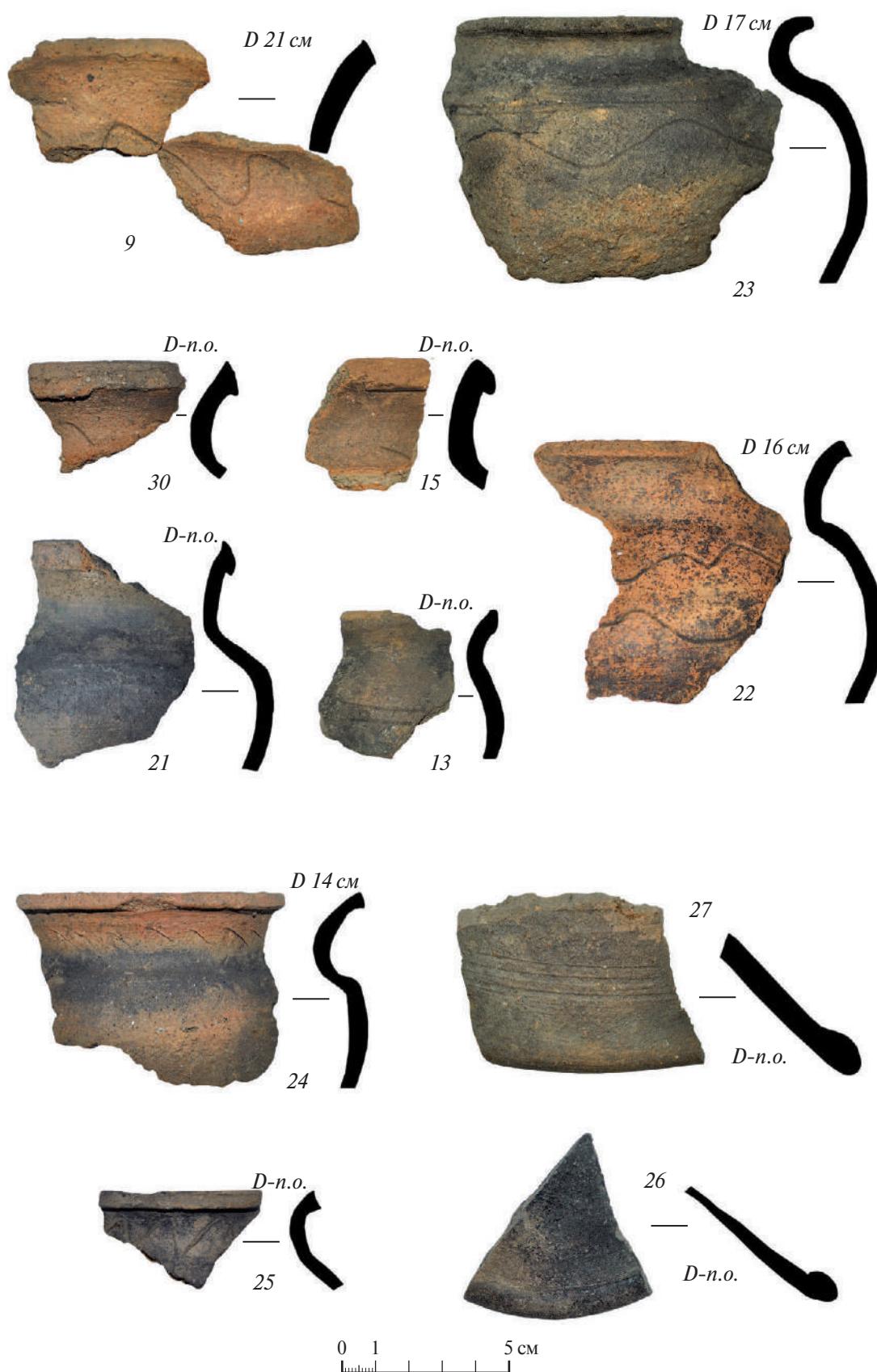

Рис. 37. Керамическая коллекция, собранная в центральной части Могутовского городища в 2002 г.
Серая и красноглиняная грубая керамика.

Рис. 38. Селище Могутово-1 (западное). Вид с юго-востока из-за ручья. 6.10.2001 г.

Селище Могутово-1 было обнаружено в 1975 г. в 100 м к ЮЗ от городища, на краю первой террасы коренного берега р. Шеренки, в 10 м от нее (рис. 24). Селище возвышается над уровнем реки на 12 м. Склон к реке обрывистый. Селище вытянуто вдоль края коренного берега реки. Оно ограничено на севере склоном к реке, на западе – лесом, на востоке – оврагом, а на юге – лощиной, по дну которой протекает ручей, отделяющий его от селища Могутово-2 (рис. 38). Поверхность его к северу от дороги на г. Фряново (на бровке) задернована, а к югу – распахивается. С запада на восток она понижается на 6 м, причем падение уровня составляет 0,2 м на каждые 10 м по горизонтали. Размеры селища 270×80 м, площадь 15,5 тыс. кв. м. Мощность слоя 0,3–0,4 м.

Керамический материал был собран в обнаружении берега р. Шеренки. Курганный керамика (стенки 76-185, 76-187, 76-190 и 76-194) изготовлена из красножущейся глины с обильной примесью крупнозернистого песка, дресвы (кварциты до 2 мм) и толченой слюды. Обжиг неполный окислительный. Фрагменты 76-187 и 76-190, имеющие толщину соответственно 7 и 5 мм, в изломе темно-серые, почти черные. Поверхность же их имеет темно-бурый с розовым отливом цвет. 76-190 украшен горизонтальным орнаментом (3 полосы шириной 1,5 мм, которые разделены полем в 3 и 8 мм), 76-196 – рифлением из тонких линий шириной менее 1 мм, отделенных друг от друга промежутками в 0,5 мм. Серая керамика частью изготовлена в «курганной» технике. Фрагменты стенок 76-186, 76-188 и 76-195 имеют толщину 5–6 мм и также прошли неполный окислительный обжиг: в изломе темно-серые, поверхности ярко-бурые или светло-бежевые. 76-195 украшен волнистым, а 76-188 – горизонтальным орнаментом. В тес-

те преобладает крупнозернистый песок, но имеется и дресва (кварциты до 2 мм). От курганной посуды их отличает только заглаженность поверхности сосуда. Вторая группа серой керамики включает венчик 76-183 (рис. 40 Д), стенку 76-196 и донце 76-184 (толщина стенок 7 мм, примесь средне- и крупнозернистого песка – кварциты до 1,5 мм). Особенность этой группы – тщательно заглаженная поверхность. Ближайшая аналогия сосуда 76-183 (шейка плавно переходит в слабо отогнутый венчик, завершающийся небольшим валиком с внешней стороны, желобок – упор под крышку ввинт в тело валика) найдена в нижнем слое Богоявленского монастыря в Москве (МК¹¹, табл. 20: 6). Близкие формы встречены в срубе I (порубочные даты 1248, 1251 гг. – МК, табл. 32: 583) и яме 3 Исторического проезда (МК, табл. 43: 1896, 2160). Горизонтальный орнамент (76–196) нанесен неглубокими линиями по подсохшей поверхности, что типично для комплексов типа сруб I и сруб 6 Исторического проезда. На основании аналогий этот материал датируется XIII в.

Наиболее поздняя керамика, зафиксированная на памятнике, – белоглиняная грубая (76-189, 76-191–76-193, 76-197). Встречена верхняя часть турова (76-192), украшенного двумя полосами глубоко прочерченного горизонтального орнамента и имеющего резкий переход к горлышку. Аналогии имеются в сооружении I селища Михайловское-2 (МК, табл. 123: 5) и яме 7 селища Великомуч. Никиты (МК, табл. 126: 626; табл. 127: 520), датируемых XVI в. Таким образом, селище функционировало в XIII в. и прекратило существование в XVI в.

¹¹ Здесь и далее МК – Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991.

Рис. 39. Местонахождение печатей 2001 г. на селище Могутово-2.
Вид с запада-юго-запада от точки, расположенной в 50 м к югу от южного вала Могутовского городища.
На местонахождении работает геодезист МОАЭ ИА РАН В. В. Петров. 6.10.2001 г.

Селище Могутово-2 (рис. 24) расположено в 75–120 м к востоку от городища, на правом берегу ручья, впадающего в р. Шеренку (рис. 29). Культурный слой прослежен от бровки реки (две крайние усадьбы северного порядка д. Могутово) на юг, включая поле к юго-западу от деревни. Над уровнем реки селище возвышается на 3,5–11,5 м. Площадка его имеет уклон в направлении к ручью (падение 30 см на каждые 10 м по горизонтали). Размеры селища весьма значительны. Оно тянется вдоль ручья на 370 м при ширине от 75 до 145 м. Овражки делят его на три части, причем сфрагистические находки сделаны в центральной части. Площадь – 32 тыс. кв. м. Мощность слоя – 0,3–0,4 м.

Подъемный материал собран на усадьбах двух дворов южного порядка деревни и на пашне к югу от них (в районе обнаружения сфрагистических материалов) (62 фрагмента: 76-198–76-259). Если не рассматривать белоглиняную и позднюю керамику, которая начала откладываться не ранее последней четверти XV в., то соотношение курганной, серой и красноглиняной грубой посуды: 35% – 54% – 11%. Преобладание серой керамики указывает на то, что во второй половине XIII и первой половине XIV в., когда эта керамика доминировала, поселение активно функционировало.

Курганская керамика (рис. 40 А: 3 венчика, 16 стенок). Толщина стенок сосудов колеблет-

ся от 4 до 8 мм. Все они изготовлены из красножгущейся глины с крупнозернистым песком и дресвой (кварциты до 2 мм). Обжиг неполный окислительный. В изломе черепки трехслойные: в середине – темно-серые, а на поверхности – бурые с кирпичным оттенком (76-217, 76-218, 76-221, 76-223, 76-225) или светло-серые (76-227, 76-230). Поверхность стенок неровная, с выступающими кварцитами.

К 1 варианту относятся фрагменты 76-202 и 76-204 (рис. 40 А). 76-202 – сильно профицированный (отогнут под 90°) венчик, завершенный круглым валиком и имеющий желобок – упор под крышку. Тесто имеет примеси крупнозернистого песка и дресвы. Цвет черепка в изломе и на поверхностях почти черный. Наиболее ранние сосуды с венчиками такой формы встречены в *курганных погребениях* первой половины – середины XII в. *Михайловской слободе* (МК, табл. 8: 3, 5) и второй половины XII в. – в *кургане 11 группы Волково* (МК, табл. 14: 1. См. также: табл. 17: 5, 7). Аналогичные завершения имеют несколько горшков из *нижнего слоя Богоявленского монастыря*, датируемого первой третью XIII в. (МК, табл. 21, крайний справа в верхнем ряду; табл. 23: 63) и близкого ему по времени комплекса из ямы 12 *Исторического проезда* (МК, табл. 51: 3108).

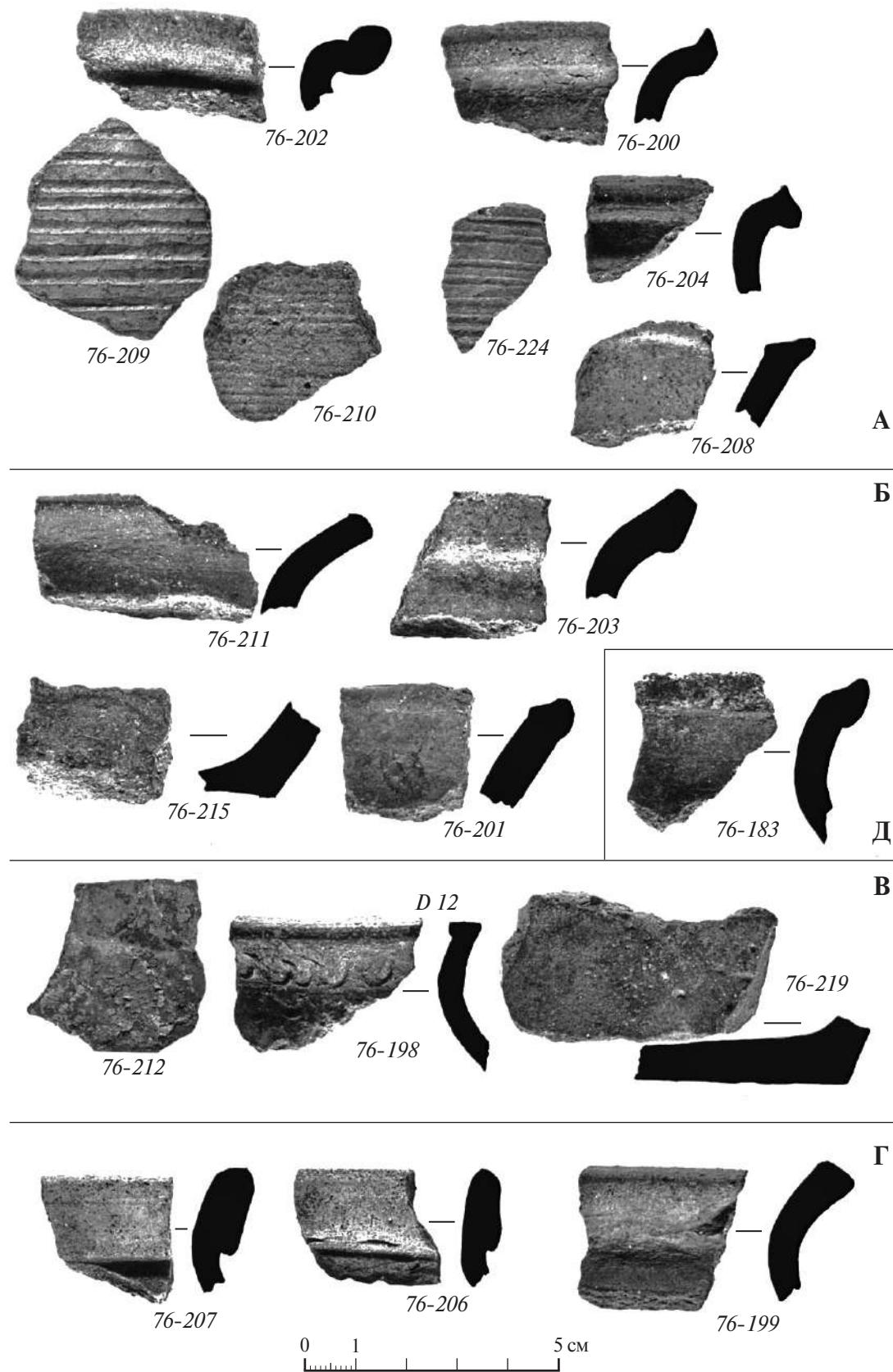

Рис. 40. Селище Могутово-2. Подъемный материал (А–Г). А – курганская керамика; Б – серая керамика; В – красноглиняная грубая керамика; Г – белоглиняная грубая керамика; Д – серая керамика селища Могутово-1

В комплексах следующего хронологического этапа горшки 1 варианта курганной керамики встречаются в единичном числе: сосуды из *сруба 1* (МК, табл. 31: 1000) и ямы 3 (МК, табл. 41: 1902) *Исторического проезда*. В этот период господствуют значительно менее профилированные формы.

Венчик 76-204 (рис. 40 А) с упором под крышку, с валиком, вывернутым наружу и краем, оформленным в виде острого ребра, изготовлен в той же технологической традиции. В изломе он трехслойный: середина темно-серая, поверхности – бурье с кирпичным оттенком. Возникает описываемая форма не позднее середины XII в., на что указывает присутствие таких горшков в *погребениях кургана 9 Черемушкинской группы* (МК, табл. 9: 4) и *кургана 4 Черневской группы* (МК, табл. 10: 3), которые датируются первой половиной – серединой XII в. Ряд аналогий имеется в комплексе из *нижнего слоя Богоявленского монастыря* (МК, табл. 23: 120; табл. 21: 601) и ямы 8 *Исторического проезда* (МК, табл. 27: 2572). В *срубе 1 Исторического проезда* отыскивается лишь один подобный венчик (МК, табл. 32: 584). В комплексах первой половины XIV в. венчики становятся менее профилированы, а желобок, ранее использовавшийся как упор под крышку, становитсяrudиментом (*Огонек*, Лешково-2. МК, табл. 63: 4; табл. 65: 82).

Венчик 3 варианта («коническая воронка») 76-208 (рис. 40 А) имеет почти горизонтальную площадку и небольшие выступы с внешней и внутренней сторон. Тесто содержит примеси крупнозернистого песка и дресвы. В изломе трехслойный (темно-серый внутри и буро-кирпичный снаружи). Первой половиной – серединой XII в. датируется подобный сосуд из *погребения 1 в кургане 9 Черемушек* (МК, табл. 16: 1), второй половиной XII в. – из *кургана 41 Балтина* (МК, табл. 16: 1) и *курганной группы Аносино* (МК, табл. 16: 2), концом XII – первой третью XIII в. – из *кургана 2 группы Дубки Царицынские* (МК, табл. 16: 3), первой третью XIII в. – из *нижнего слоя Богоявленского монастыря* (МК, табл. 22: 515).

Пятый вариант представлен венчиком 76-200 (рис. 40 А). Изготовлен он в той же традиции, но стенки несколько тоньше, чем у вышеописанных сосудов. Сильная, типично древнерусская, профилировка и желобок для упора под крышку сочетаются у сосудов этого типа с отсутствием валиков. Край горшка имеет вид острого ребра, а внешняя поверхность венчика – овала с двумя гранями. Горшок, имеющий подобное же завершение, найден в погребении из 8 кургана в *курганной группе Поваровка-3*, которое датируется серединой XII в. (МК, табл. 13: 4). Встречена подобная керамика и в комплексах XIII в. послекурганно-

го времени: *срубе 1 Исторического проезда* (МК, табл. 31: 998; табл. 32: 585) и яме 1 из селища *Царево-1* (МК, табл. 62А: 4).

Более полно представить себе облик курганных сосудов позволяет анализ орнаментированных стенок. У сосуда 76-209 (толщина 4 мм, примесь крупнозернистого песка и слюды, неполный окислительный обжиг) горизонтальное рифление покрывало значительную часть туловы. Полосы имеют ширину порядка 2 мм и глубину до 1 мм с небольшими (2,5 мм) промежутками. Подобный орнамент является отличительной чертой *горшков из курганов* и встречается на сосудах из *нижнего слоя Богоявленского монастыря*. В комплексах типа *сруб 1 Исторического проезда* и более поздних он не встречен. Аналогичный орнамент имеется и на стенке 76-224. На 76-210 орнамент нанесен тонкими (ширина промежутков в среднем 0,5 мм) полосами.

Серая керамика (рис. 40 Б) выделяется по технологическим особенностям, о которых уже шла речь, и по форме венчиков. Верхняя часть массивного горшка 76-203 (толщина стенки 7,5 мм) изготовлена из глины с примесью крупнозернистого песка (кварциты до 1,5 мм) и прошла неполный окислительный обжиг, в результате чего в изломе черепок приобрел черный, а на поверхности – бурый цвет. Поверхность слегка заглажена. Венчик 3-го варианта отогнут под углом 45°, с эллипсовидным валиком с внешней стороны. По верхнему краю сосуда прослеживается ребро. Представлен в комплексах типа *сруба 1 Исторического проезда – Шарапово-5А* (МК, табл. 62 В: 4), *Лешково-2* (МК, табл. 66: 74), *сруб 6 Исторического проезда* (МК, табл. 48: 2471) и в комплексе из *Шавыкина монастыря*¹². Приведенные образцы 3-го варианта родният с венчиком 76-203 угол наклона, наличие валика по внешней стороне и ребра по краю сосуда. Резкий (под углом 90°) переход от внутренней поверхности венчика к валику находим в *Шарапово-5А* (МК, табл. 62 В: 11).

К 6 варианту серой керамики (венчик, срезанный под углом 45°) относится 76-211 (рис. 40 Б). В качестве примеси использован по большей части среднезернистый песок, хотя отдельные кварциты и достигают размера 1,5 мм. В изломе черепок одноцветный, темно-серый. Поверхность заглажена. Края венчика не имеют острых ребер. Подобный вид сосуда существует с видом, имеющим острые ребра, на протяжении длительного времени. Аналогии рассматриваемого венчика имеются в *срубе 1 Историческо-*

¹² Чернов С. З. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. / Науч. совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 1995. Рис. 7: 8-й сверху.

го проезда (МК, табл. 32: 876), яме 4 Монетного двора (в заполнении ямы 5) (МК, табл. 65: 3750; табл. 66: 5159), селищах Огонек (МК, табл. 63: 9) и Лешково-4 (МК, табл. 67, Б4: 783), Шавыкине монастыре¹³. Поскольку по технике изготовления рассматриваемый сосуд нельзя отнести к раннему этапу производства серой керамики, скорее всего, его бытование следует относить к тем периодам московского керамического производства, которые отражены комплексами типа Лешково-2 и Шавыкин монастырь и датируются соответственно первой половиной и последней четвертью XIV в. Венчик 76-201 7-го варианта (коническая воронка) по технологии изготовления аналогичен 76-203. По краю сосуда с внутренней стороны проходит желобок, возможно, имитирующий упор под крышку. С внешней же стороны имеется еле заметное валикообразное утолщение. Ближайшей аналогией является венчик из сруба 1 Исторического проезда (МК, табл. 32: 583).

Красноглиняная грубая керамика (рис. 40 В). Наиболее ярким образцом этого типа является 76-198. Это верхняя часть небольшого (Д венчика 12 см) горшка с венчиком, отогнутым под углом 20° и шейкой, плавно переходящей в плечико, которое, судя по его профилю, не имело ребра. Бросается в глаза архаичная техника изготовления сосуда: примесь средне- и крупнозернистого песка (кварциты от 0,1 до 1,7 мм). О том, что сосуд был подвергнут неполному окислительному обжигу, свидетельствует различие в цвете черепка в изломе (темно-серый), на внешней (черный) и внутренней (бурый с кирпичным оттенком) поверхности. По форме венчика это переходная форма между 2 (валик изнутри) и 3 вариантами (горизонтальная площадка). Шейка сосуда украшена двумя рядами «косой волны» классического вида (в нижнем ряду орнамент лишь слегка намечен). Это довольно редкий случай, поскольку практически всегда этот орнамент наносился лишь в один ряд. Прямых аналогий этого сосуда найти пока не удалось. Однако период, когда бытовали особенности его формы и орнаментации, может быть очерчен. Подобная постановка венчика в сочетании с горизонтальной площадкой фиксируется в комплексе из Шавыкина монастыря¹⁴ и Михайловском-2 (МК, табл. 70: 164, 167),

¹³ Чернов С. З. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. / Науч. совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 1995. Рис. 7: 1-й сверху.

¹⁴ Чернов С. З. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. / Науч. совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 1995. Рис. 7: 10-й и 11-й сверху; рис. 8: 4-й сверху.

хотя для последнего более типична вертикальная постановка венчика. Аналогии орнамента находим в Михайловском-2 (МК, табл. 71: 147), технологии – в Шавыкином монастыре. Дата: последняя четверть XIV – первая половина XV в.

К тому же времени следует относить и фрагмент верхней части тула и плечика красноглиняного горшка 76-212 (рис. 40 В). Толщина стенки 4 мм. Изготовлен горшок из красножущейся глины с средне- и крупнозернистым песком (кварциты до 1,2 мм) и слюдой (фрагменты размером 1 мм). Определенное несовершенство окислительного обжига привело к отслаиванию тонкого внешнего слоя. По плечику горшка нанесен орнамент в виде косой волны раннего вида («волна» не имеет наклона, но характерные для данного типа орнаментации заострения присутствуют). Аналогии такого орнамента фиксируются в комплексах Лешково-2 (МК, табл. 64: 117), Лешково-4 (МК, табл. 67, Б 6: 361; Б 1: 615). Ранним признаком является и нанесение орнамента на плечико. Этот прием, идущий от древнерусской традиции (см. например: МК, табл. 16: 3; табл. 17: 3) в первой половине XV в. (комплекс Михайловское-2) совершенно выходит из употребления. Зато он изредка встречается в комплексах XIV в. Лешково-2 (МК, табл. 64: 101, 104, 105) и Шавыкин монастырь¹⁵. Таким образом, и технология изготовления сосуда, и тип орнаментации, и ее место свидетельствуют о том, что перед нами ранний образец красной грубой керамики, который может быть отнесен к периодам, отраженным комплексами типа Лешково-2 и Шавыкин монастырь XIV в.

Белоглиняная грубая керамика (рис. 40 Г) выделяется по трем венчикам, донцу (76-227) и стенке (76-213). Венчики 76-206 и 76-207 весьма типичны (вертикальная постановка, массивный уплощенный валик с внешней стороны). Сосуды данного вида широко распространены в комплексах последней четверти XV–XVI в. Особняком стоит венчик 76-199. Он изготовлен из какого-то редко употребляемого сорта глины, которая после обжига сообщает черепку светло-серый цвет. Примеси – мелко- и среднезернистый песок (кварциты до 1 мм). Тесто хорошо отмучено. Эти технологические особенности позволяют отказаться от отнесения данного венчика к серой керамике, хотя, с точки зрения его формы, это было бы вполне естественно. Венчик отогнут под углом 45° и срезан на конце. С внешней стороны имеется небольшое утолщение.

¹⁵ Чернов С. З. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. / Науч. совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 1995. Рис. 7: 1-й и 4-й сверху.

В крупных сериях ранней белоглиняной грубой посуды близкие формы фиксируются (*селище у Воскресенского погоста – МК, табл. 121, 8-й венчик в верхнем ряду*). Поэтому можно высказать предположение о том, что рассматриваемый сосуд следует отнести к раннему этапу производства белой грубой посуды, когда технология ее изготовления и формы сосудов еще только устанавливались¹⁶.

Датировка памятника. О присутствии на памятнике материала второй половины XII – первой трети XIII в. свидетельствует большой процент курганной керамики (35%) и присутствие вариантов и форм, которые находят аналогии среди сосудов из курганов *середины XII – первой трети XIII в.*, а также комплекса из *нижнего слоя Богоявленского монастыря*. Период керамического производства второй половины XIII в. (типа *сруба 1 Исторического проезда*) в Могутово-2 представлен горшком 5 варианта курганной керамики, ранними в технологическом отношении образцами 3-го и 7-го вариантов серой керамики. Аналогии указанных сосудов содержатся в комплексах из *сруба 1 и ямы 3 Исторического проезда, Царево-1 и Шарапово-5А*. Горшки типа 76-203 изготавливались и на следующем этапе керамического производства, поскольку его аналогии имеются в комплексах из *сруба 6 Исторического проезда и Лешкова-2*. В коллекции нет керамических форм, которые могли бы однозначно быть отнесены к этому этапу. Однако тот факт, что серая керамика составляет более половины (54%) материала, показывает, что в первой половине XIV в. жизнь на памятнике не прерывалась.

Ряд фрагментов уверенно связывается с XIV в. в целом, поскольку их аналогии встречены и в комплексах типа *Лешкова-2* и в сооружении *1 Шавыкина монастыря*: горшок 6 варианта серой керамики и орнаментированный «косой волной» раннего вида фрагмент верхней части туло-ва 76-212. Присутствие на памятнике материалов периода господства красноглиняной грубой посуды фиксируется выразительным венчиком, который относится к ее 3 варианту. Судя по аналогиям (*Шавыкин монастырь и Михайловское-2*), он может быть датирован в пределах последней четверти XIV – первой половины XV в. XV веком датируются фрагменты 76-259 и 76-199 – редкий образец, отражающий начальный этап производства белой грубой посуды. Новый этап московского керамического производства последней четверти XV в. выделяется на памятнике лишь на основании

¹⁶ В качестве примера многообразия форм белоглиняной керамики в этот период укажу на присутствие в комплексе из ямы 1 *Монетного двора*, отложившемся до пожара 1493 г., трех белоглиняных грубых горшков с вертикально стоящими венчиками без валиков (МК, табл. 100: 4430, 4432, 4625).

белоглиняной грубой посуды, которая составляет 8% состава коллекции – видимо, интенсивная хозяйственная жизнь прекратилась здесь в первой половине XVI в.

С селища Могутово-2 происходит значительная коллекция монет. Наиболее ранняя из них – пуло Золотой Орды конца XIII – начала XIV в., а также монета Великого княжества Московского конца XIV – начала XV в. Найдено 6 монет великого князя Василия Дмитриевича (1389–1425), одна монета удельного князя Петра Дмитриевича Дмитровского (ок. 1400–1428), 4 монеты великого князя Василия Темного (1425–1462), одна монета Ивана III (1462–1505), одна монета Василия III (1505–1533) и две – Ивана IV (1535–1538)¹⁷.

Есть основания предполагать, что в северной части селища Могутово-2 в перспективе может быть обнаружен **грунтовый могильник** (рис. 41).

В 1984 г. от жительницы д. Могутово Аллы Степановны Столетовой было записано, что, по преданию, на месте ближайшей к городищу части деревни в древности было кладбище.

Место это было обследовано в 2002 г. Оно расположено в 200 м к северу от раскопа, заложенного на месте обнаружения печатей, и в 150 м к востоку от Могутовского городища. Место некрополя представляет собой мыс (70×70 м), вдающийся в пойму реки Шеренки (рис. 41 А). С севера мыс ограничен рекой, а с запада – широкой (150 м) долиной ручья. В настоящее время на мысу расположена усадьба крайнего западного дома северного порядка домов д. Могутово.

Жители этого дома передали экспедиции восемь нательных крестиков XVII–XVIII вв., серию пуговиц и створку круглоконечного креста-энколпиона XV–XVI вв. (рис. 41 Б) – находки, типичные для сельских некрополей Подмосковья. Аналогичный крест-складень с изображением Распятия и предстоящих Богородицы и Иоанна Предтечи был найден на погосте Афанасия и Кирилла Александрийских на посаде древнего города Радонеж¹⁸. Как показали раскопки, погребения этого могильника датируются 1570–1610 гг.

Второй храм, по преданию, располагался к востоку от деревни Могутово. В 140 м к востоку от западного края деревни во время копки колодца, близ которого в XIX в. стояла часовня, нашли человеческий череп. Восточный конец деревни носит название «Воскресенское».

¹⁷ Волков И. В. Средневековые монеты с селища Могутово-2 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2. С. 35–43.

¹⁸ Чернов С. З. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже по данным археологических исследований 1997–1998 гг. // Российская археология. 2000. № 1. С. 68, рис. 4: 25, 26.

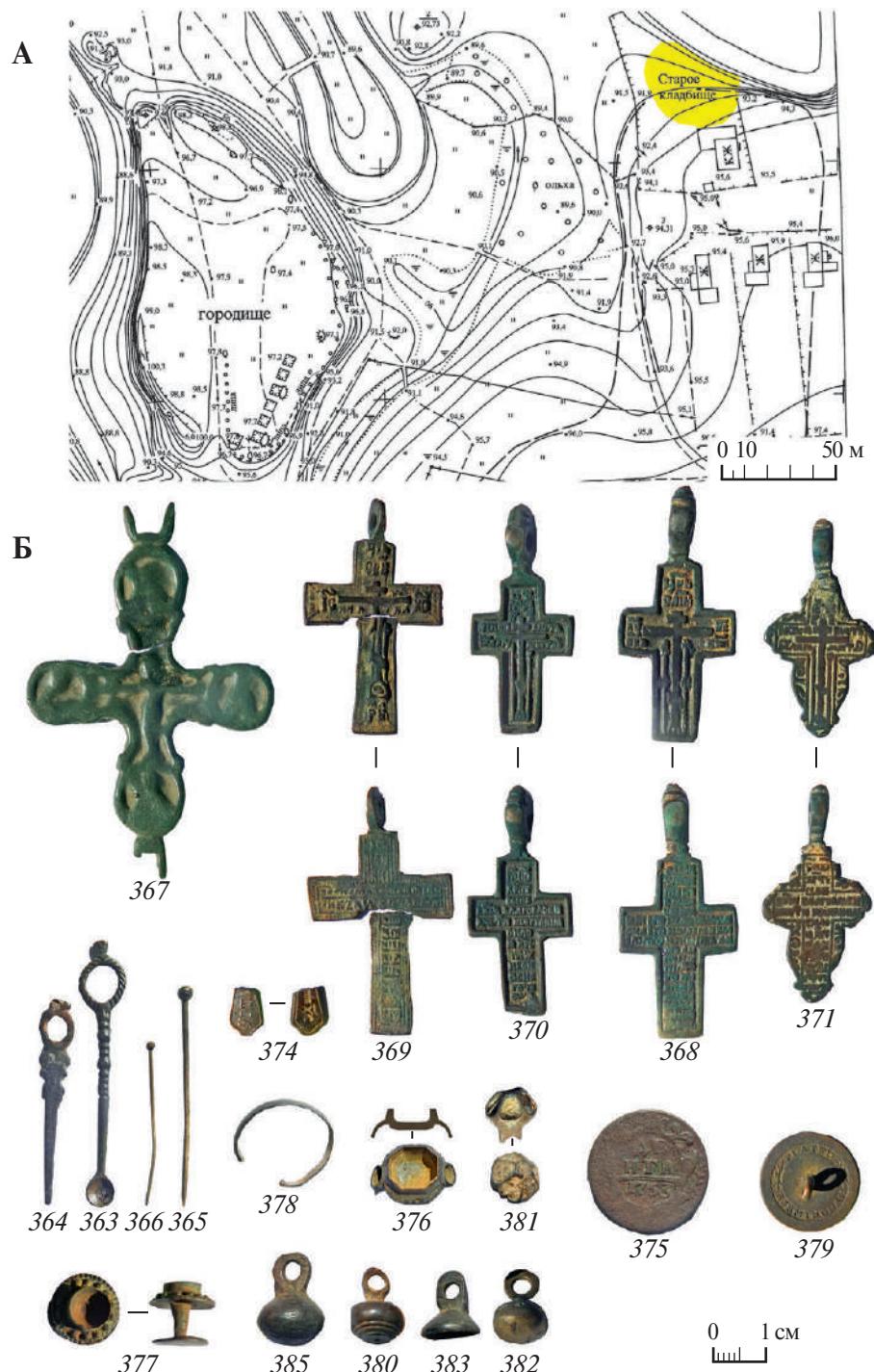

Рис. 41. Следы некрополя в северной части селища Могутово-2, на берегу р. Шеренки.

А – план. Желтым цветом показана зона обнаружения находок, связанных с некрополем.

Б – находки из зоны некрополя: 367 – лицевая створка бронзового круглоконечного энколпиона с изображением Распятия; 368–370 – кресты-тельники квадратоконечные бронзовые с изображением Голгофского Креста на лицевой стороне и молитвой Кресту – на оборотной (368, 370 – с ковчежцами); 371 – крест-тельник квадратоконечный бронзовый листовидный с изображением Голгофского Креста на лицевой стороне и молитвой Кресту на оборотной;

374 – обломок нижней части бронзового креста-тельника с надписью «...уставіся»;

363, 364 – копоушки из сплава; 365, 366 – иглы, 378 – колечко бронзовое; 376 – перстень с ячейкой для вставки камня; 380, 382, 383, 385 – пуговицы медные; 381 – пуговица камзольная; 377 – пуговица с ячейкой для вставки камня; 375 – деньга 1753 г.; 379 – пуговица круглая плоская, из сплава с надписью «Plated Birmingham», XIX в.

ГЛАВА 3

ШЕРНА-ГОРОДОК: ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Историческая идентификация Могутовского археологического комплекса основана на свидетельстве писцовой книги Московского уезда письма и меры Л. Кологривова и Д. Скирина 1623/1624 г., в котором существующая до наших дней деревня Могутово упоминается как «Могутово Шеренское городище тож»¹. Данное упоминание позволило надежно идентифицировать комплекс археологических памятников у д. Могутово с городком Шерной, известным по духовным и договорным грамотам великих московских князей².

Первое упоминание «Шерны городка» содержится во второй духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г. «Шерна городок» назван в грамоте в числе «московских волостей», приданных к создаваемому Дмитровскому уделу сына Дмитрия Донского князя Петра Дмитриевича (рис. 42)³.

Земли волости «Шерны городка» принадлежали Дмитрию Донскому уже в момент выдачи меновной грамоты чернечу Савве, который получил земли на Медвежьих озерах взамен своего села Воскресенского Верх-Дубенского, локализуемого в пределах этой волости, на правом берегу речки Дубенки выше д. Беседы по течению реки. Грамота эта датируется периодом 23.05.1381 – 23.08.1382 или, что менее вероятно, осенью 1382 – 29.06.1383⁴.

О существовании волости Шерна-городок в духовных грамотах московских князей 1336–1359 гг. данных нет. Поскольку эта волость никак не могла быть новообразованием третьей четверти XIV в., надо думать, что она входила в состав великого владимирского

княжения, земли которого великие московские князья до Дмитрия Донского не включали в свои духовные грамоты. В то же время в источниках нет каких-либо свидетельств о том, что волость Шерна-городок входила в состав Переяславских земель. К этому вопросу мы еще вернемся по ходу изложения материала.

После смерти князя Петра 05.02.1428 г. волость Шерна-городок, также как и волость Воря и вообще весь его удел (кроме волостей, оставшихся за его вдовой Евфросиньей), перешла к князю Юрию Дмитриевичу Звенигородскому, и позднее оспаривалась Василием II. В написанной около февраля 1433 г. духовной грамоте князь Юрий Дмитриевич передавал «городок Шерна» Дмитрию Шемяке, однако эта духовная грамота не была реализована⁵. После завершения династической войны (1456) волость «Шерна городок» вошла в состав владений великих князей: она упоминается в духовной грамоте Ивана III 1504 г.⁶ и Ивана IV 1577–1579 гг.⁷

На первый взгляд, упоминание в этих документах волости с таким названием косвенно свидетельствует о том, что укрепленное поселение продолжало функционировать по меньшей мере до 1577–1579 гг. Однако такой вывод опровергается описанием волости, проведенном в 1543 г. Ростпись сошных окладов 1543 г. в разделе «Волость Шеренка а в ней д(е)р(е)вни черные отданы детем боярским в поместие» упоминает: «за Васюком за Бизюкою за Ивановым с(ы)ном д(е)р(е)вня Могутово а сошные пашни пол пол трети сохи»⁸. Таким образом, в 1543 г. поселение имело уже статус деревни и, судя по всему, ограничивалось ее территорией. Городок к этому времени скорее всего уже не функционировал, память о нем сохранилась лишь в названии волости.

¹ 7131/7132. Список с писцовой книги поместных и вотчинных земель в станах: Шеренском и Отъезжем и Васильцове, письма и меры Л. Кологривова и Д. Скирина // РГАДА. Ф. 1209. Кн. 9806. Л. 1010 об., 1011.

² Юшко А. А., Чернов С. З. Из исторической географии Московской земли (по итогам полевых работ 1976 г.) // Советская археология. 1980. № 2. С. 123, 124.

³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., Л., 1950. (далее: ДДГ) С. 34.

⁴ Обоснование датировки см.: Чернов С. З. Пехорский бортный стан: реконструкция структуры землевладения XIV–XVI вв. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2. М.: Наука, 2004. С. 76–80.

⁵ ДДГ., С. 74. Чтение текста духовной дается по В. Д. Назарову (Назаров В. Д. Дмитровский удел в конце XIV – середине XV в. // Историческая география России XII – начало XX в. М., 1975. С. 55).

⁶ ДДГ., С. 354.

⁷ ДДГ., С. 434. Дата духовной грамоты Ивана IV дается по: Юрганов А. А. О дате написания завещания Ивана Грозного // Отечественная история. 1993. № 6.

⁸ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 303. Кн. 637. Л. 295 об.

Рис. 42. Волость Шеренка и сопредельные территории на северо-востоке Московского княжества в XV веке.
Карта.

Судя по перечню селений волости в «Росписи сошных окладов», составленной по писцовым книгам 7051 (1543) г. князя Р.Д. Дашкова и Ф.Г. Адашева (отца члена «Избранной рады») (по волости Шерна-городок – после 1547 г.),⁹ в писцовых книгах 1576–1578 и 1584–1586 гг.¹⁰ волость «Шеренка» (как она стала называться во второй половине 1570-х гг.) охватывала бассейны рек Шеренки и Дубенки, достигая на востоке р. Мележи (рис. 42). Деревня Могутово располагалась приблизительно в центре волости.

Летописное известие 1177 г. и реконструкция трассы дороги из Москвы в Переяславль

Первое упоминание местности, в которой располагалась Шерна, содержится в Лаврентьевской летописи под 1177 г. в рассказе о завершающем этапе борьбы за владимирский престол, последовавшей после убийства князя Андрея Боголюбского. После описания сокрушительного поражения, которое владимирцы и переяславцы под руководством Всеволода Юрьевича нанесли на Липице 27 июня 1177 г. ростовцам и сузальцам, возглавляемым Мстиславом Ростиславичем, последний бежал в Новгород, но не был принят новгородцами:

«Он же ѿха из Новагорода Рязанию и подъмолви Глѣба Рязаньского князя зятя своего. Глѣбъ же на ту осень приѣха на Москву и пожже городъ весь и села. Князь же Всеволодъ поѣха к нему и бывшио ему за Переяславлемъ подъ Шернскимъ лѣсомъ, в то же время приѣхали к нему Новгородцы Милонѣжькова чадъ и рекоша ему: „княже не ходи без Новгородскихъ с(ы)новъ поиди на ны одиноя с нами“. Князь же Всеволодъ послушавъ Новгородецъ възложивъ оупованье на Б(ог)а и на с(вя)тую Б(огороди)цу възвратися Володимерю. А Глѣбъ, пожегъ Москву, иде Рязанию»¹¹.

Из данного известия видно, что Всеволод двигался из Переяславля в Москву, когда – «подъ Шернскимъ лѣсомъ», – к нему приехали новгородцы. Следовательно, Шернский лес нужно искать где-то в районе р. Шерны и ее правого притока реки Шеренки, в бассейне которой в XIV в. располагалась волость Шерна-городок. Однако указанные бассейны рек охватывают обширное пространство, поэтому для определения местоположения Шернского леса необходимо возможно точно локализовать трассу дороги из Переяславля в Москву (рис. 4). От это-

го зависит, в какой степени данное известие может быть использовано для понимания места Могутовского археологического комплекса в системе укреплений Владимира-Сузdalского княжества в этом районе в 1170-е гг.

В источниках XIV–XV вв. упоминается три дороги из Москвы на Переяславль. В меновной и жалованной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича 1381–1382 гг. на монастырек Спасо-Преображения на Медвежьих озерах упоминается «великая дорога старая Переяславская лесная»¹² (рис. 4: 10). Само название этой дороги свидетельствует о том, что она возникла задолго до 1380-х гг. и функционировала в 1380-е гг. наряду с новой дорогой на Переяславль.

В этой новой дороге есть все основания видеть дорогу, пролегавшую через Радонеж. Первое упоминание о ней содержится в «Житии Сергия Радонежского» при описании событий княжения великого князя Ивана Красного 1353–1359 гг. Эта дорога имеется «великим и широким путем вселюдским», однако каких-либо указаний о ее древности в «Житии» нет¹³. Наиболее раннее поселение в районе Радонежа близ пересечения этой дорогой реки Пажи возникло во второй – третьей четверти XIII в.¹⁴ К рубежу XIII–XIV в. сформировалась группа поселений, которую можно рассматривать как раннюю волость Радонеж¹⁵. Именно этим временем и следует датировать прокладку Радонежской Переяславской дороги. Создание новой дороги могло быть связано с борьбой московских князей за Переяславль (1302–1304 г.) или с освоением этого края, развернувшимся после вхождения на великокняжеском престоле Ивана Даниловича Калиты (1328 г.)¹⁶.

¹² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 2. М., 1958 № 340. С. 338 (далее: АСЭИ).

¹³ Житие преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия чудотворца // Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 332. Трасса выявлена археологически: Чернов С. З. Исторический ландшафт древнего Радонежа. Происхождение и семантика // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988. М.: Наука, 1989. С. 420. Рис. 5: X.

¹⁴ Чернов С. З. Курганская группа и селище Лешково-11 в верховьях Оржавца: Радонеж за полвека до отрока Варфоломея // История и культура Ростовской земли. 2016. Ростов, 2017. С. 68–104.

¹⁵ Чернов С. З. Селища на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в последней четверти XIII – первой половине XIV в. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2004. С. 245–284.

¹⁶ Чернов С. З. Переяславская дорога XIV–XV в. в районе Радонежа: историко-археологическое исследование // «По любви, въ правду, безо всяких хитростей». Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. Сборник статей. М.: Индрик, 2014. С. 219–220.

Что касается третьей Переяславской дороги – Хомутовской (она пролегала между Радонежской и Стромынской и пересекала р. Ворю в районе современной деревни Воря-Богородское), то источники прямо фиксируют ее появление в середине XV в.¹⁷ Таким образом устанавливается, что наиболее ранней из дорог между Москвой и Переяславлем являлась старая Переяславская лесная дорога, пролегавшая через район Медвежьих озер.

Старая Переяславская лесная дорога уверенно идентифицируется со Стромынской дорогой, которая пролегала в XVII–XVIII вв. через села Красное, Черкизово и Пехра. Обогнув Медвежьи озера с севера¹⁸, дорога вела к р. Клязьме, которую пересекала между селами Анисыкино и Городищи. В 7 верстах от р. Клязьмы дорога пересекала р. Ворю (в ее нижнем течении) у д. Громково и пролегала далее по водораздельным лесам через д. Черноголовль к селу Стромынь, расположенному близ основанного в 1379 г. Успенского Стромынского монастыря¹⁹.

Если трасса Стромынской дороги от Москвы примерно до села Стромынь вполне уверенно идентифицируется со «старой Переяславской лесной» дорогой 1380–1382 гг., то для следующего ее участка подобная идентификация вызывает серьезные сомнения. От села Стромынь дорога в XVII–XVIII вв. пересекала реку Мележу близ ее впадения в р. Шерну, переходила р. Шерну у села Филипповского и вела вверх по р. Шерне около 10 км (рис. 45: II). Затем, перейдя через узкий водораздел между р. Шерной и р. Киржачем, дорога выводила к Благовещенскому монастырю на Киржаче, основанному Сергием Радонежским около 1377 г., и вела на Юрьев Польской²⁰.

¹⁷ В грамоте Ивана III, датируемой 1467–1474 гг., и освобождавшей от постоеv жителей сел Скнятиновского и Эдигеевского, говорится: «и на тѣ деи у них села и деревни пролегла дорога не пошлая Хомутовская, да ставятся деи у них в тѣх селех» (АСЭИ. Т. I. М., 1952. № 360).

¹⁸ На этом участке дорога выявлена археологически (Чернов С. З. Округа Москвы в XIII–XVI вв. // Природа. 1997. № 4. Карта на С. 67 – между №№ 2 и 4).

¹⁹ Трассу Стромынской дороги см.: План Московского уезда Московской губ. 1797 г. (РГАДА. Ф. 1356. Д. 2358); План Богородского уезда Московской губ. 1784 г. (РГАДА. Ф. 1356. Д. 2189); Топографическая карта Московской губернии, составленная съ топографической съемки произведенной в 1852 и 1853 годах и гравированная въ Военно-Топографическом Депо. 1860 г. (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21387).

²⁰ Трассу дороги см.: План Киржачского уезда Владимирской губ. (РГАДА. Ф. 1356. Д. 27/197). Дата основания монастыря на Киржаче дается по: Кучкин В. А. Сергий Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 82–83.

Детально этот тракт показан на Военной съемке Московской губернии 1852 и 1853 гг.²¹ и Топографической межевой карте Владимирской губернии генерала А. И. Менде 1848–1850 гг. (рис. 43).

Совершенно очевидно, что с какого-то места трасса Стромынской дороги, уходившая в сторону Юрьева-Польского, и трасса старой Переяславской лесной дороги 1381–1382 гг. расходились. Последняя должна была пролегать в направлении север-северо-восток, к верховьям р. Шерны, именовавшейся рекой Серой, где в XV в. известна волость Великая слобода²², и далее на север к Переяславлю (рис. 1).

На уровне гипотезы могут быть рассмотрены два варианта трассы старой Переяславской дороги (рис. 45). Либо от Филипповского она вела вверх по р. Шерне, либо отходила от трассы позднейшей Стромынской дороги раньше, между д. Черноголовка и с. Стромынь, и вела через Шерну-городок и далее по водоразделу между реками Мележей и Шерной. В XVIII–XIX вв. через этот водораздел, который на пространстве в 20 км занят сплошным лесным массивом, существовала лишь одна дорога. Она пролегала через селения Крутец, Жары и Махра и точно соответствовала направлению от д. Могутово (Шерна-городок) на село Старая Слобода (центр волости Великая слобода).

Об использовании дороги от Стромынского монастыря к Александровой слободе мы узнаем из источников периода Смуты. Речь идет о событиях октября 1609 г., связанных со снятием осады с Троице-Сергиева монастыря. На встречу русско-шведскому войску Скопина-Шуйского, продвижвшемуся от Калязина к Переяславлю, из Москвы был направлен отряд в сторону Александровой слободы. В дневнике Яна Сапеги на этот счет имеется следующая запись: «Сообщают, что из Москвы вышли князь Иван Семенович Куракин и князь Иван Михайлович Лыков в среду вечером с тремя тысячами людей и были в Строменей. Вчера они вышли из Строменной к слободе Александровой с четырьмя большими полками. Замысел их всех, подготовившихся идти к Троице»²³. Неожиданный для поляков маневр, позволивший вытеснить их отряд из Александровой слободы, застал Яна Сапегу врасплох и явился причиной его последующего отхода от Троице-Сергиева монастыря.

²¹ Военная съемка Московской губернии. 1 верста (500 сажен) в дюйме. 1852 и 1853 годов. 135 листов // РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3657. Ряд V. Л. 14.

²² В жалованной грамоте великого князя Юрия Дмитриевича, датируемой 31 марта – 6 июня 1434 г., упоминается «село Зеленцыно в Великой слободѣ» (АСЭИ. Т. I, М., 1952. № 112 на с. 90).

²³ Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611) / Составители И. О. Тюменцев, М. Яницкий, Н. А. Тупикова, А. Б. Плотников. М., Варшава: «Древлехранилище», 2012. С. 169.

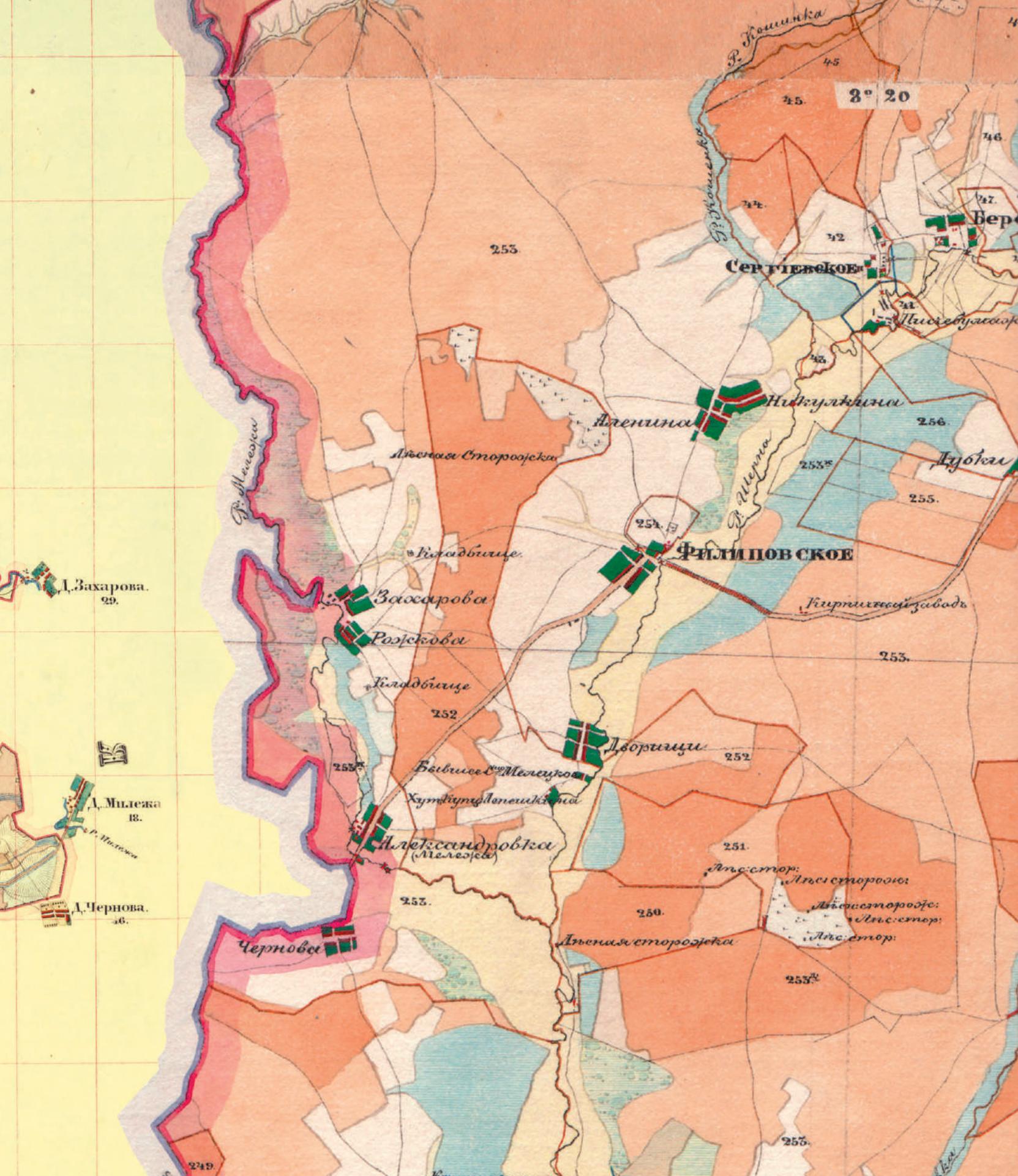

Рис. 43. Земли волости Шеренка (Московская губерния) и окрестности с. Филипповского (Владимирская губерния) в середине XIX в.

Слева: военная съемка Московской губернии. 1 верста (500 сажен) в дюйме.

1852 и 1853 годов. 135 листов (РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3657. Ряд V. Л. 14).

Справа: топографическая межевая карта Владимирской губернии генерала А. И. Менде 1848–1850 гг.

Рис. 44. План Киржачского уезда Владимирской губернии конца XVIII в. (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 197).

Фрагмент на село Филипповское.

Выделены села и границы,
восходящие к периоду Средневековья

В нашем распоряжении имеются источники, которые могут прояснить вопрос, по какому из этих двух направлений пролегала в конце XIV–XV вв. старая Переяславская дорога. Речь идет о комплексе поземельных грамот на село Филипповское на Шерне, принадлежавшее московскому Чудову монастырю²⁴. Земельные владения села Филипповского располагались в Переяславском уезде и граничили с волостью Шеренка по реке Мележе.

Во второй половине XV – начале XVI в. южная граница земель села Филипповского с землями великокняжеского с. Мелецкого была описана дважды. Первый отвод был произведен между 1462 и 1471 г. дьяком великой княгини Марии Ярославны Федором Долматовым, второй – 8.02.1504 г. писцом Ивана III В. И. Голениным²⁵. Хотя в первом отводе описание ведется от р. Мележи, а во втором – от Шерны, они упоминают те же самые ориентиры. Границы эти локализуются на основании Плана Киржачского уезда генерального межевания (рис. 44).

Граница 1462–1471 гг. (рис. 45: I) начиналась от р. Шерны и вела вдоль северной окраины нынешней д. Дворище, а затем водоразделом через Першин и Нефедовский колодцы к р. Мележе. Конечной точкой служило Нестерово болото южнее д. Рожково, которое, судя по описанию, оставалось на чудовской стороне.

²⁴ АСЭИ. Т. 3. М., 1964. №№ 31, 32, 38, 41, 46; Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV–XVI века из архива московского Чудова монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 2. М., 1997. С. 3–22; Маштафаров А. В. Вновь открытые монастырские акты XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. С. 36–52 (акт № 8).

²⁵ Маштафаров А. В. Вновь открытые монастырские акты... № 8. С. 47, 48; АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 46. С. 66, 67.

→

Рис. 45. Район Шерны-городка в конце XIV – начале XV в. Карта. I – Шерна-городок (Могутовский археологический комплекс); II – трасса Стромынской дороги из Москвы через Стромынский монастырь и Киржач на Юрьев Польской по планам Богородского уезда Московской губернии 1784 г. (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 2189), Киржачского уезда Владимирской губернии (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 197) и Топографической карте Московской губернии (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21387); III – границы земель села Филипповского московского Чудова монастыря по отводной грамоте Михаила Константина сына Дорожаева (12.02.1378–20.07.1379); IV – географические ориентиры, упоминаемые в отводной грамоте Михаила Константина сына Дорожаева (12.02.1378–20.07.1379); V – отвод Феодора Долматова (1462–1471) земель черного села Мелецкого и чудовского села Филипповского; VI – отвод В. И. Голенина (8.02.1504) земель черного села Мелецкого и чудовского села Филипповского; VII – «старая дорога к селу Филипповскому», упоминаемая в правой грамоте Василия I (1416–1417); VIII – трасса Старой Переяславской лесной дороги (1381–1382) через Шерну-городок с выделенным участком в районе д. Крутец, упоминаемым в отводной грамоте Михаила Константина сына Дорожаева (12.02.1378–20.07.1379); IX – поселения, упоминаемые в грамотах на село Филипповское Чудова монастыря и других документах 1379–1504 гг.; X – поселения, упоминаемые в XVI–XVII вв.; XI – примерные места расположения средневековых поселений (по данным генерального межевания); XII – граница Шеренской волости с переяславской волостью Маринина слобода; XIII – церкви; XIV – монастырь. В качестве подосновы использована карта ГУТК масштаба 1:50 000 1985 г.

Граница, описанная в 1504 г. (рис. 45: VI), начиналась от Нестерова болота и, оставляя земли Рожкова и Захарова слева, пролегала через те же Першин и Нефедовский колодцы. Отсюда она отклонялась от трассы 1462–1471 гг. и вела южнее д. Дворище. С юга к границе примыкало великоокняжеское село Мелецкое, ныне не существующее, но показанное к югу от д. Дворище на Плане Киржачского уезда (рис. 44) и Топографической межевой карте Владимирской губернии генерала А. И. Менде 1848–1850 гг. (рис. 43)²⁶.

²⁶ Натурное обследование, проведенное в июле 2002 г., показало, что село Мелецкое располагалось южнее существующей д. Дворище, там, где Шерна вплотную подходит к коренному берегу, между кирпичным зданием лесничества конца XIX в. и нынешней окраиной д. Дворище. Название исчезнувшего села сохранилось в наименовании недавно построенной в пойме Шерны улицы д. Дворище, которая носит название «Подмелецкая слобода».

Эти границы должны были пересечь трассу Стромынского тракта, который вел через с. Филипповское, показан на Плане Киржачского уезда конца XVIII в. (рис. 44) и сохранился до наших дней в лесу в виде кюветов (рис. 45: II). Однако ни описание 1462–1471 гг., ни описание 8.02.1504 г. этой дороги не упоминают²⁷. Видимо, в этот период дорога на Киржач и Сузdal еще не была проложена²⁸.

²⁷ В разъезде 1504 г. значатся многие ориентиры, в том числе «дорошка... от Мелецкого селца к Филипповскому селу» (АСЭИ. Т. 3. М., 1964, № 46. С. 66). Если бы на пути межевщиков оказалась большая дорога из Москвы в Юрьев-Польской, они обязательно указали бы ее.

²⁸ Следует учесть, что в июне 1501 г. дорога в районе Медвежьих озер уже именовалась Стромынской (АСЭИ. Т. 2. М., 1958. № 424. С. 464). Следовательно, тогда она уже пролегала через Стромынский монастырь (близ современного села Стромынь), но еще шла на Переяславль. Возможно, она вела через д. Стояново по трассе дорог, сохранившихся до XIX в. (Топографическая карта Московской губ. 1860 г.).

Рис. 46. Вид долины реки Шерны вверх по ее течению.

На переднем плане – церковь в с. Заречье. Далее просматривается впадение ручья – «Феодоровский исток», упоминаемый в отводной грамоте Михаила Константинова сына Дорожаева (12.02.1378 – 20.07.1379).

На заднем плане – устье реки Мележи

В грамотах на с. Филипповское дважды упоминаются «старые дороги». В правой грамоте Василия I, которую публикаторы датировали временем около 1416–1417 гг., описан участок границы села Филипповского «по старую дорогу к селу Филипповскому». Близ этой дороги располагались «деревни и луги городецькими»²⁹, которые являлись предметом земельного спора. Поскольку «городецкими» здесь могли быть лишь луга, относившиеся к Шерне-городку, их можно локализовать на р. Мележе выше Захарова, там, где Филипповская вотчина соприкасалась с территорией волости Шеренек (рис. 45: VII). Следовательно, речь идет о дороге из Шерны-городка в с. Филипповское.

Наиболее раннее описание границ земель села Филипповского содержится в Отводной грамоте, данной по слову великого князя Дмитрия Ивановича между 12.02.1378 и 20.07.1379. Оно звучит следующим образом:

«А отвод тем землям – по Великую Шерну, по Федоровской исток, по обе стороны Меленжи, по старую дорогу, по березовой мосток, по Кошенку»³⁰.

Данное описание принадлежит к типу ранних кратких описаний границ, которые локализуются с большим трудом. Положение, однако, облегчается тем, что в нашем распоряжении имеется изображение границы земельной дачи села Филипповского на Плане Киржачского уезда генерального межевания конца XVIII в. (рис. 44)³¹. Двигаясь вдоль последней, мы обнаруживаем один за другим древние ориентиры (рис. 45: III, IV). Федоровский исток локализуется на основании разъездной грамоты Федора Долматова (1462–1471). Он располагался на р. Шерне в 7 км ниже устья Мележи и отмечал рубеж переславских земель с московской волостью Куней (рис. 46)³². Следовательно, под «Великой Шерной» надо понимать течение р. Шерны ниже впадения р. Мележи.

Далее граница пролегает по реке Мележе³³. Такие ориентиры, как «старая дорога» и «березовый мосток», сами по себе не поддаются локализации. Однако вслед за ними следует упоминание р. Кошинки. Это правый приток р. Шерны, который впадает в нее в 3,5 км к северу от Филипповского (рис. 44). По Кошенке от устья до истока пролегала северо-восточная граница земель села Филипповского

(рис. 45: III). Следовательно, «старая дорога» и «березовый мосток» маркируют северный участок границы Филипповских земель. Обращаясь к Плану Киржачского уезда конца XVIII в. (рис. 44), обнаруживаем, что граница от р. Мележи почти до самых верховьев Кошинки шла вдоль той самой дороги через Крутец и Жары (рис. 45: VIII), которая выше была гипотетически реконструирована как второй вариант прохождения старой Переяславской лесной дороги.

Итак, может быть принят второй вариант локализации старой Переяславской лесной дороги – через городок Шерну и водораздел рек Мележи и Шерны (рис. 4: VII)³⁴. В таком случае «Шерньский лес» можно локализовать на этом водоразделе. Текст летописного известия 1177 г. можно понять таким образом, что князь Всеволод Юрьевич, двигавшийся от Переяславля к Москве, прошел населенную территорию в верховьях р. Серой и подошел к безлюдному и покрытому сплошным лесным массивом участку дороги на водоразделе рек Шерны, Молокчи и Мележи. Именно здесь «приѣхали к нему Новгородцы Милонѣжъкова чадъ», наставившие на том, чтобы князь отказался от похода на помочь Москве.

Укрепленные поселения последней четверти XII – первой трети XIII в. на Переяславской дороге по археологическим данным

Судя по археологическим данным, в последней четверти XII – первой трети XIII в. Переяславская дорога между Шерной и Москвой пролегала по населенному краю. Курганный могильник известен на верхней Дубенке (у д. Беседы). В районе перехода дороги через р. Ворю известно четыре селища с курганными могильниками (Кармолино, Громково на устье р. Пруженки, Медное Власово, Бирлюкова пустынь). На берегах Клязьмы, в районе пересечения реки дорогой, известны курганные могильники у деревень Анисъкино (15 и 20 насыпей) и Осеево (104 насыпи). Еще одно гнездо домонгольских поселений известно близ перехода дороги через р. Пехорку (селища и курганный могильник у с. Никольское-Трубецкое, селища Балашиха-1, Горбово-2 и Горбово-3, Алексеевка-1)³⁵.

³⁴ На карте видно, что трасса Стромынской дороги вплоть до д. Черноголовка ведет в направлении на север-северо-восток и как бы нацелена на Шерну. В 4 км от д. Черноголовка она поворачивает направо, на северо-восток, и ведет далее через села Стромынь и Филипповское.

³⁵ Чернов С. З. Сельское расселение и ландшафты на Пехорке: загадка хозяйственного подъема в Мещере при первых московских князьях // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М., 2004. С. 126–188.

²⁹ АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 31. С. 54.

³⁰ Антонов А. В., Баранов К. В. Указ. соч. С. 10. Грамота № 1.

³¹ План Киржачского уезда Владимирской губ. 1-я часть (РГАДА. Ф. 1356. Д. 27/198).

³² Маштафаров А. В. Вновь открытые монастырские акты... № 8. С. 47.

³³ Граница по р. Мележе, с включением участков на ее правом берегу у д. Захарово и д. Рожково, которые описаны в грамотах, сохранилась до нашего времени в виде административной границы Московской и Владимирской областей.

Около последней четверти XII – первой трети XIII в. здесь, к северо-востоку от Москвы, возникают небольшие городища-убежища, некоторые из которых в XIV в. являлись центрами княжеских волостей. Таковы Громковское городище при пересечении Переяславской дорогой р. Вори, Царевское городище в среднем течении р. Вори, идентифицируемое с центром волости Воря (первое упоминание 1336) и Балашихинское городище, известное в источниках более позднего времени как Никольское Мытище. Есть основания предполагать, что подобный же памятник будет обнаружен у села Городищи (ныне пос. Свердловский) в районе пересечения Переяславской дорогой реки Клязьмы³⁶.

Специальное исследование показало, что перед нами тип укрепленных поселений, который отражает новый этап окнажения округи Москвы, характерный для периода правления Всеволода Большое Гнездо (1177–1212) и его сыновей³⁷. Археологический комплекс в Могутово по размерам укрепленной части (8,6 тыс. кв. м) вдвое больше городищ-убежищ Царево (Воря) и Балашиха (Никольское Мытище) и в 2,5–4 раза меньше летописных городов – таких как Мстиславль, Юрьев, Дмитров, Москва. Другим отличием является наличие на площадке насыщенного культурного слоя. Таким образом, он занимает промежуточное положение между центрами протоволостей и древнерусскими городами.

Не менее существенным является и то, что Могутовский археологический комплекс возникает ранее городищ-убежищ – здесь найден материал середины – второй половины XII в. Таким образом, Могутово отражает более ранний этап окнажения территории, чем городища-убежища.

Во второй половине XIII – первой четверти XIV в. значение укреплений в Шерне снижается

³⁶ Данное поселение в XIV–XV вв. скорее всего являлось одним из административных центров в системе московских городских станов. Об этом косвенно свидетельствует следующее наблюдение: 7 поселений в радиусе 8 км от села Городищи имели свои доли в клязьминских лугах, непосредственно примыкавших к этому селу (Указатель планов дач генерального межевания Богородского уезда московской губернии // РГАДА, Ф. 1354. Оп. 859, Ч. 1; №№ 220–234 на генеральном плане).

³⁷ Этот тип памятников описан в статье: Чернов С. З. Укрепленные поселения XIII–XIV вв. Северо-Востока Московского княжества // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и Раннее Новое время (XI–XVIII вв.). Тезисы докладов научной конференции (Москва, 3–5 декабря 1996 г.) / Институт российской истории. М., 1986. С. 136–144.

до центра волости, в качестве которого он продолжал функционировать наряду с городищами-убежищами. Однако на следующем этапе – вторая четверть XIV – середина XV вв., когда городища-убежища прекратили свое существование в качестве укрепленных пунктов, Могутово продолжало развиваться. Об этом свидетельствует присутствие керамики, близкой комплексам из Шавыкина монастыря и Михайловского-2 (последняя четверть XIV – первая половина XV в) и обнаружение на памятнике монет Василия I, князей Петра Дмитриевича и Василия II³⁸. Упоминание Шерны в 1389 и 1433 г. как «городка» показывает, что он являлся крепостью. С востока от укреплений располагался посад с церковью, при которой, видимо, существовал некрополь. По своей структуре Шерна-городок в этот период мало отличался от таких «новых» «городков», как Радонеж, укрепления которого были созданы в 1370-е гг., и Вышгород на Яхроме.

В третьей четверти XII в. Шерна располагалась, так же как и Москва, на важнейшей суходуптной коммуникации, связывавшей Ростов и Переяславль с Черниговской землей и Киевом. Судя по всему, именно этим путем совершались походы князей 1174–1175 гг. из Чернигова в Сузdalскую Русь периода борьбы Мстислава и Ярополка Ростиславичей с Михалком и Всеволодом за наследство Андрея Боголюбского. Если Москва (как это следует из рассказов летописей о событиях 1174–1175 гг.) являлась крайним форпостом Владимира-Сузdalского княжества, находившимся тогда непосредственно вблизи Черниговского и Рязанского пограничья, то укрепленное поселение, известное позднее как Шерна-городок, как будто прикрывало внутренние районы княжества – Переяславское и Юрьевское ополья. Следует, впрочем, заметить – и это представляется весьма существенным в плане дальнейшего изложения, – что городок располагался не со стороны ополья, а с внешней (по отношению к ядру Сузdalской земли) стороны Шернского леса. С военной точки зрения, такому расположению крепости довольно трудно найти объяснение, тем более что, судя по археологическим данным, на окружающих городок территориях в XII в. не наблюдалась большая концентрация сельских поселений, которые нужно было бы защищать. Объяснение подобному расположению Шерны я попытаюсь дать ниже.

³⁸ Волков И. В. Средневековые монеты с селища Могутово-2 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2. С. 35–43.

Часть II

Раскопки

древнерусской

Шерны

ГЛАВА 4

РАСКОПКИ В ПОЙМЕ РЕКИ ШЕРЕНКИ: ОТКРЫТИЕ РАННЕГО ПОСЕЛЕНИЯ

Обращение к археологическим исследованиям в Могутово следует начать с описания наиболее раннего поселения, поскольку полученные здесь данные бросают свет на начальный этап возникновения Шерны как поселения на сухопутной дороге, связавшей Юг Руси с Ростовской землей.

В 2005 г. работы Московской областной археологической экспедиции ИА РАН¹ были сконцентрированы на пойменных лугах, прилегающих к Могутовскому городищу² (рис. 27, 28). К этому времени исследования в поймах, ориентированные изначально на выявление влажных и/или стратифицированных отложений и данных о палеосреде³, получили новое дыхание в связи с тем, что раскопки пойменной части Гнездовского археологического комплекса 2001–2005 г. открыли порт X в.⁴ Раскопки в пойме р. Шеренки оказались исключительно продуктивными. Они не только дали базовую стратиграфию аллювиальных напластований от неолита до современности, но и позволили выявить наиболее ранний этап освоения Шерны в период Средневековья.

¹ Подробнее о Могутовском археологическом проекте см. в главе 5.

² Чернов С. З., Глазунова О. Н. Раскопки в пойме близ городища Могутово в Щелковском районе Московской области // Археологические открытия 2005 года. М.: Наука, 2007. С. 271–272. Отчет был подан с запозданием: Чернов С. З. Отчет об археологических раскопках в пойме реки Шеренки близ селища Могутово-2 в Щелковском районе Московской области в 2006 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 51260.

³ Александровский А. Л., Кренке Н. А., Низовцев В. А., Спирidonова Е. А., Янишевский Б. Е. Пойменный ландшафт в долине Москвы-реки в железном веке и Средневековье // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М., 2005.

⁴ Мурашёва В. В., Авдусина С. А., Рузанова С. А., Фетисов А. А. Исследование пойменной части поселения Гнездовского археологического комплекса // Археологические открытия 2005 года. М., 2007. С. 191–193; Мурашёва В. В., Панин А. В., Фетисов А. А. Междисциплинарные исследования в археологии (по результатам исследования Гнездовского археологического комплекса) // Средние века. Вып. 70 (3). М., 2009. С. 132–147.

Как уже отмечалось, Могутовское городище расположено на мысовом выступе коренного берега (148–149,5 м в Балтийской системе высот)⁵, который глубоко вдается в пойму реки Шеренки (рис. 47). На западе его омывает река, на востоке – ручей. На юге городище соединяется с плато узкой перемычкой, которая в древности была обращена в ров. С севера к городищу примыкает небольшой луг (125×70 м). Луг расположен в излучине и в прошлом был зажат между стеной крепости (ныне северный вал городища) и рекой (рис. 48). Именно он стал предметом нашего изучения. К востоку от впадения в Шеренку ручья, во второй излучине реки, располагается луг больших размеров (200×100 м). В центре его возвышается останец (диаметром 35 м), на котором был прослежен культурный слой древнерусского времени (рис. 24).

Раскоп в пойме

Раскоп (32 кв. м; 8×4 м) был заложен в пойме р. Шеренки (рис. 48), в 38 м к северу от древнего северного въезда на городище (рис. 49), между ним и старым мостом через р. Шеренку, по которому в XIX в. проходила дорога из Могутова во Фряново. Как сообщили местные жители, дорога перестала существовать в послевоенное время, так как в результате торфоразработок пойма на левом берегу р. Шеренки была сильно заболочена. На указанном старожилами месте действительно сохранились остатки деревянных свай, маркирующие место старого моста (рис. 50). Как показали представленные выше историко-топографические исследования, примерно по этой трассе в XIV–XV вв. должна была пролегать упоминаемая в 1381–1382 гг. старая Переяславская лесная дорога, следы которой могли сохраниться под аллювием.

⁵ На плане, снятом в условной системе высот, указаны отметки 97–98,5 м. Для получения отметок в Балтийской системе к этим отметкам необходимо прибавить 51 м.

*Рис. 47. Могутовское городище. Вид с севера. На переднем плане луг в излучине р. Шеренки, далее – проем в валу городища на месте северной проездной башни крепости и дорога по площадке городища к южному входу в крепость.
На дальнем плане – лесные массивы в направлении Москвы и силуэт храма в с. Стромынь.
Снимок с квадрокоптера. Август 2016 г. (© В.А. Разумов)*

Раскоп был заложен в центре пойменного луга, в 6 м к югу от бетонного основания опоры линии высоковольтных передач, поверхность которой была принята за репер (142,1 в Балтийской системе высот или 91,1 м на плане, снятом в условной системе)⁶ (рис. 48). Нивелировка показала, что раскоп пришелся на ровную поверхность (-0,5 – -0,6 м от уровня репера). В 4 м к юго-западу от него начинается понижение на полметра и более (рис. 51 А). Судя по снимку, сделанному с квадрокоптера в 2016 г., это понижение распространяется вдоль северного края второй террасы, на которой расположено городище (рис. 48). На западе понижение ограничено грядой, которая возвышается на 2 м над уровнем луга. Небольшая промоина в этой гряде позволяет сбрасывать избыточную воду из понижения. Описанная топография луга дает лишь самые общие ориентиры для понимания его топографии в период Средневековья.

⁶ Северо-западный угол шурфа находился на расстоянии 10,2 м к ЮЗ от ЮЗ угла бетонного основания опоры ЛЭП. СВ угол шурфа располагался в 6,4 м к ЮЮВ от того же угла бетонной опоры ЛЭП.

Раскоп был ориентирован по линии запад–восток и включал две линии квадратов (2×2 м): северную (кв. 1–4) и южную (кв. 5–8). Независимо от характера отложений (аллювий, культурный слой, подстилающие глины) фиксация керамики и находок велась по методике обычных раскопок⁷. Поскольку работы планировалось вести на значительную глубину, для обеспечения безопасности вдоль длинных сторон раскопа были прокопаны технические уступы (бермы) глубиной 0,5 м. В юго-западном углу шурфа был выкопан колодец, что позволило по ходу работ осушать раскоп и получить профили напластований до отметки -320 см.

⁷ Фиксацию вели С. З. Чернов и О. Н. Глазунова, изучение почв – доктор географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН А. Н. Александровский и старший научный сотрудник ИА РАН Н. А. Кренке. Геодезические работы выполнены В. В. Петровым, земляные работы – учащимися московской школы «Интеллектуал» (директор Е. В. Маркелов) и Филипповской школы. Работы шли с 10 по 26 июня 2005 г.

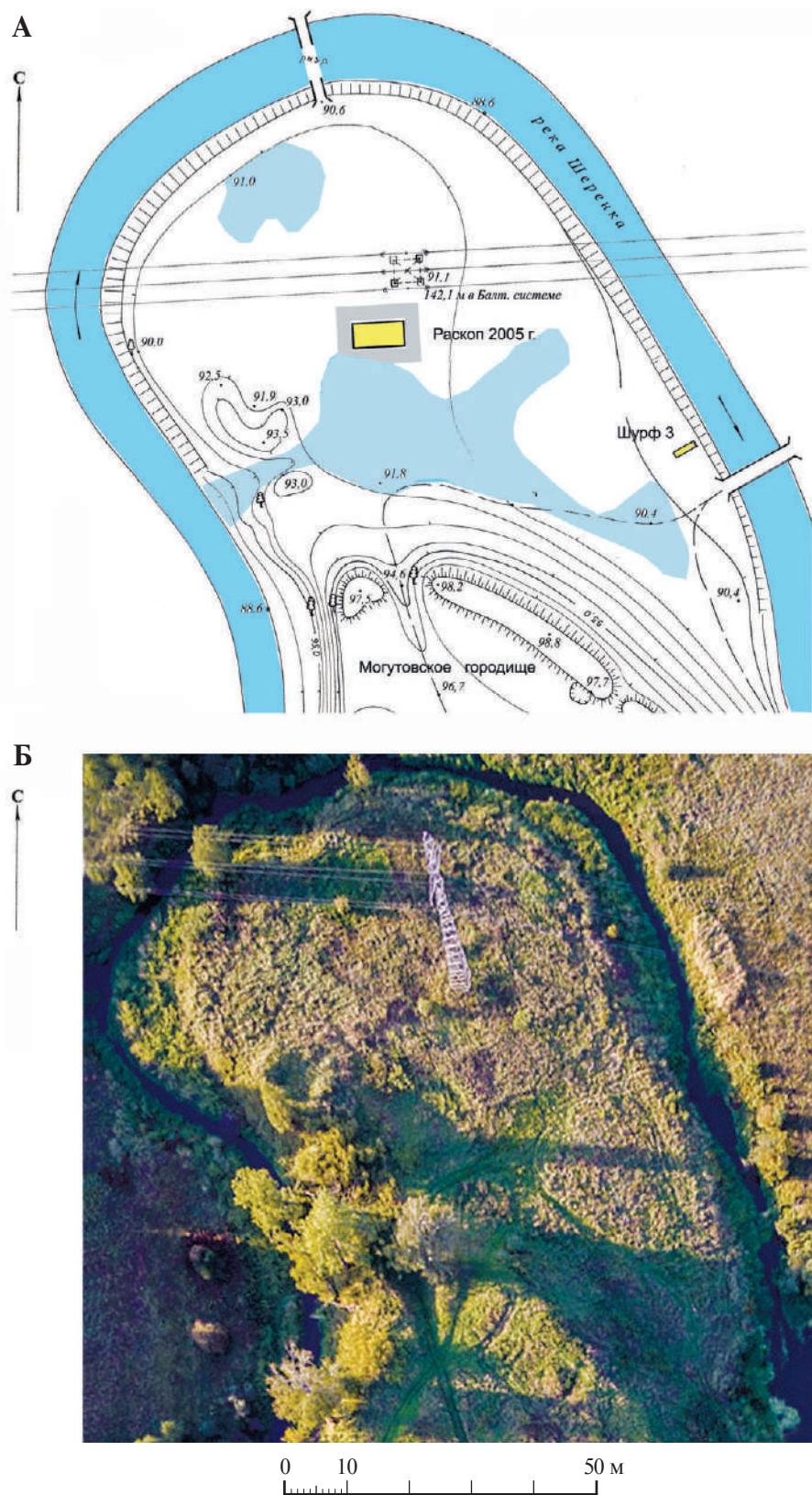

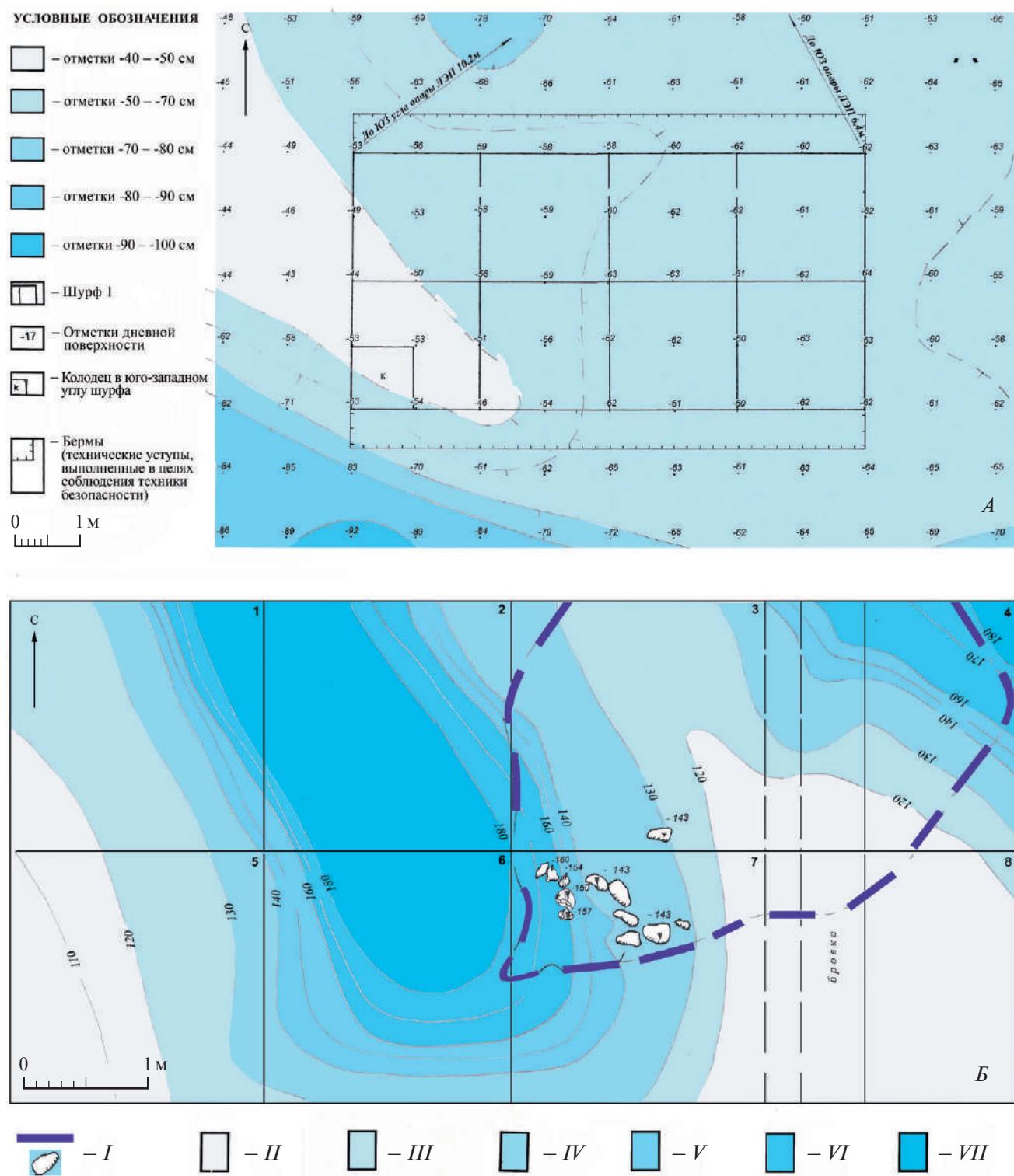
Рис. 48. Луг в излучине р. Шеренки к северу от Могутовского городища.
А – план луга, выполненный геодезистом А. В. Шаровым в апреле 1990 г.
и откорректированный В. В. Петровым в июне 2005 г.
Б – снимок луга, выполненный с квадрокоптера в августе 2016 г. (© В. А. Разумов)

Рис. 49. Северный проем в валах Могутовского городища. А – вид с севера; Б – вид с северо-запада. Июнь 2006 г.

Рис. 50. Луг в излучине р. Шеренки. Вид от моста через р. Шеренку на проем в северном валу Могутовского городища.
А – вид в 1960-е годы (фото Е. Сидорова); Б – вид в июне 2006 г.

Аллювий (1-й и 2-й пласты -60 – -100 см). Заполнение 1-го пласта представляло собой серобурую гумусированную супесь с фрагментами кирпичей, осколками стекла, кованых и тянутых гвоздей, фрагментами фарфора, фаянса. Среди находок – фрагменты замка от сундука (железная пластина с латунной обкладкой) (№ 1), «турецкой» трубы XVIII в. (№ 2), подковы (№ 9), румпы неполивного и белого поливного изразцов XIX в. (№№ 11, 13), и обломки кирпичей толщиной 7,5 и 7,6 см. На грани 1-го и 2-го пластов по всему раскопу гумусированный горизонт сменился слабо гумусированной супесью. Треть керамики, найденной в аллювии (всего 84 фрагмента), датируется XVIII–XIX вв. (фаянс, фарфор и цветочные горшки – 23,8%, 8,4%). К этому времени относится медная монетка диаметром 19 мм с фрагментом круговой надписи, в которой угадывается полуушка Екатерины II 1770-х гг. (№ 4а, кв. 4, -90 см), ножевидная пластина (№ 10, кв. 3) и железная пластина-поковка (№ 12). Таким образом, верхняя часть аллювия формировалась в тот период, когда на городище (Балясова гора) располагалась помещичья усадьба Анатолия Сергеевича Вяземского (см. планы 1855 г. и 1852 г. на рис. 25 и 26).

Отложение нижней части аллювия (серобурый слабогумусированный суглинок) протекало в результате смыва материала в половодье. Наиболее активно этот процесс шел в XVI – первой половине XVIII в. Такой вывод можно сделать, поскольку половина керамического материала, найденного в аллювии, относится к XVI–XVII вв. (красноглиняная гладкая, белоглиняная грубая, ангобированная, белоглиняная с зеленой поливой и чернолощеная – 27,4%, 10,8%, 1%, 2,4%, 8,4%). О посещении луга людьми в XVI–XVII вв. говорит развал красноглиняного горшка с заостренным и отогнутым под углом в 45 градусов венчиком (пл. 1, кв. 4).

Около 20% керамики, найденной в аллювии, включает курганную посуду. Наряду с находками XVIII–XIX вв. в кв. 4 (при разборке бровки на отметке -90 см) была найдена вещь древнерусского времени – бронзовый орнаментированный перстень (рис. 54: 4).

Культурный слой древнерусского времени на останце (3-й и 4-й пласты -100 – -140 см). Под аллювием, на глубине 60–70 см (-120 – -130 см), открылась древняя дневная поверхность, которая на разных участках раскопа имела различные уровни залегания и была представлена различными типами отложений (рис. 51 Б). Вначале на соединении квадратов 3, 4, 7, 8 был зафиксирован участок культурного слоя в виде прослойки серой супеси. Слой содержал значительное количество угля и пережженных камешков, мелкие фрагменты кальцини-

рованных костей животных и древнерусскую керамику. Как показала зачистка на уровне -100 см, пятно имело в плане неправильную форму и размеры 2,6×1 м (рис. 52 А). На остальной площади шурфа продолжал фиксироваться аллювий.

После зачистки 2-го пласта (-100 см) для получения разреза участка, на котором был зафиксирован культурный слой, была заложена бровка по линии север–юг (рис. 52 А). К западу от бровки культурный слой и нижележащие горизонты были выбраны. Как показали раскопки, слой залегал на курганообразном останце, сложенном бурым суглинком (рис. 53 А, Г). Под ним прослеживались гумусовый, подзолистый (светлый суглинок) и бурый (красная глина) горизонты погребенной почвы. К востоку от бровки культурный слой был освобожден от аллювия, что дало возможность представить форму останца (рис. 53 Г, Д).

Слой подзола распространялся на запад почти на всей площади квадратов 3 и 7. Далее, в квадратах 2 и 6 начиналось заглубление, которое было заполнено линзой оглеенного суглинка (поверхность -130 см). Далее в квадратах 1 и 5, вновь фиксировались подзолистый горизонт и глина (зачистка на уровне -120 см. рис. 52 Б). Здесь, на границе аллювия и погребенной почвы, найден ключ от ларца (№ 5, кв. 6, -105 см). Керамический материал из культурного слоя 3-го пласта включал 16 фрагментов курганной посуды и кальцинированные кости.

По мере разборки 4-го пласта (-120 – -149 см) культурный слой вслед за понижением уровня древней поверхности смешался к западу и востоку от центра курганообразного останца. В нем встречена курганская керамика (37 фрагментов) и несколько фрагментов печины (2–4 см). На поверхности западной и восточной линз оглеенного суглинка культурного слоя не было. Однако здесь были сделаны две находки, которые позволили определить период, когда эта поверхность была дневной. В оглеенном слое на отметке -140 в кв. 6 был обнаружен фрагмент стенки сосуда, изготовленного из красножущейся глины с примесью древесы (кварциты до 1 мм) (рис. 52 Б: № 7). В том же оглеенном слое, к востоку от останца, в кв. 4 найден наконечник черешковой стрелы древнерусского времени (рис. 52 Б: № 8; рис. 54: 8).

Культурный слой древнерусского времени у подножья останца (5-й и 6-й пласты, -140 – -180 см). В зачистке, выполненной на уровне -170 см, на фоне материка (бурой глины) четко обрисовались границы западины (3,9×2,4 м), заполненной серым оглеенным суглинком (рис. 52 В). Она имела вид широкой полосы, которая пересекала раскоп по линии север–юг, уходила в северную стенку раскопа и сходила на нет близ южной.

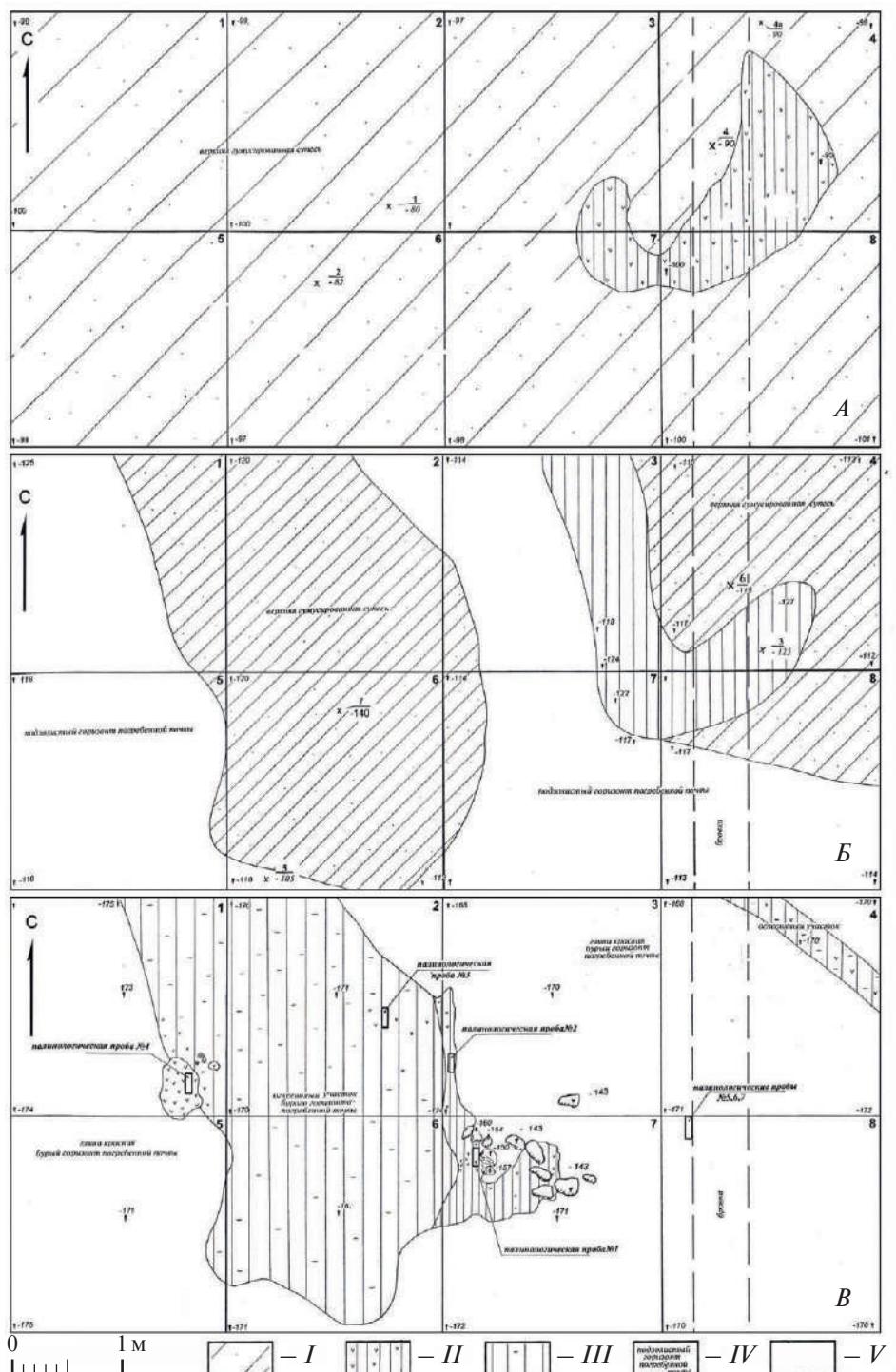

Рис. 52. Раскоп в пойме к северу от Могутовского городища. 2005 г. Планы. А – план раскопа в зачистке 2-го пласта на уровне -100 см: в восточной части фиксируется вершина микроостанца, покрытого культурным слоем древнерусского времени; Б – план раскопа в зачистке 3-го пласта на уровне -120 см: слева – западина палеорельефа, заполненная оглеенной гумусированной супесью, справа – культурный слой древнерусского времени на вершине микроостанца и западина у восточного края раскопа; В – план раскопа в зачистке 6 пласта на уровне -170 см: слева – западина палеорельефа, вдоль восточного края которой фиксируется слой древнерусского времени с камнями, в северо-восточном углу раскопа – фрагмент древнерусского слоя на склоне останца.

I – серо-бурая гумусированная супесь (аллювиальные отложения с находками XVII–XIX вв.);

II – черный гумусированный суглинок с углем – культурный слой древнерусского времени;

III – оглеенная линза суглинка; IV – светлый суглинок – подзолистый горизонт погребенной почвы; V – бурая глина

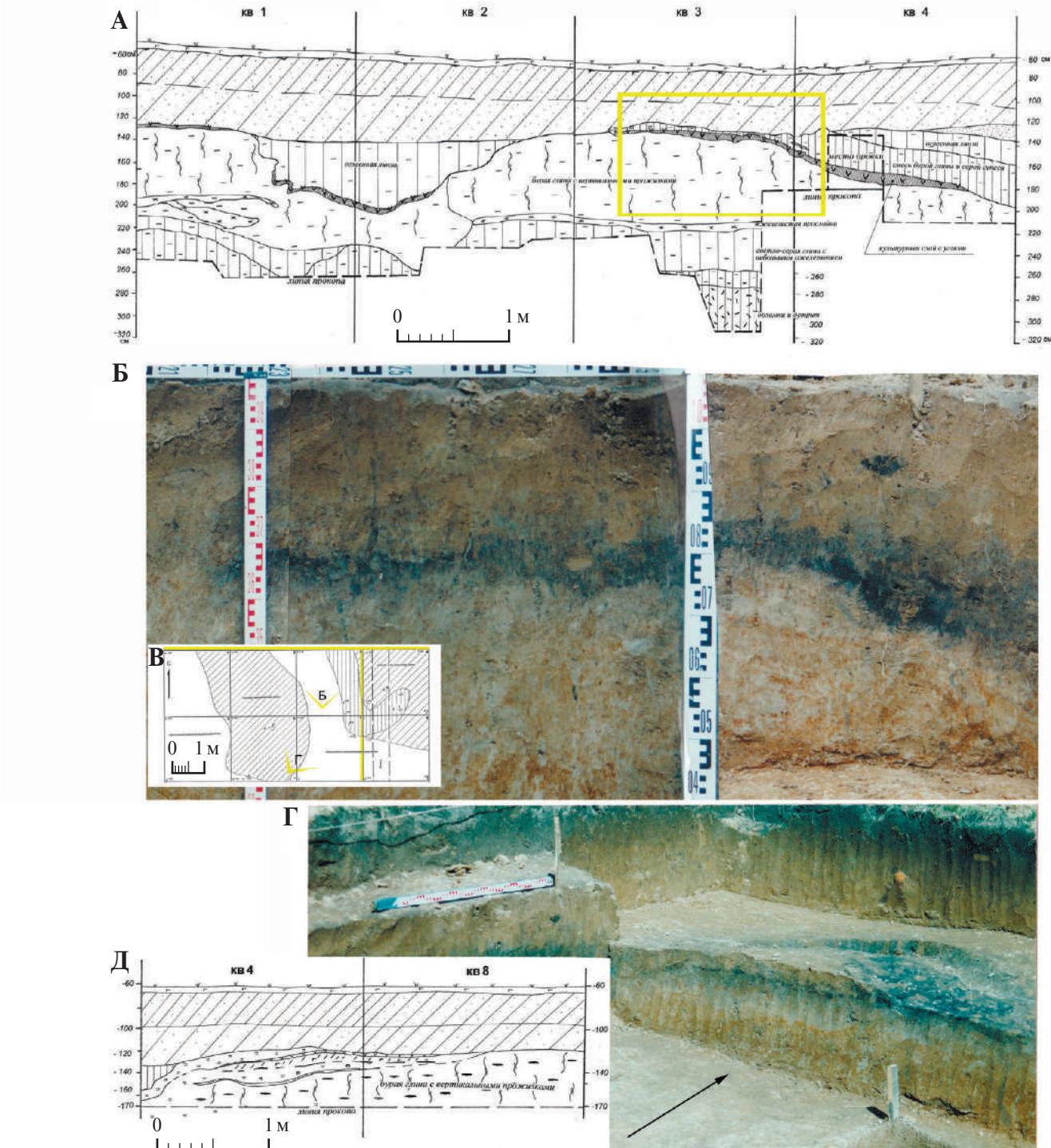

Рис. 53. Раскоп в пойме к северу от Могутовского городища 2005 г. Культурный слой древнерусского времени.

А – профиль северной стенки раскопа. Под аллювиальными отложениями XVII–XIX вв. (мощностью 0,6–0,8 м) на природном микроостанце залегает культурный слой древнерусского времени (черный суглинок с углем);

Б – фрагмент профиля северной стенки раскопа (местоположение показано на чертеже А), фиксирующий культурный слой древнерусского времени, залегающий на подзолистом и буровом горизонтах погребенной почвы;

В – местоположение профилей (показаны желтым цветом) на плане раскопа (зачистка 3-го пласта -120 см);

Г – общий вид с юго-запада на северо-восточную часть раскопа на уровне разборки культурного слоя древнерусского времени. Слева – северный профиль раскопа после снятия бермы, справа – бровка север–юг (см. ее положение на плане раскопа на рис. 52 Б), за бровкой просматривается поверхность культурного слоя, повторяющая формы природного микроостанца;

Д – профиль бровки север–юг, вид с запада

На пограничье западины и подножья останца (бурового суглинка), в западной части кв. 3 и 7, в зачистке -170 см была прослежена ориентированная по линии север–юг полоса культурного слоя (серый гумусированный суглинок с углем) и гумусового горизонта погребенной почвы длиной 2,1 м, которая перекрывала суглинок останца и уходила под оглеенный суглинок западины. В кв. 7 полоса расширялась до 70 см. Здесь на площади 1×0,7 м зафиксировано скопление из валунных камней. Семь камней размерами 15–40 см прослежено на глубине -143, и пять камней меньших размеров – на отметках -150 – -160 см. Оба скопления стратиграфически связаны с культурным слоем (рис. 52 В). Небольшой фрагмент гумусированного суглинка с углем (70×40 см) зафиксирован в юго-восточном углу кв. 1 у западного края оглеенного пятна. В восточной части раскопа, где склон останца также уходил под оглеенные отложения (СВ часть кв. 4), был зафиксирован культурный слой. В зачистке -170 см он читался как полоса шириной 30 см (рис. 52 В). В пластах 5 и 6 собрано 35 фрагментов курганной керамики.

Профили раскопа и рельеф дневной поверхности древнерусского времени. Профиль северной стенки раскопа показывает, что поверхность бурой глины имеет волнообразную форму. Вершина останца (-130 см) на 70 см возвышается над дном останца (-200 см) (рис. 53 А). Слой бурой глины проработан вертикальными клиньями светлого суглинка, а в его верхней части в результате почвенных процессов сформировался подзолистый горизонт (рис. 53 Б). В районе останцовых возвышений мощность бурого суглинка составляет 80 см, под линзами – 35–40 см.

Реконструкция палеорельефа (рис. 51 Б) показывает, что пятно культурного слоя (4,8×3,3 м) залегало на северном склоне небольшого останца, ограниченного с запада и востока западинами. На останце, рассеченном западной стенкой раскопа, культурного слоя не было. Здесь, на глубине -108 – -132 см, в северной части профиля, Н. А. Кренке и А. Л. Александровский зафиксировали гумусовый горизонт погребенной почвы (рис. 58 А, В).

Заполнение западин протекало в условиях переувлажнения – этим можно объяснить оглеенность сформировавшихся здесь отложений. Судя по обнаружению в них вещей древнерусского времени, заполнение западин шло в этот период.

Датировка керамики древнерусского поселения в пойме Могутова

Фиксация в культурном слое бытовой керамики, печи, развали камней (вероятно,

от печи-каменки⁸) и кальцинированных костей позволяет заключить, что раскоп попал на южный край поселения, которое состояло из отдельных строений, располагавшихся на микроостанцах в пойме. Следовательно, керамика (99 фрагментов, в коллекции 70) отложилась в период функционирования одного сооружения (рис. 54, 55). Это позволяет анализировать ее как закрытый комплекс. Вначале, после описания сосуда, фиксируются его аналогии в других закрытых комплексах, преимущественно в тех, которые образуют серии: погребения подмосковных курганов, датируемые денариями и украшениями женского убора, постройки XI–XII вв. селища Большево-3 в верхнем течении р. Клязьмы, нижние ярусы раскопа на ул. Суворова на подоле Смоленска XI–XII вв., сооружения, изученные раскопками Городка на Ловати.

Материалы поймы принадлежат к периоду бытования древнерусской керамики, который предшествовал формированию классической керамики середины – второй половины XII в. (курганной керамики), представленной на посаде Могутова комплексом ямы 1 (рис. 102–115). Для получения более четких хронологических координат обратимся к рассмотрению отдельных сосудов.

Горшок 1 – самый крупный в коллекции. Диаметр его венчика (30 см) вдвое превышает диаметр донца (16 см) (рис. 54: 42, 28, 32 и др.). Как видно по аналогиям (рис. 57: 4), он имел стройные пропорции. Изготовлен из красножгущейся глины с примесью дресвы (кварциты 0,5–2,5 мм). В отличие от курганной керамики Московского края второй половины XII – первой половины XIII в. кварциты (0,5–2,5 мм) выступают не только на внутренней, но и на внешней поверхности горшка. Сосуд прошел довольно равномерный обжиг, так что в изломе черепок однослоиной. Цвет его внешней и внутренней поверхностей темно-серый, что свидетельствует о том, что обжиг производился в условиях недостатка кислорода. Венчик имеет вид воронки или растрела (длиной более 4 см), которая отогнута под углом 20 градусов.

⁸ В качестве аналогии можно указать на следы печи-каменки жилой постройки первой половины XIII в. селища 4 Кузминское (Анино), которое было обнаружено в Москве, в верховьях речки Голяданки, на территории парка Кузминки. Следует заметить, что в заполнении постройки в Анино также были найдены печина и кальцинированные кости (Чернов С. З. Домен московских князей в городских станах, 1271–1505 годы. (Акты Московской Руси. Микрорегиональные исследования. Т. 2) // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2. [Отв. ред. В. Л. Янин, В. Д. Назаров]. М: Наука, 2005. С. 277–286. Рис. 83).

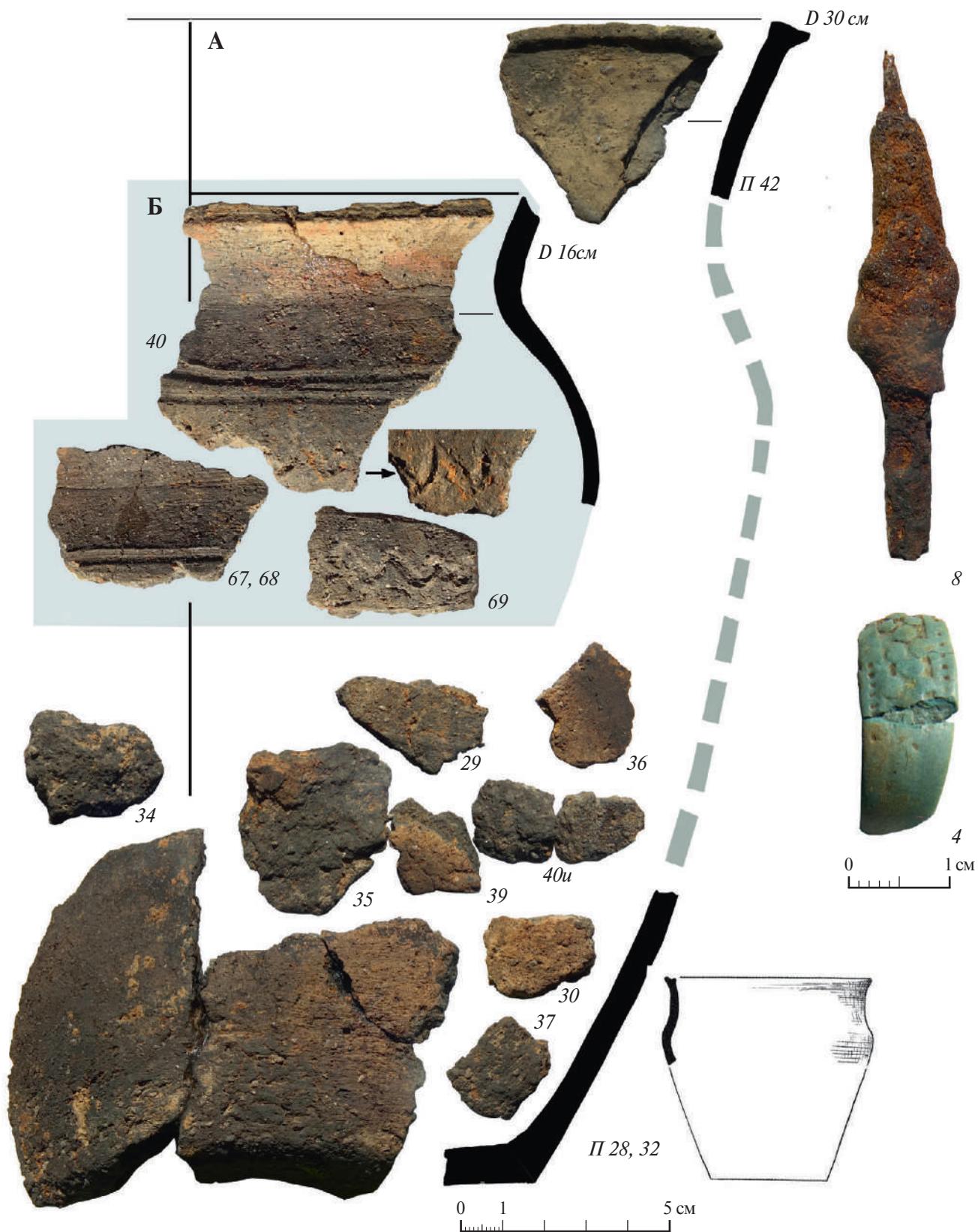

Рис. 54. Раскоп в пойме к северу от Могутовского городища. Раннегончарная керамика и находки, происходящие из культурного слоя древнерусского времени, залегающего под аллювием.

А – горшок 1 с воронковидным венчиком; Б – горшок 2 с S-овидным венчиком;
8 – наконечник стрелы черешковый (пл. 4, кв. 4); 4 – фрагменты бронзового перстня (пл. 2, кв. 4, бровка)

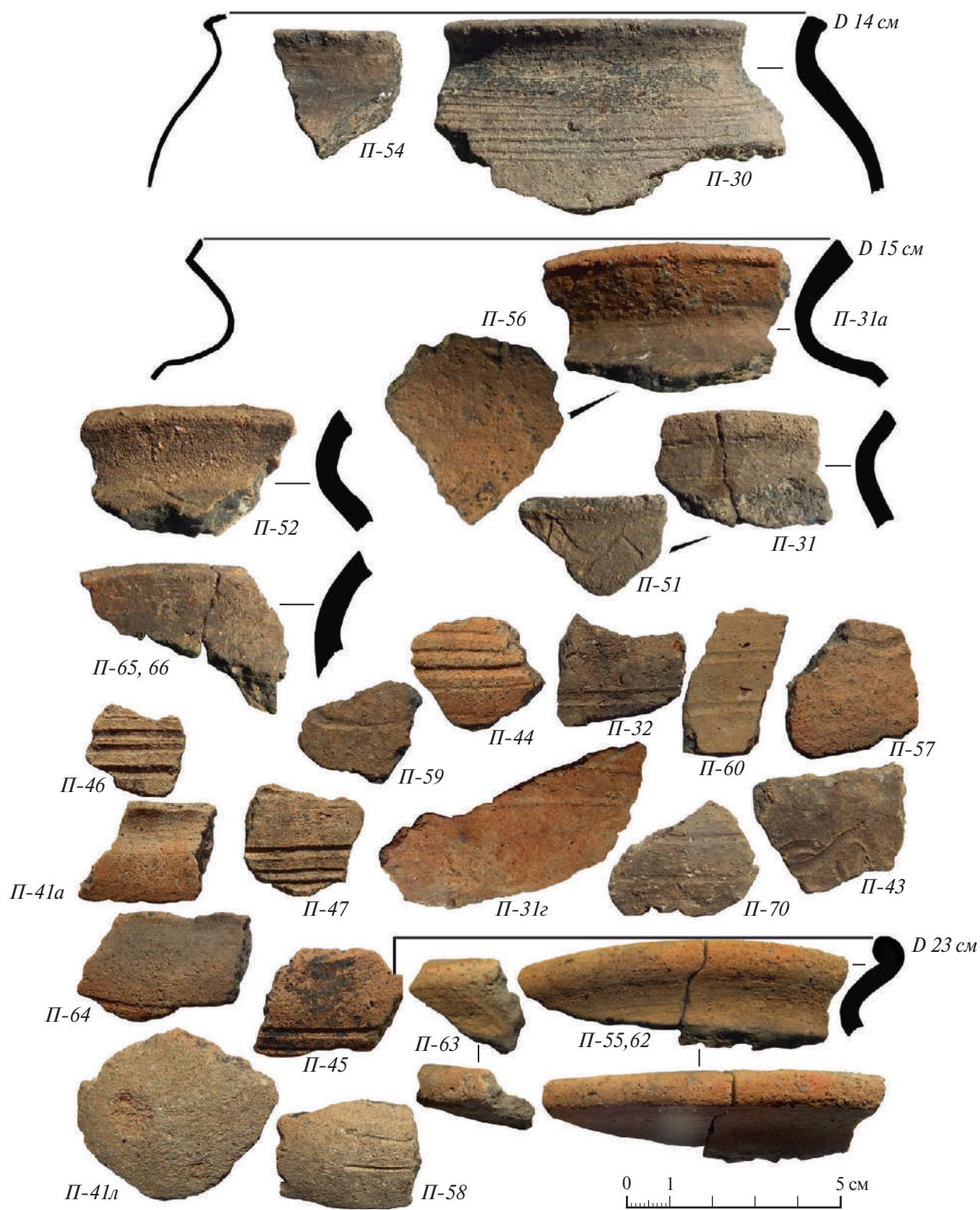

Рис. 55. Раскоп в пойме к северу от Могутовского городища.

Раннегончарная керамика, происходящая из культурного слоя древнерусского времени, залегающего под аллювием.

Горшок 3 – S-овидный (П-30, П-54); горшки со срезанным венчиком:

4 – П-31а, П-56; 5 – П-52, 6 – П-65, П-66, 7 – П-51, П-31;

горшок 8 – с отогнутым наружу венчиком и упором под крышку – П-55, 62;

керамика из белой глины – П-46, П-47, П-41л, П-58

Край венчика срезан, причем ему не придана горизонтальная форма, обеспечивающая плотное прилегание крышки и характерная для воронковидных горшков из Подмосковных курганов второй половины XII в.⁹ Края срезанного венчика оттянуты, внешний край имеет вид козырька.

По мнению Е. В. Каменецкой, исследовавшей воронковидные горшки по материалам раскопа Х на ул. Соболева в Смоленске, они являются «хорошим датирующим материалом». Исследователь имела возможность работать с керамикой XI раскопа (1971–1976), которая была отобрана по ярусам. Воронковидные сосуды фиксировались только в нижних ярусах – с 20 по 15¹⁰. Исследование Е. В. Каменецкой, завершенное в 1977 г., опиралось надендрохронологическую шкалу, которая была разработана Н. Б. Черных по IX раскопу (1965–1969) и не шла ниже 16 и 17 ярусов¹¹. Соответственно Е. В. Каменецкая относила 16 и 17 ярусы к концу XI – первой половине XII в. После того как Н. В. Мясниковой были обработаны спили собственности XI раскопа, нижние ярусы получили более точные определения. Наиболее поздний сруб 20-го яруса получил дату 1110 г., 19-й ярус – 1120–1130-е гг., 18-й ярус – середина 1140-х – начало 1150-х гг., 17-й ярус – 1160 – начало 1170-х гг., 16-й ярус – середина 1170-х – середина 1180-х гг. (частоколы 1179 и 1177–1179 гг.)¹². В яме 1 из раскопа на набережной Горького (между р. Рачевкой и Мавринским ручьем), датируемой по радиоуглероду и височным кольцам деснинского типа второй половиной XI в., вместе с характерными для того времени манжетовидными формами венчиков также фиксируются воронковидные венчики¹³.

О развитии воронковидных форм посуды в бассейне верхней Клязьмы можно судить по комплексам селища Большово-3, которые охватывают временной диапазон от второй четверти XI в. до конца XII в. Воронковидный горшок присутствует в закрытом комплексе

ям 6 северной усадьбы Большева-3 (рис. 56: 265)¹⁴. Комплекс ямы 6 включает 329 фрагментов, в том числе 6,5% – лепной древнерусской посуды, 33% – раннегончарной круговой посуды и 60,5% – круговой курганного типа, и на этом основании датируется последней четвертью XI в.¹⁵ Серия воронковидных венчиков (в тесте кварциты размером 1 мм) найдена в яме 31 (рис. 56: 363, 462)¹⁶, которая отражает следующий этап бытования керамики, относящийся к первой половине XII в. (датирующие вещи: крестопрорезной бубенчик, навитая битрапецидная бусина синего стекла, шиферное пряслице с большим диаметром канала, ромбовидный наконечник стрелы типа 83)¹⁷.

Наиболее близкая аналогия воронковидного сосуда 1 отыскивается в комплексе керамики селища Дьяково-пойма (близ Дьякова городища в Москве) (рис. 56: 9), который по сочетанию типичных для раннекруговой керамики форм, ранним орнаментам в виде штампа и «дрожащей волны» и оттиску зубчатого колесика, а также по присутствию фрагмента лепной керамики датирован Н. А. Кренке концом XI – началом XII в.¹⁸

Воронковидные горшки из ямы 1 посада Могутова (рис. 108: 1775, 1776, 2461, 2464), которая, как будет показано ниже, датируется серединой XII в., выполнены из глины с песком, кварциты на поверхности не выступают. Следовательно, более архаичный по технике изготовления горшок 1 в Могутовской пойме должен датироваться более ранним временем, чем середина XII в.

Горшок 2 сохранился от венчика (диаметр 16 см) до максимального расширения (диаметр 19,5 см) на высоту 7 см (рис. 54 Б: П-40, П-67, 68, П-69). Это типичный раннегончарный сосуд стройной формы со слабым расширением туловища, эсовидным завершением и срезанным венчиком с неслаженными кромками.

⁹ Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991. С. 79, табл. 16.

¹⁰ Каменецкая Е. В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. М., Смоленск, 2019. С. 88, 89. С. 158. Рис. 27: 1 (форма Г).

¹¹ Черных Н. В. Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972. С. 93–112; Колчин Б. А., Черных Н. В. Дендрохронология Восточной Европы. М.: Наука, 1977. С. 46–50.

¹² Мясникова Н. В. К дендрохронологии Смоленска (раскоп XI на ул. Соболева) // Советская археология. 1980. № 2. С. 246–251; Асташева Н. И. Усадьбы древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города): сборник / под ред. Д. А. Авдусина. М.: изд. МГУ, 1991. С. 21–49.

¹³ Кренке Н. А., Еришов И. Н., Раева В. А. Керамика второй половины XI в. из раскопок на набережной Горького (микрорайон Рачевка) в Смоленске // Смоленская керамика VIII–XIX веков. М.; Смоленск, 2020. С. 49–58. Рис. 2: 4, 6, 7, 9.

¹⁴ Чернов С. З. Большово-3 на верхней Клязьме: северная усадьба и ее этнокультурные особенности (по данным раскопок 2012 г.) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 14. М., 2018. С. 96. Рис. 19а: 265.

¹⁵ Там же. С. 70.

¹⁶ Чернов С. З., Волков И. В. Постройка первой половины XII века селища Большово-3 на верхней Клязьме (яма 31) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 6. М., 2010. С. 144. Рис. 4: 363, 422.

¹⁷ Там же. С. 140–146. Серия воронковидных венчиков найдена и в верхнем слое в районе ямы 31. (Там же. С. 153. Рис. 13: нижняя часть); Чернов С. З., Волков И. В. Большово-3 – древнерусское поселение XI века на верхней Клязьме // Археология Подмосковья. Вып. 5. М., 2009. С. 132. Рис. 13: 622, 929, 965 – два из них найдены в кв. 58, 59, над ямой.

¹⁸ Кренке Н. А. Археологическая карта Коломенского в древнерусский период (XI–XIII вв.) // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М.: Наука, 2004. С. 204–207. Рис. 46 Б: 9.

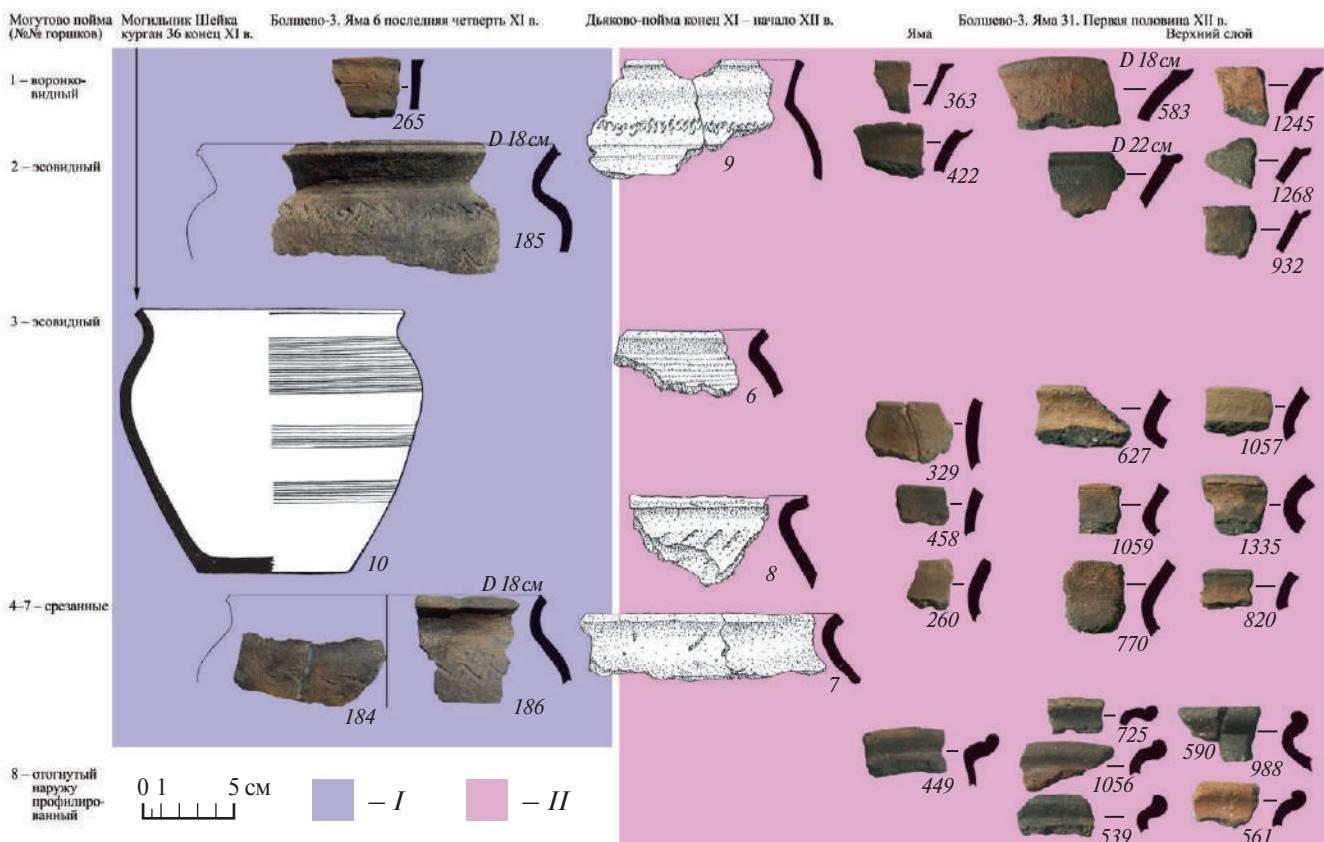

Рис. 56. Схема распределения аналогий керамики из поселения в пойме Могутово в закрытых комплексах керамики второй половины XI – середины XII в.

В левой колонке указаны №№ горшков из коллекции поселения Могутово-пойма, в остальных колонках – аналогии соответствующих сосудов из закрытых комплексов.

I – закрытые комплексы, отражающие период существования лепной и раннекруговой керамики;

II – закрытые комплексы, отражающие период существования раннекруговой и развитой круговой керамики

Изготовлен он из красножгущейся глины с примесью дресвы (кварциты 0,5–1 мм, в отдельных случаях до 2 мм) и имеет толщину стенок 5–6 мм. Сосуд прошел довольно полный окислительный обжиг – в изломе черепок однослоинный. Цвет его поверхности буро-кирпичный и лишь местами темно-серый: недостаток кислорода при обжиге ощущался спорадически. Плечики горшка украшены тремя слитными полосами горизонтального рифления и полосой волнистого орнамента с частой и глубоко врезанной волной, верхние края которой слегка заострены.

Как известно, эсовидные горшки – одна из ранних форм древнерусской керамики, берущая начало в X в.¹⁹ Ближайшая аналогия горшка 2 в Большево-3 отыскивается среди раннегончарных эсовидных горшков, обнаруженных в яме 6

(рис. 56: 185)²⁰. Совпадает не только форма и размеры (диаметр большевского венчика 18 см) сосуда, но и примеси (кварциты от 0,5 до 1 мм), цвет поверхности и стилистика волнистого орнамента с заострениями на верхних концах волн.

Горшок 3 (рис. 55: П-30, П-54). Венчик этого небольшого горшка (диаметр 15 см) с эсовидным профилем и толщиной стенки 6 мм прошел довольно полный окислительный обжиг, так что в изломе черепок однослоинный. Цвет внешней и внутренней поверхности сосуда, а также черепка в изломе – темно-серый, что свидетельствует о том, что обжиг производился в условиях недостатка кислорода. Верхняя часть тула украшена 8 плотно сомкнутыми рядами тонкого горизонтального рифления шириной 1,5 см.

¹⁹ Каменецкая Е. В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. М.; Смоленск, 2019. С. 148. Рис. 17: 2; с. 149, рис. 18: 2; Горюнова В. М. Датирующие возможности раннегончарной керамики X – начала XI в. // Российская археология. 2009. № 4. С. 132–140.

²⁰ Чернов С. З. Большево-3 на верхней Клязьме: северная усадьба и ее этнокультурные особенности (по данным раскопок 2012 г.) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 14. М., 2018. С. 95. Рис. 18: 185.

Близкой аналогией могутовского горшка 3 является целая форма из женского погребения в кургане 36 могильника Шейка на р. Молодильне (Истринский район Московской области), которая по размерам (диаметр венчика 14 см), форме и орнаментации (сплошная полоса тонкого рифления шириной 3 см) соответствует могутовскому сосуду (рис. 56: 10). В погребении вместе с горшком найдены многочисленные украшения²¹, в ожерелье подвешен денарий диаметром 15 см с бортиком и медным проволочным ушком, определенный А. С. Беляковым как германский пфенниг (вендка) первой половины XI в.²² Т. В. Равдина датировала погребение концом XI в.²³ Эсовидный сосуд такой же формы и орнаментации имеется в комплексе селища Дьяково-пойма (рис. 56: 6)²⁴.

Венчики горшков 4–7 (рис. 55: П-31а, П-52, П-65, 66, П-31) эсовидной формы, срезанные на концах, выполнены в одной технике. Толщина стенок составляет 5 мм, примеси – крупнозернистый песок и дресва с кварцитами до 2 мм. Цвет поверхности – серо-бурый или буро-кирпичный (П-31а). 5-й и 6-й венчики украшены волнистым орнаментом по плечикам. Венчики у горшков срезанные, у 7-го – края заглажены. Помимо венчиков найдены фрагменты стенок с глубоким горизонтальным рифлением и волнистым орнаментом, в том числе волной, выполненной внахлест (рис. 55: П-57, П-43). Горшки со срезанными венчиками и волной по плечикам представлены в Большево-3 как в яме 6 (рис. 56: 186)²⁵, так и в яме 31

(рис. 56: 458)²⁶. Имеются они и в комплексе селища Дьяково-пойма (рис. 56: 7, 8)²⁷.

Ранним признаком является присутствие в материалах из могутовской поймы небольшого процента керамики из белой глины (рис. 55: П-41а, П-41л, П-46, П-47, П-58). Значительное количество раннекруговой керамики из белой глины с орнаментом «дрожащая волна» встречено на селище Большево-3 в слое, залегающем над ямами 20 (вторая-третья четверть XI в.) и 31 (первая половина XII в.)²⁸. В яме 6 Большева-3 керамика из белой глины тоже имеется, причем она технологически близка керамике из могутовской поймы²⁹.

Горшок 8 (рис. 55: П-55, П-62, П-63) представлен венчиком диаметром 23 см, отогнутым наружу, сильно профицированным, с валиком и упором под крышку. Он сформован из красножущейся глины с песком (кварциты не более 1 мм), прошел окислительный обжиг (поверхность бурая, в изломе чешуйчатый серый). В отличие от всех остальных сосудов этой коллекции поверхность горшка заглажена. Появление этого типа керамики (1-й вариант курганной керамики³⁰) является четким хронологическим маркером, который позволяет различать комплексы конца XI в. от комплексов первой половины XII в. Подобная керамика отсутствует в яме 6 Большева-3 (6,5% лепной керамики) и на селище Дьяково-пойма (1 лепной фрагмент). В яме 31 Большева-3 такая керамика уже присутствует (рис. 56: 449), причем особенно много ее в слое, который перекрывает яму 31 и мог откладываться после прекращения жизни сооружения (рис. 56: 725 и др.)³¹.

²¹ Проволочные полутораоборотные височные кольца, витая завязанная гривна, стеклянные золоченные цилиндрические бусы, серебряная цилиндрическая, золоченая бочонковидная, шаровидные непрозрачные бусы и желтая со звездчатым глазком буса. На груди – подковообразная застежка ребристого сечения с конусиками на концах. Кроме того, в погребении найдены два дротовых свободноконечных браслета, широкосрединный завязанный перстень с валиком и проволочные перстни с сомкнутыми концами. На поясе – шиферное пряслице.

²² Равдина Т. В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог. М.: Наука, 1988. С. 20. Табл. 13, с. 129.

²³ Равдина Т. В. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991. С. 7. Табл. 2: 1.

²⁴ Кренке Н. А. Археологическая карта Коломенского в древнерусский период (XI–XIII вв.) // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М.: Наука, 2004. С. 207. Рис. 46 Б: 6.

²⁵ Чернов С. З. Большево-3 на верхней Клязьме: северная усадьба и ее этнокультурные особенности (по данным раскопок 2012 г.) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 14. М., 2018. С. 95. Рис. 18: 186.

²⁶ Чернов С. З., Волков И. В. Постройка первой половины XII века селища Большево-3 на верхней Клязьме (яма 31) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 6. М., 2010. С. 143. Рис. 3: нижняя часть. См. также серии таких венчиков из верхнего слоя, перекрывающего яму: Там же. С. 151. Рис. 11: нижняя часть; С. 152. Рис. 12: нижняя часть.

²⁷ Кренке Н. А. Археологическая карта Коломенского в древнерусский период (XI–XIII вв.) // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М.: Наука, 2004. С. 207. Рис. 46 Б: 7, 8.

²⁸ Чернов С. З., Волков И. В. Большево-3 – древнерусское поселение XI века на верхней Клязьме // Археология Подмосковья. Вып. 5. М., 2009. С. 133. Рис. 14: нижняя часть.

²⁹ Чернов С. З. Большево-3 на верхней Клязьме: северная усадьба и ее этнокультурные особенности (по данным раскопок 2012 г.) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 14. М., 2018. С. 97. Рис. 20: 130, 189, 284, 285.

³⁰ Чернов С. З. Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 годы // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2. М.: Наука., 2005. С. 111, 112. Табл. А, Д-1.

³¹ Чернов С. З., Волков И. В. Постройка первой половины XII века селища Большево-3 на верхней Клязьме (яма 31) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 6. М., 2010. С. 144. Рис. 4: 449. См. также серии таких венчиков из верхнего слоя, перекрывающего яму: Там же. С. 149. Рис. 9: 561, 725, 1056.

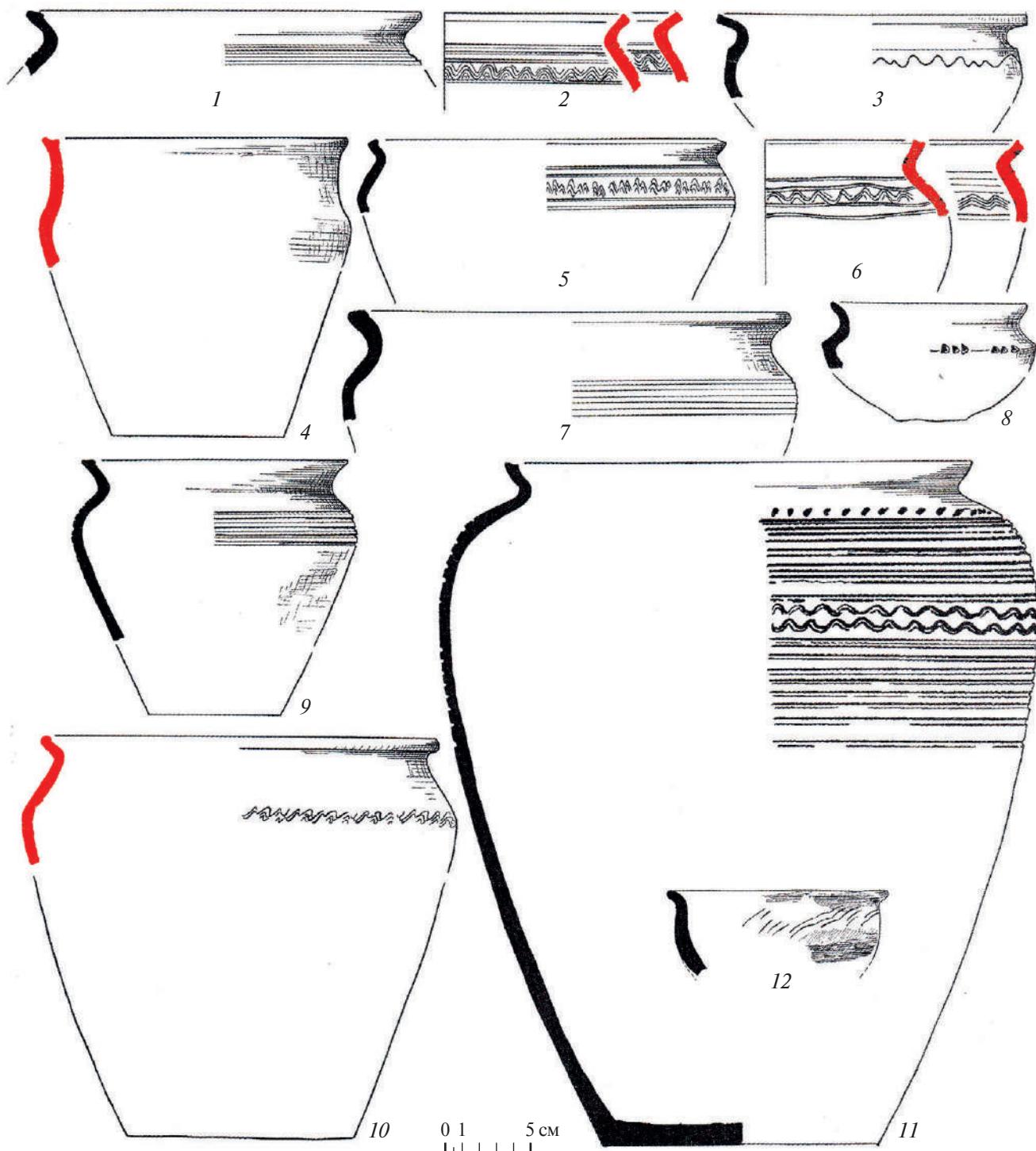

Рис. 57. Городок на Ловати. Городище.

Комплекс керамики из постройки XVIII (вторая половина XI – XII в.) (по В. М. Горюновой).

Комплекс демонстрирует сочетание типов раннекруговой керамики XI века, продолжавшей бытовать в первой четверти XII в.,

и типа с отогнутым наружу венчиком и упором под крышку (№ 10), который получает широкое распространение во второй половине XII в.

4 – воронковидный сосуд, близкий горшку 1 поймы Могутова;

2, 6 – S-овидные сосуды с волнистым и горизонтальным орнаментом, близкие горшку 2 поймы Могутова;

10 – сосуд с отогнутым наружу венчиком и упором под крышку, близкий горшку 8 поймы Могутова

Значительная серия такой керамики имеется и в яме 1, исследованной на посаде Могутова (рис 102: 2702д, рис. 112: *верхняя часть*).

Подводя итог, следует признать, что поселение на пойме близ Могутовского городища возникло в период, когда лепная керамика только что вышла из употребления, но продолжали использоваться раннекруговые формы воронковидных и эсовидных горшков, которые до этого существовали с лепной керамикой на последней стадии ее бытования (для бассейна р. Клязьмы это последняя четверть XI в. и несколько ранее). Этот этап бытования керамики отражает селище Дьяково-пойма. Поскольку прямые аналогии горшков из Могутова (рис. 54 Б; рис. 55: П-30) содержатся в комплексе с лепной керамикой (рис. 56: 185) и в захоронении с денарием (рис. 56: 10), можно предполагать, что поселение возникло либо сразу после исчезновения лепной керамики, либо в тот период, когда лепная керамика еще оставалась в употреблении у местного населения.

Жизнь на пойме Могутова продолжалась и в следующий период бытования древнерусской керамики, когда наряду с раннекруговой появляется технологически более совершенная посуда с сильно профицированным венчиком (тип 1 курганной керамики), которая будет доминировать во второй половине XII в. Этот второй период жизни могутовского селища отражает комплекс керамики из ямы 31 селища Большево-3, который датируется первой половиной XII в. Если предложенная модель объяснения верна, то селище на пойме следует датировать первой четвертью XII в., не исключая при этом возможности его появления в конце XI в. и прекращения жизни в начале второй четверти XII в.

Некоторые сомнения в справедливости предложенной модели вызывают те различия – как технологические, так и морфологические, – которые имеются между керамикой из комплексов Дьяково-пойма и ямы 31 селища Большево-3. Здесь нам на помощь приходит обращение к памятнику, на котором исследовано 57 закрытых комплексов X–XII вв. (примерно по 20 комплексов на столетие). При такой «плотности перекрытия» удается найти сооружение, в заполнении которого обнаружены практически все формы, которые найдены на пойме Могутова. Это постройка 18 на городище Городок на Ловати, которую автор исследования датирует в пределах второй половины XI – XII в. В комплексе сочетаются воронковидный горшок, серия эсовидных сосудов с орнаментацией, близкой горшку 2 Могутова, и два сосуда с отогнутым наружу венчиком и упором под крышку (рис. 57)³². Таким образом, сочетание описанных керамических форм в рамках одного комплекса оказывается вполне реальным.

³² Горюнова В. М. Городок на Ловати X–XII вв. (к проблеме становления города Северной Руси). СПб., 2016. С. 50–53, 68, 69. Рис. 188.

Отложения с детритом под глиняным чехлом (-170 – -240 см)

После проведения зачистки на уровне -170 см в связи с тем, что культурный слой древнерусского времени был доследован, характер работ был изменен и нацелен на изучение стратиграфии нижележащих отложений, отражающих этапы формирования поймы р. Шеренки. Прокоп стерильных суглинистых отложений производился двумя шурфами – вдоль северной (до -260 см) и западной (до -320 см) стенок раскопа (рис. 58 А, В). Эти работы показали, что под глиняным чехлом на основной площади шурфа на отметках -190 – -210 фиксируется прослойка ожелезненного песка (ее нет под оглеенной линзой в кв. 2), под которой залегают мощные отложения светло-серой глины. На отметках -240 – -260 см их сменяет темно-серая, переходящая в черную сильно гумусированная супесь, имеющая горизонтальную слоистую структуру. Этот слой содержал большое количество детрита – обломков непрогнившего дерева как естественного происхождения (ветки, стволы деревьев), так и обработанного человеком (множество надрезов, следов заточки кольев и др.) (рис. 58 Г). Подобный слой залегал на всю глубину прокопа до отметки -320 см. Судя по всему, слой детрита может датироваться периодом неолита и/или бронзового века.

Слой детрита был обнаружен еще в двух шурфах. Шурф 2 (0,8×0,8 м) был заложен в 20 м к юго-западу от основания напольного вала городища (рис. 27, 59, 60). Здесь так же как и в раскопе под аллювием (до -55 см найдено 4 массивных гвоздя и развал миски XVIII–XIX вв.) залегал бурый суглинок (-55 – -95 см) (рис. 60 В) и серая супесь. В последней на отметке -145 см зафиксирован деревянный кол (90 см в длину, диаметр 8–9 см – рис. 60 Б, Д). Один конец кола заострен с помощью не менее трех ударов острым орудием (топора?), а противоположному придана округлая форма (рис. 60 Е).

Шурф 3 (1×1 м) был заложен в 50 м к юго-востоку от раскопа, в 8 м от моста через р. Шеренку и в 4 м от реки (рис. 61 В). Для удобства подхода к западной стенке шурфа он был расширен в сторону реки до 4 м. Стратиграфия была описана А. Л. Александровским и Н. А. Кренке (рис. 61 Б, Г). Под дерном и аллювием (-15 – -55 см, в его основании – фрагмент керамики конца XVIII – XIX в.) залегал бурый суглинок с серо-желтым и серым песком (-55 – -75 см). На поверхности бурого суглинка в профиле прослеживались фрагменты подзолистого горизонта почвы. Под глиняным чехлом залегал желтый песок с горизонтальными прослойками ожелезненного рыжего песка (-75 – -95 см), а ниже – темно-серый оглеенный песок с горизонтальной структурой, переходящий в почти черный песок с большим количеством угля и остатками неперегнившей древесины.

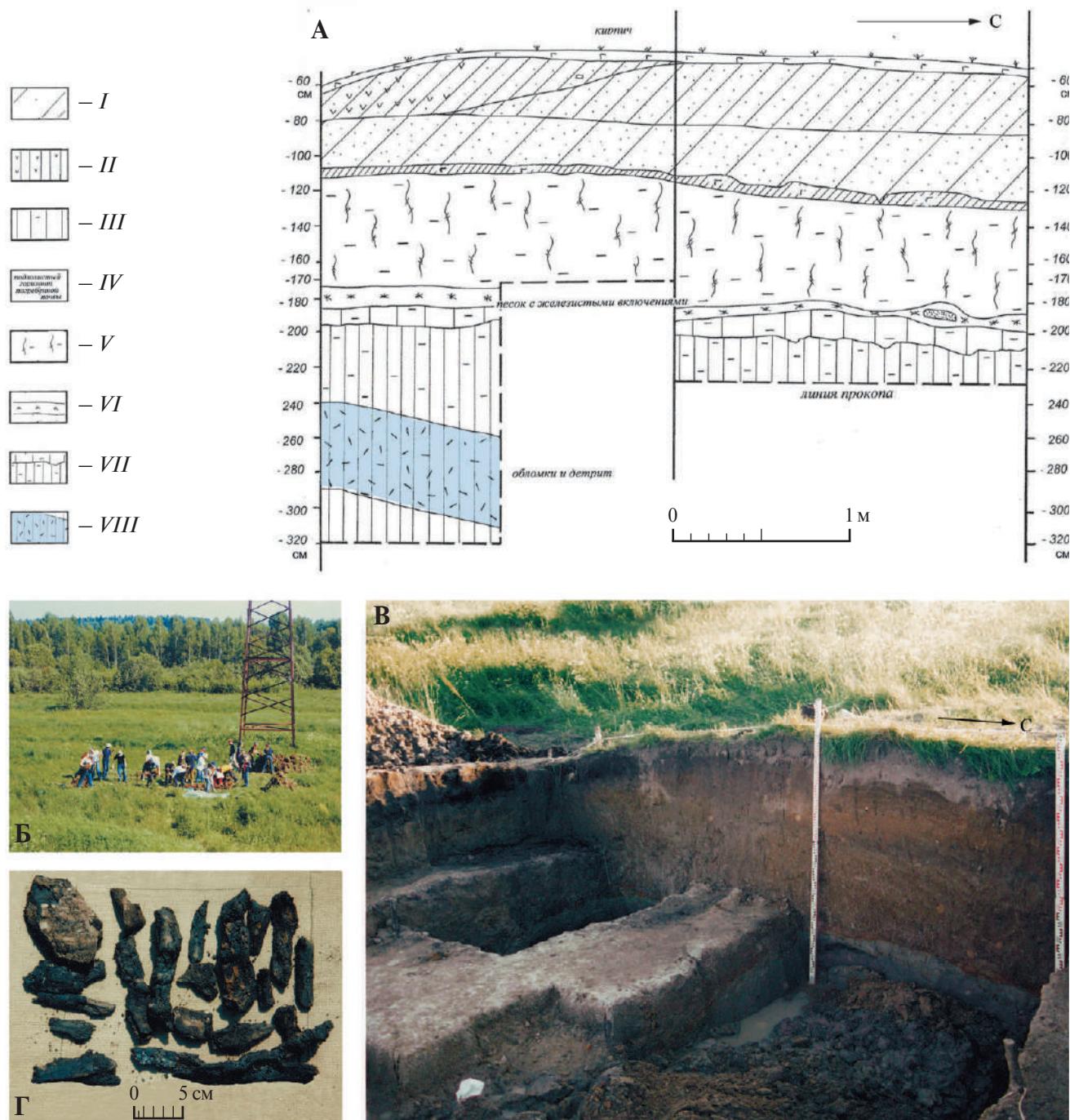

Рис. 58. Раскоп в пойме к северу от Могутовского городища 2005 г. Отложения периода неолита или бронзового века.
A – профиль западной стенки раскопа.

Условные обозначения: I – серо-бурая гумусированная супесь (аллювиальные отложения с находками XVII–XIX вв.);
II – черный гумусированный суглинок с углем – культурный слой древнерусского времени;

III – оглеенная линза суглинка, IV – светлый суглинок – подзолистый горизонт погребенной почвы;

V – бурая глина, в верхней части – бурый горизонт погребенной почвы; VI – прослойка ожелезненной глины
в основании слоя бурой глины; VII – прослойка светлой глины;

VIII – серая глина с детритом и обработанными человеком фрагментами дерева;

Б – начало раскопок – вид с юга, с вала Могутовского городища;

В – вид с северо-востока на западную часть раскопа после разборки слоя бурой глины и обнажения отложений
серой глины с детритом; Г – фрагменты дерева, в том числе обработанные человеком,
из слоя серой глины (отметки -240 – -290 см – колодец в кв. 5)

Рис. 59. Долина реки Шеренки к западу от Могутовского городища.
Снимок, выполненный с квадрокоптера с севера. В центре кадра – место закладки шурфа 2.
Август 2016 г. (© В. А. Разумов)

Таким образом, во всех трех исследованных участках поймы под глиняным чехлом обнаружен слой оглеенного серо-черного песка с детритом и обработанным деревом – следами деятельности человека периода неолита или бронзы.

ВЫВОДЫ. Культурный слой древнерусского времени обнаружен лишь в северной части излучины к северу от городища. Это раннее поселение, судя по плану луга, не могло превышать 2 500 кв. м (50×50 м) (рис. 48), причем жилые сооружения чередовались с понижениями микрорельефа (рис. 51 Б). Поверхность погребенной почвы древнерусского времени сохранилась хорошо, тем не менее каких-либо следов дороги в раскопе прослежено не было. Следовательно, Переяславская дорога, о существовании которой недвусмысленно говорят письменные источники, проходила за пределами раскопа – скорее всего западнее его, вдоль мыса.

Возникновение поселения на затопляемой в половодье территории скорее всего было обусловлено близостью к дороге. Здесь, в излучине, зажатой между стеной крепости и рекой, было удобно

осматривать грузы и взимать торговые пошлины. Фиксация в этом месте культурного слоя, который надежно датируется первой четвертью XII в., свидетельствует о том, что Шерна как поселение, имевшее контрольные функции, возникло не позднее кончины Владимира Мономаха (1125). На городище раскопки не проводились, поэтому мы не знаем, когда были возведены укрепления. Тем не менее трудно представить, что в первой четверти XII в. поселение располагалось лишь в пойме. Скорее всего, заселен был и мыс коренного берега, который мог оставаться какое-то время не укрепленным.

Шерна ни тогда, ни во второй половине XII в. не являлась центром концентрации сельских поселений. На это указывает почти полное отсутствие курганных могильников в нижнем течении р. Шеренки. Появление здесь поселения можно объяснить лишь тем, что не позднее 1125 г. сухопутная дорога из Переяславля южного в Клещин (будущий Переяславль-Залесский) и Ростов уже была проложена и требовала создания форпостов, осуществлявших контрольные функции.

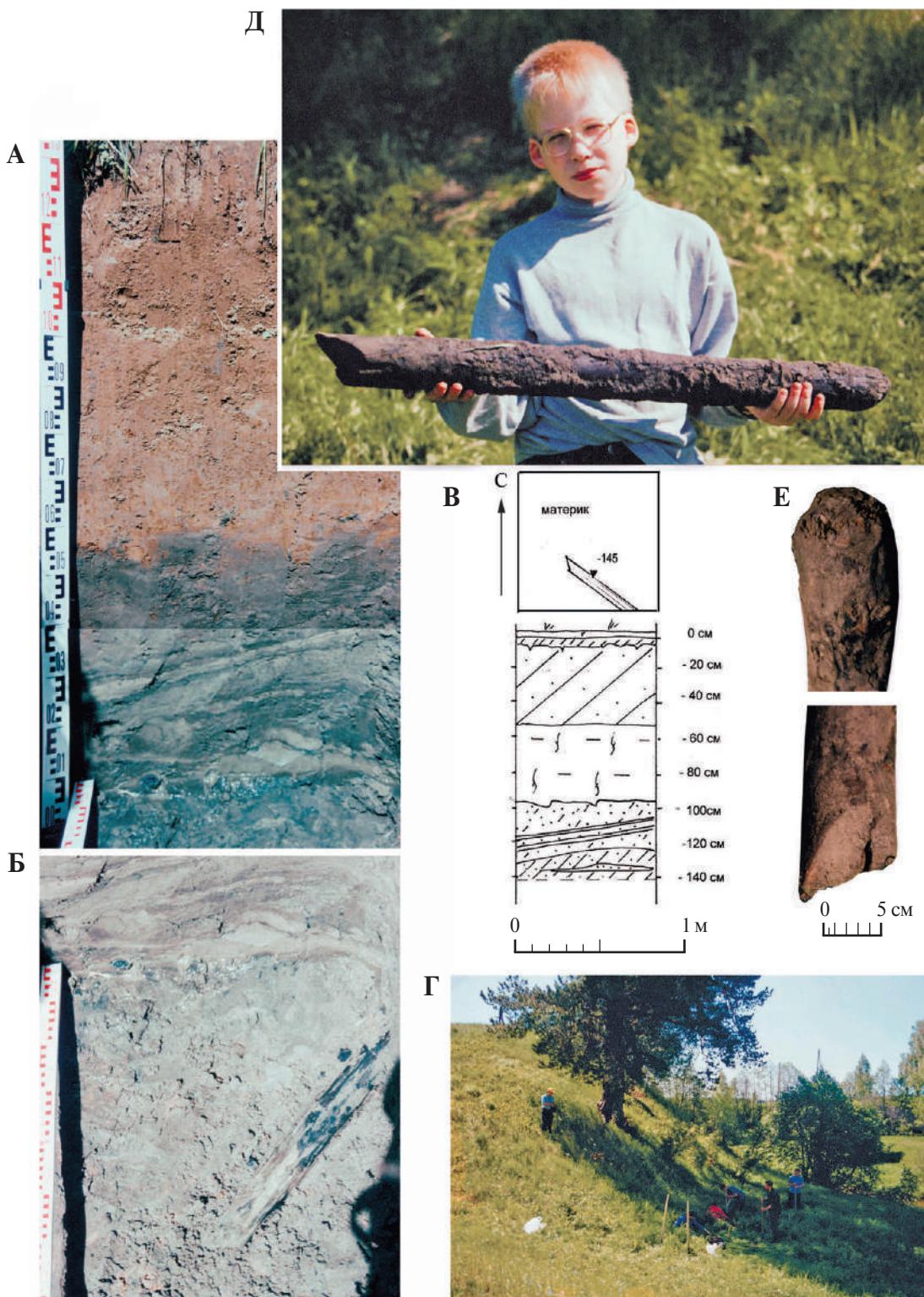

Рис. 60. Шурф 2 в пойме, к юго-западу от Могутовского городища. А – профиль восточной стенки шурфа; Б – вид зачистки на уровне обнаружения обработанного человеком кола в слое серой глины на отметке -145 см; В – план и восточный профиль шурфа 2: под аллювиальными отложениями XVII–XIX вв. (серо-бурая гумусированная супесь) залегает бурая глина (погребенная почва древнерусского времени не прослеживается); на глубине -95 см ее сменяет серая глина с дегритом; Г – закладка шурфа 2, вид с севера, с вала Могутовского городища; Д – участник экспедиции с деревянным колом, обработанным человеком, найденным на отметке -145; Е – обработанные края кола (длина 85 см)

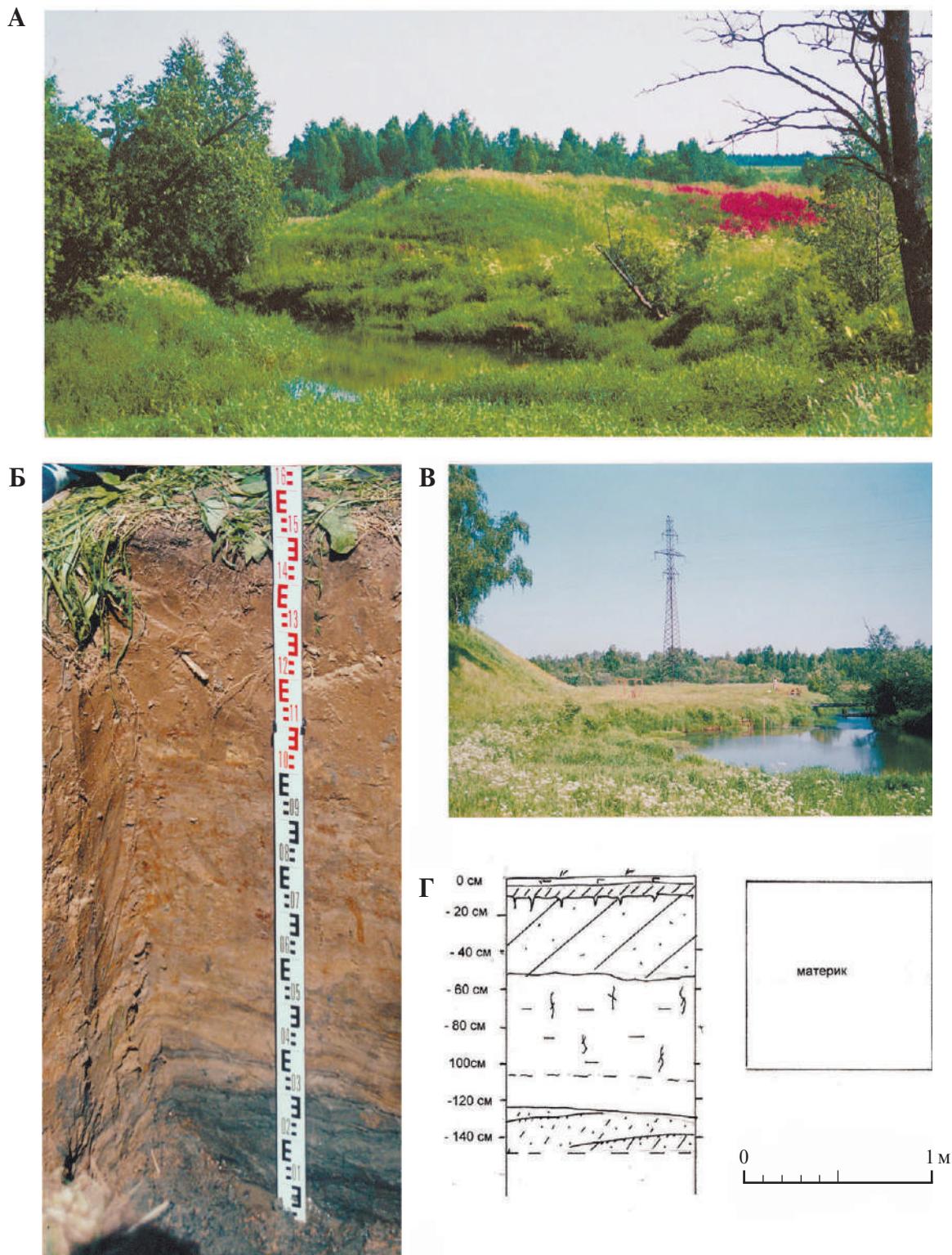

Рис. 61. А – вид от подножья северо-восточного вала Могутовского городища на северо-восток, вниз по течению р. Шеренки. В центре останец в пойме реки, на котором зафиксирован культурный слой;
 Б – западная стенка шурфа 3 в пойме р. Шеренки в 20 м к северо-востоку от северного вала города;
 В – вид с юга на шурф 3, слева – основание Могутовского городища, справа от шурфа – мост через р. Шеренку;
 Г – план и западный профиль шурфа 3: под аллювиальными отложениями XVII–XIX вв. (серо-бурая гумусированная супесь) залегает бурая глина (от погребенной почвы древнерусского времени сохранились фрагменты подзолистого горизонта), на глубине -123 см ее сменяет серая глина с детритом

Таблица 3.

Раскоп 1 в пойме реки Шеренки. Список индивидуальных находок

№ п/о	Название находки	Материал	Пласт	Квадрат	Слой, комплекс	Глубина (см)
1	Фрагмент замка от сундука	Железная полоса с латунной обкладкой	1	2	Темно-бурая гумусированная супесь	-80
2	Фрагмент трубы курительной «турецкой»	Керамика	1	6	Темно-бурая гумусированная супесь	-82
3	Наконечник стрелы черешковой миниатюрной (?)	Железо корродированное	3	4	Культурный слой	-125
4	4 фрагмента перстня бронзового орнаментированного	Бронза	2	4, бровка	Темно-бурая гумусированная супесь	-90
4а	Полушка Екатерины II (?) с фрагментом круговой надписи	Бронза корродированная	2	4	Темно-бурая гумусированная супесь	-90
5	Ключ от ларца	Железо	3	6	Слабо-гумусированный бурый суглинок или погребенная почва	-105
6	Фрагмент ножа	Железо	3	4, зачистка, бровка	Суглинок, покрывающий культурный слой	-118
7	Фрагмент курганной керамики	Керамика	4	6	Из слоя огленной линзы	-140
8	Наконечник стрелы черешковый	Железо	4	4		
9	Фрагмент подковы XVIII–XIX вв.	Железо	1	3	Темно-бурая гумусированная супесь	
10	Пластина ножевидная	Железо	2	3	Темно-бурая гумусированная супесь	
11	Фрагмент изразца с белой поливой XIX в.	Керамика	1	8	Темно-бурая гумусированная супесь	
12	Пластина загнутая и прикованная на конце	Железо	2	Берма к югу от кв. 5	Темно-бурая гумусированная супесь	
13	Фрагмент румпы изразца без поливы	Керамика	1	3	Темно-бурая гумусированная супесь	

Таблица 4.

Состав керамического комплекса из раскопа 1 в пойме реки Шеренки

В таблицах по пластам 3–6 проставлены индивидуальные номера фрагментов керамики.

Пласт 1, 2 (в том числе с берм)

Пласт	1, 2	1, 2	1, 2	1, 2	1, 2	1, 2	1, 2	1, 2	Всего	%
Квадрат	1	2	3	4	5	6	7	8		
Курганская				1 (2)	1 (1)	1 (1)	1 (1)	11 (11)	15	17,8
Красноглиняная гладкая	2 (2)	1 (1)	2 (1)	14 (8)	3	1 (1)			33	27,4
Белоглиняная грубая						6 (2 венч)	1(1)		9	10,8
Ангобированная		1 (1)							1	1
Белоглиняная с зеленой поливой	1 (1)					1 (1)			2	2,4
Чернолощеная		2 (1 венч)	1	1 (1)	1	1	1 (1)		7	8,4
Цветочные горшки	2	3	1				1		7	8,4
Фарфор, фаянс	4 (1)		6 (1)		3	5 (1)	2		20	23,8
Всего	9	7	10	16	8	15	6	11	84	100
инд. №№	15–17, 27А	1, 2, 3	4, 5, 27Б	6–14, 20, 21, 26, 27Д, 27Ж	27	18, 19, 22, 23, 27В	24, 25, 27Г	31Г – 31О		

Пласт 3

Пласт	3	3	3	3	3	3	3	3	Всего
Квадрат	1	2	3	4	5	6	7	8	
Курганская керамика									
Горшок 1 (воронковидный), донце			28, 29						
Горшок 3 (венчики с тонким многорядным рифлением)								30	
Горшок 4 (срезанный венчик, стенка с волнистым орнаментом)			31д, 51						
Горшок 7 – венчик с валиком снаружи			31а						
Венчики				53					
Стенки				60				31г	
Всего курганной керамики			6 (5)	3 (2)				6 (2)	1 (1)
Поздняя керамика									
Красноглиняная гладкая				2					
Белоглиняная грубая									
Ангобированная									
Белоглиняная с зеленой поливой									
Чернолощеная		1							
Цветочные горшки									
Поздняя поливная									
Фарфор, фаянс									
Красноглиняная поздняя			1						
Всего поздней керамики		1	1	2					

Культурный слой древнерусского времени в пласте 4 (24 фр.)

Пласт	4	4	4	4	4	4	4	4	4	Всего
Квадрат	1	2	3	4	5	6	7	8	брюка	
Курганская керамика										
Горшок 1 (воронковидный) (развал)			33 (донце), 34, 35, 36, 37, 38, 39,	41и			42 – венчик			
Горшок 2 (срезанный венчик с волнистым орнаментом)			40а+40б				67+68, 69			
Горшок 5 (венчик сильно профицированный)				62						
Горшок 8 (срезанный венчик)							65 + 66			
Стенки	32, 41в, 41г, 41д 41е	41, 41б	41з 41и 41ж		43, 45, 46, 47, 44, 48, 49, 50			41к, 41л		
Всего курганной керамики	5	11	5				14		2	37

Культурный слой древнерусского времени в пластах 5 и 6

Квадрат	1	2	3	4	5	6	7	8	Всего
Курганская керамика									
Горшок 3				54					
Горшок 4				56					
Горшок 5 (венчик сильно профицированный)								63	
Горшок 6				52					
Стенки				41а, 41б, 57, 58, 59, 60, 64			51, 70		
Всего курганной керамики				10 (10)	17 (10)		6 (2)	2 (1)	35

ГЛАВА 5

УСАДЬБА А НА ПОСАДЕ ШЕРНЫ. РАСКОП 1. 2002 г.¹

Обращаясь к изложению результатов археологических раскопок селища Могутово-2, следует указать, что их непосредственной целью было установить, с какими археологическими реалиями связан Могутовский сфрагистический комплекс. Полученные данные не только дали ответы на поставленные вопросы, но и позволили реконструировать планировку и домостроительство, вооружение и особенности хозяйственной деятельности, а также быт двух усадеб XII–XIII вв., располагавшихся в центральной части посада древнерусской Шерны.

Подобный археологический комплекс, отражающий дворы элиты XII–XIII вв. в Москве и Московском крае, еще не исследовался. В силу этого мне представляется важным опубликовать данный материал возможно более полно, дав представление о материальной культуре каждого сооружения. Несмотря на то, что в культурном слое селища Могутово-2 почти не сохранилась органика, нам удалось реконструировать планировку усадеб. Тем самым возникает возможность системного описания каждой усадьбы почти с такой же детализацией, как это удается сделать при изучении усадеб средневекового Новгорода.

После изложения истории самих раскопок мы обратимся к последовательному описанию отложений и сооружений. Раскоп имел форму прямоугольника, ориентированного по линии север–юг (32×16 м) и площадь 508 кв. м. Изложение будет вестись с севера на юг, как бы сканируя исследованную площадь. Вначале будет описан Северный раскоп (раскопы 1 и 2 2002 и 2003 г.), затем Центральный (раскопы 4 и 5 2006 и 2007 г.) и Южный (раскопы 2003–2004 гг.). Тем самым будут соблюдены два условия. Во-первых, будет сохранена целостность исходных блоков полевого описания, отраженного в отчетах. Во-вторых, поскольку наше описание будет вестись с учетом знания планировки усадеб, мы сможем «осмотреть» шаг за шагом каждый их уголок.

¹ Работа выполнялась в рамках гранта РГНФ № 03-01-18021e.

Могутовский археологический проект

Раскопки в Могутово, проводившиеся на протяжении шести лет, стали возможны благодаря проекту, который был осуществлен в 2002–2007 гг. Сектором археологии Москвы Института археологии РАН совместно с московской школой «Интеллектуал», организованной летний трудовой лагерь. Это уникальное содружество было задумано основателем школы Евгением Владимировичем Маркеловым (1962–2010) как практикум, позволяющий привить школьникам интерес к науке и одновременно создать сплоченный коллектив единомышленников. Со стороны Института археологии в Могутово работали Ольга Николаевна Глазунова и Екатерина Юрьевна Лебедева, а со стороны школы «Интеллектуал» — преподаватели истории Александр Григорьевич Авдеев и Павел Андреевич Евдокимов. Всем им я приношу глубокую благодарность.

Целью раскопок был поиск археологических реалий, связанных с сфрагистическим комплексом. В связи с этим принципиально важно было заложить раскопы так, чтобы затронуть сооружения или иные объекты, содержащие печати.

Как уже отмечалось выше, место находки печатей и пломб было зафиксировано в октябре 2001 г. как зона свежих лунок (50×30 м) на пашне, причем местный житель подтвердил факт находки печатей в пределах этой зоны (рис. 62).

Лунки встречались по всему селищу и за его пределами, однако наибольшая их концентрация была зафиксирована на вершине возвышенности, в 50 м к юго-западу от юго-западного угла крайней усадьбы деревни Могутово (рис. 62: III). Участок, испещренный лунками, имел подпрямоугольную форму, размеры 50×30 м и был ориентирован по линии ВСВ–ЗЮЗ, параллельно склону. Границы его были зафиксированы на топосъемке относительно столбов линии электропередачи, проложенной вдоль южной окраины деревни. От столба, расположенного в 50 м от угла усадьбы, граница участка лежала в 10 м к ЮЮВ, а от следующего (в западном направлении) столба — в 20 м в том же направлении.

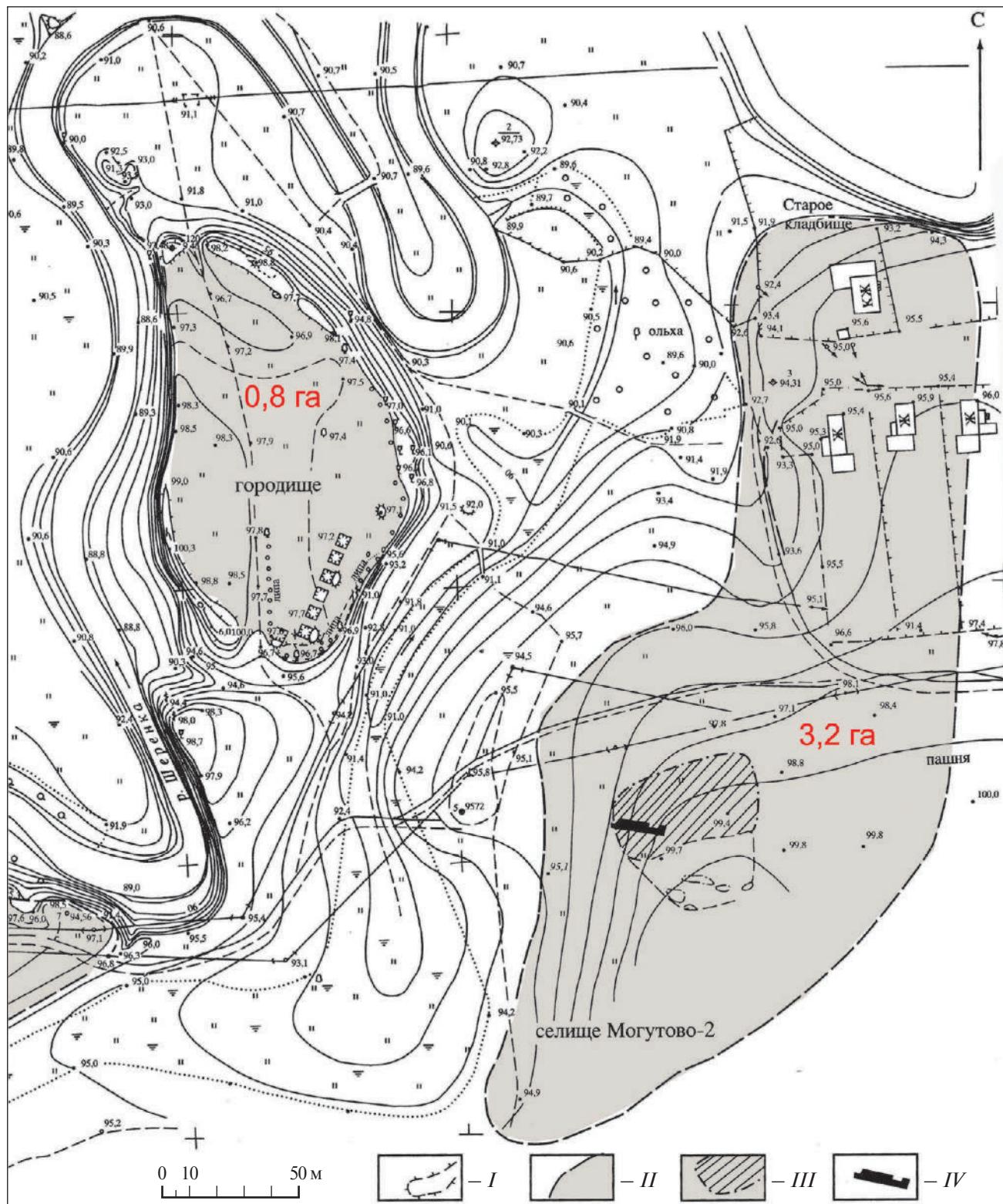

Рис. 62. Могутовское городище и селище Могутово-2 (восточная часть посада). План.

Снят в апреле 1990 г. А.В. Шаровым и И.В. Абрамцевой. Высотные отметки даны в условной системе.

Для получения значения в Балтийской системе высот необходимо к цифре, указанной на чертеже, прибавить 51 м.
I – валы городища; II – граница распространения культурного слоя селищ Могутово-1 и Могутово-2 (посад Шерны);

III – граница скопления лунок, зафиксированная 6.10.2001 г. с помощью рулетки, – место находки
сфрагистического комплекса; IV – раскоп 1 ИА РАН 2002 г.

Рис. 63. Могутово. Вид места раскопа.
Снимок выполнен квадрокоптером в августе 2016 г. (© В. А. Разумов).
Слева – Могутовское городище, на дальнем плане – д. Могутово.
В центре снимка – место раскопа на селище Могутово-2

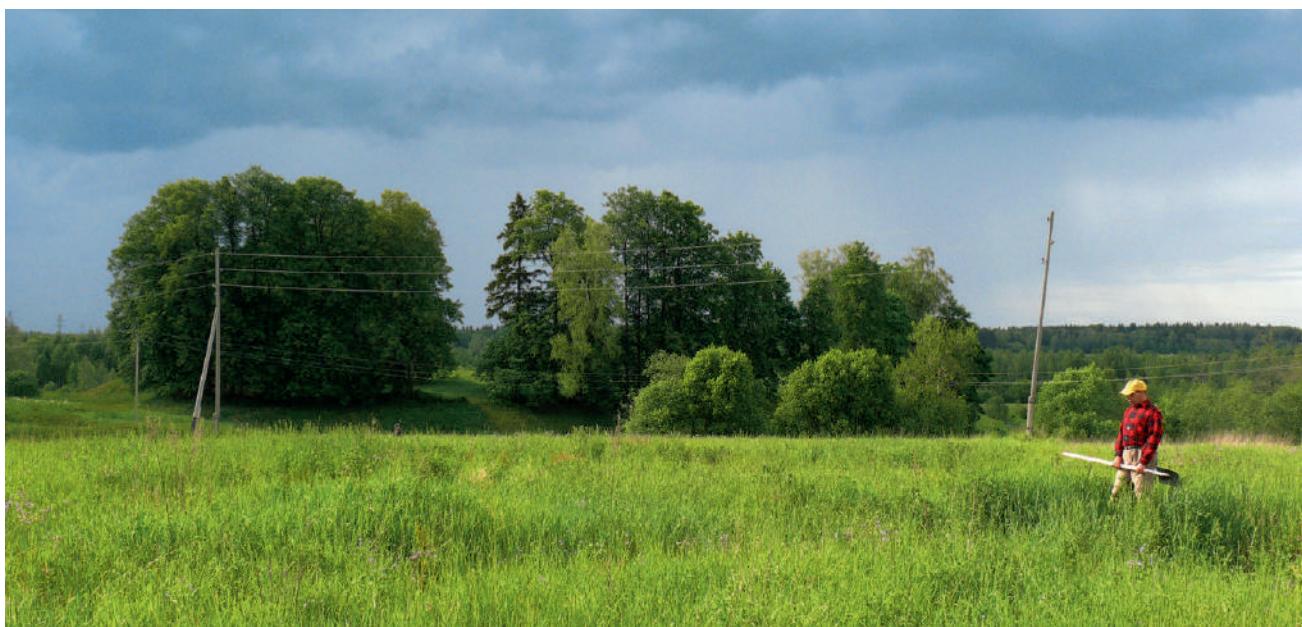

Рис. 64. Селище Могутово-2. Вид с юго-востока.
На переднем плане – место раскопа, на дальнем плане – Могутовское городище. 11.06.2007 г.

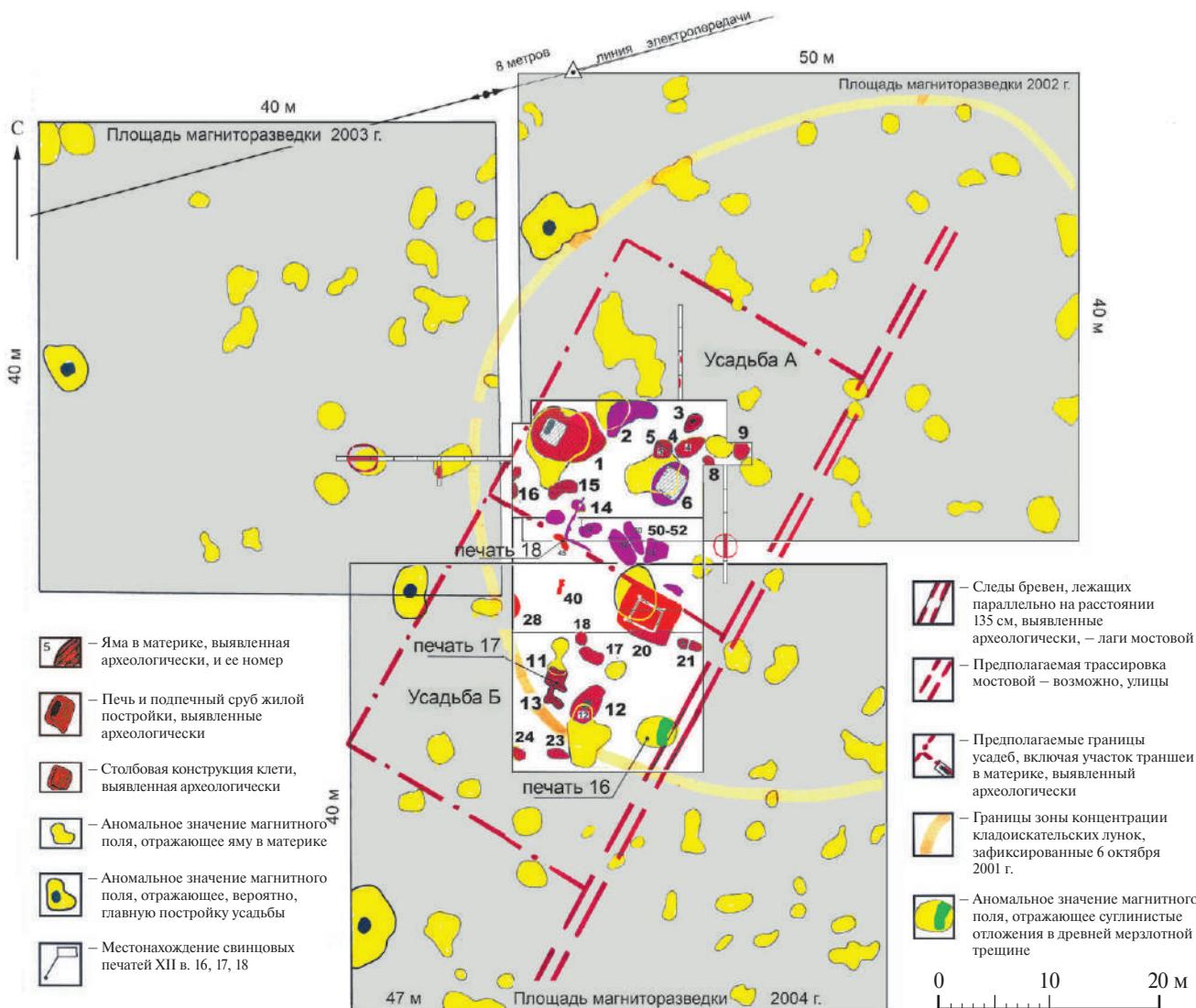

Рис. 65. Сводный план планшетов магниторазведки, выполненной в 2002, 2003 и 2004 гг. в районе зоны концентрации кладоискательских лунок (зафиксирована на 6.10.2001 г.), с наложением на него плана раскопа с показом ям XII–XIII вв. в материке.

В качестве ориентира использован столб электропередачи, показанный в северной части плана

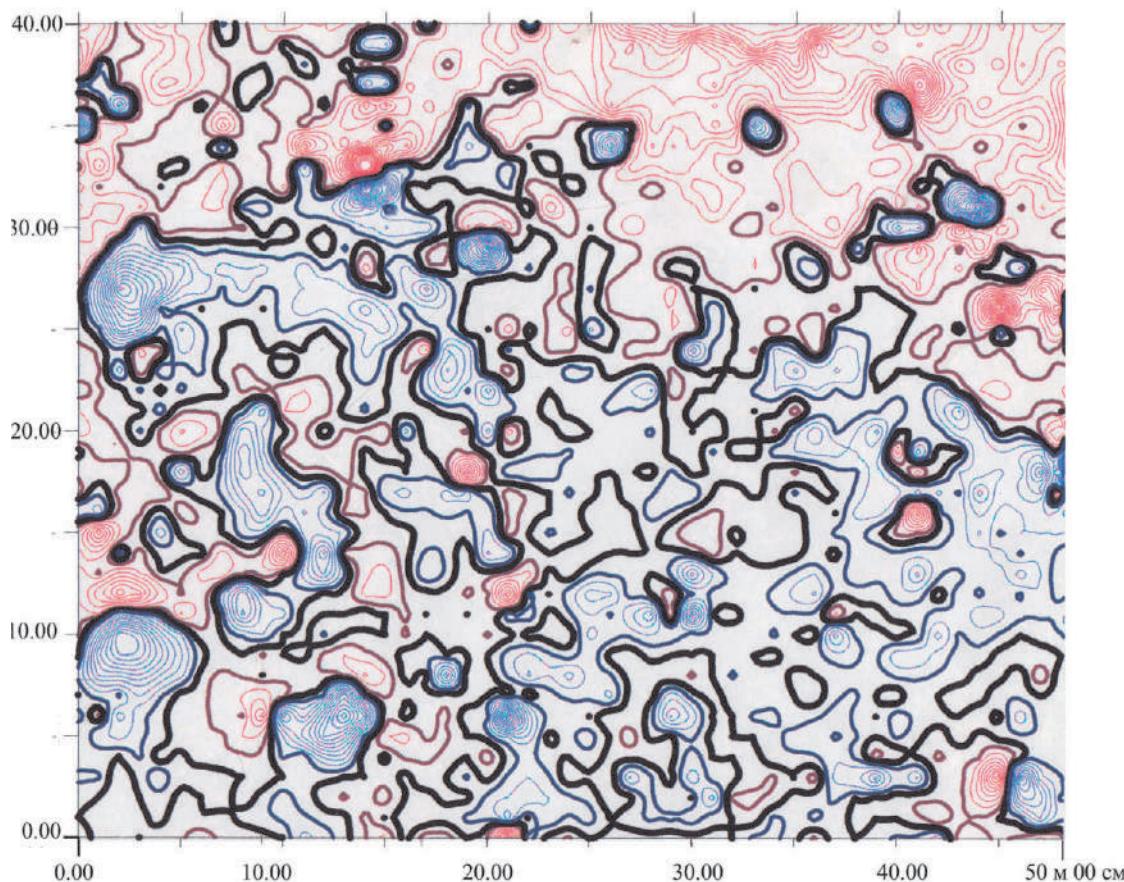
Южная, дальняя, граница участка располагалась в 40 м на ЮЮВ от обоих столбов. Далее к югу на пространстве в 20×30 м лунки располагались в виде 5 небольших скоплений.

Для того чтобы выбрать наиболее перспективный участок для раскопок в пределах очерченной зоны, Московской областной археологической экспедицией ИА РАН была заказана магниторазведка центральной части селища Могутово-2. Магниторазведка была проведена Научно-производственным центром «Геотехнология» под руководством Михаила Яковлевича Каца с использованием квантового магнитометра ММП-303 по сети 1×1 м.

Первый планшет был пройден 8.05.2002 г. (рис. 65). Он имел прямоугольную форму (50×40 м) и площадь 2000 кв. м. Планшет накрыл зону кладо-

искальских лунок за вычетом ее южной части. На этой площади магниторазведка выявила 34 аномалии магнитного поля размерами от 10×4 м до 2×2 м в поперечнике (рис. 66). Как показал опыт проведения подобных работ, аномалии отражают ямы от древних сооружений, заполненные культурным слоем, который отличается по своим характеристикам от материкового суглинка.

Наиболее крупные аномалии фиксировались в западной части планшета, на участке (30×20 м) у бровки коренного берега. Несколько позднее на этот участок указал и находчик как на место обнаружения печатей (19.05.2002). В южной части этого участка в июле 2002 г. был заложен рекогносцировочный раскоп 1, который рассек его полосой по линии запад–восток (18×4 м) (площадь 68 кв. м) (рис. 62: IV).

*Рис. 66. Северо-восточный планшет магниторазведки, выполненной в 2002 г.
Аномалии показаны синим цветом*

Раскоп 1 открыл следы двух жилых построек второй половины XII и XIII в., которые точно соответствовали двум выявленным ранее аномалиям. Было найдено 335 индивидуальных находок, в том числе оружие, женские украшения и предметы импорта, свидетельствующие о нерядовом характере этих сооружений².

В 2003 г. к югу от раскопа 1 был заложен раскоп 2 (92 кв. м), в результате чего общая исследованная площадь составила 160 кв. м. Было исследовано 7 ям в материке, которые относились к двум указанным выше периодам. Коллекция находок пополнилась украшениями и импортами. Однако ни одной вислой печати найдено не было³.

² Чернов С. З. Отчет о раскопках на селище Могутово-2 на участке обнаружения сфрагистического комплекса в Щелковском районе Московской области в 2002 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 27915; Чернов С. З. Раскопки на селище Могутово-2 на участке обнаружения сфрагистического комплекса XII века // Археологические открытия 2002 года. М.: Наука, 2003. С. 211–215.

³ Чернов С. З. Отчет о раскопках на селище Могутово-2 на участке обнаружения сфрагистического комплекса в Щелковском районе Московской области в 2003 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 31658; Чернов С. З. Раскопки на се-

лище Могутово-2 (посад древнерусской Шерны) на участке обнаружения сфрагистического комплекса XII века и охранные обследования в Московской области // Археологические открытия 2003 года. М.: Наука, 2004. С. 223–228.

В связи с этим к западу от раскопа в 2003 г. был заложен второй планшет магниторазведки (рис. 65, 67). Он имел форму квадрата (40×40 м) и площадь 1600 кв. м. Было выявлено 19 аномалий и еще три на некотором удалении к западу. В целом оба планшета свидетельствовали, что раскоп был заложен примерно в центре плотно застроенной в древности территории (рис. 65).

Поскольку на данном этапе возможности магниторазведки в планировании раскопов были исчерпаны, мы заложили планшет металлодетекторного поиска в диапазоне цветных металлов к югу от раскопа 2. В результате в июле 2003 г. в 19 м к югу от раскопа 2 была найдена свинцовая вислая печать с изображением архангела и святого Феодора в полный рост⁴. После этой находки было принято решение расширять раскоп в южном направлении, и на протяжении 22 м была заложена сетка квадратов. В пределах этой сетки в районе обнаружения печати в 2003 г. был пройден раскоп площадью 56 кв. м (квадраты 48–55).

лище Могутово-2 (посад древнерусской Шерны) на участке обнаружения сфрагистического комплекса XII века и охранные обследования в Московской области // Археологические открытия 2003 года. М.: Наука, 2004. С. 223–228.

⁴ См.: Глава 1, № 16 в каталоге вислых печатей.

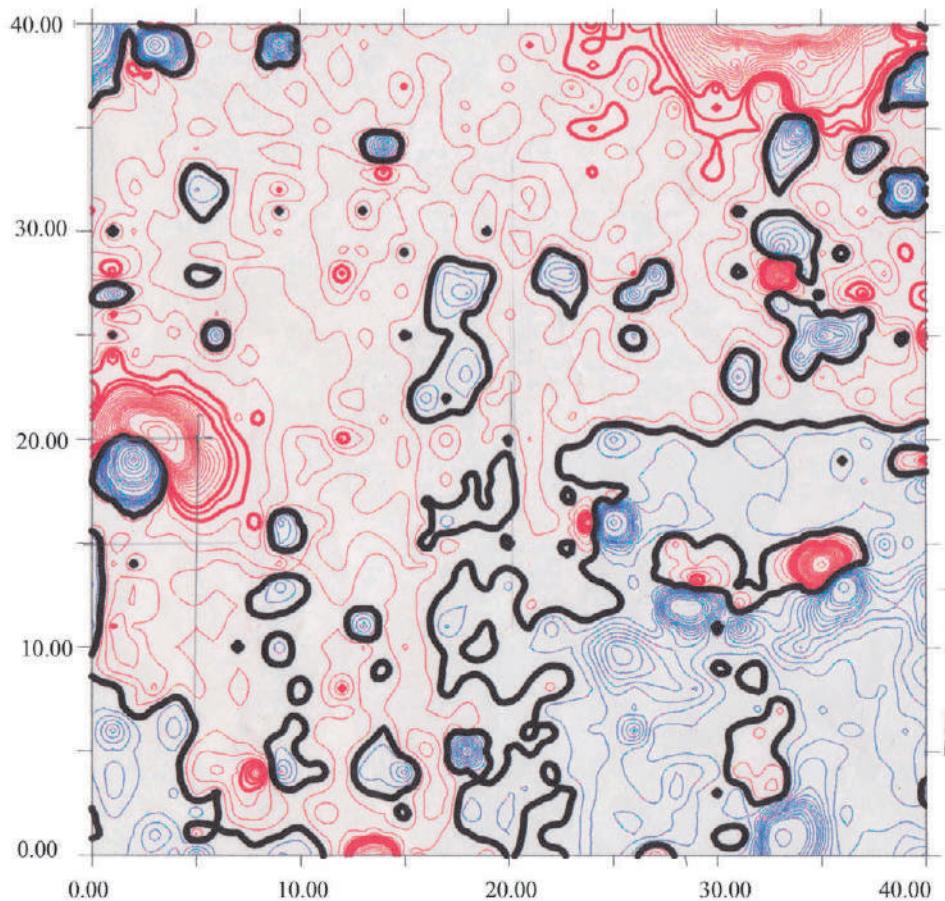

Рис. 67. Северо-западный планшет магниторазведки, выполненной в 2003 г.
Аномалии показаны синим цветом

В начале полевого сезона 2004 г. был заложен южный планшет магниторазведки (рис. 65, 68). Он показал, что в районе сетки квадратов имеется пять аномалий. По результатам магниторазведки раскоп был расширен до размеров 16×12 м (192 кв. м) и образовал Южный раскоп⁵. Южный раскоп накрыл группу ям 11–13 с богатым набором находок, включая золотую подвеску. В яме 11 была найдена вислая печать с оттисками святого Феодора и Благовещения, атрибутируемая князю Всеволоду Мстиславичу (1117–1136)⁶.

Находка вислых печатей на Южном раскопе показала, что мы вышли на группу построек (усадьбу?), с которой следует связывать основную часть сферагистических находок, сделанных в ходе несанкционированного металлоискания в 2001 г. и позднее.

Вторым существенным результатом работ на Южном раскопе явилось обнаружение двух па-

ралльных лаг, маркирующих мостовую улицы (рис. 69 Б). Лаги были ориентированы по линии юго-запад–северо-восток. Поскольку под тем же углом были ориентированы конструкции погреба ямы № 1, создавалось впечатление, что и наземные части исследованных сооружений были ориентированы вдоль улицы. Таким образом, мы получили точку отсчета для реконструкции древней планировки.

Встал вопрос: принадлежат группы жилых построек Северного и Южного раскопов к одной усадьбе или к двум разным? Для ответа на него между раскопами был заложен Центральный раскоп (рис. 69 Б). В 2006 г. была исследована его западная часть (80 кв. м)⁷. Большой удачей стало обнаружение здесь постройки 27, у которой сохранился нижний венец наземного сруба. Сруб был ориентирован параллельно лагам (улице). К югу от следов сруба

⁵ Отчет о работах 2003 и 2004 гг. по Южному раскопу был сдан в 2005 г. Чернов С. З. Отчет о раскопках на селище Могутово-2 на участке обнаружения сферагистического комплекса в Щелковском районе Московской области в 2005 году. Т. 1, 2 // Архив ИА РАН. Р-1. № 26780, 26781.

⁶ См.: Глава 1, № 17 в каталоге вислых печатей.

⁷ Чернов С. З. Отчет о раскопках на селище Могутово-2 на участке обнаружения сферагистического комплекса в Щелковском районе Московской области в 2006 г. Раскоп 4 // Архив ИА РАН. Р-1 № 51278; Чернов С. З. Раскопки на селище Могутово-2 на участке обнаружения сферагистического комплекса XII века // Археологические открытия 2006 года. М.: Наука, 2009. С. 313–315.

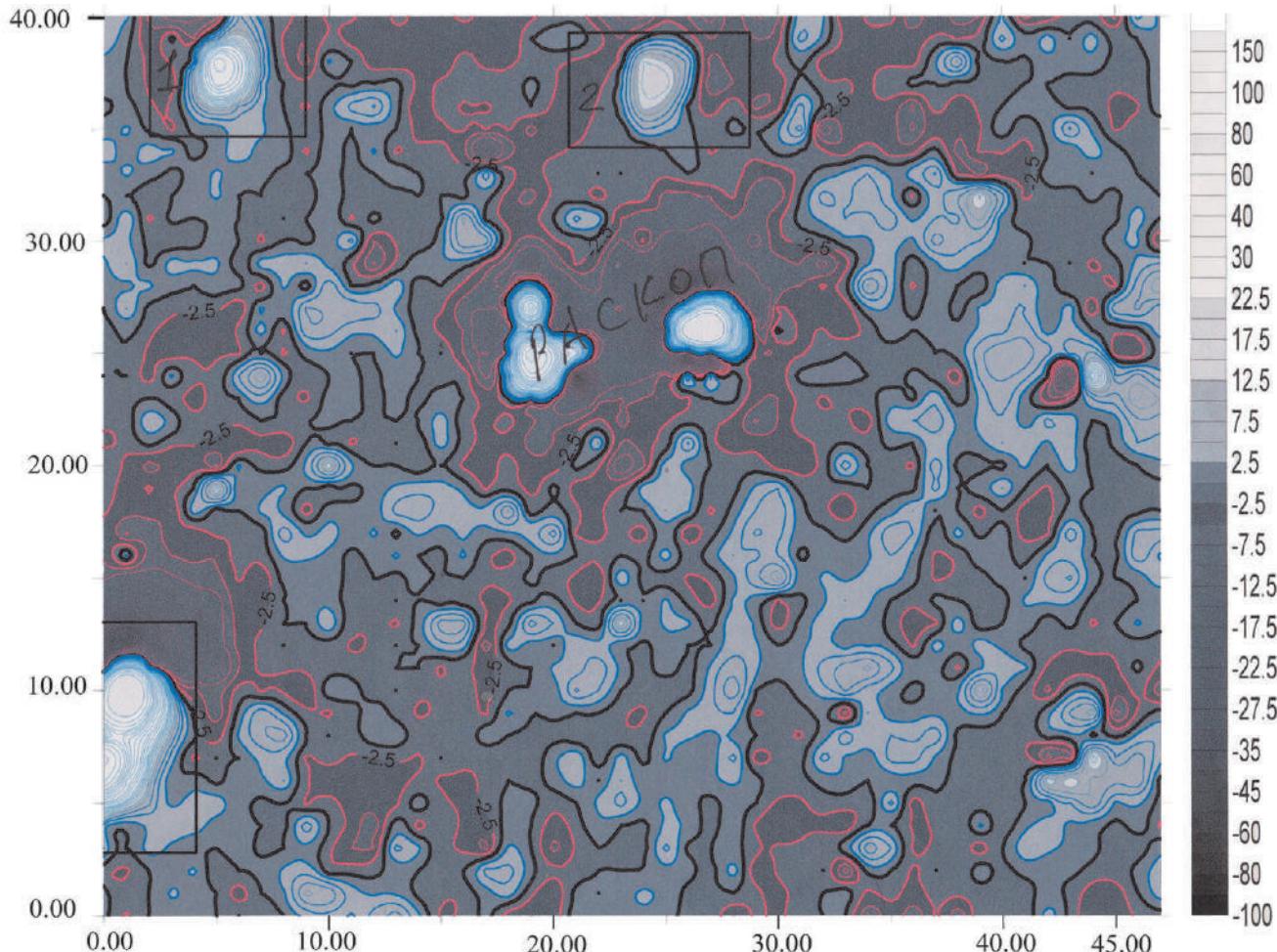

Рис. 68. Южный планшет магниторазведки, выполненной в 2004 г.
Аномалии показаны синим цветом

характер отложений менялся: здесь резко падала насыщенность слоя керамикой и фиксировались столбовые конструкции (конюшня?). Эти наблюдения позволили сделать вывод, что южный край сруба 27 маркирует границу усадеб. Северная усадьба была обозначена литерой «А», а южная – литерой «Б».

В сезон 2007 г. была пройдена восточная половина Центрального раскопа. В северной ее части была исследована группа построек усадьбы А, а в южной – обширное хоромное строение с глубоким подвалом клети (яма 20). Между ямой 20 и 20а был обнаружен останец материка, отделявший сооружения, принадлежавшие разным усадьбам⁸.

РАСКОП 1 был заложен в 120 м к юго-востоку от городища, за ручьем, на бровке его правого берега, которая возвышается над ним на 7 м (рис. 69 А). Нивелировка показала, что площадка раскопа имеет естественный уклон к западу (к долине ручья), северу (к р. Шеренке) и небольшой уклон к востоку (рис. 70). Раскоп попал на центральную часть усадьбы, где располагались ямы от двух жилых построек (рис. 75, 76). Яма 1 имела на уровне зачистки материка размеры 6×6 м, а на глубине 0,8 м сужалась до 3,7×3,7 м. Глубина ее составляла 1,9 м. В 1 м к востоку была зафиксирована яма 2 меньших размеров (4,5×2,5 м) и глубины (0,5 м), но не менее первой богатая находками. В 3–4 м к востоку имелись еще две небольшие хозяйственные ямы. Хорошая сохранность древнерусских наслойений, наличие в слое органики (береста, фрагменты обгоревшего дерева, войлок, кожа), большое количество и разнообразие находок (344 индивидуальные находки и более 8 тысяч фрагментов керамики) делают памятник перспективным для исследования.

⁸ Чернов С. З. Отчет о раскопках на селище Могутово-2 на участке обнаружения сфрагистического комплекса в Шелковском районе Московской области в 2007 г. Восточная часть раскопа 4 // Архив ИА. Р-1. № 44285, 44286; Чернов С. З. Раскопки на селище Могутово-2 (посад древнерусской Шерны) на участке обнаружения сфрагистического комплекса XII в. // Археологические открытия 2007 года. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 226–228.

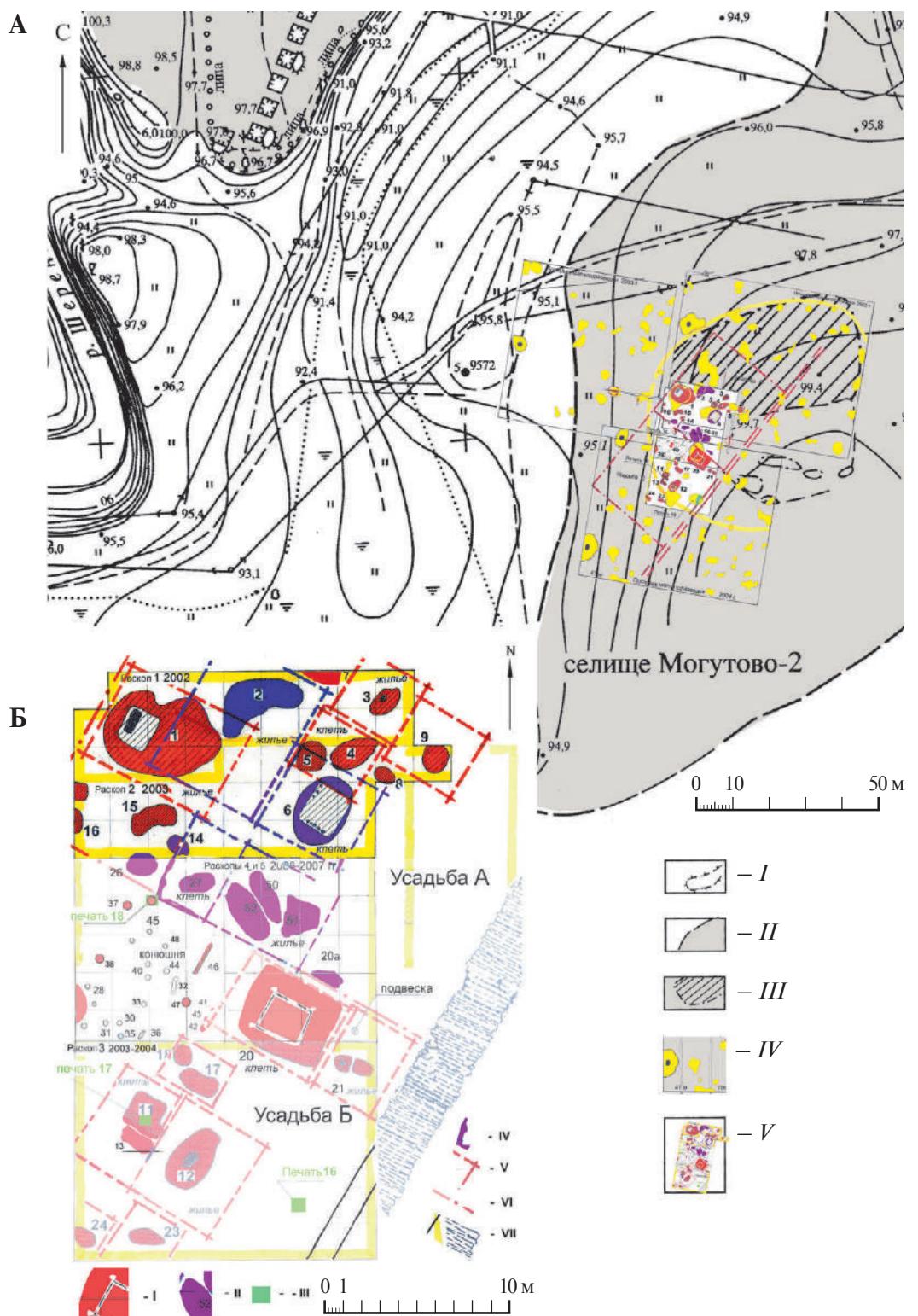

Рис. 69. А – Вынос планшетов магниторазведки на план селища Могутово-2.

Рис. 39.1 – Виды планшетов магниторазведки на план селища Могутово-2.

I – валы городища; II – граница распространения культурного слоя селищ Могутово-1 и Могутово-2 (посад Шерны); III – граница скопления лунок, зафиксированная 6.10.2001 г. с помощью рулетки, – место находки сфрагистического комплекса; IV – аномалии магнитного поля по планшетам магниторазведки; V – раскопы 1, 2, 3, 4, 5 ИА РАН 2002–2007 гг. Основа: план 1990 г. Высотные отметки даны в условной системе. Для получения значения в Балтийской системе высот необходимо к цифре, указанной на чертеже, прибавить 51 м. Г – схема расположения Северного раскопа (раскопы 1 и 2) на общем плане раскопов. Условные обозначения см. на рис. 236

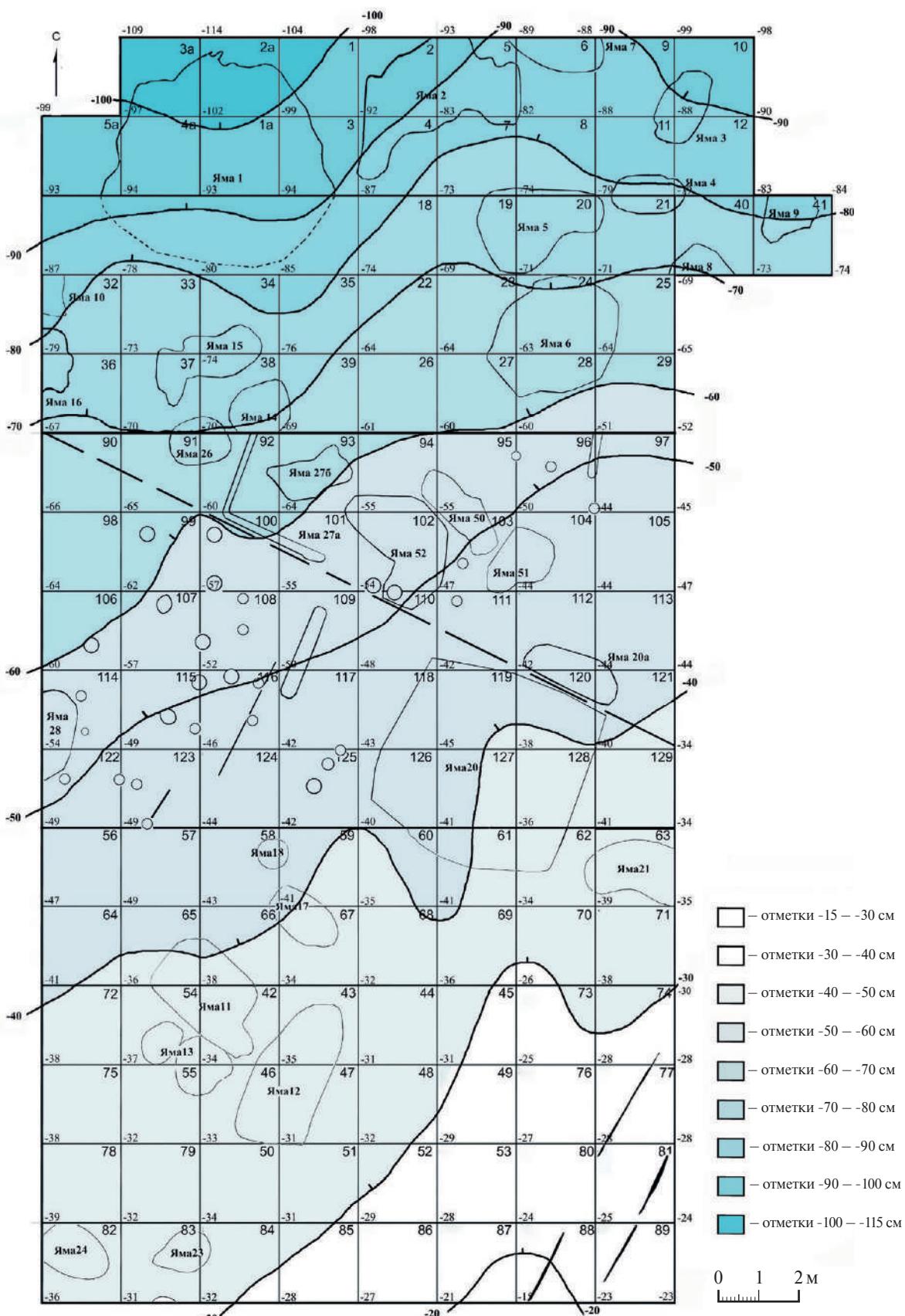

Рис. 70. Сводный план нивелировки современной дневной поверхности раскопов 1—5, 2002—2007 гг.
На плане зафиксировано понижение поверхности
в северо-западном направлении

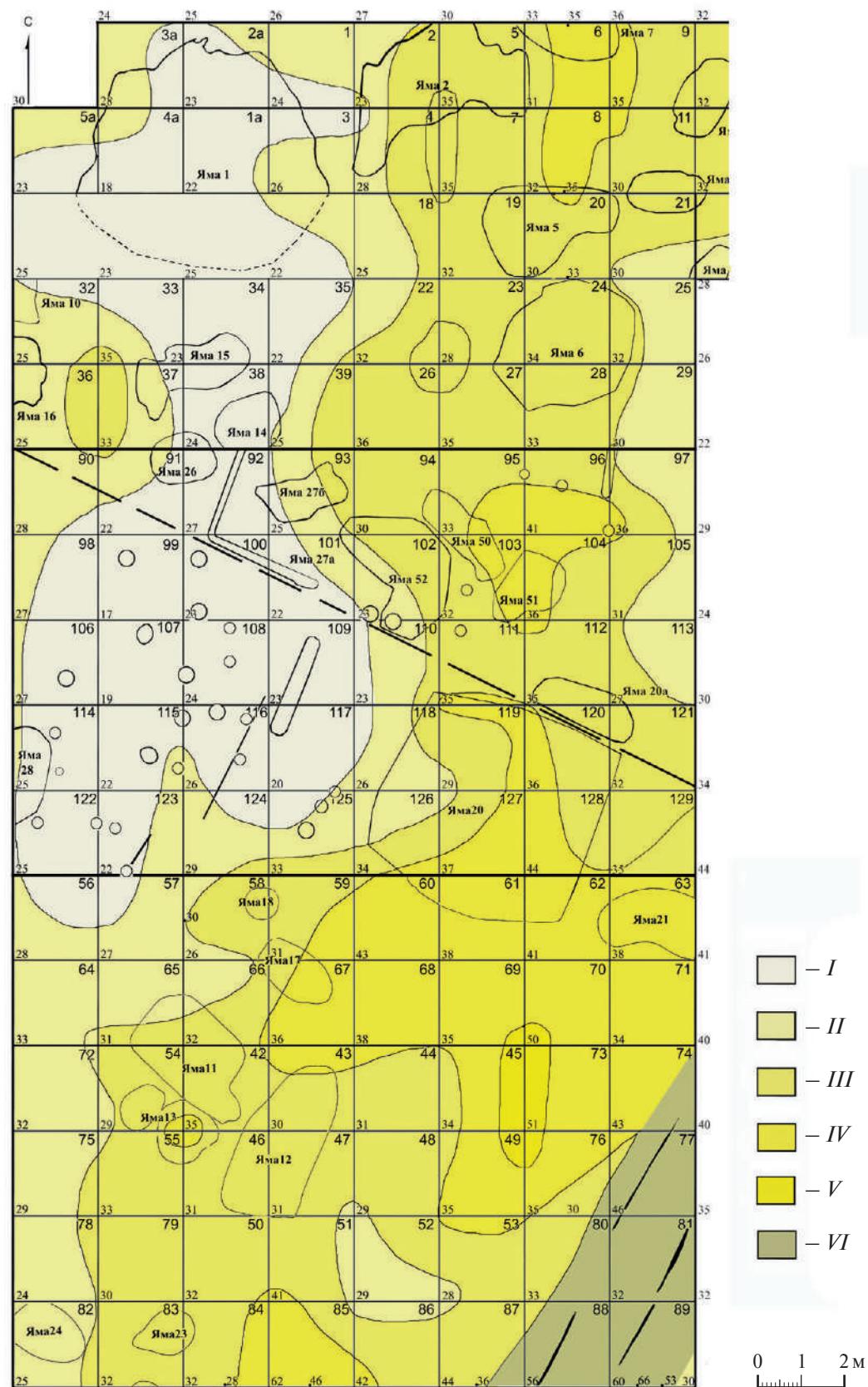

Рис. 71. Сводный план мощности культурного слоя раскопов 1–5, 2002–2007 гг.

Градации мощности слоя: I – 20–25 см; II – 25–30 см; III – 30–35 см; IV – 35–40 см; V – 40–50 см; VI – зона древних нивелировок культурного слоя в районе проезжей части древней улицы с мощностью слоя 30–60 см.

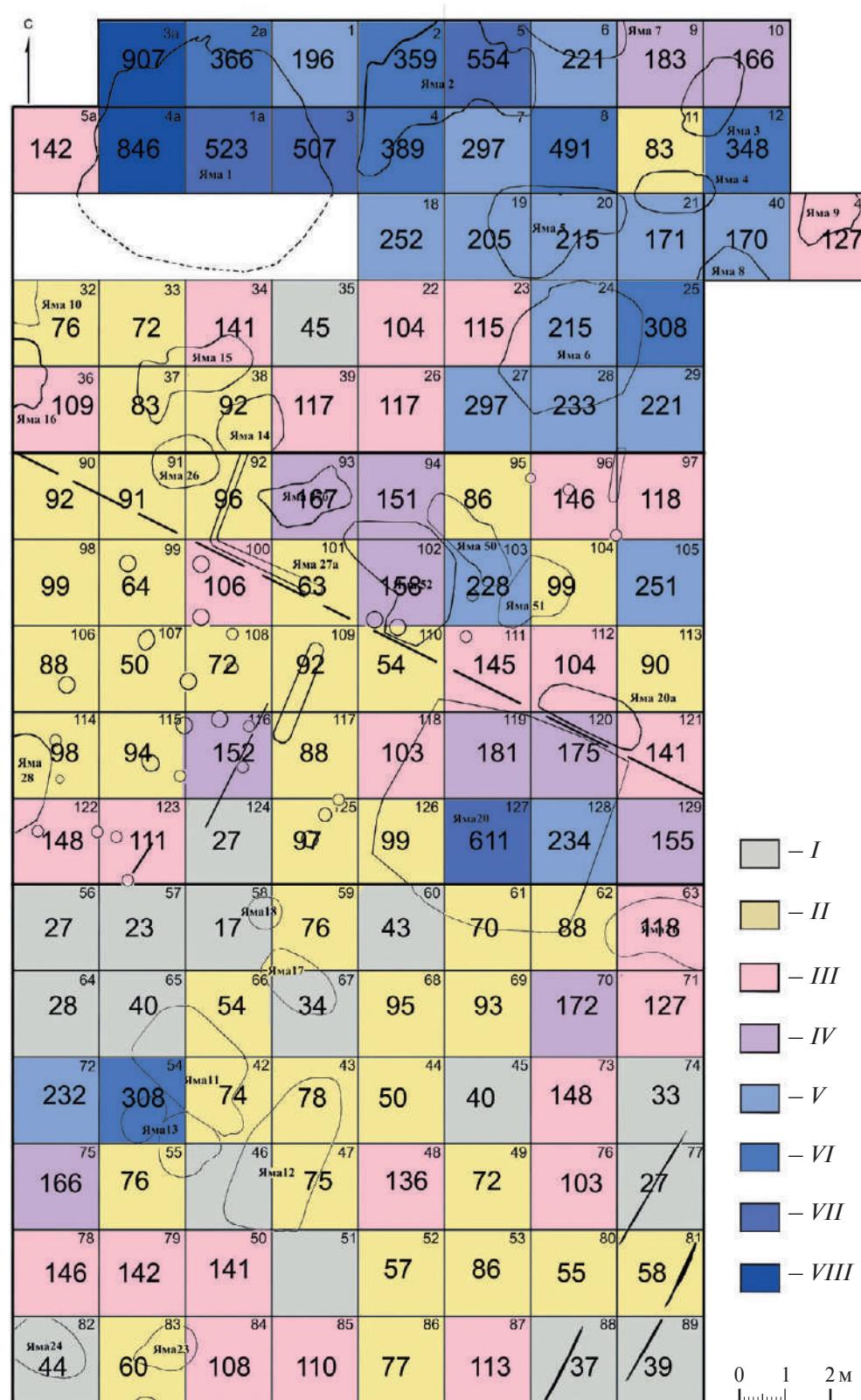

Рис. 72. Сводный план распределения керамики раскопов 1–5, 2002–2007 гг.

Градации количества керамических фрагментов на квадрат: I – 0–50 фрагментов; II – 51–100 фрагментов; III – 101–150 фрагментов; IV – 151–200 фрагментов; V – 201–300 фрагментов; VI – 301–500 фрагментов; VII – 501–750 фрагментов; VIII – 751–1000 фрагментов.

Точное количество фрагментов керамики, найденных на конкретном квадрате, показано на плане

Усадьба в XIII веке

ПАХОТНЫЙ ГОРИЗОНТ. Верхняя часть культурного слоя представляла собой пахотный горизонт, сложенный серой гумусированной супесью. Под ним (там, где не открывался материк) залегала черная интенсивно гумусированная плотная супесь. Этот слой, который составлял верхнюю часть заполнения ям, распространялся шире их границ, а в некоторых случаях фиксировался и вне ям.

Мощность пахотного «чехла» различна на разных участках раскопа. Центральная часть раскопа попала на микровозвышение палеорельефа (на 10 см). На западе раскопа слой смыкался в сторону ручья, на востоке — накапливался в микропонижении (рис. 71). За пределами этого объяснительного ряда оказываются данные о большой мощности пахотного горизонта над ямой 2 и меньшая его мощность — над ямой 1. Поскольку активность хозяйственной деятельности была велика в обоих случаях, это различие можно объяснить тем, что над ямой 1, которая имела большую глубину, происходило проседание и активная аккумуляция слоя, откладывавшегося уже после исчезновения сооружения.

Пик в распространении керамики (рис. 72) (в 1-м пласте 4078 фрагментов, во 2-м — 2127) приходится на квадраты, расположенные над ямой 1, второй, почти столь же значительный, — над ямой 2 и третий, небольшой, — над ямами 3 и 4 в восточной части раскопа (рис. 72, 73). Керамика последней четверти XV — начала XVI в. — белоглиняная грубая, красноглиняная гладкая, чернолощеная и мореная (4,7% материала)⁹ — связана с последним этапом жизни Шерны-городка и соответствует фоновым значениям, отражающим присутствие данного материала на памятнике. На исследуемом участке и вблизи него сооружений этого времени не было. Если исключить эту керамику из расчетов, соотношение курганной, серой и красноглиняной грубой посуды будет равно 60,3% / 20,9% / 8,8% при 10% керамики, которая принадлежит к этим типам, но не может быть отнесена к одному из них. Без учета последней мы получаем соотношение 66,9% / 23,3% / 9,8%. Более достоверную картину дает расчет, выполненный на основании венчиков (их 360): 59,8% / 34,7% / 5,5%, или, при округлении, 60% / 34% / 6%. Во 2-м пласте, без учета керамики конца XV—XVI вв. (ее 3%), исследуемое соотношение равняется 70,4% / 17,9% / 5,2% (при 6,5% трудноопределимой), а с учетом лишь венчиков — 63,6% / 30,7% / 5,7%, при округлении 64% / 30% / 6%.

⁹ Встречается в постройках Исторического проезда, погибших в пожаре 1493 г. (МК, 1991. Табл. 81–111).

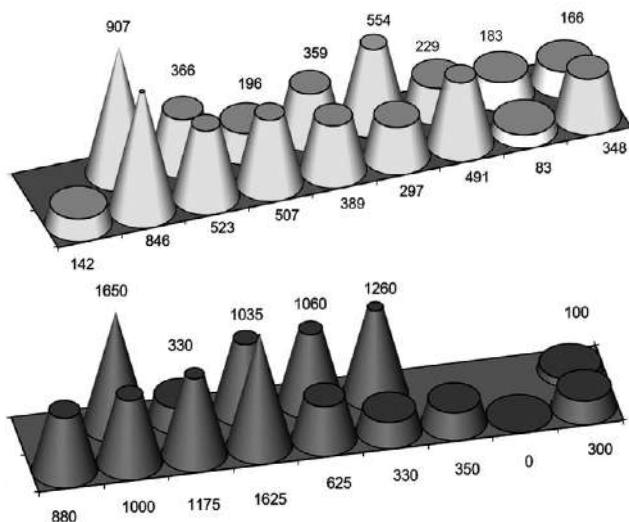

Рис. 73. Раскоп 1.
Вверху — планиграфия керамики из верхнего слоя.
Внизу — планиграфия шлаков верхнего слоя

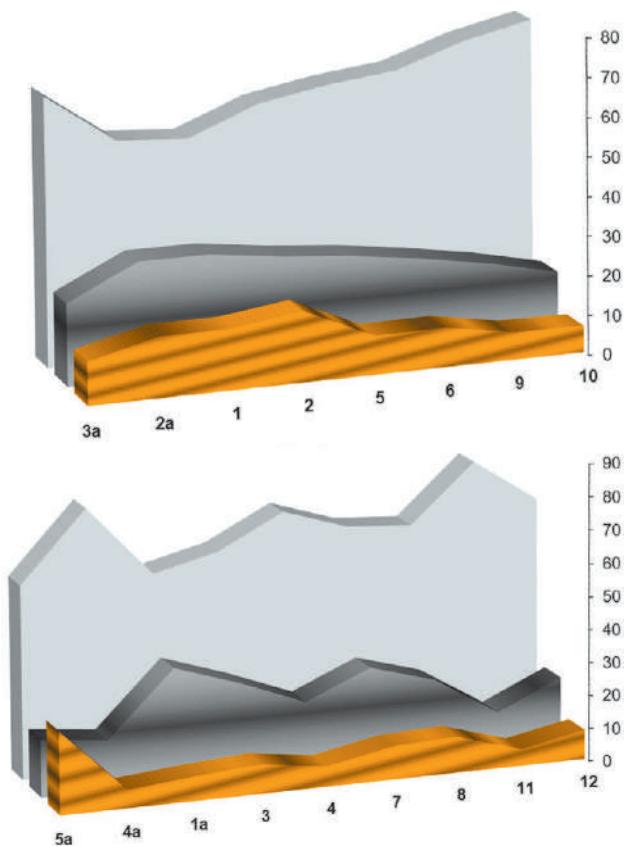

Рис. 74. Раскоп 1. Вид сверху: распределение курганной (на заднем плане), серой и красноглиняной (на переднем плане) керамики в северном ряду квадратов.
Вид снизу: распределение курганной (на заднем плане), серой и красноглиняной (на переднем плане) керамики в южном ряду квадратов

Присутствие небольшого количества красноглиняной грубой (или переходной от серой к красноглиняной грубой) керамики, формы которой имеют аналогии с комплексами из ямы 3, сруба 6 Исторического проезда и Лешково-2 первой половины XIV в., показывает, что активная жизнь на исследуемом участке завершилась в конце XIII – первой четверти XIV в. Планграфическое распределение типов керамики (рис. 74) демонстрирует небольшую концентрацию серой и ранней красной грубой керамики над ямами 1 и 2.

Характерной чертой слоя является присутствие шлаков, связанных с выплавкой железа (в 1-м и 2-м пласте – 6,7 кг), которые концентрируются над ямами 1 и 2 (рис. 73). В пластах 1 и 2 найдено 455 костных остатков домашних животных (определимые – 12%): коровы (50%), свиньи (25%) и козы и барана (20%), единичные остатки лошади и птицы¹⁰.

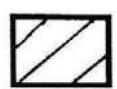
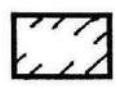
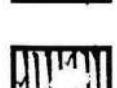
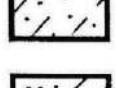
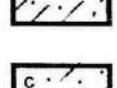
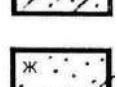
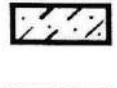
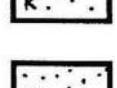
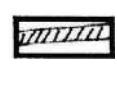
В западной части раскопа (над ямой 1) все находки 1-го пласта (за исключением полихромного изразца XIX в. – № 184) принадлежат к средневековому времени. Это женские украшения: фрагмент гладкого стеклянного браслета темно-зеленого цвета, сердоликовая бипирамидальная бусина и бусина фиолетового стекла (рис. 94 А: 22, 60, 115). Из бытовых предметов – два пряслица (шиферное миниатюрное плоское – рис. 97 Г: 23, половина глиняного – 168), железная игла (№ 181) и обрывок кожаной обуви (рис. 97 Б: 117). Предметы из бронзы представлены фигурной накладкой без следов крепления и пластинкой с приклепанным стержнем (рис. 97 Г: 119, 5). Среди инвентаря, выполненного из железа, обращает на себя внимание кольчужное колечко (№ 182) и пластина с заклепкой (№ 55). Бытовые предметы представлены нижней частью цилиндрического замка типа В середины XII – конца XIV в. (№ 211)¹¹, ножами (№№ 210, 280), пряжкой (№ 66), скобой (№ 39), гвоздями (№№ 45, 118, 169, 265, 267), заостренным стержнем (№ 250) и полуфабрикатами.¹² Кроме того, найдены мелкие заготовки из рога (№ 30) и фрагмент слюды (№ 171). Просеивание и промывка слоя дали фрагменты шлака, содержащего металлы (№№ 61, 113, 165, 166). Печина концентрируется над центром ямы 1 (кв. 4а – 17, кв. 1а – 45), несколько меньше ее к северу, западу и востоку от ямы.

¹⁰ Дмитриева Е. Л., Карху А. А., Сычевская Е. К. Заключение по костным остаткам раскопа 1 на селище Могутово-2 // Чернов С. З. Отчет о раскопках на селище Могутово-2 на участке обнаружения сфрагистического комплекса в Щелковском районе Московской области в 2002 году // Архив ИА РАН. Р-1. №. 127915 С. 26–29.

¹¹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М., 1959. Рис. 70.

¹² Прутами (№№ 4, 286), полосами (в виде крюка – № 261 и две скованые и перевитые – № 3), пластинами (№№ 21, 52, 57, 59, 65) и другими предметами (№ 127).

Условные обозначения к чертежам

- – Серая интенсивно гумусированная супесь – верхний переотложенный пахотный горизонт
- – Перекоп (яма от скотного двора XX в.)
- – Темно-серая, переходящая в черную, интенсивно гумусированная супесь с углем и печиной
- – Темно-серая, переходящая в черную, интенсивно гумусированная супесь с углем и печиной
- – Темно-серая, переходящая в черную, интенсивно гумусированная плотная супесь с углем и отдельными фрагментами печиной (1×1 см)
- – Скопления обожженной глины
- – Серый грязный песок с углем и подстилающей прослойкой гумусированной супеси с углем
- – Грязный песок, светло-серый
- – Грязный песок, серый
- – Материковый выброс желтого песка
- – Прослойка гумусированной супеси
- – Грязный песок, серый, в нижней части заполнения ямы
- – Кремовый чистый песок в нижней части заполнения ямы
- – Желтый чистый песок в нижней части заполнения ямы
- – Углистая прослойка
- – Слабогумусированная прослойка в слое грязного песка
- – Темно-бурая прослойка на дне ямы

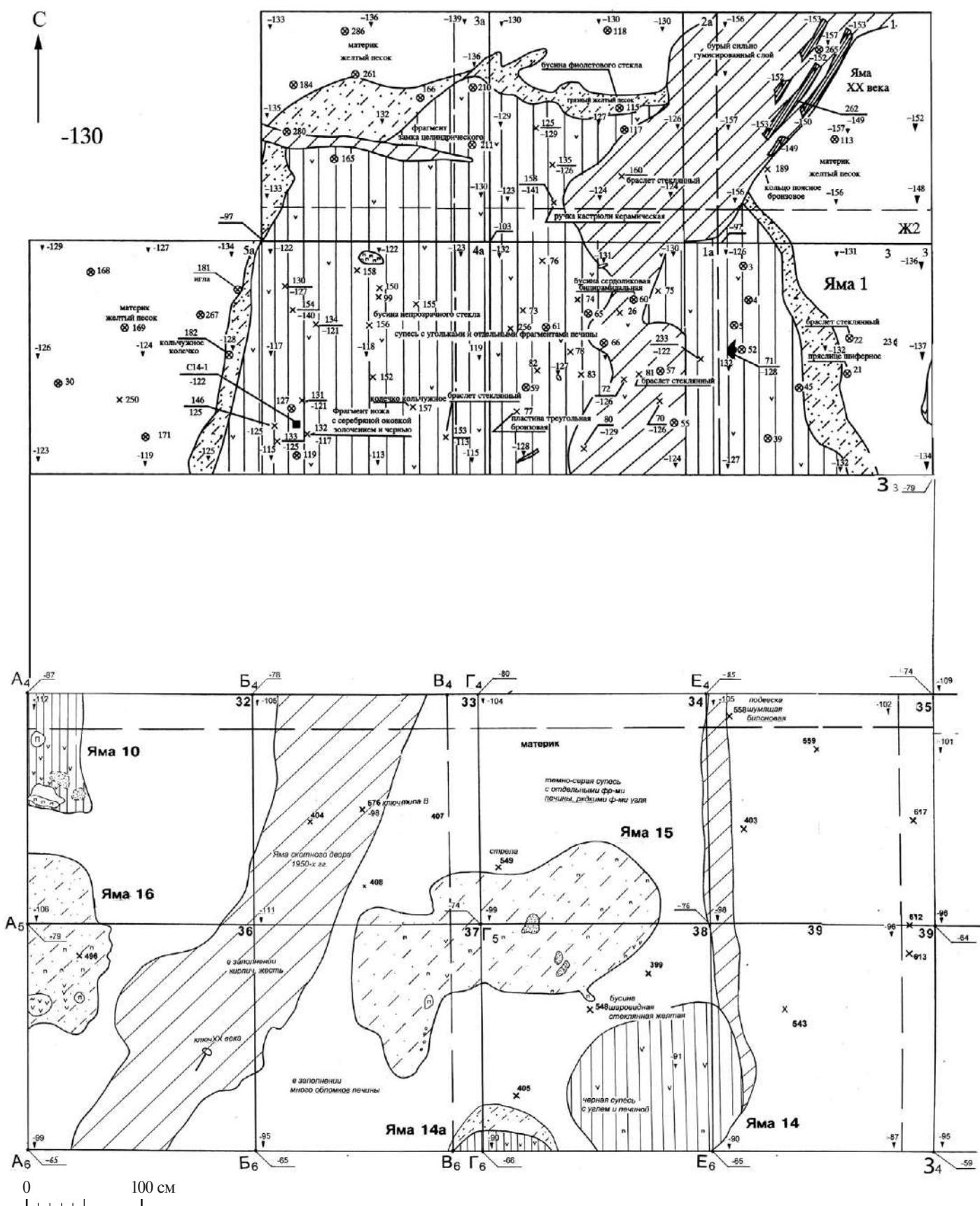

Рис. 75. Раскопы 1 и 2 (Северный). Западная часть. Сводный план зачистки материала в районе ямы 1

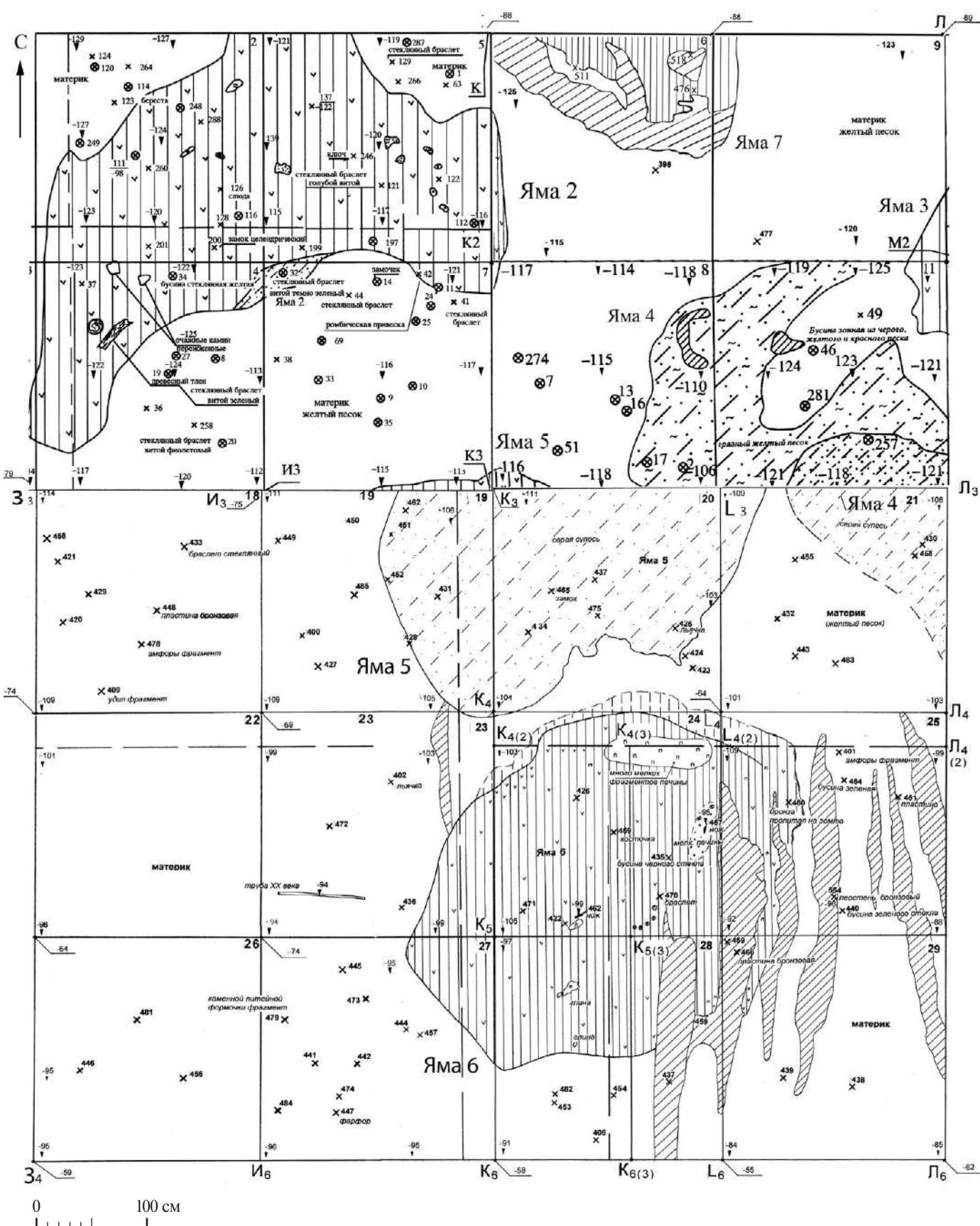

Рис. 76. Раскопы 1 и 2 (Северный). Восточная часть.
Сводный план зачистки материка в районе ям 2 и 6

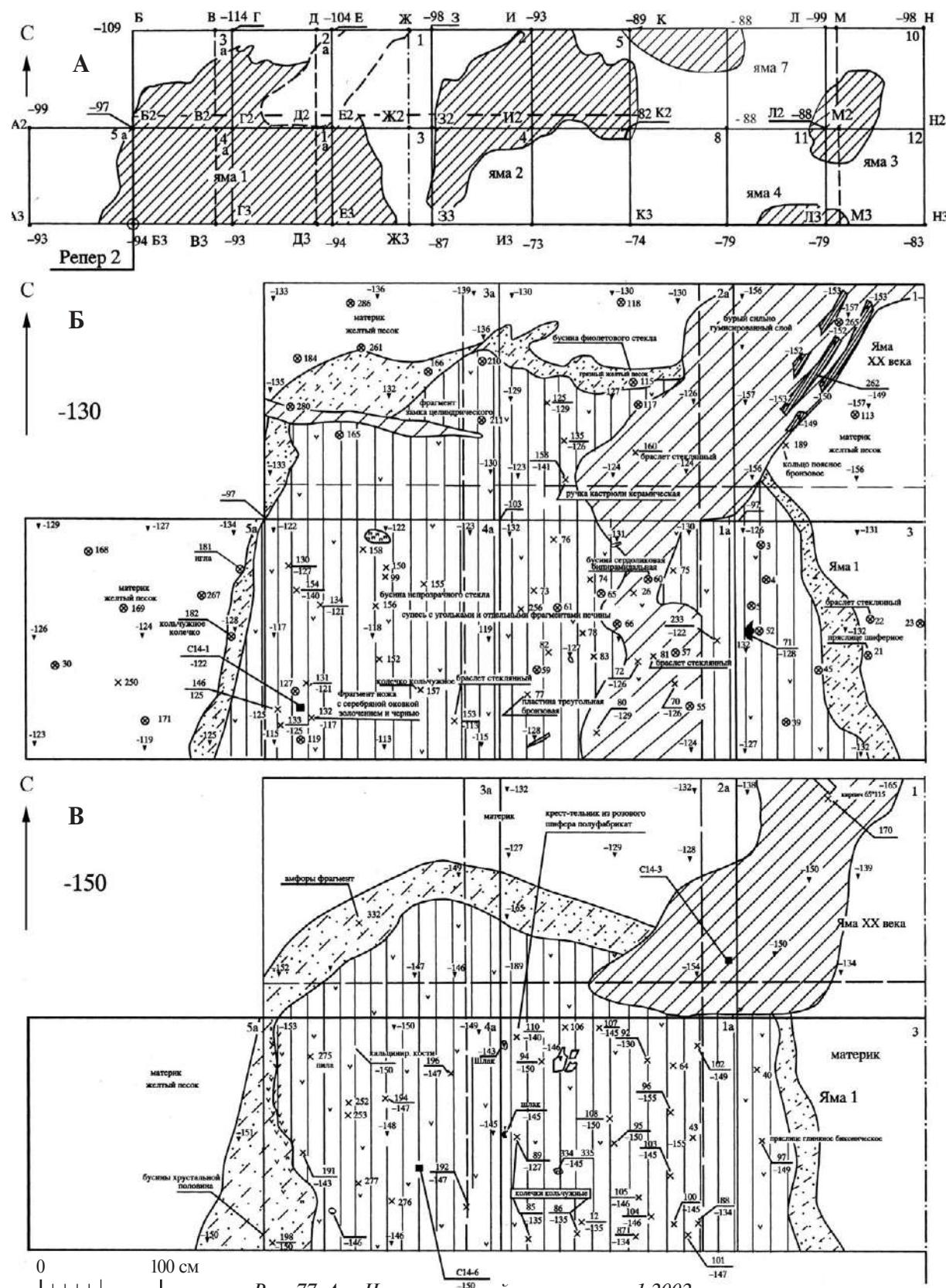

Рис. 77. А – Нивелировочный план раскопа 1 2002 г.

Б – Западный участок раскопа в районе ямы 1. План зачистки 2 пласта (-130 см).

В – Западный участок раскопа в районе ямы 1. План зачистки 3 пласта (-150 см).

Крестики в круге обозначают находки, происходящие из 1 пласта (пахотный слой),
крестики – находки из 2 пласта (пахотный слой и контакт пахотного слоя с черной супесью)

Рис. 78. Раскоп I. 2002 г. Начало разборки заполнения ямы I. Вид с юго-востока.

На переднем плане – Александр Кренке разбирает 2-й пл. кв. 1а.

На заднем плане – Могутовское городище. 07.07.2002 г.

Почти на всей площади раскопа в зачистке 1-го пласта (-110 см) открылся материк и верхняя часть заполнения ямы I. Оно было сложено черной интенсивно гумусированной плотной супесью с угольками, мелкими камнями и фрагментами печины (10 на 1 дециметр зачистки). На ряде участков черная супесь нарушена плугом. Более глубокий перекоп (следы скотного двора 1950-х гг.) очертился в зачистке 2-го пласта (-130 см – рис. 77 Б), когда был добранны пахотный горизонт и верхняя часть черной супеси на контакте с пахотой¹³.

¹³ Перекоп представлял собой вытянутую яму, ориентированную ЮЗ–СВ, шириной 1,3 м. Вдоль ее вос-

находки 2-го пласта происходят за одним исключением (поясное бронзовое кольцо из гумусированного песка – рис. 77 Б: кв. I; рис. 97 Г: 189)

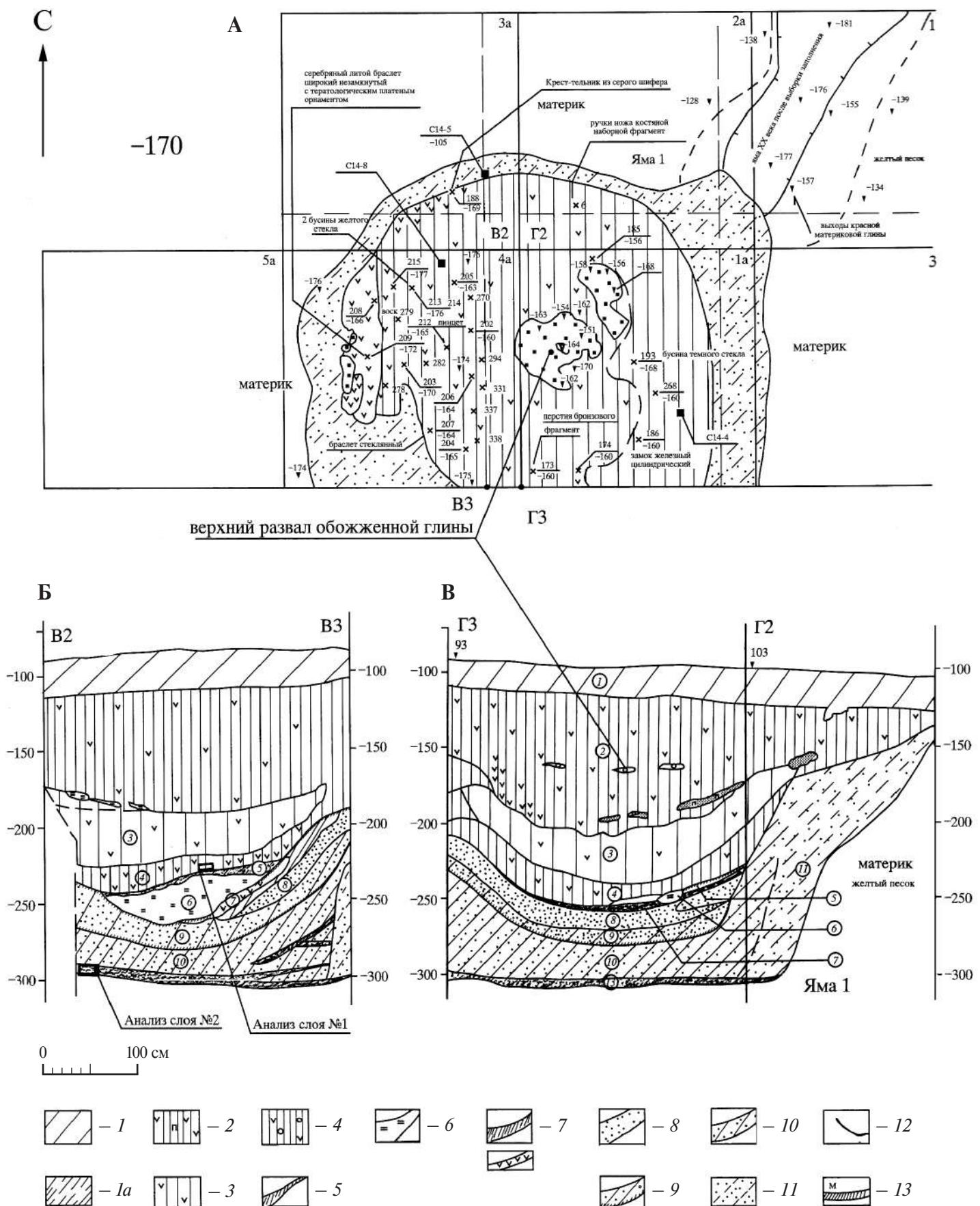
точного края, на отметках -149 – -153, – конструкции из 5 полусгнивших бревен, лежащих в три ряда, тянутый гвоздь (№ 262) и кирпич (65×115 см). Перекоп сложен бурой супесью. Этот же слой, но более гумусированный, фиксировался в пределах ямы I: в юго-восточном углу кв. 2а и в восточной части кв. 1а. Видимо, выбранное заполнение ямы I было затем смешано с пашенным горизонтом и в таком виде вернулось вновь на свое прежнее место.

Рис. 79. Северный раскоп (2002 г.). Западный участок раскопа – яма I.

А – план зачистки 4-го пласта (-170 см); Б – разрез ямы I по линии В2–В3 (см. на плане А) – вид с запада на бровку север–юг; В – разрез ямы I по линии Г2–Г3 (см. на плане А) – вид с востока на бровку север–юг.

Условные знаки (номера слоев): 1 – серая гумусированная супесь – пахотный горизонт; 1а – перекоп (яма 1950-х гг.); 2 – черная интенсивно гумусированная плотная супесь с углем и печиной; 3 – темно-серая с коричневым оттенком гумусированная плотная супесь; 4 – иссиня-черная интенсивно гумусированная плотная супесь, насыщенная углем и пережжеными в дресве обломками очажных камней; 5 – верхняя прослойка кремовой супеси; 6 – развал обожженной глины; 7 – средняя прослойка кремовой супеси и углистая прослойка под развалом обожженной глины; 8 – пачка прослоек светло-желтого песка, переслоенных серой супесью; 9 и 10 – нижняя кремовая слабо гумусированная супесь (9 – без печины с отдельными угольками, по дну – кремовая полоса; 10 – с фрагментами печины, угольками и прослойками светло-желтого песка); 11 – материковый песок с отдельными линзочками гумуса и глины (грязный песок); 12 – слабо гумусированные прослойки в слое грязного песка; 13 – темно-бурая прослойка (5–7 см) на дне ямы I

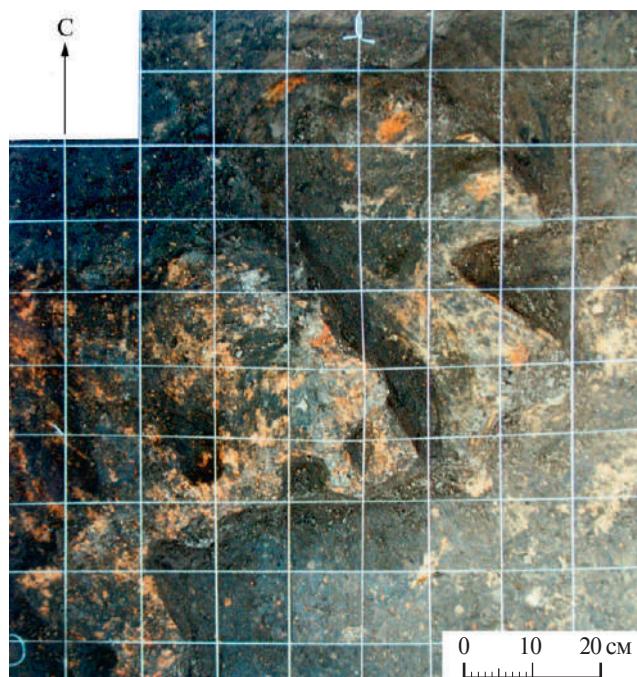

Рис. 80. Раскоп 1. Яма 1. Верхний развал обожженнной глины в зачистке 4 пласта в кв. 1а.
См. положение развода в плане и профиле на рис. 79 А, В.
Фото 07.07.2002.

из заполнения ямы 1. Из слоя на контакте пашни и черной супеси происходят бронзовая пластина треугольной формы (рис. 97 Г: 77), железные: нож (№ 70), гвозди (№ 75, миниатюрный – № 78), стержень (№ 73), крышка горшка (№ 71), печина (№ 333), шлак (№№ 72, 76) и капля металла (№ 74). В перекопе найдены два фрагмента стеклянных браслетов – витого бурого и круглого оливкового (рис. 94 Б: 160, 81) – а также кольцо от удил (№ 26) и нож (рис. 96: 80).

ЧЕРНАЯ СУПЕСЬ В ВЕРХНЕЙ ЧАСТИ ЗАПОЛНЕНИЯ ЯМЫ 1. Нетронутый перекопами слой черной супеси, который образует верхнюю часть заполнения ямы 1 (пласт 2), дал уникальную находку – фрагмент ножа с серебряной оковкой, украшенной золочением и чернью (рис. 93: 132)¹⁴. Заслуживает внимание бронзовая пластина с точечным орнаментом, вероятно, оковка деревянного предмета (рис. 95 В: 152), и второе кольчужное колечко (рис. 93: 157), а из украшений – стеклянный гладкий зеленый браслет (рис. 94 Б: 153), бусина непрозрачного стекла (рис. 94 Б: 156) и фрагмент зеленого стекла (№ 150). Инвентарь из железа представлен светцом (?) (рис. 96: 133), ножами (№№ 233 154), полосой (4×2 мм – № 82),

¹⁴ В западной части ямы 1 (рис. 77 Б: кв. 4а), в 50 см от ее края, на отметке – 117 см (профиль на рис. 79 В).

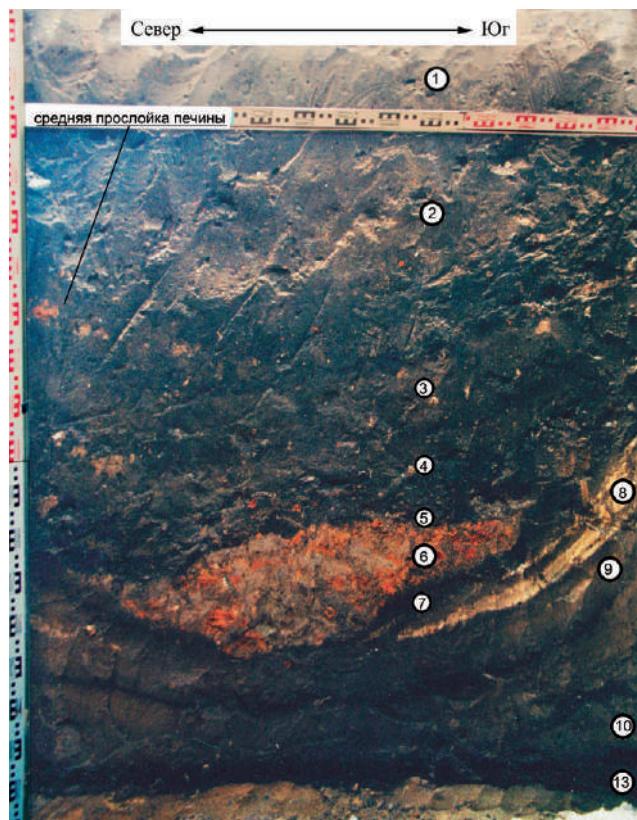

Рис. 81. Раскоп 1. Яма 1. Разрез ямы 1 по линии север–юг.
Вид на бровку с запада.

Профиль по линии В2–В3 (чертеж см. на рис. 79 Б).

На разрезе четко просматривается развал печи
(слой 6), провалившейся в погреб.

Под слоем пашни (слой 1) залегает черная
гумусированная плотная супесь
с углем и печиной (слой 2),
нижней границей которой является
средняя прослойка печины.

Нижне – темно-серая с коричневым оттенком
гумусированная плотная супесь с небольшим
количеством мелкого угля (слой 3)
и темно-серая, переходящая в черную
гумусированная плотная супесь с углем
и пережженными в дресву
обломками очажных камней (слой 4).

Ее подстилает развал печи в виде скопления
обожженной глины (слой 6),
обрамленный сверху (слой 5)
и снизу (слой 7) верхней и средней прослойками
кремовой супеси (остатки коры).

Под развалом печи – пачка прослоек светло-желтого
песка, переслоенных серой супесью.

Нижне следуют слои 9 и 10 – слабо гумусированные
супеси с прослойкой кремовой супеси между ними.

По дну ямы залегает мощная темно-бурая прослойка
(слой 13).

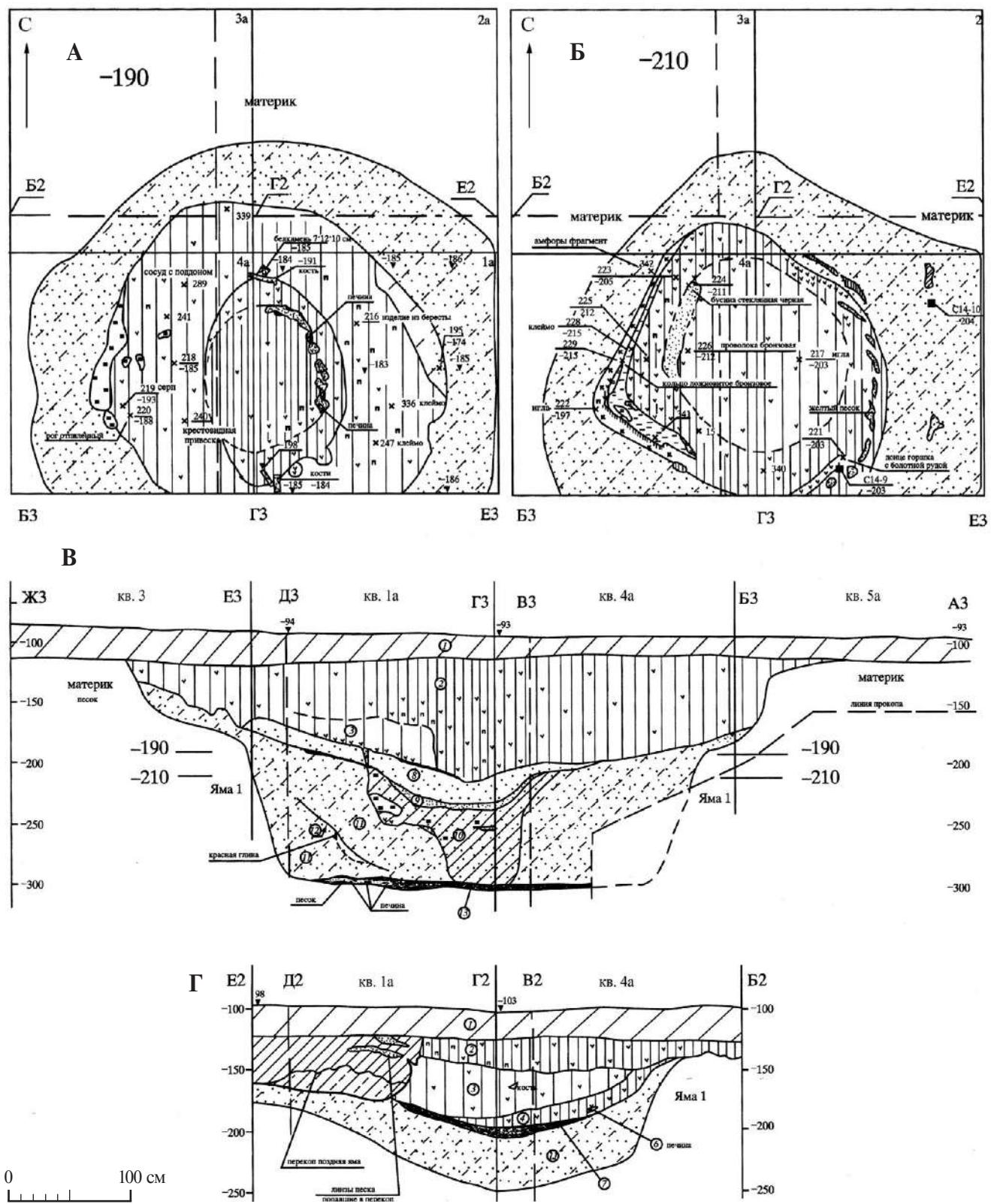

Рис. 82. Западный участок раскопа 1 – яма 1.

A – план зачистки 5 пласта (-190 см).

Б = план зачистки б пласта (= 210 см).

В – разрез ямы 1 по линии Е3–Б3 (см. на планах А, Б) – профиль южной стенки раскопа, вид с севера;

Г—разрез ямы I по линии Б2—Е2 (см. на планах А, Б) — профиль южной стены руслона, вид с севера

Рис. 83. Раскоп 1. Яма 1.
Средняя прослойка обожженной глины и песка
в зачистке 5 пласта в кв. 1а.
Залегает между черной супесью (слой 2)
и серой супесью (слой 3).
См. положение прослойки в плане на рис. 79 А
и профиле на рис. 79 В.
Фото 08.07.2002

ручкой (?) (рис. 96: 130), гвоздями (№№ 131, 256, подковный — № 135). Встречена ручка керамической кастрюли (№ 158) и фрагмент известняка (30×25 мм — № 146). Просеивание и промывки слоя дали каплю металла (№ 159) и шлаки, содержащие металл (№№ 155 и 83). Органика представлена скорлупой ореха (рис. 97 Б: 134), 3 зернами (№ 99) и фрагментом кальцинированной кости (№ 125).

В зачистке 2-го пласта (-130) (рис. 77 Б) четко обрисовались границы ямы 1. Размеры ее составили: с запада на восток 6 м и с севера на юг — 3,6 м (уходит в южную стенку раскопа). По краю ямы, между черной супесью и материком, прослежена полоса слоя грязного песка (материковый песок с линзами гумуса и глины).

Рис. 84. Раскоп 1. Яма 1.
Западный угол просевшего в подвал опечка.
Зачистка 6-го пласта (-210 см).
Кв. 4а.

См. положение опечка
на плане 6-го пласта (рис. 82 Б)
и профиле (рис. 79 В: слой № 6).
Справа налево следуют слои
(от верхних к нижним):
слой 3 — темно-серая с коричневым оттенком
гумусированная супесь;
слой 4 — темно-серая, переходящая в черную,
интенсивно гумусированная
плотная супесь, насыщенная углем,
дающим ей сине-черный цвет,
с мелкими фрагментами печины;
слой 6 — прослойка глины,
частью обожженная,
имеющая подпрямоугольные очертания;
прослойка 7 — средняя прослойка
кремовой супеси (остатки коры),
имеющая подпрямоугольные очертания;
11 — материковый песок
с отдельными линзочками
гумуса и глины
(грязный песок)

Рис. 85. Раскоп 1. Яма 1. Разрез по линии запад–восток (Д3–Г3).
Вид на южную стенку раскопа с севера (чертеж см. на рис. 82 В – левая часть).
Нижняя сторона горизонтальной рейки – на отметке -140 см.

Особенностью этого профиля является то,

что он затронул лишь край гумусированных отложений (слои 2, 3), лежащих над развалом печи.

На профиле представлена пачка слоев светлого песка (слой 8) и ее «выход» на периферию ямы.

Кроме того, на этом профиле прослеживается структура слоя грязного песка (слой 11), который формирует заполнение нижней части ямы вплоть до лежащей на ее дне темно-буровой прослойки (слой 13)

В 3-м пласте (-130 – -150 см) разбирался слой черной супеси¹⁵. Из непереотложенной части заполнения (рис. 77 В) происходит квадратноконечный крест-тельник из розового шифера – полуфабрикат, который, видимо, вырезался на месте (рис. 95: 110). К группе оружия относятся три железных кольчужных колечка, которые были найдены на простран-

стве 100×40 см (рис. 93: 85, 86, 89). Из предметов женского обихода можно указать на половинку хрустальной бусины (рис. 94 Б: 198) и биконическое глиняное прядильце (рис. 95: 97). Из инвентаря, выполненного из железа, вновь фиксировались ножи (рис. 96: 191, 196, 95), гвозди (№№ 40, 192, 276, подковный – № 277), пробой (№ 94), полоса (13×4 – № 107). Из находок, которые ранее не встречались, отмечу: фрагмент пилы (рис. 96: 275), колечко диаметром 2 см (рис. 96: 106), дужку (№ 12). Вновь обнаружена заготовка из рога. На этот раз это большой кусок рога благородного оленя, отпилиенный с двух сторон (рис. 95: 293). Кроме того, встречен фрагмент дерева со следами обработки (№ 194) и два обломка обожженной глины со следами деревянных конструкций (№№ 334, 335 – 6).

¹⁵ Слои перекопа маркированы обломками стекла (№ 104) и поливной керамики (№ 96), на отметках -146 и -155 в восточной части кв. 1а (рис. 77 В). Аналогичный фрагмент стекла найден в перекопе вне ямы 1 (№ 170 в кв. 1). В перекопе, в пределах заполнения ямы 1, найдены: оселок (№ 108), железные: ручка (?) с завернутым концом (№ 101), нож (№ 105), две полосы (№№ 43, 103), а также донце горшка с клеймом (№ 100), шлак, содержащий металлы (№№ 92, 87), и фрагменты кальцинированных костей, покрытых синим окислом (№ 88).

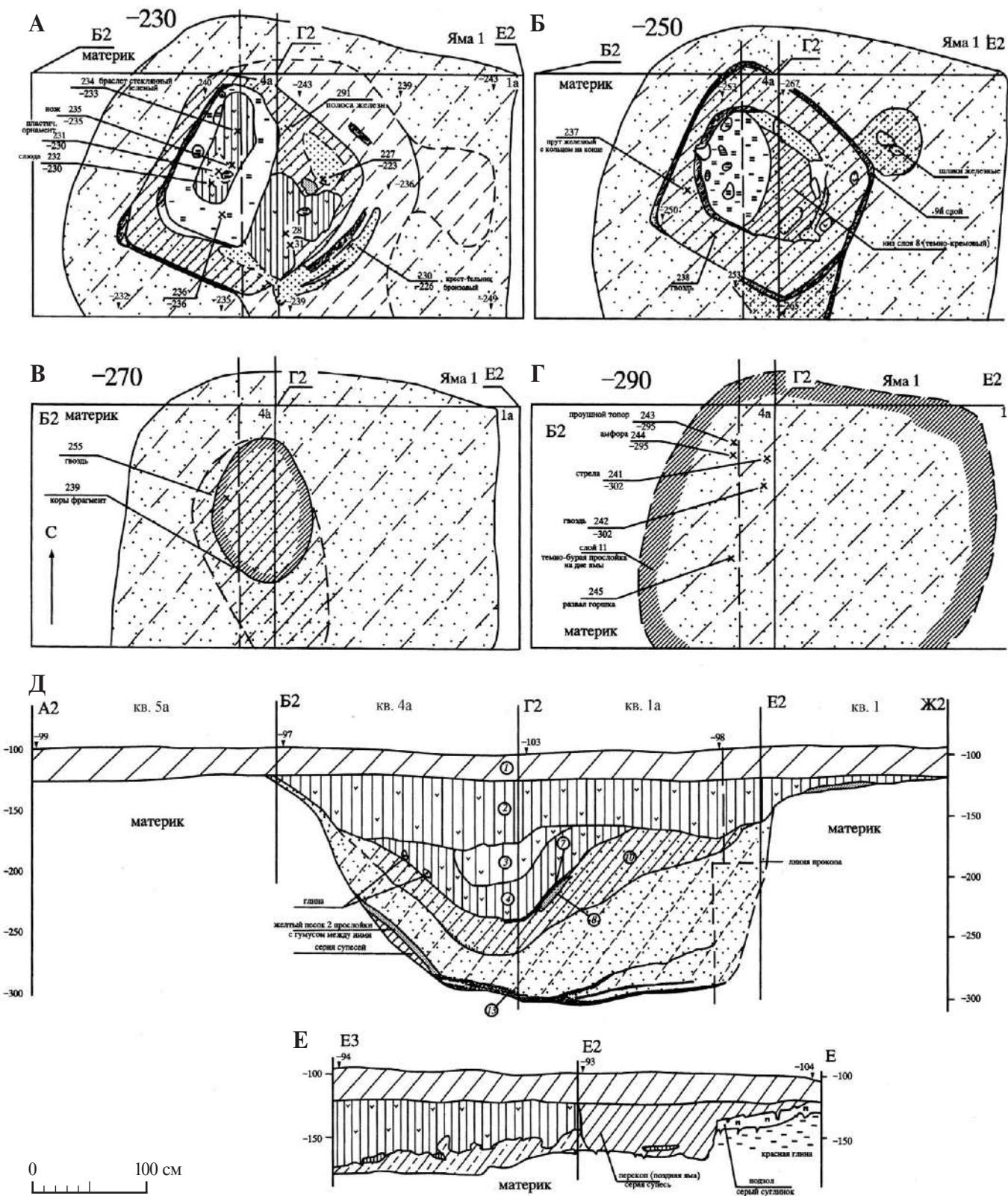

Рис. 86. Западный участок раскопа 1 – яма 1.

А – план зачистки 7 пласта (-230 см); Б – план зачистки 8 пласта (-250 см);

В – план зачистки 9 пласта (-270 см); Г – план зачистки 10 пласта (-290 см);

Д – разрез ямы 1 по линии Б2–Е2 (см. на планах) – профиль бровки запад–восток, вид с юга;

Е – вид с востока на восточную бровку север–юг

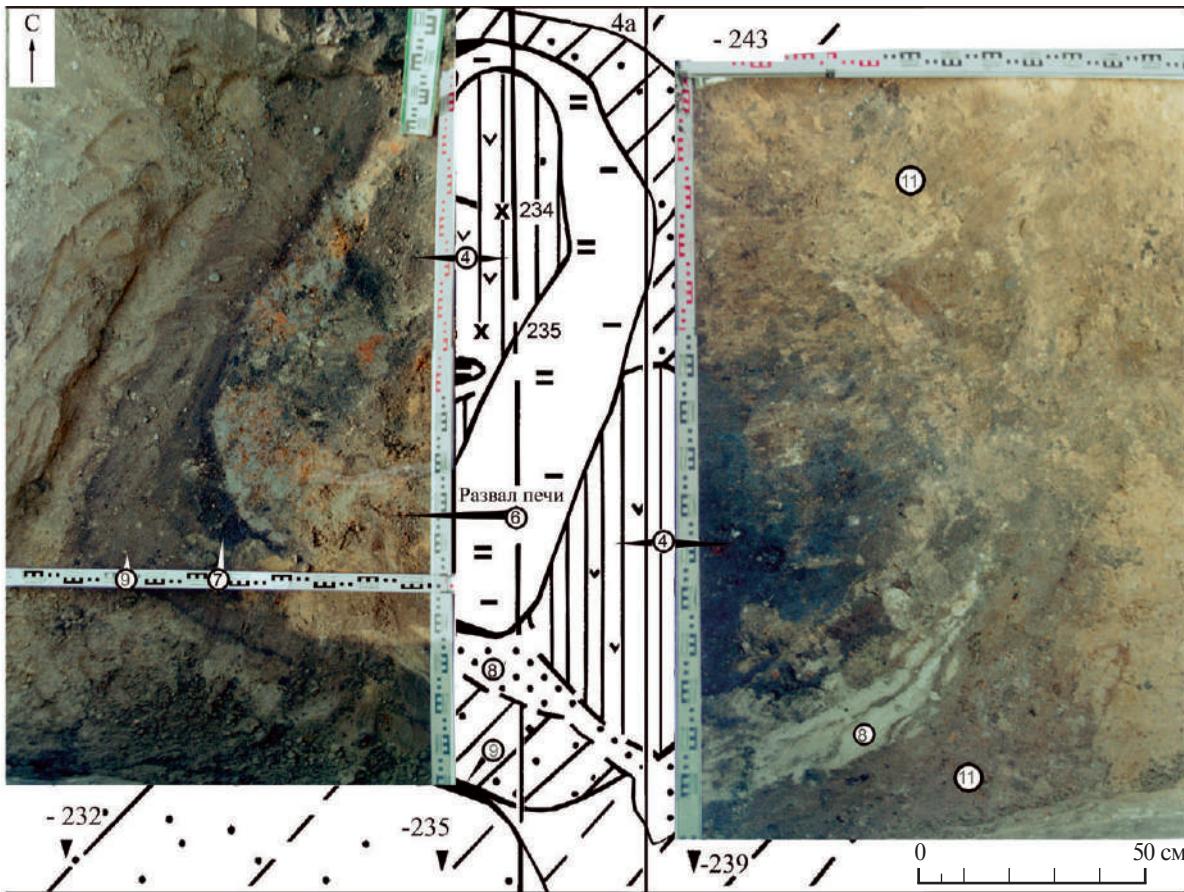

Рис. 87. Раскоп 1. Яма 1. Печь и опечек, просевшие в погреб в зачистке 7 пласти (-230 см).

Описание слоев сверху вниз: слой 4 – залегающая над развалом печи темно-серая, переходящая в черную интенсивно гумусированная плотная супесь, насыщенная углем и мелкими фрагментами печи; слой 6 – развал печи – слой серой и красной (обожженной) глины, имеющий подпрямоугольные очертания; прослойка 7 – средняя прослойка кремовой супеси, залегающая по контуру развали глины (остатки коры); слой 8 – пачка прослоек желтого песка; слой 9 – нижняя кремовая слабогумусированная супесь; слой 11 – сместившийся материковый песок с линзочками гумуса и глины (грязный песок).
Фото справа: в центре пятно слоя 4 – темно-серая, переходящая в черную, интенсивно гумусированная плотная супесь, насыщенная углем, дающим ей сине-черный цвет с мелкими фрагментами печи; ниже фрагмент прослойки 7 – верхней или средней кремовой супеси; далее мощная пачка прослоек желтого песка (слой 8). На периферии – слой 9

Просеивание и промывка дали 3 фрагмента слюды (из промывки – № 252), капли металла (№№ 64, 102), шлак, содержащий металл (№ 253) (рис. 95). Количество шлака, связанного с выплавкой железа, достигает в этом пласте максимальных значений (5,25 кг) как по сравнению с верхним слоем (в пластах 1 и 2 в соответствующих 4 квадратах было 4,68 кг), так и по сравнению с нижележащими пластами, где они не превышают 3 кг в пласте. Впервые зафиксирован фрагмент амфоры с горизонтальным орнаментом (рис. 100: 332).

В толще 3-го пласта найдено 1358 фрагментов керамики. Больше всего ее приходится на кв. 1а (715 фрагментов) и 4а (446 фрагментов) (рис. 72).

Белоглиняная грубая керамика XVI в. встречена лишь в кв. 1а, то есть в перекопе, о котором шла речь выше. Если не принимать в расчет этой примеси, процентное соотношение курганной, серой и красноглиняной грубой посуды будет равно 70,8% / 18,6% / 7,1% при 3,5% неопределенных. При учете лишь венчиков получаем соотношение 63,6% / 31,4% / 5%, то есть столько же, что и во 2-м пласте (64% / 30% / 6%). Следовательно, пахотный слой над ямами 1 и 2 – не что иное, как верхний горизонт черной супеси, в который в ходе пахоты была привнесена керамика последней четверти XV – XVI в. Именно 3-й пласт наиболее адекватно характеризует состав находок и керамики из слоя черной супеси.

Рис. 88. Общий вид раскопа 1 2002 г. с востока в процессе работ.

На переднем плане яма 2 на уровне зачистки 3-го пласта.

На заднем плане – яма 1.

Южная полоса квадратов (слева, за бровкой) засыпана.

Вдали 1-е Могутовское селище. 06.07.2002.

Дополнительную информацию о слое черной супеси дал материал, собранный в его нижней части (4-й пласт). Серия женских украшений пополнилась браслетом из коричневого непрозрачного стекла (рис. 94 Б: 207), двумя бусами из желтого стекла (найдены рядом) и одной – темного стекла (рис. 94 Б: 213, 214, 193). Изделия из кости и рога пополнились еще одной заготовкой и звеном костяной наборной ручки ножа (рис. 95: 293, 6), серию которых мы встретим в яме 2. Изделия из бронзы представлены фрагментом перстня (№ 173), пинцетом (рис. 95: 212), пластиной и обрывком проволоки (рис. 95: 205, 206). Изделия из железа включают цилиндрический замок типа В середины XII – конца XIV в. (№ 186 – поверхность с отверстием для вставки ключа заглублена на 7 мм), ножи (№№ 174, 185), колечко (№ 270), гвозди (№№ 203, 278), пробой (№ 202), накладку с ребром (№ 204), ручку с заклепками (№ 208), пластину (7×2 мм в сечении – № 268) и обломок изделия (№ 282). Найден фрагмент воска темно-серого цвета ($24 \times 18 \times 5$ мм) (рис. 97 Б: 279), донце горшка с клеймом (№ 331) и фрагменты глинянобитной печи со следами деревянных конструкций (№№ 337, 338). Из фракций, полученных в ходе промывки, интересна пластинка перламутра 4×2 мм (№ 215). Количество шлаков, связанных с выплавкой железа (3 кг), несколько сократилось по сравнению с 3-м пластом, но выше, чем в нижележащих пластах.

В четвертом пласте отмечаются некоторые перемены в составе керамики (1254 фрагмента). Вместе с перекопом исчезли поздние типы. Соотношение курганной, серой, красноглиняной грубой посуды составило 69,4% / 12,1% / 0% (неопределенной 18,5%), а при учете лишь венчиков 85,5% / 14,5% / 0%. Увеличение процента курганной керамики связано с тем, что на периферии ямы пласт вошел в более ранние слои, о которых речь пойдет в следующем разделе. Керамика из черной супеси принадлежит, по меньшей мере, к двум хронологическим этапам. Значительная часть курганной посуды, которая составляет 60% материала, имеет аналогии с комплексом из нижнего слоя Богоявленского монастыря (соотношение курганной к серой – 46% / 54%), который датируется первой третью или второй четвертью XIII в. (МК, табл. 20–23).

Рис. 89. Центральный участок раскопа 1 – яма 2.

A – план зачистки 2 пласта (-120 см). Крестики в круге обозначают находки, происходящие из 1-го пласта (пахотный слой), крестики – находки из 2-го пласта (пахотный слой и контакт пахотного слоя с черной супесью).

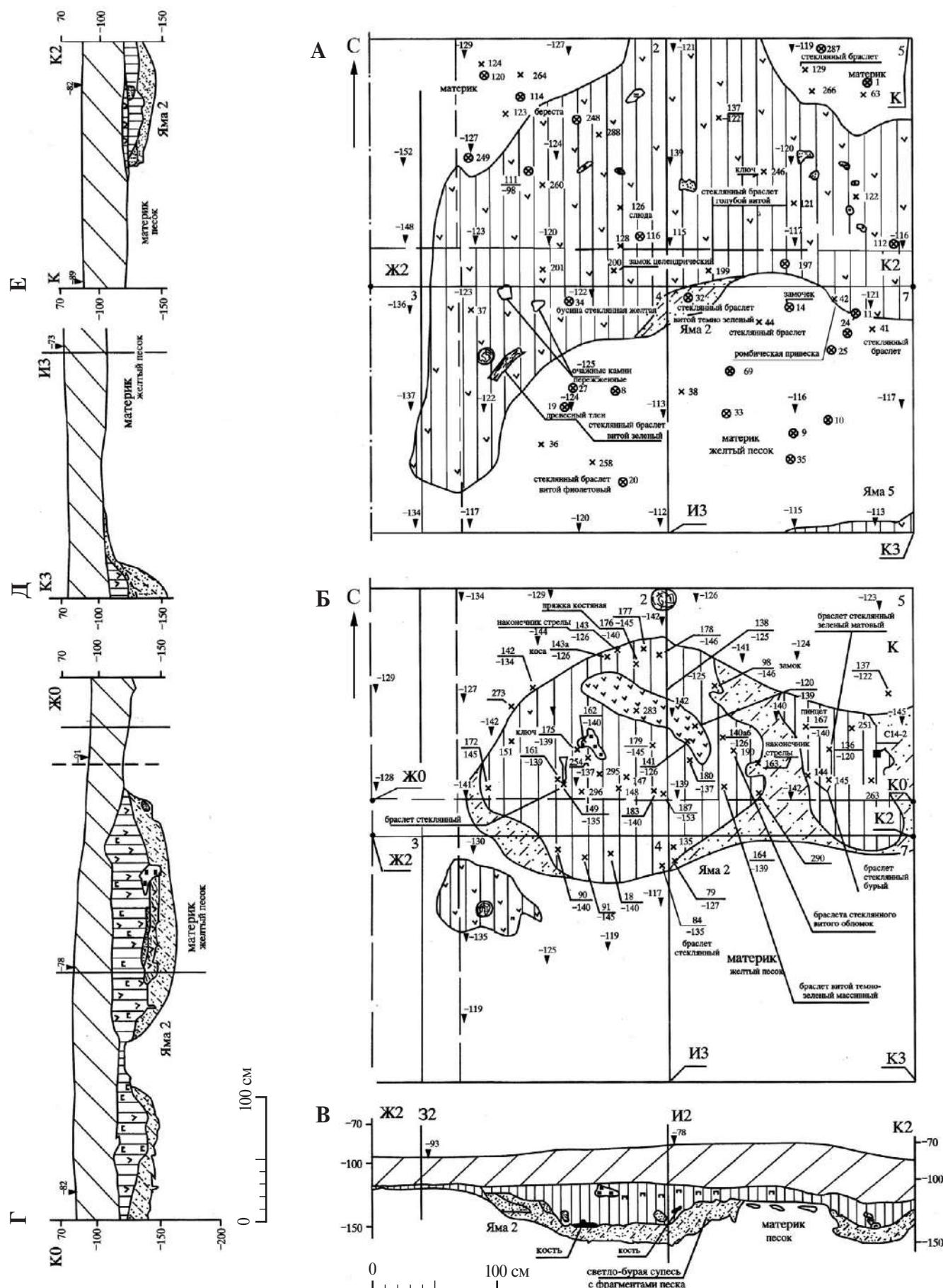
B – план зачистки 3-го пласта (-140 см);

V – разрез ямы 2 по линии Ж2–К2 – профиль бровки запад–восток, вид с юга;

G – разрез ямы 2 по линии К0–Ж0 – профиль бровки восток–запад, вид с севера;

D – профиль части южной стенки раскопа (кв. 7) по линии К3–И3 (см. на планах *A*, *B*);

E – разрез восточного края ямы 2 – профиль восточной стенки квадрата 5 по линии К–К2

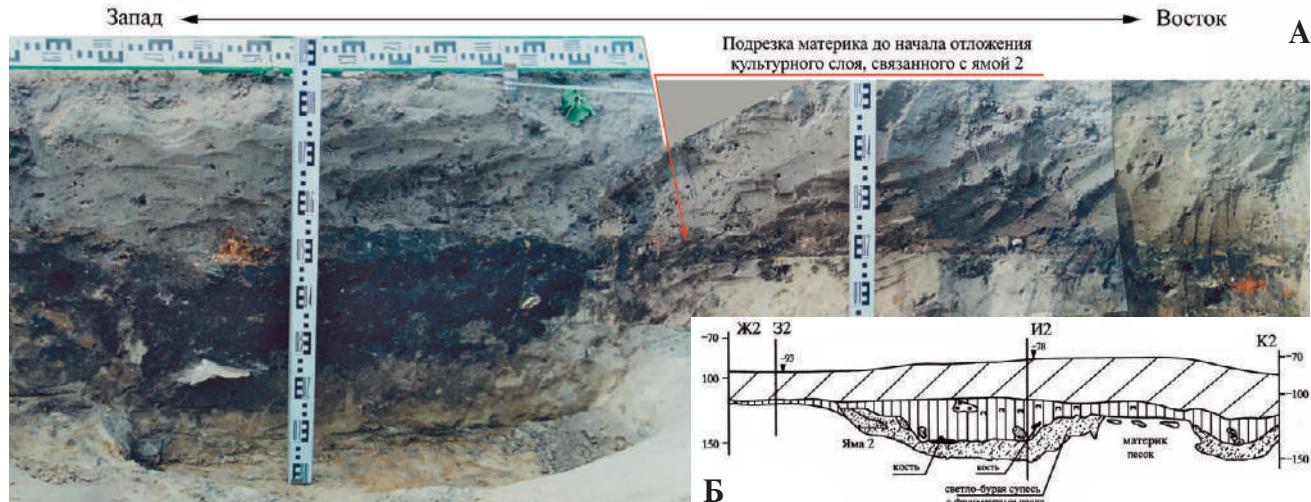

Рис. 90. Раскоп 1. Разрез ямы 2 по линии Ж2–К2 – профиль бровки запад–восток, вид с юга.
А – фотография, Б – чертеж

Серая керамика напоминает формы из сруба 1 Исторического проезда, имеющего порубочные даты 1248, 1251 гг. и датирующегося второй половиной XIII в. Кроме того, встречены крупные венчики серых горшков со срезанным краем (6-й вариант – 02-1010, 02-1013), а также с валиком снаружи и острым краем (3-й вариант – 02-1012, 02-979, 02-1019), которые несут орнамент в виде косой волны по шейке. Заостренность ребер, фиксируемая у всех названных сосудов, свидетельствует, что перед нами достаточно ранняя серая керамика, которая присутствует в комплексах Царево-1 и сруб 1 Исторического проезда (МК, табл. 32: 733, 839; табл. 62 В: 2). Оставляя сейчас в стороне вопрос о датировке этих впервые выявленных интересных переходных форм, можно осторожно датировать прекращение жизни на усадьбе в пределах последней четверти XIII – первой четверти XIV в.

Этим выводам не противоречат и наблюдения о стратиграфическом распределении стеклянных браслетов, максимум распространения которых приходится в Новгороде на 1230–1270-е гг.¹⁶ В слое черной супеси (с учетом пахотного горизонта) их найдено 5 (рис. 94: 22, 81, 153, 160, 207), тогда как в нижележащих горизонтах заполнения ямы 1 – всего один (рис. 94: 234). Вряд ли подобное соотношение могло быть просто проявлением разного объема и насыщенности находками и керамикой этих слоев (7 к 3).

В нижних горизонтах черной супеси (пл. 4) отмечалось увеличение количества печины (88 фраг-

ментов против 6 в 3-м пласте), а на отметках -154 – -164 и -158 – -168 см в центре ямы был расчищен верхний развал обожженной глины (70×65 см и 65×27 см; толщина 5–7 см) (рис. 79 А). Слои, залегавшие ниже развала обожженной глины и составлявшие собственно заполнение ямы 1, по составу типов керамики отличаются от черной супеси: процент серой керамики в них исчезающе мал. В связи с этим возникает вопрос: представляет ли черная супесь отложения, связанные с данным сооружением, или она отложилась уже после его гибели? Ответ на этот вопрос удалось получить в ходе исследования ямы 2 в центральной части раскопа (рис. 76, 77 А). К описанию ее мы переходим, оставляя на время изложение хода раскопок ямы 1.

ПАХОТА НАД ЯМОЙ 2. В центре раскопа (квадраты 2, 4, 5, 7) верхняя часть культурного слоя на толще двух пластов представляла собой пахотный горизонт, сложенный серой интенсивно гумусированной супесью (рис. 76). Находки 1-го пласта концентрировались на участке, примыкавшем к яме 2 с юга (рис. 89 А: кв. 4 и 7). За исключением 5 копеек 1880 г. (№ 116), все они относились к средневековому времени. Наиболее яркая их группа – стеклянные браслеты: витые (фиолетовый, зеленый, темно-зеленый) и гладкий непрозрачный бурый (рис. 94 А: 20, 27, 32, 197). Найдена также зонная бусина прозрачного желтого стекла (рис. 94 А: 34). Во 2-м пласте у южного края ямы 2 найдено еще два гладких стеклянных браслета – непрозрачный и черный (№№ 44, 41), у северного ее края – черный браслет (№ 129), а на контакте пахоты и заполнения ямы – голубой витой браслет (№ 121) (рис. 89 А). Фрагмент женской шумящей бронзовой подвески – ромбовидная привеска-лапка (рис. 97 Г: 42) – найдена во 2-м пласте, там же, где и браслеты №№ 41 и 44.

¹⁶ Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М. 1978. С. 37; Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 159. Рис. 2. На Нутном раскопе этот пик приходится на 1240–1280-е годы (Гайдуков П. Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992. С. 33, 167. Рис. 76).

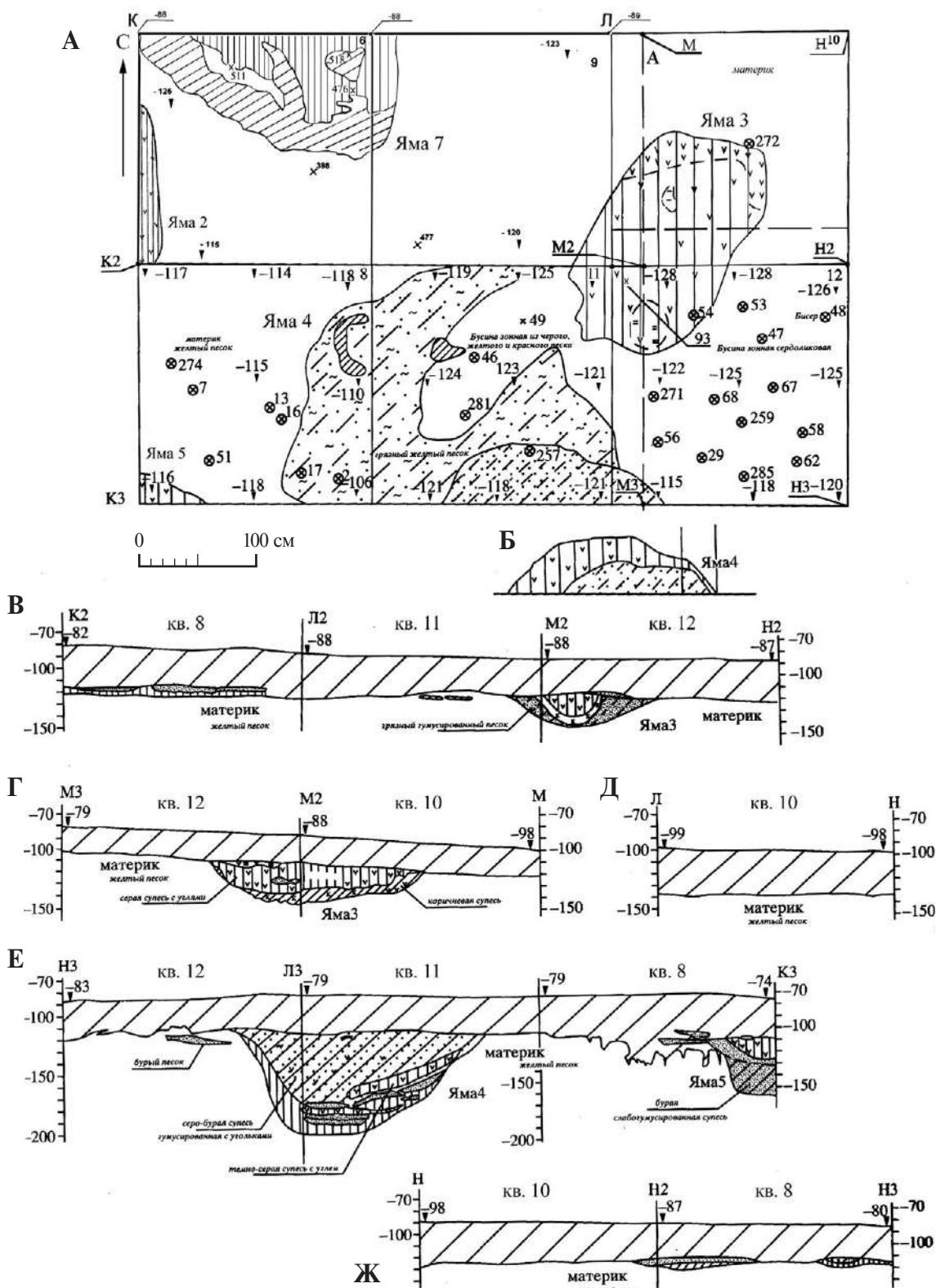

Рис. 91. Восточный участок раскопа 1 – ямы 3, 4, 5, 7. А – план зачистки 2-го пласта (-115 – -125 см).

Крестики в круге обозначают находки, происходящие из 1-го пласта (пахотный слой),

крестики – находки из 2-го пласта.

В – профиль северной стенки квадратов 8, 11, 12 по линии К2–Н2 (см. на плане А);

Г – разрез ямы 3 – профиль по линии М3–М, вид с востока; **Д** – профиль северной стенки кв. 10;

Е – профиль южной стенки раскопа по линии Н3–К3 (см. на плане А) с разрезами ям 4 и 5;

Ж – профиль восточной стенки раскопа

Бытовой инвентарь из железа представлен в 1-м пласте замочком от ларца (№ 14), ножами (№№ 11, 111), гвоздями (№№ 112, 98), полуфабрикатами: прутом (10×7 мм – № 35), полосой (№ 248), пластинами (№№ 10, 287) и другими предметами из железа (№№ 114, 249). Встречены заготовка из кости (№ 33) и оселок (№ 1). Фракция находок, полученная в ходе просеивания и промывок, включала капли бронзы (№ 120), железа (№№ 24, 25, 69) и шлак (№ 19). Во 2-м пласте найдены железные: пряжка (№ 38), полоса (№ 260), гвозди (№№ 36, 258, миниатюрные: №№ 37, 124, 266), капля металла (№ 63).

Зачистка 2-го пласта (-120 см), в ходе которой снимался верхний горизонт заполнения ямы 2, дала датирующие находки. Цилиндрический замок деформирован, но уверенно может быть отнесен к типу В середины XII – конца XIV в. (рис. 98: 200). Уточнить датировку помогает ключ с плоским стержнем, который по толщине должен был соответствовать ширине щели между щитками замка типа Г (рис. 98: 246)¹⁷. Щитки – дополнительное усовершенствование, которое по материалам Неревского раскопа появляется в конце XIII в., а с учетом находок на других новгородских раскопах – с середины XIII в.¹⁸

Кроме того, встречены ножи – обычный (№ 137) и миниатюрный (№ 288), фрагменты прута (№ 128), полосы (№ 201), заготовки из рога (№ 199, 297, 298), кальцинированная кость (№ 122), фрагмент бересты (№ 123) и слюды (№ 126). Керамический материал из верхней части заполнения ямы (199 фрагментов) состоит из курганной, серой и трудноопределимой (красноглиняная грубая или серая) в соотношении 62,4% / 22,4% / 15,2%. При учете только венчиков получаем соотношение курганной к серой 79% / 21%.

ЯМА 2. Зачистка 2-го пласта выявила яму 2 – четко читавшееся в желтом материковом песке пятно овальной формы (4×2 м), сложенное черной супесью с углем, печиной, линзами желтого песка и пережженными обломками очажных камней (рис. 89 А). На уровне зачистки 3-го пласта (-140 см) яма 2 ($3,6 \times 1,9$ м) разделилась на две углубленные части (пятна): западную ($2,3 \times 1,9$ м) и восточную ($1,5 \times 0,7$ м), заполненные черно-коричневой супесью и углем (рис. 89 Б). Встречены фрагменты обожженной глины, что позволяет предполагать наличие глинобитной печи. Между пятнами и на краях ямы просложен слой грязного песка. Сразу же после начала разборки 4-го пласта (-140 – 160 см) в черной супеси был раскрыт небольшой развал глины и песка

¹⁷ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М., 1959. С. 83. Рис. 68: 1 (замок), 5 (ключ).

¹⁸ Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 160, 162.

(рис. 89 Г). Под ним залегала прослойка черной супеси с большим количеством угля (толщина 4–5 см), которую подстилала серая супесь. Судя по глубине (48 см от уровня материка, дно на отметке -168) и пологим стенкам, перед нами неглубокая подпольная яма жилой постройки¹⁹.

Слой черной супеси, образовывавший верхнюю часть заполнения ямы и не нарушенный поздними перекопами²⁰, был начинен керамикой, находками и костными остатками. Керамический материал, происходящий из ее заполнения (пл. 3 – 1316 фрагментов, пл. 4 – 60 фрагментов) представляет собой закрытый комплекс. Если не принимать в расчет четырех фрагментов белоглиняной грубой керамики, связанной с микроперекопами, то соотношение курганной, серой и красноглиняной равно 54% / 25% / 0,7%, при 20% неопределенной, с учетом лишь венчиков – 69,5% / 29,5% / 1%. Если учесть и венчики из верхней части заполнения (2-й пласт), то соотношение приобретет вид 70,5% / 28,5% / 1%.

Курганская керамика разнообразна и довольно специфична по своим формам. Классических форм с отогнутым венчиком и округлым валиком (вариант 1) мало (02-3459, 02-3478). Больше венчиков с секировидным валиком и заостренным краем (вариант 3) (02-2765а, 02-2843, 02-2844, 02-3442, 02-3473, 02-3465, 02-3685), которые бытовали с серединой XII в. (МК, табл. 9: 4) и представлены в нижнем слое Богоявленского монастыря второй четверти XIII в. (МК, табл. 21: 50 и др.). Большая же часть курганной посуды принадлежит к сосудам того же варианта, у которых венчик приобрел почти вертикальную постановку и утратил упор под крышку, а валик стал эллипсовидным (02-2766а, 02-3122 – орнаментирован штампом, 02-2832 – орнаментирован сдвоенными и строенными косыми штрихами²¹, 02-2836, 02-2853, 02-2838, 02-2845). Серии таких сосудов имеются в срубе I Исторического проезда (МК, табл. 32: 839 и др.) и комплексе Царево-1 (МК, табл. 62. А: I) и датируются второй половиной XIII в.

¹⁹ В центре ямы, между центральной и восточной западинами, на пространстве в 75 см на отметке -127 см профиль фиксирует подрезку грунта (рис. 89 В, рис. 90), которая была сделана до того, как отложилась черная супесь, образующая верхнюю часть заполнения, и после того, как дно ямы заполнилось серой супесью, частью смешанной с материковым песком.

²⁰ Исключение составляют два столба, связанные со строительством скотного двора в 1950-х гг., – они были вбиты без предварительной откопки ям.

²¹ Этот орнамент встречен на керамике селища близ Углича (Мальм В.А. Производство глиняных изделий // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1959. С. 130. Рис. 1–5) и Старой Рязани (Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995. С. 144, С. 229, Табл. 1: 19; С. 213, 324. Рис. 96: нижний ряд).

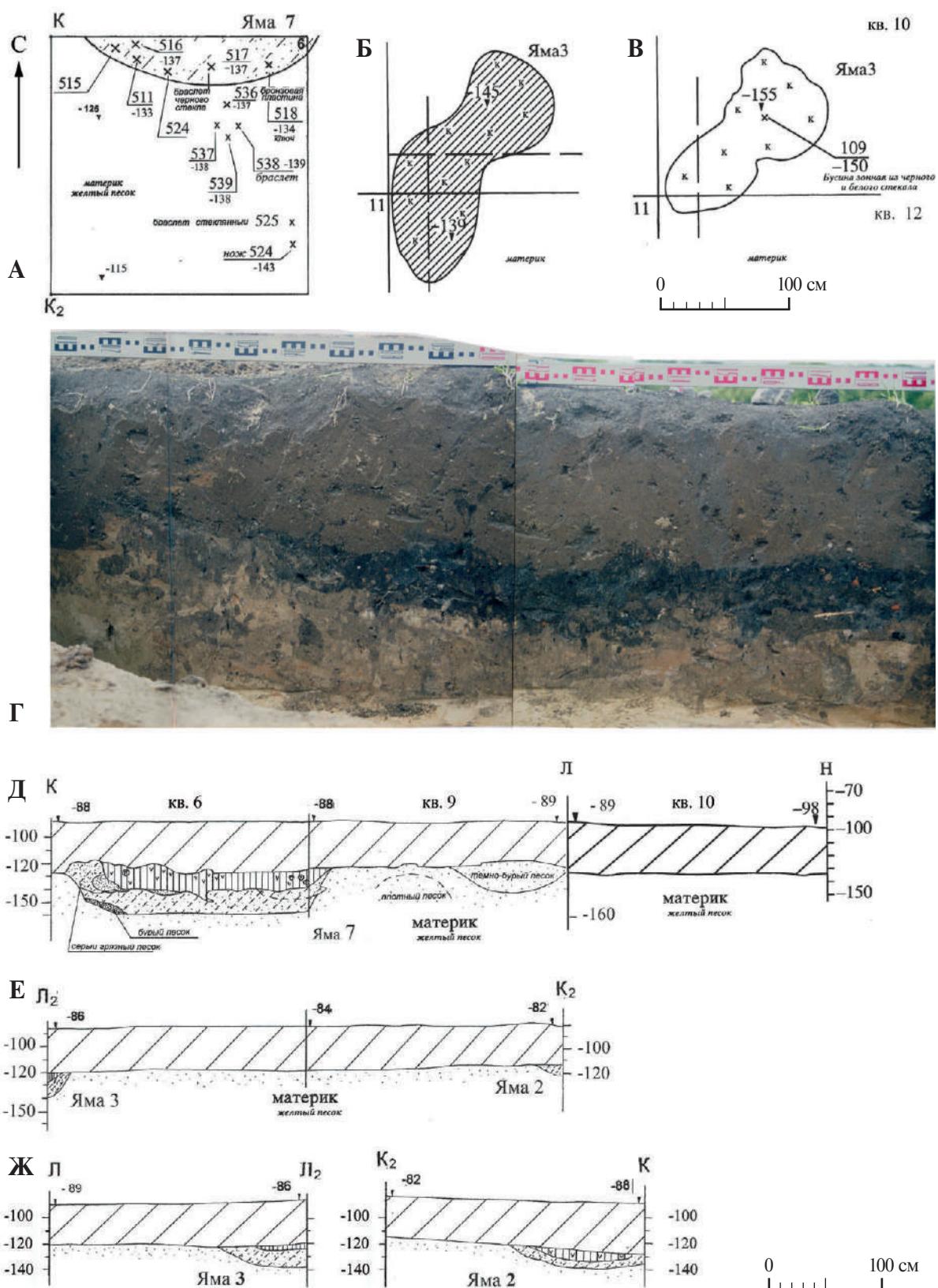

Рис. 92. Восточный участок раскопа 1 — ямы 3, 4, 5, 7 (план см. на рис. 91).

А — яма 7, план зачистки заполнения на уровне 3-го пласта (-140 см); Б — яма 3 в зачистке 3 пласта (-140 — -145 см);
 В — яма 3 в зачистке 4-го пласта (-160 см); Г — разрез ямы 7 в профиле северной стенки раскопа;
 Д — профиль северной стенки раскопа по линии К—Н, включая разрез ямы 7; Е — профиль южной стенки квадратов 6 и 9 по линии Л₂—К₂; Ж — профиль западной стенки кв. 6 по линии К₂—К, включая разрез ямы 2

Серая керамика, которая уверенно выделяется по заглаженной поверхности сосуда и характеру линейного орнамента (более редкий, чем на курганных горшках, нанесен по подсущенной поверхности), представлена двумя ведущими вариантами. Это третий вариант, идентичный по форме описанной выше поздней разновидности 3 варианта курганной посуды (02-2834, 02-2840, 02-2854, 02-3125 – с косой волной раннего вида, 02-3146, 02-3154), и очень близкий к нему 4-й вариант с исчезающе малым эллипсовидным валиком (02-2765, 02-2768а, 02-3136, 02-2839, 02-3471), который представлен серией в комплексе сруба 1 Исторического проезда (МК, табл. 33). Имеются и венчики 6-го варианта со слегка отогнутым и срезанным без резких граней краем (02-2767а – с косой волной раннего вида, 02-3162, 02-2833, 02-2861, 02-2849, 02-3468, 02-3446), которые фиксируются в комплексе Огонек (МК, табл. 63: 7), срубе 6 Исторического проезда (МК, табл. 49: 2434 – с косой волной) и получают широкое распространение в XIV в.

Таким образом, наиболее тесные связи исследуемый комплекс имеет с материалом из сруба 1 Исторического проезда (порубочные даты 1248, 1251 гг., дата – вторая половина XIII в.). Однако высокий процент курганной керамики²² и аналогии с материалом из нижнего слоя Богоявленского монастыря дают основание заключить, что постройка начала функционировать во второй четверти XIII в. В отличие от слоя черной супеси, дошедшего до нас в виде пахотного горизонта и в виде верхней части заполнения ямы 1, в заполнении ямы 2 практически нет красной грубой керамики, а косая волна украшает лишь 9 фрагментов²³. Следовательно, постройка сгорела несколько раньше (в пределах последней четверти XIII в.), чем прекратила свое существование усадьба.

В 3-м пласте (рис. 89 Б) найдены фрагменты пяти стеклянных браслетов (два из них представлены каждый тремя обломками, обнаруженными рядом или в 1,4 м друг от друга рис. 94 В). Наиболее совершенным является массивный витой браслет темно-зеленого цвета (№ 164). Более низким качеством стекла (крошатся) отличаются гладкие браслеты: бурый двухслойный тонкий (фрагменты №№ 144 и 145в, 84), бурый двухслойный толстый (№ 149) и зеленый матового стекла (фрагменты №№ 145а, 145б и 136), а также витой браслет грязно-зеленого цвета (№ 190). Концентрация стеклянных браслетов в заполнении восточной части ямы и подклейки (№ 197 из 1-го пласта и № 149 из заполнения ямы 2 – части одного браслета) дают ос-

²² Частично его можно объяснить запаздыванием в распространении серой посуды по сравнению с Москвой, и (что более вероятно) попаданием в черную супесь культурного слоя предшествующего времени.

²³ Один экзотический венчик первого варианта курганной посуды с орнаментом в виде косой волны (02-3175) все же имеется.

нование предполагать, что и браслеты 1-го и 2-го пластов, найденные в этом же районе, происходят из верхней части заполнения ямы, нарушенной распашкой.

Концентрация стеклянных браслетов в черной супеси, залегавшей над ямой 2 (8 фрагментов в пл. 1 и 2) и в самой яме 2 (5 фрагментов) подтверждает сделанный на материалах керамики вывод о генетическом единстве слоев черной супеси (в распашке, в верхней части заполнения ямы 1 и в заполнении ямы 2). Высокая концентрация стеклянных браслетов в яме 2 окончательно убеждает в том, что этот слой откладывался в период максимального распространения стеклянных браслетов (по Новгороду) – в 1230–1270-е гг.

Еще одним подтверждением единства слоя черной супеси являются многочисленные находки в яме 2 готовых изделий, поделок и заготовок из рога и кости (рис. 97 А), которые уже встречались в верхней части заполнения ямы 1. Среди изделий выделяются два фигурных завершения (№№ 295, 176) и четыре фрагмента обоймы от трех наборных рукоятей ножей (№№ 79, 151, 179 и 296), а также заготовка для подобной рукояти (№ 161). Кроме того, обнаружены палочка с насечками и отверстием (№ 172) и 31 мелкая заготовка из рога и кости (№№ 299 – 330). Таким образом, в постройке, следами которой является яма 2, занимались костерезным ремеслом.

Группа находок, связанных с военным делом, представлена наконечниками стрел: ромбовидными бронебойными (этот тип близок типу 95 по А. Ф. Медведеву), которые бытовали на протяжении XI–XIV вв., и плоскими треугольными, с вогнутым острием, срезнем, которые вошли в употребление в XIII в.²⁴ (рис. 98: 163, 143). Изделий из бронзы мало (пластина № 283), зато разнообразен инвентарь из железа. Орудия сельскохозяйственного производства представлены обломком лезвия топора (рис. 98: 180) и косой (№ 143а), предметы быта – фрагментом цилиндрического замка (рис. 98: 98), массивным ключом (рис. 98: 162), пинцетом (№ 167), крюком (№ 290), донцем горшка с клеймом в виде лабиринта (рис. 99 Б: 344). Ключ, подобно уже описанному, имеет плоский стержень, открывавший замки типа Г со щитками, которые появились в середине XIII в.²⁵ В нижней части заполнения ямы (пл. 4) были найдены железный ключ от цилиндрического замка типа В (рис. 98: 187) и заготовка из кости (№ 254).

²⁴ Седова М. В. Ярополк Залесский. М., 1978. С. 106. Табл. 15 на с. 144: 13, 14.

²⁵ Много кованых скобяных изделий. Это гвозди (№№ 141 177, 263, 273, в том числе массивный 10×12 мм в сечении – № 178), пробой (№ 251), пластина (2,5×3 см) с отверстием (№ 175), полосы (№№ 8, 139, 183), пластины (№№ 142 147) и другие предметы (№№ 91, 140). Шлаков (№ 269) немногого, видимо, постройка, следами которой является яма 2, не была связана с добычей железа из болотной руды. Так же, как и в яме 1, встречен сверток бересты (рис. 97 Б: 148).

Рис. 93. Раскоп 1. Предметы вооружения и женское украшение из ямы I.

Из черной супеси в верхней части заполнения: 132 – оковка ножа серебряная с чернью и золочением;

86, 89, 157 – кольчужные колечки железные.

Из нижней части заполнения: 209 – широкий незамкнутый серебряный литой браслет с тератологическим плетеным орнаментом (пл. 4, кв. 4а, -172); 241 – бронебойная стрела, ромбическая в сечении

(пл. 11, кв. 4а, -302, темно-бурая прослойка 13 на дне ямы);

243 – проушиной топор VI типа с щековицами и его реконструкция (пл. 10, кв. 4а, -295)

В яме 2 найдено вдвое больше костных остатков (1353, определимые составляют 17%), чем в громадной яме 1. На долю домашних животных приходится 69%. Из них: 36% – остатки свиньи, 11% – коровы, 11% – козы, 11% – барана. Фиксируются отдельные кости лошади и 9 костей курицы. Молодняка мало. Особенно интересно присутствие костей диких животных, на долю которых приходится 30% остатков. Это зубр, благородный олень, кабан, заяц, крупный глухарь, тетерев, чирок-свисстунок. Рыбы представлены стерлядью, карпом, осетром, щукой.

Таким образом, слой черной супеси в заполнении ямы 2 и просевшая в яму 1 верхняя часть ее заполнения – это отложения, отражающие один этап жизни усадьбы, который датируется началом широкого бытования серой посуды и пиком распространения стеклянных браслетов. К этому же времени по преимуществу относится и пахотный горизонт над ямами, в котором присутствие серой и красной грубой посуды проявляется более отчетливо, чем на окружающих участках (рис. 74). Следовательно, с 1220–1230-х по 1270–1280-е гг. в центре усадьбы, расположенной на вершине возвышенности напротив укрепленного городка Шерны, вплотную друг к другу стояло два жилых сруба, которые, скорее всего, были соединены в единый жилой комплекс (хоромное строение). Запустение, отмечавшееся во второй половине XIII в. на северо-восточной окраине Московских земель²⁶, не коснулось усадьбы. Напротив, многочисленные находки свидетельствуют о богатстве ее владельцев. Приметы сельского быта (подвеска шумящей привески, оброненная крестьянкой, топор, коса, пила; следы животноводства) соседствуют с чертами городского образа жизни, проявляющимися в обилии стеклянных браслетов (в том числе киевского или византийского производства), использовании восковых свечей, игл, амфор. О присутствии на усадьбе воинов свидетельствуют находки кольчужных колечек, наконечника бронебойной стрелы и срезня. Охота на зубров, кабанов и оленей, которая давала живому на усадьбе резчику сырье для серийного изготовления наборных рукоятей ножей, а также ловля птиц с помощью перевесов – верные приметы дружинного быта.

Еще четче статусное положение хозяев усадьбы узнается благодаря находке боевого ножа с серебряной оковкой, украшенной золочением и чернью

²⁶ Чернов С. З. Сельское расселение в Московском княжестве второй половины XIII в: «традиционные» и «новационные» модели выхода из кризиса (по материалам археологических исследований 1976–1993 гг. волостей Воря и Пехорка) // Русь в XIII веке: Древности темного времени / отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. Составители В. Ю. Коваль, И. Н. Кузина. М.: Наука, 2003. С. 168–227.

(рис. 93: 132). Нож такого типа (они имеют характерное утолщение на переходе от ручки к лезвию) с лезвием длиной 22,5 см, без оковки, найден в Ярополче Залесском²⁷. Оковка (обойма) шириной 2 см выполнена с необыкновенным изяществом. К лезвию она обращена узкой и прямой стороной, а к ручке – широкой и изогнутой. Орнамент представляет собой бордюр с детально проработанным изображением крина. Парадное оружие, украшенное чернью, – находка крайне редкая. Похожая обойма ножа найдена лишь в Новгороде, в слое XIII в.²⁸ Оковка из Шерны могла быть изготовлена в период расцвета черневого дела на Руси в конце XII – XIII в., когда черневой убор получает наибольшее распространение²⁹. Следует, впрочем, напомнить, что один из первых образцов черневого дела на Руси – великолепный меч из Карабчиева (под г. Каменцом-Подольским), датирующийся временем Ярослава Мудрого, – несет на навершии и перекрестии бордюр из кринов, весьма близкий тому, который имеется на нашей оковке³⁰. Поэтому нельзя исключить, что нож мог храниться довольно долго, чему не противоречит почти полное разрушение лезвия и рукояти. По мнению Т. И. Макаровой, «черневое дело в княжеских мастерских ограничилось изготовлением серии шедевров ... и только через несколько десятилетий рецепт изготовления черни попал в городские ювелирные мастерские с традиционно налаженным производством популярных украшений»³¹. Оковка из Шерны принадлежит к числу таких шедевров и могла быть изготовлена как в XII в., так и на рубеже XII–XIII вв.

Усадьба во второй половине XII века

Хоромы 1220–1280-х гг. были возведены на месте более раннего сооружения, от которого сохранился большой (6×6 м) и глубокий (1,9 м) погреб. Заполнение этого погреба (ямы 1) открылось под верхним развалом глины. Оно отчетливо делилось на сильно гумусированные слои, связанные с разрушением наземной части постройки, и супесчаные слои, накапливавшиеся в процессе жизни сооружения на дне погреба и сметавшиеся в ходе его разрушения.

²⁷ Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978. С. 107. Табл. 16 на с. 145: 5.

²⁸ Благодарю Т. И. Макарову, указавшую мне на эту аналогию.

²⁹ Бордюр с кринами, близкий шернскому, можно отметить на обруче из Киевского исторического музея (Макарова Т. И. Черневое дело Древней Руси. М., 1986. С. 89. Рис. 42: 231).

³⁰ Макарова Т. И. Черневое дело Древней Руси. М., 1986. С. 31. Рис. 12: 1; С. 32.

³¹ Там же. С. 37.

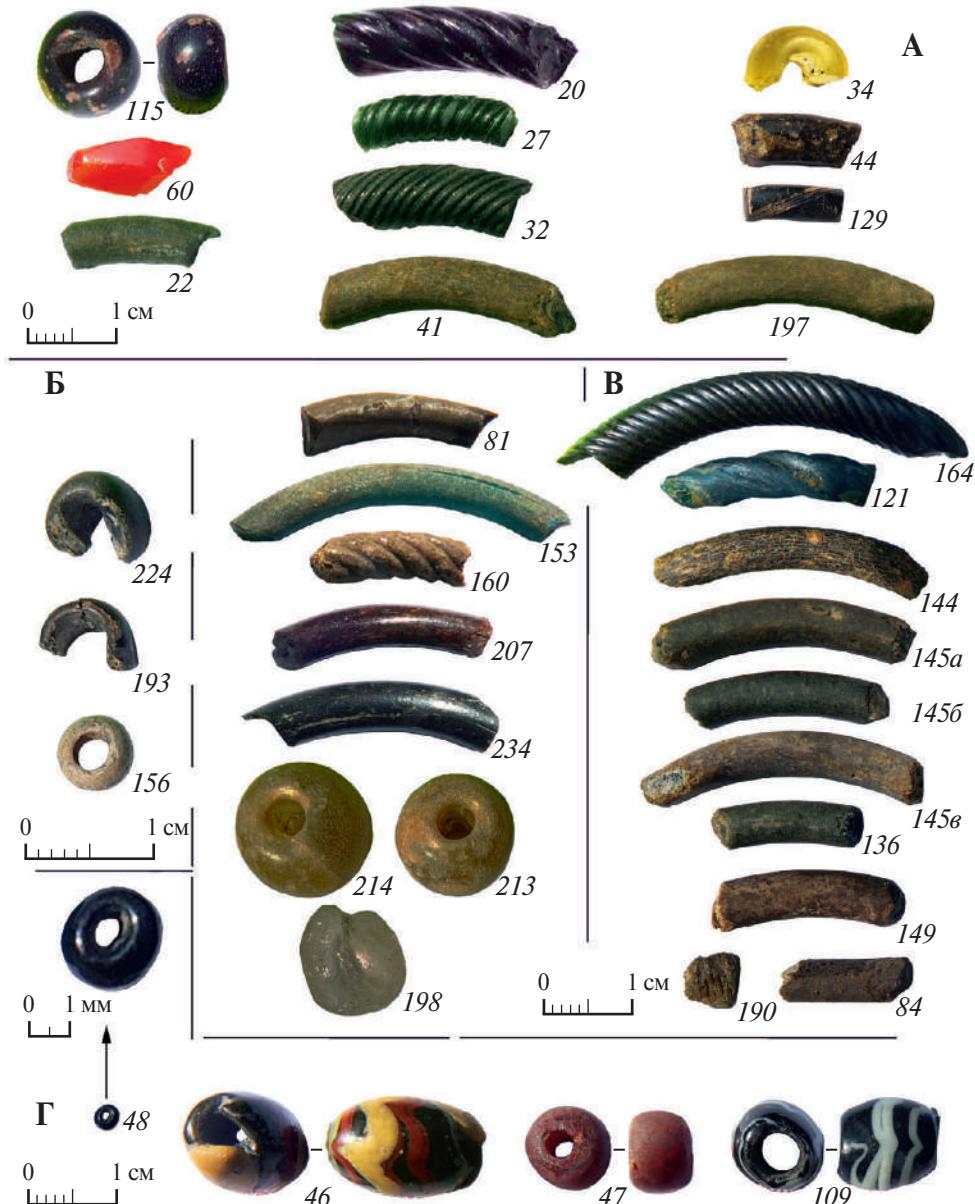

Рис. 94. Раскоп 1. Украшения из стекла, сердолика и хрусталя.

A. Находки из пахотного горизонта (пл. 1): в районе ямы 1 (115, 60, 22) и в районе ямы 2 (20, 27, 32, 41, 34, 44, 129, 197). Бусы стеклянные (115, 34), бусина сердоликовая бипирамидальная (60), браслеты стеклянные (20, 22, 27, 32, 41, 44, 129, 197);

B. Находки из черной супеси в верхней части заполнения ямы 1: бусы стеклянные – 193 (пл. 4 кв. 1а), 156 (пл. 2, кв. 4а). Браслеты стеклянные – 81 (пл. 2, кв. 1а), 153 (пл. 2, кв. 4а), 160 (пл. 2, кв. 2а), 207 (пл. 4, кв. 4а), бусы желтого стекла 213, 214 (пл. 4, кв. 4а), бусина хрустальная 198 (пл. 3, кв. 4а).

Найдены из нижней части заполнения ямы 1:

стеклянный браслет 234 (пл. 7, кв. 4а), бусина черного стекла 224 (пл. 6, кв. 4а);

В. Найдены из заполнения ямы 2. Витые стеклянные браслеты: 121 (пл. 2, кв. 5), 164 (пл. 3, кв. 5).

Круглые в сечении стеклянные браслеты: бурый двухслойный тонкий – 144 и 145в (пл. 3, кв. 5), 84 (пл. 3, кв. 4); зеленый матовый – 145а, 145б (пл. 3, кв. 5) и 136 (пл. 2, кв. 5); бурый двухслойный толстый – 149 (пл. 3, кв. 2).

Браслет витой грязно-зеленого стекла – 190 (пл. 3, кв. 5);

Г. Найдены из ямы 3 (109 – бусина бочонковидная с пластической спирально-волнистой инкрустацией из черного и белого стекла) и из 1 пластика близ нее: 46 – бусина бочонковидная с пластической

спирально-волнистой инкрустацией из черного, желтого и красного стекла,
47 – бусина зонная сердоликовая, 48 – бисер из черного стекла (увеличен)

СЛОИ РАЗРУШЕНИЯ НАЗЕМНОЙ ПОСТРОЙКИ (рис. 79 Б, В; рис. 81: *нижний горизонт слоя 2, слои 3–7*). После разборки верхнего развала глины, в 5-м пласте (-170 – -190), в центральной части ямы добирался нижний горизонт черной супеси, прогнувшийся в центре ямы. На уровне зачистки 5-го пласта (-190 см – рис. 82 А) этот слой выклинился до круглого пятна (1,2×1 м), обрамленного полосой обожженной глины и песка, которую, в свою очередь, обрамляла полоса, насыщенная углем (нижний горизонт черной супеси). Ниже залегал слой 3 – серая с коричневым оттенком гумусированная плотная супесь с небольшим количеством угля, имевшая в зачистке вид кольца шириной 80 см и размерами 2,8×2,6 м.

В нижнем горизонте черной супеси в 5-м пласте найдена *крестовидная бронзовая привеска* (рис. 95: 240), донце сосуда с поддоном (№ 289), два донца горшков с клеймами (рис. 99: 336, 247), железное кольцо (№ 218) и изделие из бересты (рис. 97 Б: 216). Серая супесь (слой 3), которая соединила половину отложений 5-го пласта, бедна находками, керамикой (в 5-м пласте 962 фрагмента), печиной (12 фрагментов – №№ 241, 339) и шлаками (1,3 кг). Из нее происходят гвоздь (№ 195), серп (рис. 97 В: 219) и отпиленный рог (рис. 95: 220), зафиксированные близ контакта с грязным песком.

Соотношение курганной керамики к серой в 5-м пласте (93,7% и 6,3%; по венчикам 92,6% к 7,3%) типично для комплексов домонгольского времени. Основная форма керамики – 3-й вариант – со слабой профилировкой и валиком с внешней стороны (02-1429, 02-1417, 02-1422, 02-1452, 02-1443, 02-1473). Есть косо срезанный венчик с волной по шейке (02-1440). Подобная керамика фиксируется в комплексах типа нижнего слоя Богоявенского монастыря и более ранних. Под верхним развалом обожженной глины слои черной и серой супеси не содержат материалов, которые могли бы датироваться второй половиной XIII в.

Вдоль краев пятна серой супеси в зачистке 5-го пласта (рис. 82 А, рис. 83) фиксируются полосы обожженной глины – выход лежащего значительно

ниже развала печи (слой 6), – а также связанных с этим развалом слоев 4 и 5 (их описание см. ниже) (профиль на рис. 79 В). Из этих отложений (скорее всего, из слоя 4) происходит вторая уникальная находка – *широкий незамкнутый серебряный литой браслет с тератологическим плетеным орнаментом* (рис. 93: 209). Браслет был найден в западной части ямы (кстати, как и кинжал с оковкой) в перенасыщенном углем слое, на отметке –172, то есть практически в зачистке 4-го пласта (рис. 79 А: кв. 4а). На контакте иссия-черной супеси (слой 4) с грязным песком, в северной части ямы, обнаружен *квадратноконечный крест-тельник из серого шифера* (рис. 95 Б: 188). Периферия ямы в зачистке представлена была грязным песком (слой 11).

Основу 6-го пласта (-190 – -210 см – рис. 82 Б) составлял уже знакомый нам слой серой супеси (слой 3). По мере его разборки по его краям обнажался слой иссия-черной интенсивно гумусированной плотной супеси, насыщенный углем и печиной. Серая супесь дала лишь две находки (гвоздь – № 15 и иглу – рис. 95 А: 217) и минимальное количество шлаков, связанных с выплавкой железа (0,3 кг – в нижележащих пластах начинается медленное нарастание их количества).

Значительно больше находок связано с нижележащей иссия-черной супесью (слой 4), которая залегает на развале печи и отражает инвентарь наземного помещения, в котором располагалась печь. В 6-м пласте найдены (рис. 82 Б): железное кольцо (№ 225), бронзовая проволока (№ 226), ложновитое бронзовое кольцо (рис. 95 В: 229), черная стеклянная бусина (рис. 94: 224), железная игла (№ 222), фрагмент железной полукруглой полосы (№ 223), донце сосуда с клеймом в форме свастики со скругленными углами (рис. 99 А: 228) и обломки конструкции печи (№№ 340, 341). Возможно, из этого же слоя происходит обломок амфоры (рис. 100: 342).

В пласте 7 (-210 – -230 см – рис. 86 А) обнаружен еще ряд находок. Серию женских украшений из бронзы продолжает пластинчатый перстень (рис. 95 В: 231), из стекла – темно-зеленый стеклянный браслет – единственный в яме 1 (рис. 94 Б: 234).

Рис. 95. Раскоп 1. Предметы христианского культа, украшения из бронзы, бытовые предметы, заготовки из кости и рога, капли металла и слюда из ямы 1.

Бытовые принадлежности: 212 – пинцет бронзовый, 217 – игла железная, 97 – прядильце глиняное;
предметы личного благочестия: 240 – крестовидная привеска с изображением расцветшего креста,
110 – крест-тельник из розового шифера, полуфабрикат, 230 – крест-тельник бронзовый с шариками на концах,
188 – крест-тельник из серого шифера;
предметы из бронзы: 229 – кольцо ложновитое, 231 – пластинчатый перстень,
206, 226, 236 – обрывки проволоки, 152 – бронзовая оковка деревянного предмета (с точечным орнаментом);
заготовки из рога коровы (220) и оленя (293), фрагмент костяной наборной рукояти ножа (6), поделка (294);
капли бронзы: 64 (пл. 3, кв. 1а), 92 (пл. 3, кв. 1а – 130 см), 102 (пл. 3, кв. 1а, -140 см), 159 – пл. 2, кв. 4а);
фрагменты слюды: 232 (пл. 7, кв. 4а, -230 см), 252 (пл. 3, кв. 4а), 126 – яма 2 (пл. 2, кв. 2)

Серию предметов православного культа продолжает биллоновый крест-тельник с шариками на концах и квадратным щитком посередине (рис. 95 Б: 230). Отмечу также еще один обрывок бронзовой проволоки (рис. 95 В: 236). Из железного инвентаря встречен пробой со стальной основой (рис. 96 А: 31) и полосы (№№ 28, 291).

Из нижнего горизонта слоя 4 (на контакте с супесчаной прослойкой 8) происходит донце керамического горшка со шлаком, который остался после выплавки железа из болотной руды (№ 221). С 7-го пласта шлаков становится больше (от 0,9 кг в 7-м пласте к 1,9 – в 8-м пласте, и 2,1 – в 9-м пласте), причем в этом пласте, в восточной части ямы, найден крупный фрагмент (11×8×6 см – № 227). Промывка и просевание дали фрагмент слюды (рис. 95: 232).

Керамики в 6-м пласте вдвое меньше, чем в 5-м (465 фрагментов). В 7-м пласте ее становится больше (726 фрагментов), что связано с насыщенностью находками иссиня-черной супеси. Как и в 5-м пласте, абсолютно доминирует курганская посуда (95,5%, или 98,2% с учетом лишь венчиков, в 6-м пласте – 96%). Применительно к серой керамике (4,5%, или 1,8% исходя из венчиков) можно говорить не о проявлении керамической традиции, а об отдельных сосудах с заглаженной поверхностью. Серии венчиков имеют классический древнерусский облик: 3-й вариант с отогнутым наружу венчиком и секировидным валиком (02-2280), эллипсовидным валиком (02-2248), 4-й вариант с отогнутым наружу и срезанным венчиком (02-2237, 02-2264, 02-2273). Встречены манжето-видные венчики (02-2250) (рис. 110 Б), которые типичны для Южной и Западной Руси в XI–XII вв.³²

Зачистка 6-го пласта (-210 см – рис. 82 Б) дает представление о форме опечка и печи (фото на рис. 84), которые в ходе разрушения постройки сметились вниз. Иссиня-черная супесь (слой 4) имеет в плане вид прямоугольного пятна с округлыми углами (220×210 см),

³² Штыков Г.В. Круговая керамика Полоцкой земли X–XI вв. в сравнительном изучении // Древнерусская керамика. М., 1992. С. 63, 71. Рис. 5; Иов О.В. Круговая керамика поселений IX–XI вв. западной части Белорусского Полесья // Древнерусская керамика. М., 1992. С. 47. Рис. 8: 6.

ориентированного по линии СЗ–ЮВ. Особенно четко читается западный угол сооружения, который обрамляет прослойка глины, частью обожженной. Ее обрамляет прослойка кремовой супеси шириной 6–14 см (слой 7) – остатки слабо перегнившей коры (1,7 м вдоль СЗ-й стенки сооружения и 1,2 м – вдоль ЮЗ-й стенки). Периферия ямы сложена грязным песком (слой 11). Общие ее размеры – 3,7 × ок. 3,7 м.

Зачистка 7-го пласта (-230 см – рис. 86 А), проведенная после снятия иссиня-черного слоя (выклинился в виде двух пятен 90×30 см и 85×60 см), открыла конструкцию подпечной ямы и развала печи (серая и красная обожженная глина). Развал печи читается на отметках -235 – -240 см в виде прямоугольника со скругленными углами (125×75 см), который ориентирован параллельно северо-западной стенке погреба (рис. 87) (в развале, в пласте 7, найден нож – рис. 96: 235). Подпечная яма (погреб) читается в виде супесчаных прослоек (слои 8 и 9), которые подстилают развал печи, а в плане имеют форму, близкую к прямоугольнику (1,7×1,6 м), то есть повторяют форму иссиня-черного слоя в зачистке 6-го пласта.

СУПЕСЧАНЫЕ СЛОИ НА ДНЕ ЯМЫ. Супесчаные отложения, образующие нижнюю часть заполнения погреба, читаются в зачистке 7-го пласта (рис. 86 А) в виде прослоек, подстилающих друг друга: средней кремовой супеси (слой 7 толщиной 5–8 см, содержащий остатки коры), желтого песка (слой 8) и нижней кремовой супеси (слой 9). Остальная часть ямы состоит из грязного песка (слой 11). Отсутствие следов пожара и слабая гумусированность супесчаных прослоек дает основание предполагать, что они отложились в ходе сползания стенок и обрушения конструкций погреба. Обнаружение остатков коры (скорее всего, сосновой) показывает, что стены были устроены из тонких сосновых бревен, с которых не была снята кора.

Толща 8-го пласта (-230 – -250 см) включала остатки четвертого слоя, верхнюю часть развали печи и супесчаные прослойки 7 и 9. В прослойке 9 найдены железный прут (7×7 мм) с кольцом на конце (№ 237) и гвоздь (№ 238). Вся керамика (107 фрагментов) принадлежит к курганному типу.

Рис. 96. Раскоп 1. Предметы из железа из ямы 1: инструменты, фурнитура, домашний инвентарь.
Инструменты: 275 – фрагмент пилы, 8, 31, 94, 107 – пробои (31 – со стальной основой),
 103 – заготовка для пробоя (?), 101, 291 – инструменты с колечками для подвешивания на пояс.
Фурнитура для обустройства дома: 186 – цилиндрический замок типа В, 133 – пружина замка,
 21 – фрагмент замка, 231 – настенный крюк, 15, 192, 195, 203, 238, 242, 255, 277, 278 – гвозди.
Домашний инвентарь: 80, 85, 105, 111, 154, 191, 196, 235 – ножи,
 208 – рукоятка ножа с шпунтами для крепления костяных накладок, 130 – изделие с круглым выступом на конце,
 223 – подковка сапога, 217 – игла, 106, 225, 270 – колечки неустановленного назначения.
Снаряжение всадника и коня: 26 – кольцо от удил

Среди форм есть сосуды первого варианта с округлым валиком (рис. 113: 02-2703, рис. 112: 02-2704), третьего варианта с эллипсовидным валиком (02-2708), горшки с манжетовидными венчиками (02-2706) и горшок с площадкой по краю, на которой устроен упор под крышку (рис. 112: 02-2702).

В зачистке 8-го пласта (-250 см) (рис. 86 Б) отчетливо очертились границы опечка, маркируемые кремовой прослойкой по контуру супесчаного слоя 9. Это подквадратное сооружение размерами 160×160 см, ориентированное по линии СЗ–ЮВ. Развал печи несколько уменьшился, получив в плане форму эллипса (110×60 см). К юго-востоку от него в зачистке прослежено пятно, отражающее нижний, плоско залегающий горизонт светло-желтого песка (слой 8). За пределами погреба яма, как и в вышележащих пластах, заполнена слоем грязного песка. В нем прослежено пятно бурого песка, в котором обнаружены крупные фрагменты шлаков (1,9 кг).

Супесчаные слои, образующие заполнение погреба (8 и 9), были добраны в пласте 9 (-250 – -270 см – рис. 86 В), причем в кремовой полосе, образующей дно слоя 9, найден фрагмент коры (рис. 97 Б: 239). В пласте 9 встречен гвоздь (слой 9 – № 255), а количество шлаков, связанных с выплавкой железа, достигло второго максимума (2,1 кг) – он скапливался на дне погреба.

Под супесчаными слоями, на отметках -270 – -280 см, открылась нижняя светло-кремовая супесь (слой 10), отложившаяся до заполнения погреба, и распространявшаяся шире – по всей площади ямы. Зачистка на уровне -290 (рис. 86 Г) показала, что размеры ямы сократились до 2,95×2,8 м, а по контуру ее выявилась темно-бурая прослойка (5–7 см) спрессованного слабо перегнившего навоза и другой органики коричневого цвета (слой 13). Эта прослойка вскоре открылась по всему периметру дна ямы (на отметках -290 – -310 см). Под ней залегал материк – желтый речной песок.

В прослойке органики были найдены вещи, хранившиеся или провалившиеся в погреб на ранней стадии функционирования сооружения (рис. 86 Г): железный *проушины топор VI типа со щековицами* с двух сторон и утраченным лезвием (рис. 93: 243), железный ромбовидный бронебойный наконечник стрелы (рис. 93: 241), гвоздь (№ 242), развал *амфоры* из 12 фрагментов (рис. 100: 244) и развалы горшков курганного типа (№ 245 и др. – всего 65 фрагментов). Четыре горшка имеют манжетовидные венчики (рис. 103: 2703а, рис. 102: 2702а, собираются почти до целой формы, 2705а, 2706а, б), один принадлежит к первому варианту (02-2702д), один имеет завершение в виде конической воронки (02-2704а). Среди орнаментов выделяются многорядные волны, типичные для керамики XII в. (МК, табл. 11: 3; табл. 15: 2; табл. 17: 6).

В яме 1 найдено множество костей животных, птиц и рыб (699 фрагментов, определимые 22%), причем больше всего кухонных остатков происходит из слоя иссия-черной супеси, залегавшего над развалом печи. Преобладают кости домашних животных (~95%): свиньи (43%), коровы (30%), козы и барана (17% – в пласте 9 отмечены 2 кости крупной формы барана), лошади (10%). Встречены 2 кости курицы. Молодняка мало (~6%). Незначительное количество остатков приходится на долю диких видов: кабана и благородного оленя (~4%)³³.

АТРИБУЦИЯ ПОСТРОЙКИ. Исследованы остатки большой наземной жилой постройки с подвалом в рост человека. Поскольку при ее возведении был выкопан котлован размерами 4,5×4,5 м, величина наземной части сооружения должна была быть не менее 6×6 м (см. разрезы на рис. 79 Б, В).

³³ Дмитриева Е. Л., Карху А. А., Сычевская Е. К. Заключение по костным остаткам раскопа 1 на селище Могутово-2 // Чернов С. З. Отчет о раскопках на селище Могутово-2 на участке обнаружения сфрагистического комплекса в Щелковском районе Московской области в 2002 году // Архив ИА РАН. Р-1. №127915. С. 26–29.

Рис. 97. Раскоп 1. Изделия из рога и кости, органических материалов, сельскохозяйственные орудия из ям 1 и 2, находки из пластов 1 и 2.

А – заготовки из рога и кости, найденные в яме 2: 176, 295 – завершения костяных наборных рукоятей ножа; 79, 151, 161, 179, 296 – фрагменты наборных костяных ручек ножей (ножа – ?); заготовки из рога коровы (299) и оленя (298, 313, 322, 329).

Б – сырье, изделия и отходы из органических материалов: яма 1: 270 – фрагмент воска, 117 – фрагмент кожаной обуви, 239 – фрагмент коры, 216 – верхний тонкий слой бересты, 104 – обломок заточенной на конус деревянной палочки, 134 – скорлупа ореха; яма 2: 123, 148 – обрывки бересты, 93 – фрагмент кожи.

В: 219 – серп; Г – пряслице розового шифера (23) и изделия из бронзы, найденные в верхнем слое (1 и 2 пласти): 5 – пластинка с приклепанным стержнем, 7, 13 – пластинки, 42 – фрагмент шумящей подвески – ромбовидная привеска-лапка, 119 – накладка на кожаные ножны (?), 189 – поясное кольцо.

Д – предметы из железа из верхнего слоя (1 и 2 пласти): 14 – замочек от ларца (пл. 1 кв. 7), 286 – инструмент, подвешивавшийся на поясце, 114 – ключ от цилиндрического замка, 19 – шлак с сохранившейся фракцией железа

Первоначально использовался большой котлован, причем на его дне успела отложитьсь прослойка органики. На уровне дневной поверхности, на полу наземного сруба, была устроена глинобитная печь на опечке. После пожара и разрушения постройки в результате сползания бортов котлована нижняя часть погреба оказалась заполнена гумусированными супесчаными прослойками, перемежающимися с остатками конструкций (слои 8–10). Одновременно наземные конструкции вместе с опечком и печью глубоко просели в погреб, образовав среднюю часть его заполнения (слои 7–4). Труднее интерпретировать верхнюю часть заполнения, включающую бедную находками серую супесь и богатую находками нижнюю часть черной супеси, между которыми имеется тонкая прослойка песка и глины. Либо постройка имела два этажа, либо яму на пожарище засыпали в два приема. Так или иначе, вскоре после пожара над ямой, глубина которой тогда составляла 0,5 м, была возведена новая постройка.

Если верхняя дата ранней постройки, как было показано выше, довольно уверенно определяется в рамках первой четверти XIII в., то нижнюю дату установить сложнее, так как большая часть вещей имеют широкие датировки в пределах XII – первой трети XIII в. Кресты, которые носили в составе ожерелий, представлены двумя изделиями. Биллоновый тельник с шариками на концах (рис. 95: 230) и квадратным щитком посередине принадлежит к числу широко распространенных. Аналогичные кресты найдены в кургане конца XII в. под Борисовым³⁴, на городище Воищина на Смоленщине³⁵, в Серенске (найдена литейная формочка для его отливки)³⁶, близ Белого озера в погребении 7 могильника Нефедьево I В, которое датируется не позд-

³⁴ Ляудански А. Н. Археологічна дослідження у Барысаве // Праці археологічна камісії. Ч. 2. Мінск, 1930. С. 260. Табл. I: 17.

³⁵ Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) / М.: Изд-во АН СССР, 1960. (МИА; №92.) С. 68. Рис. 33: 4. С. 84.

³⁶ Никольская Т. В. Земля вятичей. М., 1981. С. 143. Рис. 49: 12. С. 236. Рис. 89: 2, 3.

нее рубежа XII–XIII вв.³⁷, в Полоцке в слое XIII в.³⁸ К более редкому типу принадлежит крестовидная привеска с завершением в виде щитка, на сторонах которого изображены спирали и «латинский» крест (рис. 95: 240). Похожую привеску (с двумя спиральными щитками), найденную в погребении 23 могильника Шуйгино I, Н. А. Макаров датирует серединой – второй половиной XII в.³⁹

Проушной топор (рис. 93: 243) имеет две пары щековиц, что позволяет отнести его к VI типу. Шейка топора узкая, что типично для боевых топоров, однако, поскольку лезвие не сохранилось, утверждать это нельзя. Топоры данного типа широко представлены на Руси и в Скандинавии⁴⁰. В могильниках Белоозерья они датируются XI – второй половиной XII в.; топор, аналогичный могутовскому, происходит из могильника Нефедьево I А, который датируется 1130-ми гг.– концом XII в.⁴¹

Бронебойный ромбовидный в сечении наконечник стрелы аналогичен наконечнику, найденному в Суздале в слое XI в., связанном с комплексом дворов, которые принадлежали дружиинникам и погибли в пожаре 1096 г., а около 1101 г. были перекрыты валом⁴². В Старой Рязани подобные наконечники найдены в постройках 11-А-1 XII в. и 13-В-4 второй половины XII в.⁴³

³⁷ Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. По материалам могильников Восточного Прионежья. М., 1990. С. 72, 105. Табл. XXVI: 22.

³⁸ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX–XIII вв. Минск, 1975. С. 70. Рис. 34: 8.

³⁹ Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. По материалам могильников Восточного Прионежья. М., 1990. С. 105. Табл. XXVIII: 8.

⁴⁰ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Выпуск 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. М.; Л., 1966. С. 37–38.

⁴¹ Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. По материалам могильников Восточного Прионежья. М., 1990. С. 50, 104.

⁴² Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. М., 1997. Рис. 28: 9.

⁴³ Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995. С. 144, 229. Табл. 1: 19; С. 158, 251. Табл. 23: 7.

Рис. 98. Раскоп 1. Предметы из железа ямы 2: оружие, инструменты, обшивка лоды, фурнитура для обустройства дома, домашний инвентарь.
Оружие: 163 – наконечник стрелы бронебойный, ромбовидный в сечении, 143 – наконечник стрелы-срезня.
Инструменты: 180 – фрагмент лезвия топора, 142 – наконечник деревянной пешни для пробивания льда, 18, 140а – фрагменты неопознанных инструментов.
Обшивка лоды (?): 175 – заклепка с непробитым отверстием, 147 – крепежная полоса с заклепкой.
Фурнитура для обустройства дома: 141, 177, 251, 263, 273 – гвозди, 178 – массивный гвоздь.
Домашний инвентарь: 167 – пинцет, 137, 288 – ножи, 90, 138 – фрагменты миниатюрных овечьих ножниц, 98, 200 – фрагменты цилиндрических замков, 162, 187, 246 – ключи от цилиндрических замков

Амфора (сохранилось 10 фрагментов), обнаруженная на дне ямы (рис. 100), имеет четкое рифление (сохранился фрагмент верхней части туловища), астыковка ее частей осуществлена без накладки дополнительного жгута, что позволяет датировать ее XII в.⁴⁴

Судя по составу находок, функционирование постройки, давшей заполнение ямы 1, можно отнести ко второй половине XII – первой четверти XIII в.

Этой датировке не противоречат и находки, сделанные на периферии усадьбы, где исследованы ямы 3 и 4 (рис. 91). В верхнем пахотном слое встречены бочонковидная бусина из черного, желтого и красного стекла и сердоликовая зонная бусина (рис. 94 Г: 46, 47), а также бисер из черного стекла (рис. 94 Г: 48), бронзовые накладка (№ 285), согнутая пластина (рис. 97 Г: 13) и капля (№ 7)⁴⁵.

Яма 3 (глубина от уровня материка 35 см) обрисовалась в зачистке пласта 3 (–140 – –145 см) как пятно (195×75 см) черной супеси, угля и обожженной глины (40×30 см). Этот слой мощностью 25 см подстилала лежавшая на дне ямы коричневая супесь с остатками коры мощностью до 5 см (рис. 91). На отметке -150 см найдена бочонковидная бусина из черного и белого стекла (рис. 94 Г: 109). Доминирует курганская керамика с линейным орнаментом, нанесенным по сырой поверхности сосуда. Лишь один венчик из восьми по орнаментации, напоминающей раннюю косую волну (02-3791), может быть отнесен к серой посуде. Найдено донце кругового сосуда с клеймом в виде трезубца (02-3865)⁴⁶. Бочонковидные бусы с пластической спирально-волнистой инкрустацией, по мнению З. А. Львовой, происходят из Булгары и Средней Азии⁴⁷. В Белоозере они встречаются в слоях XI–XIII вв.⁴⁸, а в могильнике Нефедьево – в комплексах (погребения 17, 58)

⁴⁴ Волков И. В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Вып. 1. Азов, 1993; Волков И. В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. Новгород, 1996. Благодарю Т. И. Макарову и И. В. Волкова, указавших на эти особенности.

⁴⁵ Предметы из железа включают фрагменты ножей (№№ 29, 272), скобель (№ 281), три кольца цепи (№ 56), костьль (№ 51), гвозди (№№ 257, 259, 274, в том числе мишиатюрный – № 68), фрагмент прута (6×5 мм с загнутым концом – № 17), пластиину в форме кольца (№ 53), полосу (№ 271), капли металла (№№ 54, 58, 62, 67), гвоздь (№ 49), фрагмент кожи (№ 93).

⁴⁶ Яма 4 была лишь затронута раскопом (ширина более 1,7 м, глубина более 0,85 м). Заполнение ее включало серо-бурую супесь с фрагментами черной супеси и пачку тонких песчаных прослоек на дне.

⁴⁷ Львова З. А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела – Белой Вежи // МИА. № 75. М., 1959. Рис. 6: 4, 5, 17, С. 329–331.

⁴⁸ Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М., 1973. С. 182. Рис. 65: 46, 48.

первой половины XII в.⁴⁹ Таким образом, сооружения на периферии усадьбы можно датировать тем же временем, что и яму 1.

Ранний период жизни усадьбы демонстрирует большую степень преемственности с поздним. Не изменилось место главной постройки. Так же как и в XIII в., рядом с воинами на усадьбе жили люди, которые занимались земледелием (серп), скотоводством (остался неизменным даже состав стада, в котором преобладали свиньи) и металлургией. Это соседство может означать присутствие на усадьбе холопов (вспомним шумящую привеску в слоях XIII в., ложновитое колечко и пластинчатый перстень в раннем слое) и (или) свободных слуг. Ведь даже извергнутый из числа княжеских «милостников» Даниил Заточник дважды в своем «Молении» демонстрирует хорошее знание процесса «варки» железа («не огнь творить ражжение желѣзу, но надымание мѣшное», «жѣлѣзо уваришь, а злы жены не научишь»)⁵⁰!

Охота (на кабана и оленя) и резьба по рогу и кости, столь популярные на усадьбе в XIII в., также получают распространение (судя по незначительному количеству соответствующих костных остатков) в ранний период, но, видимо, незадолго до пожара первой постройки. Предметы, свидетельствующие о христианизации, представлены в оба периода крестами-тельниками из шифера, которые вошли в моду в конце XII в.

Богатство владельцев усадьбы и их причастность к военному сословию в ранний период (как и в поздний) не вызывает сомнений. Когда погреб еще не успел затянуться песком, в нем наряду с обычновенными горшками стояла византийская амфора, в которой могло храниться масло или вино. Тогда же отложился проушной топор, который мог использоваться в бою, и боевая бронебойная стрела.

Высокий социальный статус хозяев постройки демонстрирует великолепный незамкнутый серебряный браслет с тератологическим решетчатым плетеным сквозным орнаментом. Ширина браслета 36 мм. Сохранилась треть браслета. Утрачен не только противоположный край, где можно предполагать композицию, аналогичную сохранившейся, но и центральная его часть. Дошедшая до нас композиция включает три округлые вынона с изображением стилизованной птичьей головки с острым клювом на одной из них. Симметрично располагавшаяся вторая головка утрачена. Браслет такой формы и орнаментации найден впервые. Ближе всего он стоит к серебряным обручам (створчатым браслетам), в частности, найденным в 1903 г. в киевском Михайловском Златоверхом монастыре.

⁴⁹ Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М., 1997. С. 128. Табл. 127: 20; табл. 145: 7.

⁵⁰ Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 394, 396.

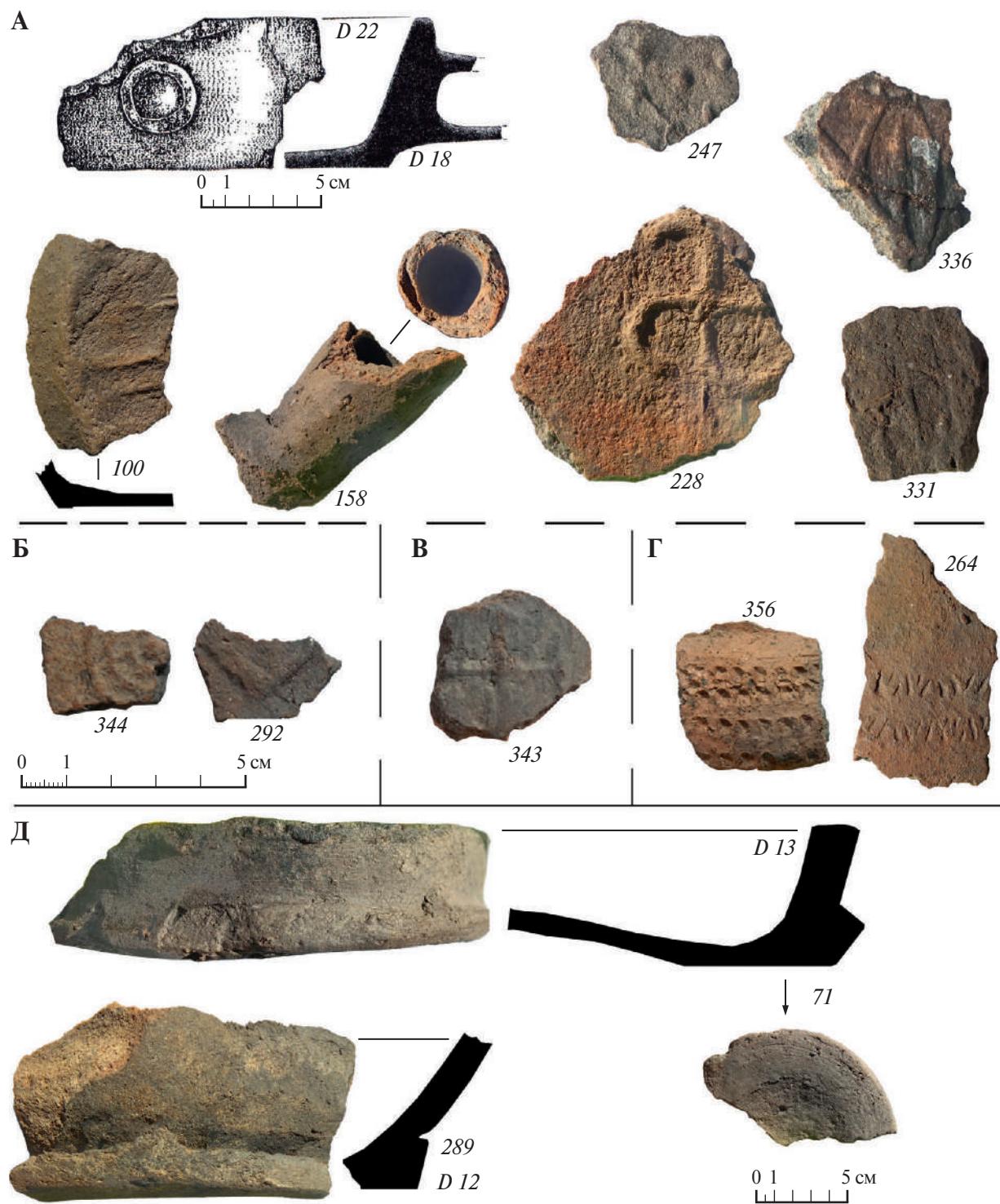

Рис. 99. Раскоп 1. Клейма на донцах сосудов и другие керамические изделия из ям 1, 2, 4 и верхнего слоя.
 А – яма 1: 158 – ручка кастрюли (пл. 2, кв. 2а, -141) и ее аналогия из нижнего слоя московского Богоявленского монастыря первой трети XIII в. (Московская керамика. Новые данные о хронологии. М., 1991. Табл. 43 на с. 106), 228 – клеймо в форме свастики на донце сосуда (пл. 6, кв. 4а, -215), 100 – край донца горшка с клеймом (пл. 3, кв. 1а, -145), 247 (пл. 4, кв. 1а), 331 (пл. 5, кв. 1а), 336 (пл. 5, кв. 1а) – клейма с плохо читаемыми изображениями;
 Б – яма 2: 292 – клеймо с изображением квадрата (пл. 3, кв. 2б), 344 – клеймо с изображением круглого «лабиринта» (пл. 3, кв. 2); В – яма 4: 343 – клеймо с изображением креста (пл. 3, кв. 11);
 Г – фрагменты горшков из верхнего слоя, украшенные штампом: 264 – нижняя часть сосуда, 356 – плечико сосуда;
 Д – сосуды редких форм из ямы 1: 71 – миска (целая форма) (пл. 3, кв. 2), 289 – донце сосуда на поддоне (пл. 5, кв. 4а)

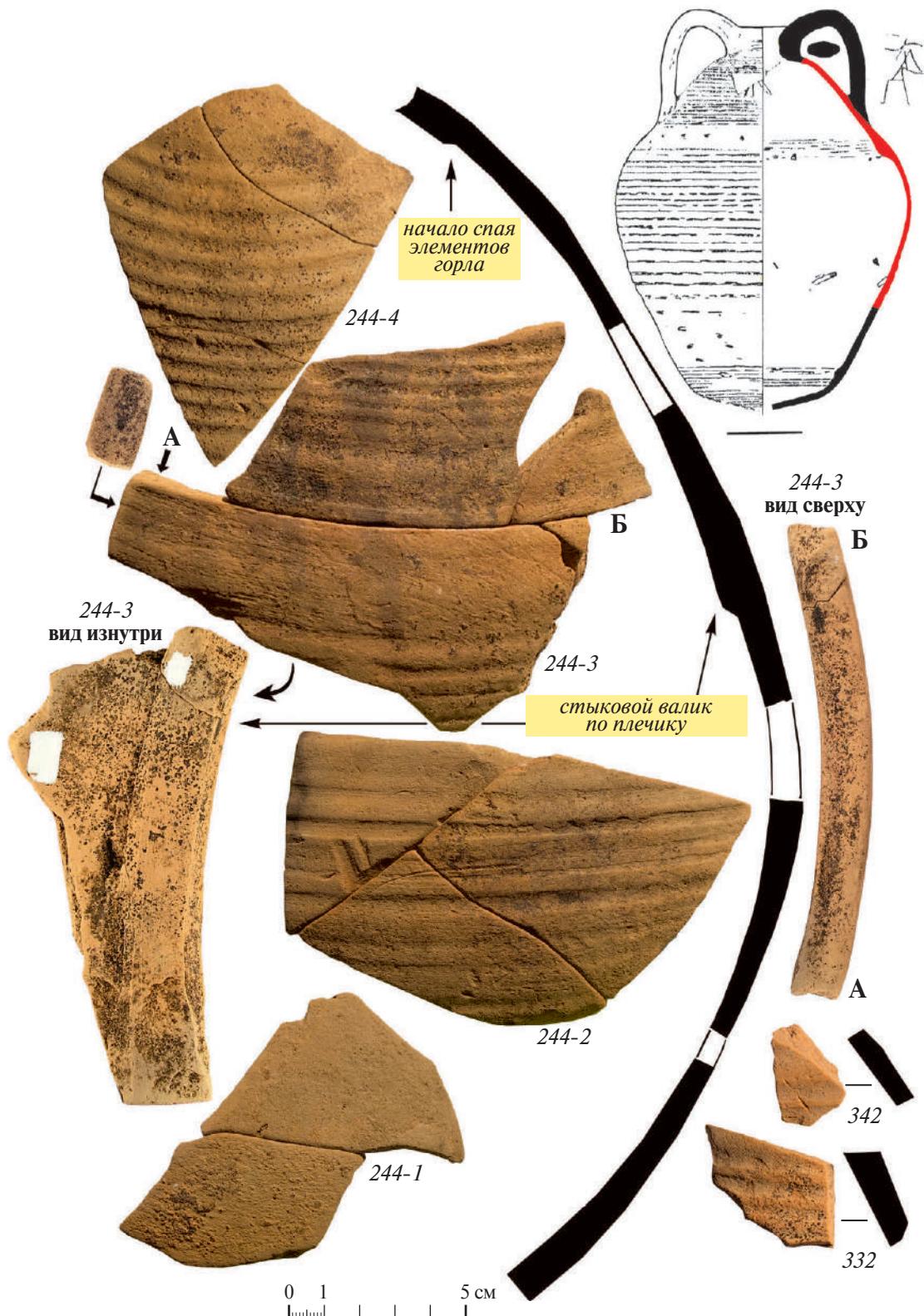

Рис. 100. Раскоп 1. Яма 1. Слой 13 на дне ямы.

Реконструкция развали амфоры «трапезундской» группы (находка № 244) по данным И. В. Волкова (2009 г.).

Красным цветом показан участок профиля, аналогичный профилю могутовской амфоры.

На профиле показаны: начало спая элементов горла и стыковой валик по плечику.

Снимки профилей выполнены И. В. Волковым.

На врезке – амфора «трапезундской» группы из Новгорода (Троицкий VII раскоп 1984 г.).

На них изображены птицы, от хвостов и голов которых отходят переплетающиеся выноны⁵¹. Изображения симметрично стоящих птиц имеются на арке от напрестольной сени из княжеского Вицка и среди рельефов Георгиевского сбора в Юрьеве-Польском (1230–1234)⁵². Мотив стоящих друг против друга птиц с закинутыми назад головами, которые соединены плетенкой, доживает в заставках рукописей до XIV в.⁵³ Таким образом, могутовский браслет – элемент женского боярского убора, аналогичный обручем из кладов 1170–1240 гг., но выполненный в манере, воспроизводящей архаичное тератологическое плетение. Створчатый браслет, несущий подобный орнамент, найден на усадьбе Олисея Гречина в Новгороде⁵⁴.

Можно заключить, что в районе обнаружения сфрагистического комплекса на протяжении второй половины XII и XIII в. размещалась и стабильно функционировала усадьба, владельцы которой принадлежали к кругу бояр и были связаны с военным делом. Преемственность материальной культуры, наблюдаемая на протяжении периода жизни трех или четырех поколений, напоминает новгородские боярские усадьбы, многие из которых принадлежали одному роду на протяжении века и более. В небольшой крепости, расположавшейся на сухопутной дороге из Москвы в Переяславль на краю Шернского леса, подобный двор мог принадлежать лишь кормленщику, который осуществлял судебные и административные prerогативы.

Несмотря на то, что исследованная усадьба втопографическом плане занимала доминирующее положение, ее дата не может автоматически переноситься на всю центральную часть поселения. В связи с этим интересно проанализировать подъемный материал. Среди 37 находок, собранных вблизи раскопа, в центральной части селища⁵⁵, выделяются вещи хронологии

⁵¹ Макарова Т. И. Черневое дело Древней Руси. М., 1986. С. 74, рис. 33: 2; С. 88, рис. 41: 2; С. 140 – № 211; С. 142 – № 225.

⁵² Вагнер Г. К. Мастера древнерусской скульптуры. Рельефы Юрьева-Польского. М., 1966. Ил. 8.

⁵³ Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV веков. М., 1980. Каталог. № 12, 20. Тератологический плетеный орнамент (классический образец – дубовая колонна середины XI в. из Новгорода) в конце XI в. проник в белокаменную резьбу (Черниговская капитель, найденная в 1860 г., и др. памятники Чернигова см.: Коваленко В. П., Орлов Р. С. Різьблений камінь 1984 р. з Чернігівського дитинця // Чернігівська старовина. Чернігів, 1992. С. 22–33), что связывают с «ретрансляцией» языческих элементов в княжеской эмблематике (Воробьева Е. В. Семантика и датировка Черниговских капителей // Средневековая Русь. М., 1976. С. 175–183).

⁵⁴ Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. С. 104. Рис. 53: 1.

⁵⁵ Находки 336–351, собранные 6.10.2001 г. и 8.05.2002 г. МОАЭ ИА РАН, имеют точную привязку. Находки 352–362, собранные местными жителями, и 388–397, собранные кладоискателем Олегом в 2002 г., не имеют точ-

ически несколько более ранние, чем материал из ямы 1. В 29 м к ВЮВ от раскопа найден грушевидный крестопрорезной бубенчик (рис. 101: 349), который выходит из употребления в середине XII в.⁵⁶ В центральной части селища найдена поясная бронзовая сердцевидная накладка (рис. 101: 391), которая относится к типу XIV А по В. В. Мурашевой. Аналогичная накладка встречена в составе пояса в кургане 23 могильника Ступени-II в Смоленской области, который датируется первой половиной XII в.⁵⁷ Крестопрорезной бубенчик и поясная накладка встречены в третьем погребении кургана 76 подмосковного могильника Шейка, а крестопрорезные бубенчики – в первом погребении этого кургана, которое содержит монету Евера, герцога Ордульфа или Германа (1059–1086)⁵⁸.

Более широкие датировки имеют грушевидный бубенчик с линейной прорезью и тройным рельефным пояском, датируемый, по Новгороду, 1076–1299 гг. (с преобладанием в XIII в.)⁵⁹, калачевидное кресало без язычка (рис. 101: 359), которое входит в употребление в Новгороде в последней четверти XI в., бронзовый пластиначатый овальноконечный браслет с тремя продольными выпуклыми валиками, изнутри плоскими (два валика ложновитые) (рис. 101: 392), датируемый по Новгороду 1116–1299 гг.⁶⁰, два шиферных пряслица (рис. 101: 358, 393) и два стеклянных витых браслета: коричневый и зеленый (рис. 101: 354, 355), ключ от замка типа В (рис. 101: 341а – в 4 м к югу от центра раскопа), появление которых относится к середине XII в.,

ных привязок (Чернов С. З. Отчет о раскопках на селище Могутово-2 на участке обнаружения сфрагистического комплекса в Щелковском районе Московской области в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Прил. 2. С. 50–52).

⁵⁶ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (Х–XV вв.). М., 1981. С. 156; Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород: проблема синхронизации // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. 1984. С. 129; Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (Х–XIV вв.) // Материалы по хронологии Новгорода. Новгород, 1988. С. 60; Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. По материалам могильников Восточного Прионежья. М., 1990. С. 104, 109–110, прим. 23.

⁵⁷ Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения X–XIII вв. М., 2000. С. 39, 76, 132 – прил. 5. № 95.

⁵⁸ Равдина Т. В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог. М., 1988. С. 21. Табл. 14: 8, 9, 12; С. 129.

⁵⁹ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (Х–XV вв.). М., 1981. С. 156. Рис. 62: 6–8; Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (Х–XIV вв.) // Материалы по хронологии Новгорода. Новгород, 1988. С. 60–61, пункт III. 9.

⁶⁰ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (Х–XV вв.). М., 1981. С. 110. Рис. 43: 14 (Неревский раскоп 16-22-2119), С. 113, 190. Рис. 81; Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (Х–XIV вв.) // Материалы по хронологии Новгорода. Новгород, 1988. С. 39, пункт 1.12.

бронзовый крестик-привеска с шариками на концах и ромбовидным щитком посередине (20×14 мм — рис. 101: 344a), аналог которого встречен в Новгороде в слоях 1260—1280-х гг. и в золотоординском городе Бельджамене⁶¹.

Итак, находки, которые могут быть отнесены к первой половине XII в., немного. Следует, впрочем, учесть, что даже на тех памятниках, где присутствие материалов первой половины XII в. не вызывает сомнений, инвентарь не всегда позволяет определить «узкие даты». Поэтому представляется, что на соседних с исследованными раскопками участках могут быть в перспективе обнаружены сооружения, даты которых заходят в первую половину XII в.

Найденная поясная накладка — еще одно свидетельство присутствия на поселении людей, принадлежащих к кругу по меньшей мере младшей дружины⁶². В Суздале две поясные накладки найдены в слое, который связан с комплексом дворов, принадлежавших дружинникам и погибшим в пожаре 1096 г.⁶³

Не менее знаковой является находка бронзовой иконки (30×22 мм) (рис. 101: 357). Иконка квадратная, с килевидным завершением, оборотная ее сторона гладкая. Она несет изображение святого со сложенными на груди руками, вокруг которого имеются три круглых клейма. Две аналогичные иконки, которые прибивались к деревянным предметам, найдены в Новгороде в слоях 1170—1180-х гг.⁶⁴. Подобные вещи

⁶¹ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (Х—XV вв.). М., 1981. С. 54. Рис. 16: 14.

⁶² Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения X—XIII вв. М., 2000. С. 97.

⁶³ Седова М. В. Сузdal' v X—XV vekakh. M., 1997. C. 94. Рис. 28: 1, 2.

⁶⁴ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (Х—XV вв.). М., 1981. С. 62. Рис. 20: 5, 6. Размеры новгородских иконок аналогичны могутовской, но они имеют прямоугольную форму (за счет декоративного пояса под изображением), полуциркульное завершение и изготовлены тиснением из тонкого биллонового листа, тогда как могутовская иконка — литая.

не характерны для курганных погребений Московского края XII — первой трети XIII в., оставленных крестьянским населением («смурдами»), и указывают на присутствие в Шерне привилегированного населения, значительно более затронутого христианизацией.

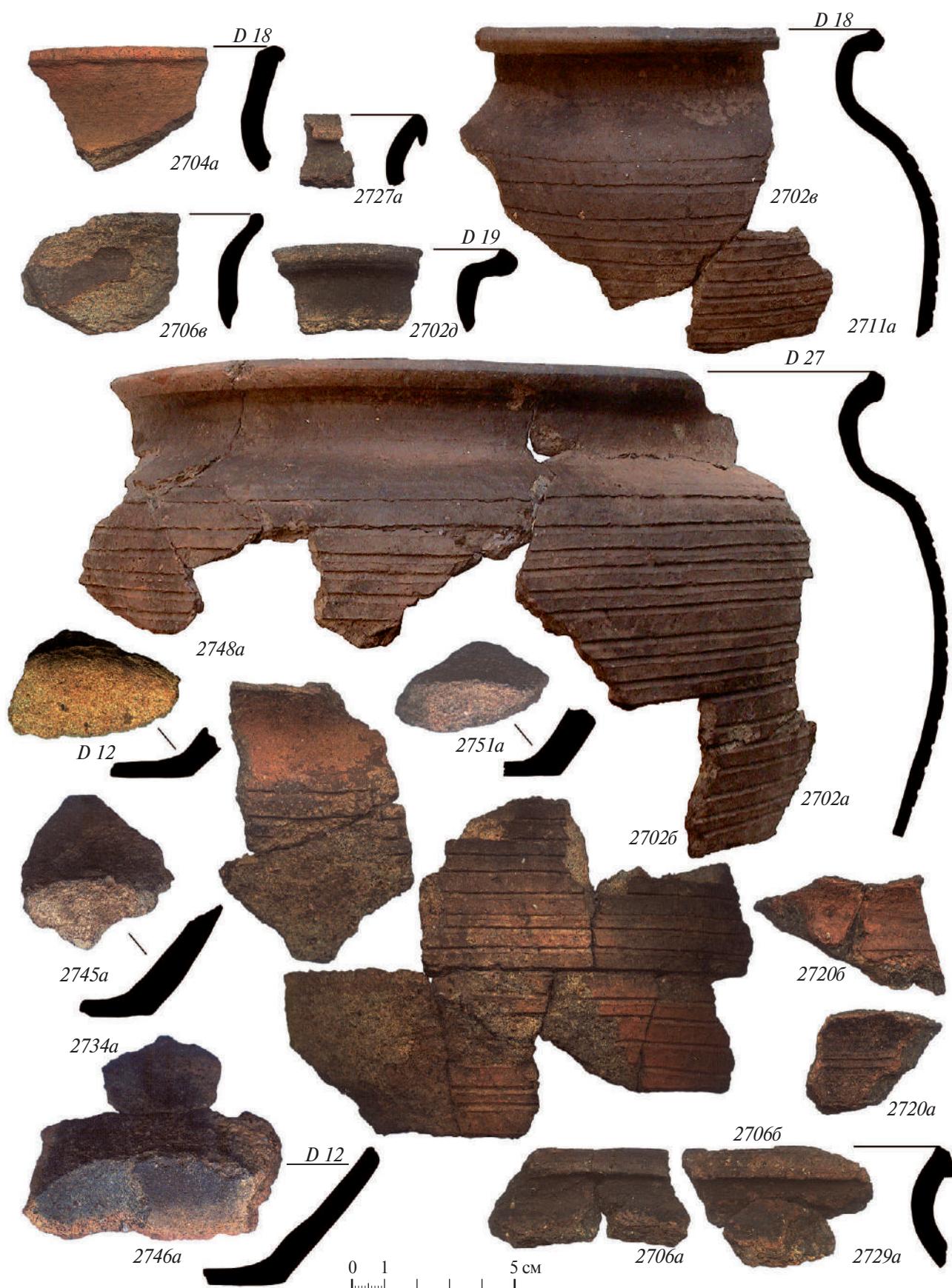
О богатстве жителей поселения говорит и использование ими дорогих привозных вещей. К числу таких предметов принадлежит створка биллонового замка (от ларца) в виде фигурки фантастического животного (45×38 мм — рис. 101: 388). Ближайшей аналогией могутовского замка является замок, найденный в Московском Кремле в 1959—1960 гг. в зоне строительства Дворца съездов (раскоп 2, кв. 16), в предматериковом слое домонгольского времени. Г. П. Латышева, исследовавшая московский замок, пришла к выводу о том, что он был изготовлен в Херсонесе, так как аналогии, происходящие с территории Волжской Болгарии (Б. Мечетка, Биляр), «значительно грубее кремлевского по отделке»⁶⁵. Замок из Могутова по форме, устройству⁶⁶ и тщательности отделки сопоставим только с кремлевским. Он меньше кремлевского (70×50 мм), но их объединяет форма животного, стоящего на коротких ногах с копытцами (у могутовского отсутствуют уши). Отличается орнамент, украшающий круп животного. Если в кремлевском образце это завитки, то в могутовском — сетка из ромбов и полос, спускающаяся по шее животного. Тем не менее не вызывает сомнений, что в обоих случаях перед нами образцы высокохудожественного ремесла, которые могли поступать в Москву и Шерну скорее всего через Киев.

⁶⁵ Латышева Г. П. Торговые связи Москвы в XII—XIV вв. // Древности Московского Кремля. М., 1971. С. 220.

⁶⁶ Пазы, в которые входила железная пружина, имеют ту же форму. В кремлевском замке железная пружина проходит через отверстие, крепившееся к крупу животного, и лишь затем входит в отверстие на шее, в могутовском — она непосредственно входит в отверстие на шее, которое оформлено в виде выступающей трубки.

Рис. 101. Находки, собранные в центральной части селища Могутово-2 к югу от д. Могутово вне раскопов.
 349 — грушевидный крестопрорезной бронзовый бубенчик (29 м к ВЮВ от раскопа 1);
 391 — поясная накладка сердцевидная типа XIVА, бронзовая; 357 — иконка миниатюрная накладная, бронзовая (передана жителем д. 1, д. Могутово в июне 2004 г.); 344а — крест-привеска с шариками на концах, бронзовый (28 м к С от раскопа 1, 9 м к востоку от столба электроподстанции), 362 — бубенчик с линейной прорезью (поле к ЮЗ от д. Могутово); 392 — браслет пластинчатый овальноконечный литой, имитирующий три спаянные дроты; 388 — створка биллонового замка от ларца в виде фантастического животного; 341а — ключ типа В1 (середина XII — начало XV в.) (4 м к югу от центра раскопа 1); 359 — кресало калачевидное без язычика (80 м к западу от раскопа 1, у дороги); 354 — браслет витой темно-зеленого стекла (найден Паршиным П. И. на поле к ЮЗ от д. Могутово); 355 — браслет витой коричневого стекла (поле к ЮЗ от д. Могутово); 358 — пряслице шиферное (поле к ЮЗ от д. Могутово); 393 — пряслице шиферное; 390 — крючок-распределитель бронзовый для ношения на поясе небольших предметов; 394 — пряслице свинцовое; 389 — бубенчика бронзового обломок

Рис. 102. Раскоп 1. Яма 1. Керамика из нижней части заполнения

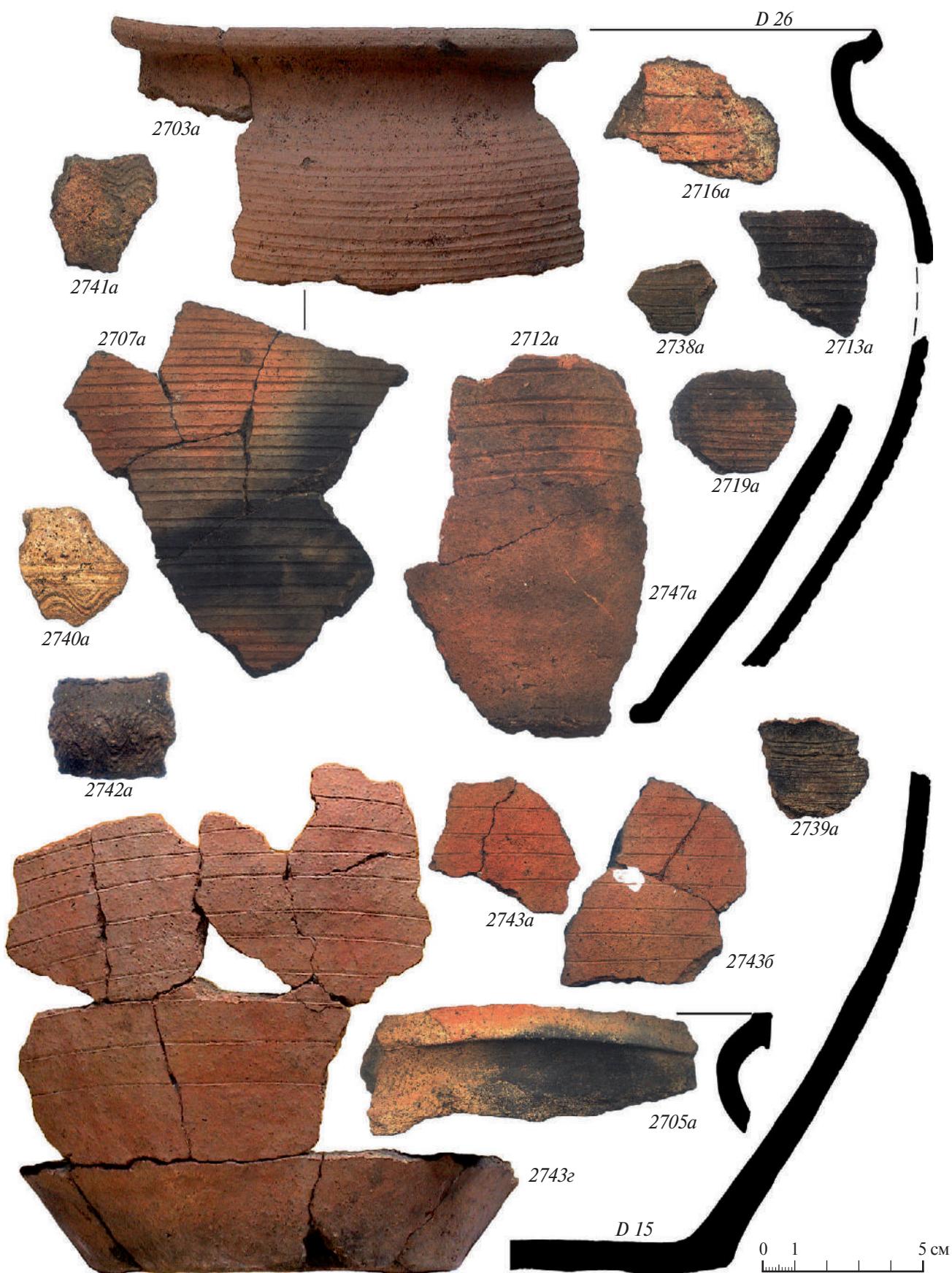

Рис. 103. Раскоп 1. Яма 1. Керамика из нижней части заполнения

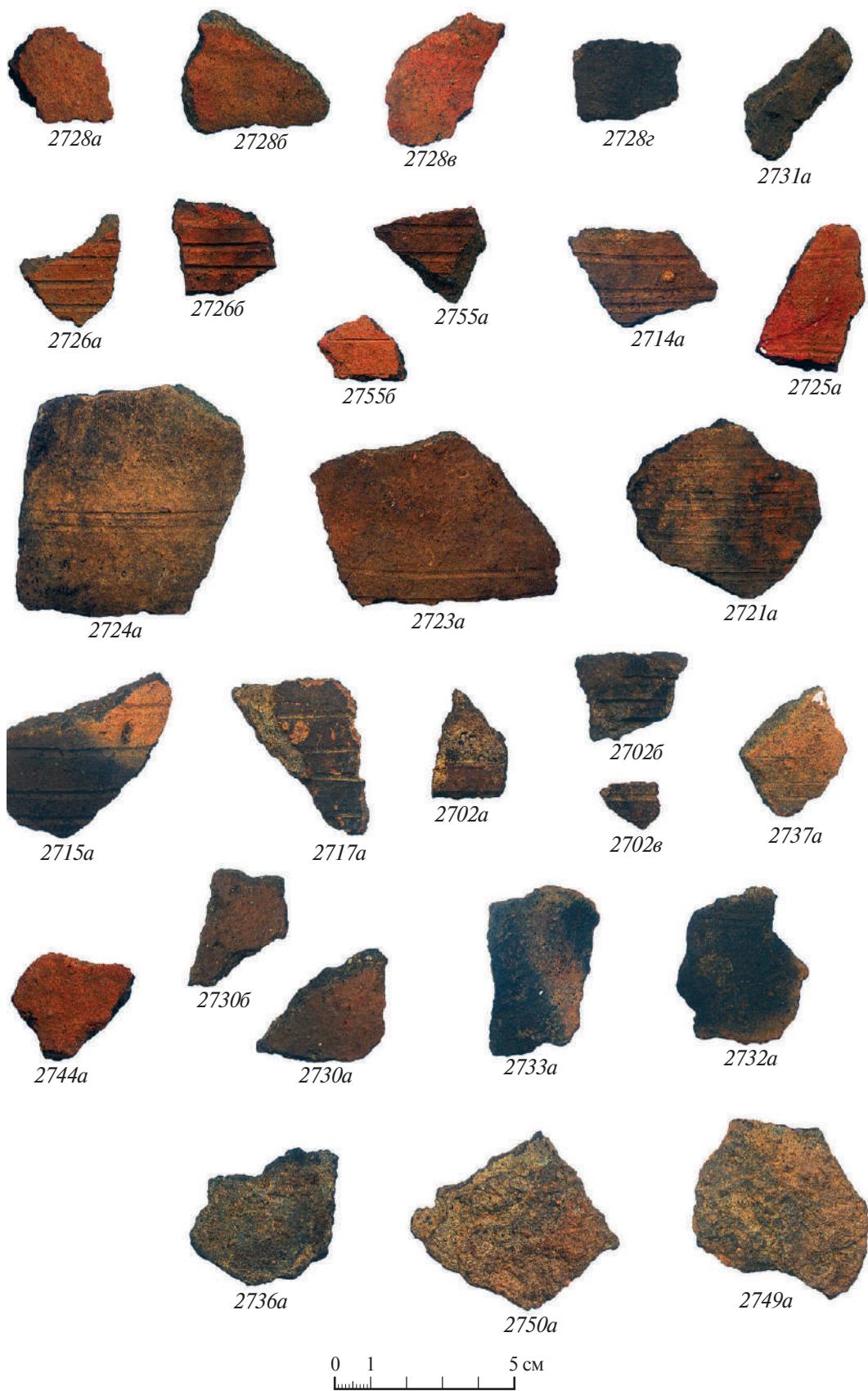

Рис. 104. Раскоп 1. Яма 1. Керамика из нижней части заполнения

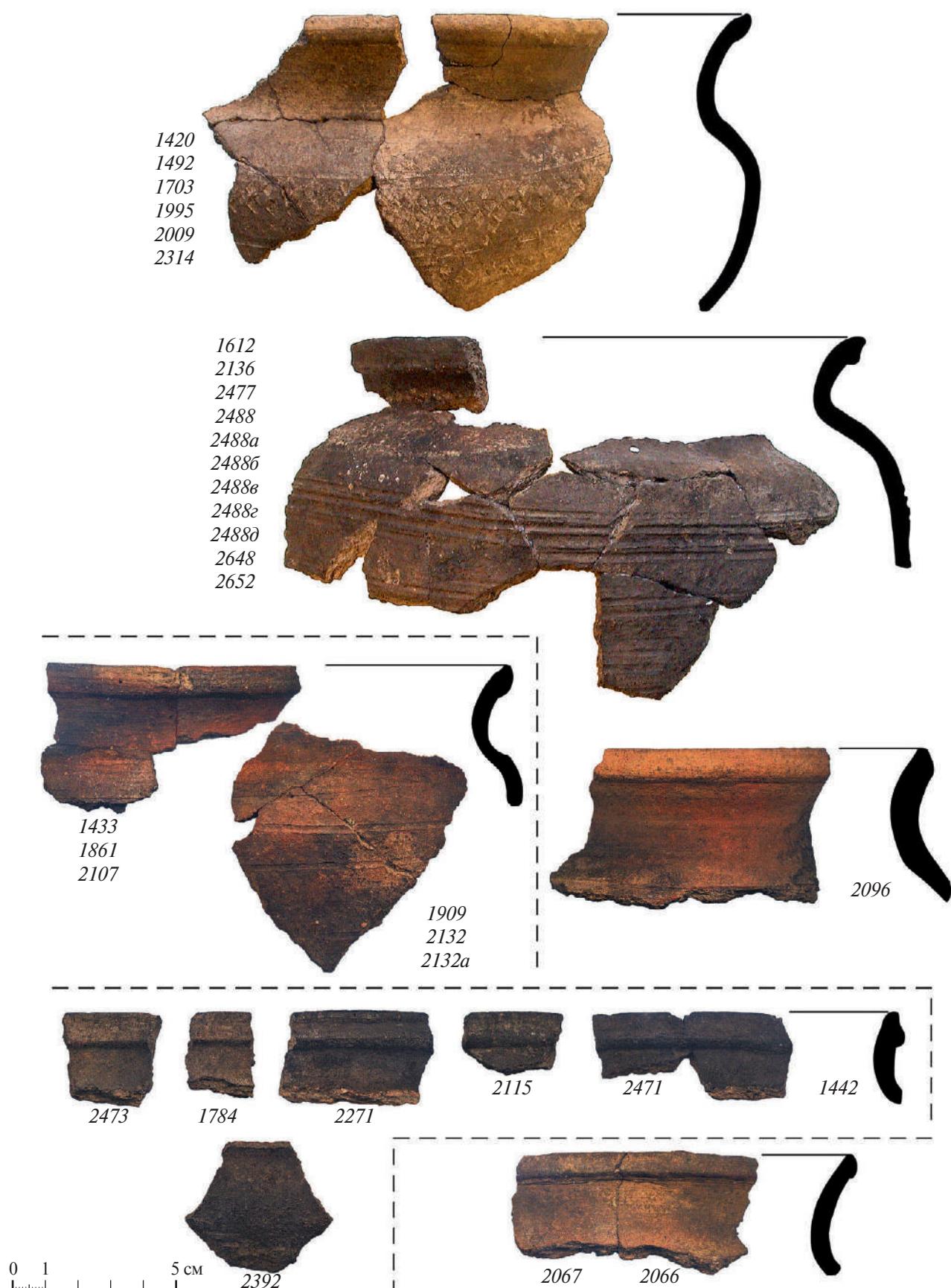

Рис. 105. Раскоп 1. Яма 1. Керамика из нижней части заполнения

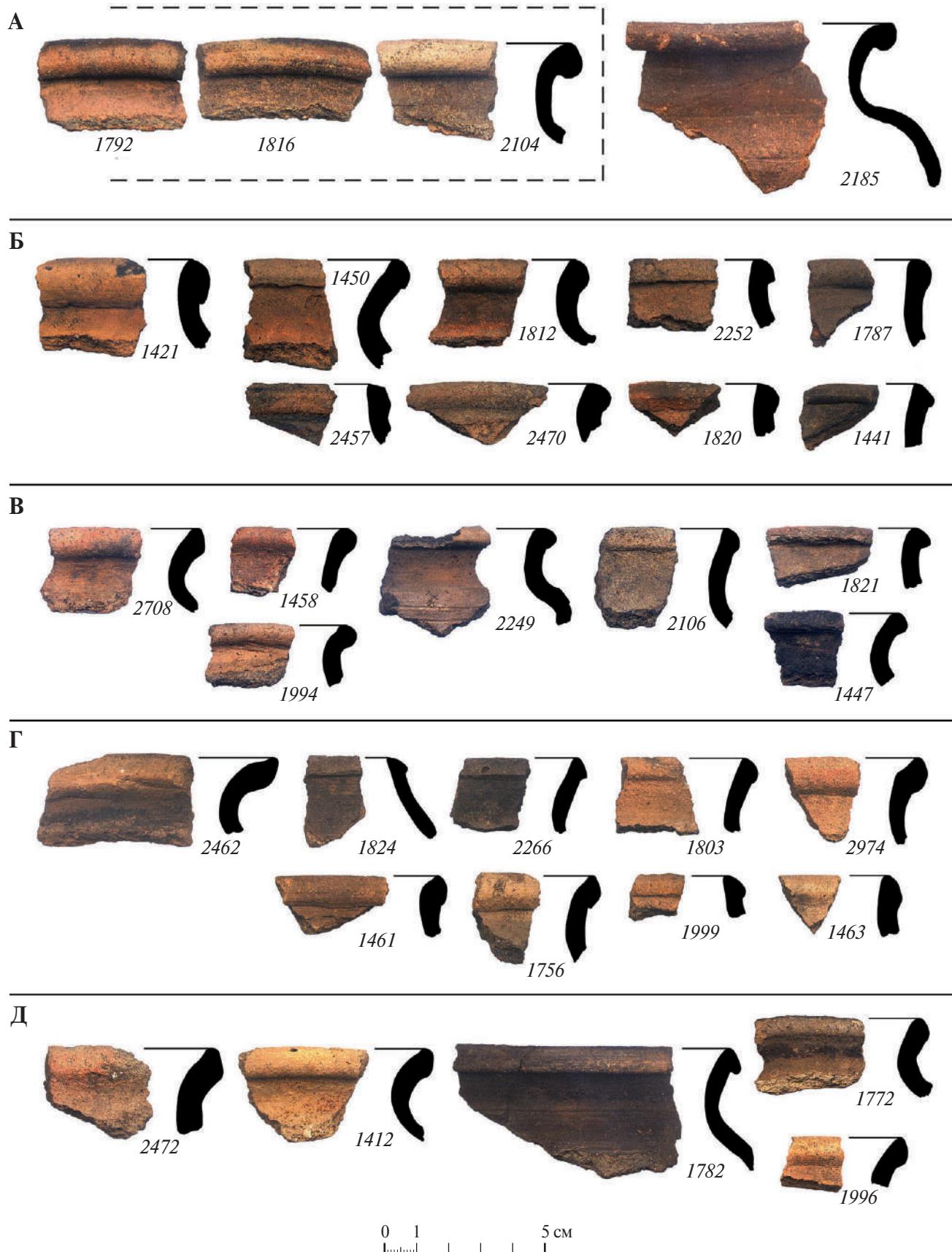

Рис. 106. Раскоп 1. Яма 1. Керамика из нижней части заполнения

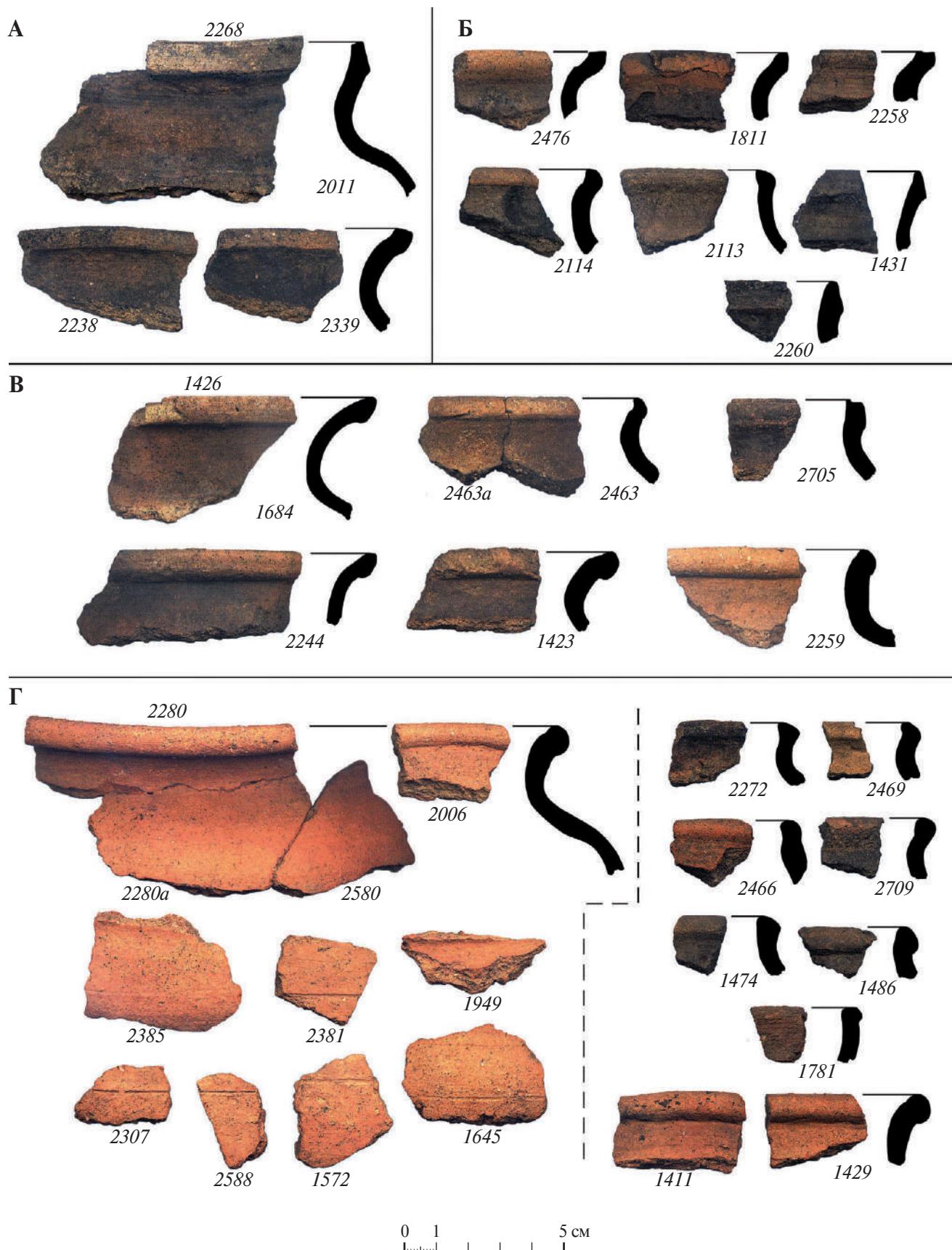

Рис. 107. Раскоп 1. Яма 1. Керамика из нижней части заполнения

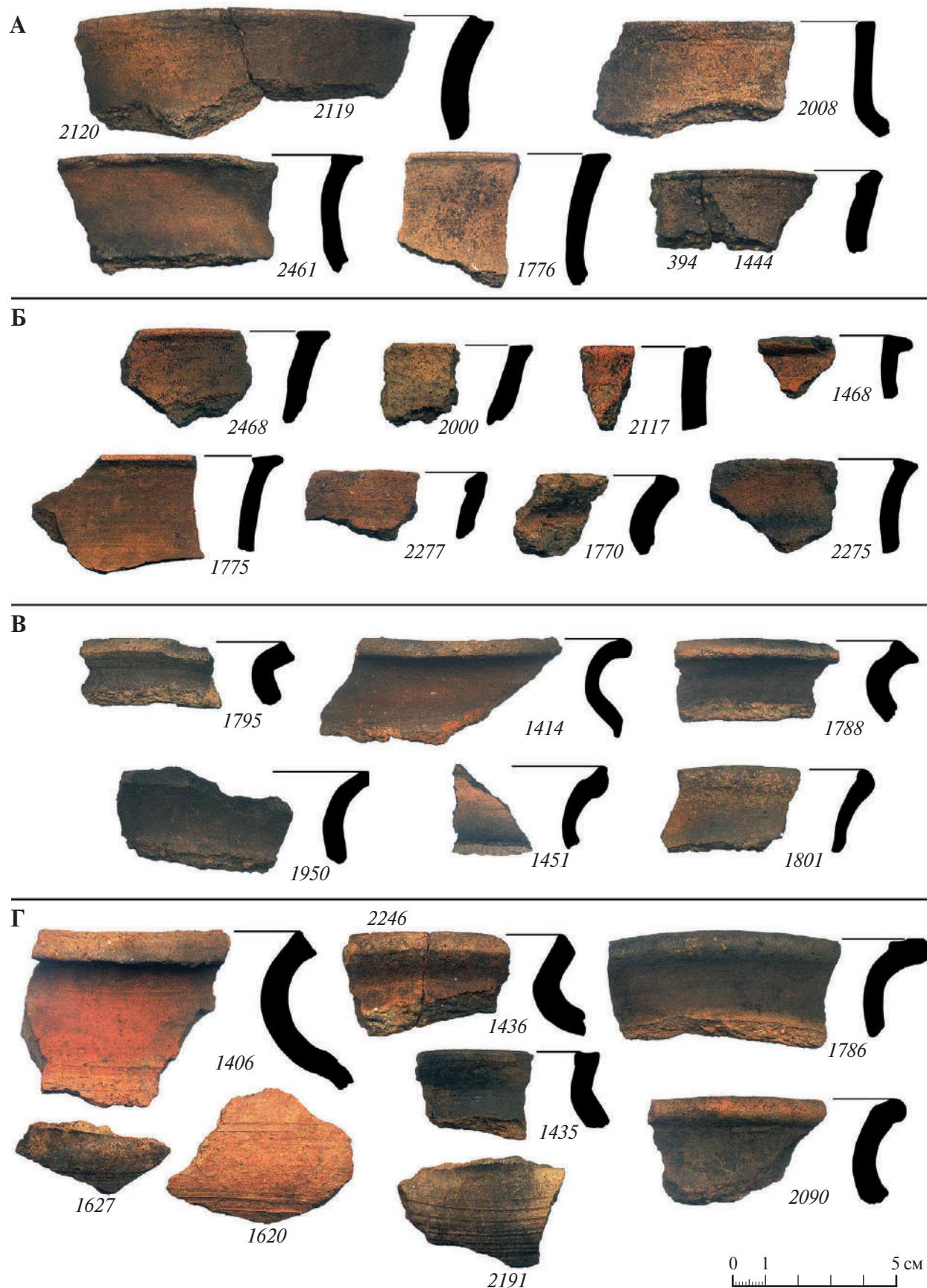

Рис. 108. Раскоп 1. Яма 1. Керамика из нижней части заполнения

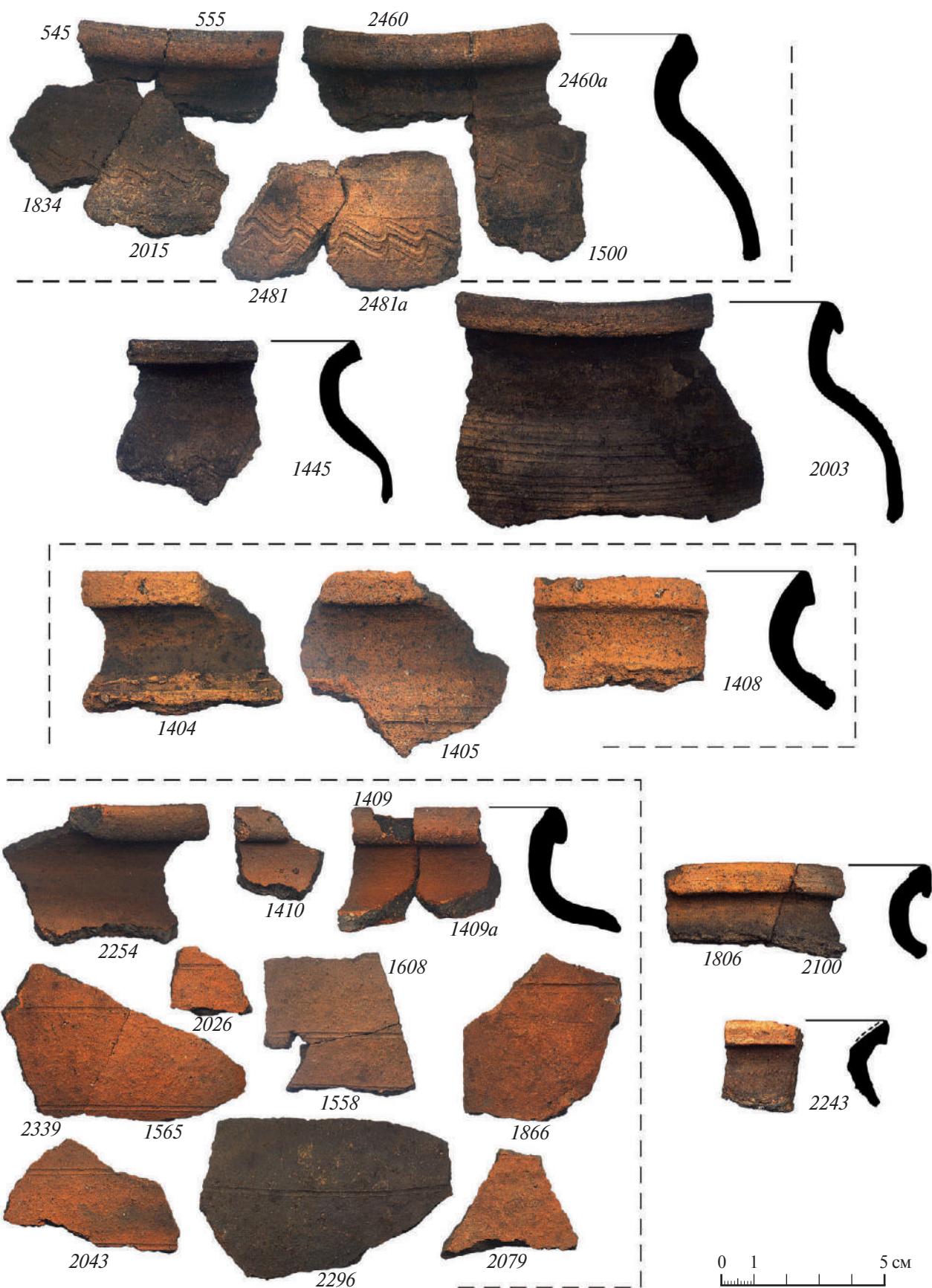

Рис. 109. Раскоп 1. Яма 1. Керамика из нижней части заполнения

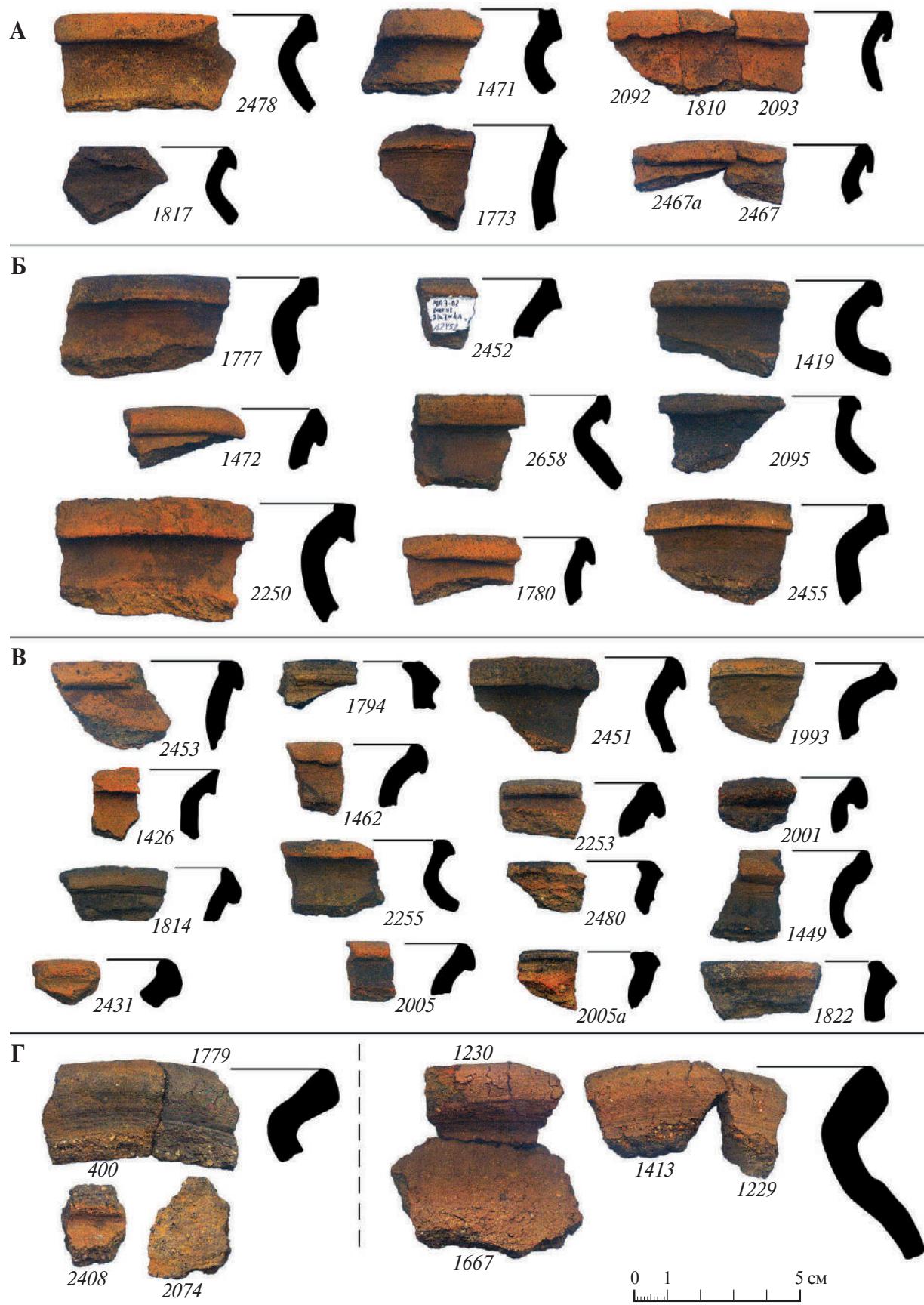

Рис. 110. Раскоп 1. Яма 1. Керамика из нижней части заполнения

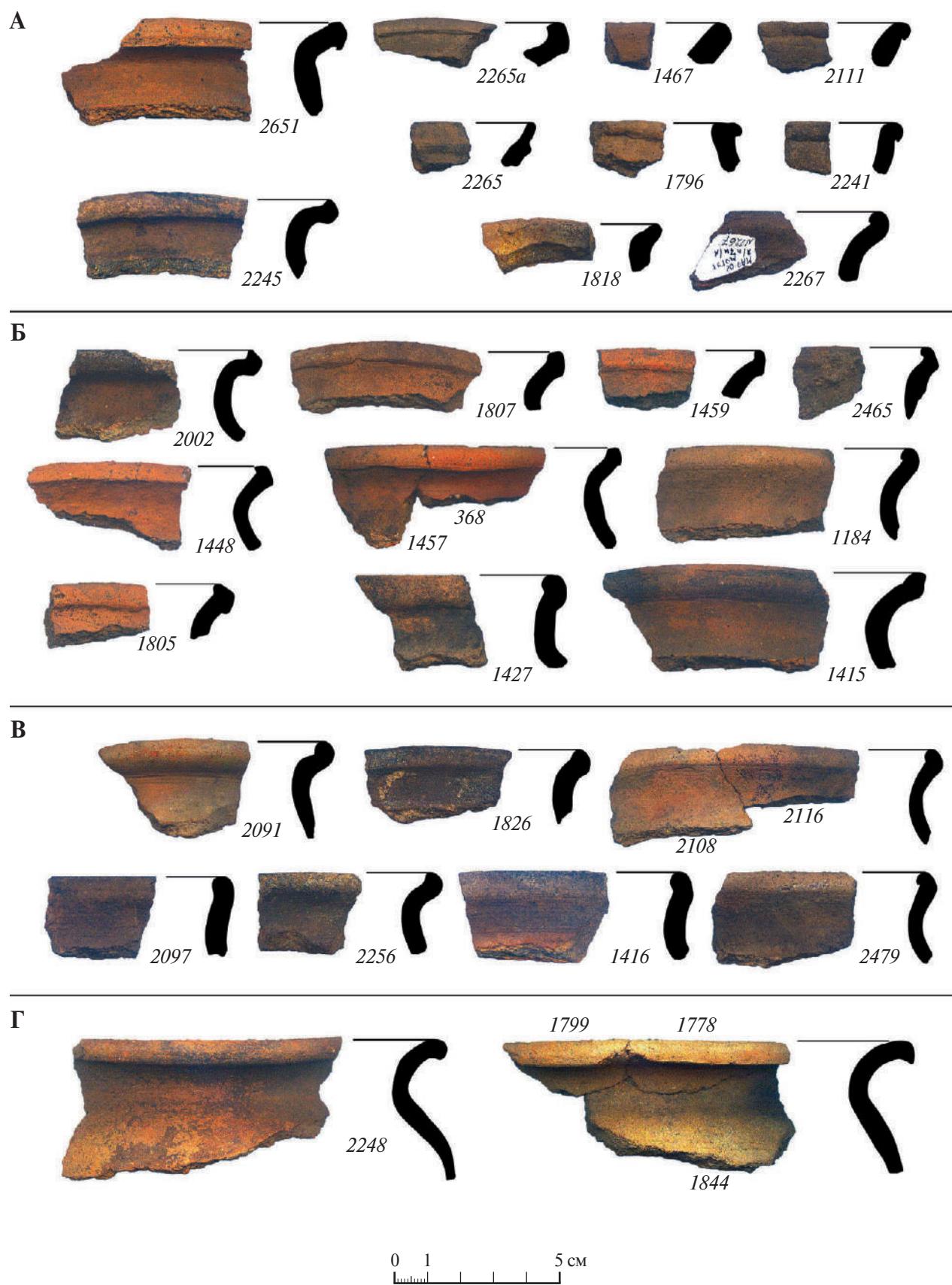

Рис. 111. Раскоп 1. Яма 1. Керамика из нижней части заполнения

Рис. 112. Раскоп 1. Яма 1. Керамика из нижней части заполнения

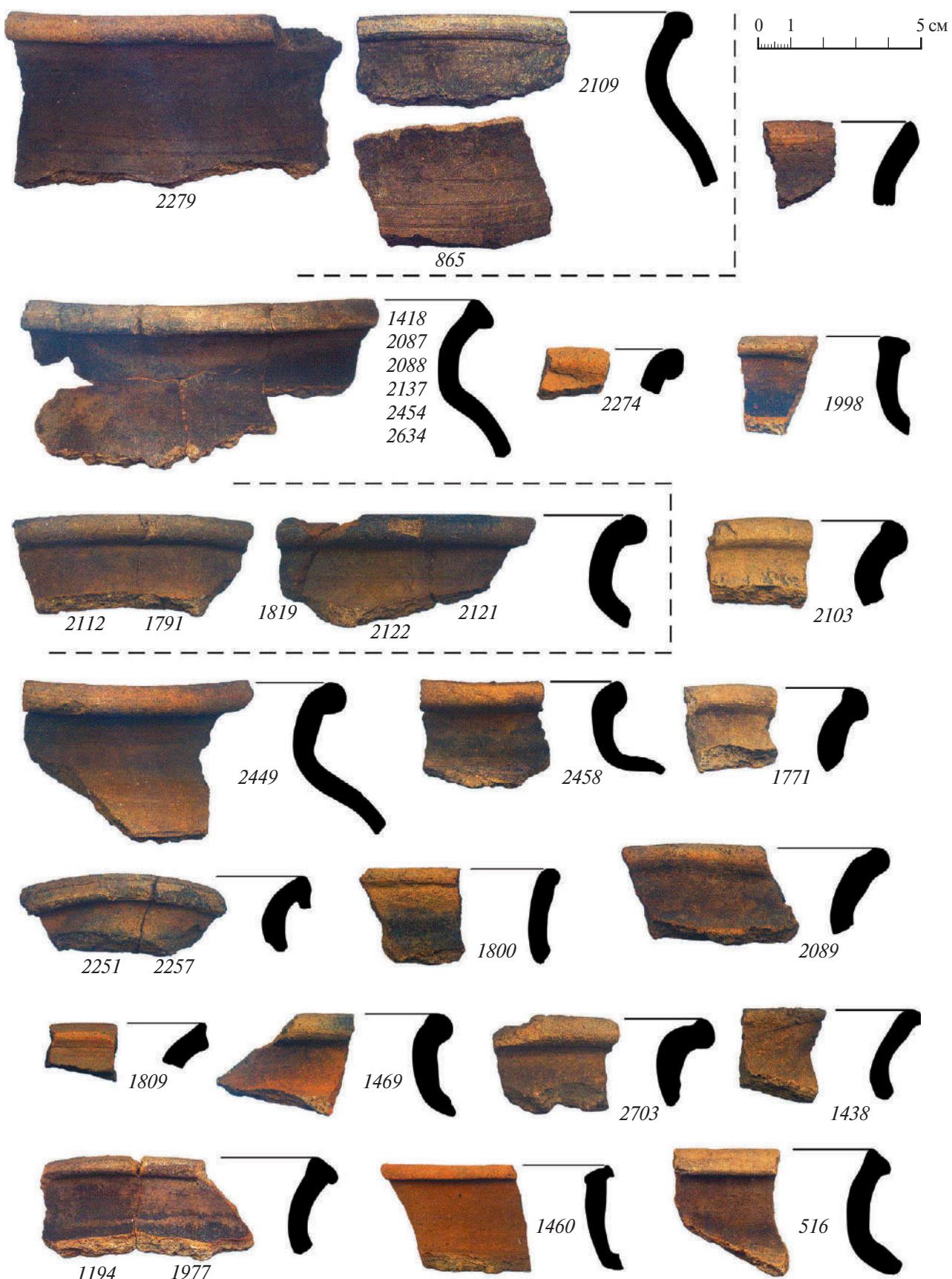

Рис. 113. Раскоп 1. Яма 1. Керамика из нижней части заполнения

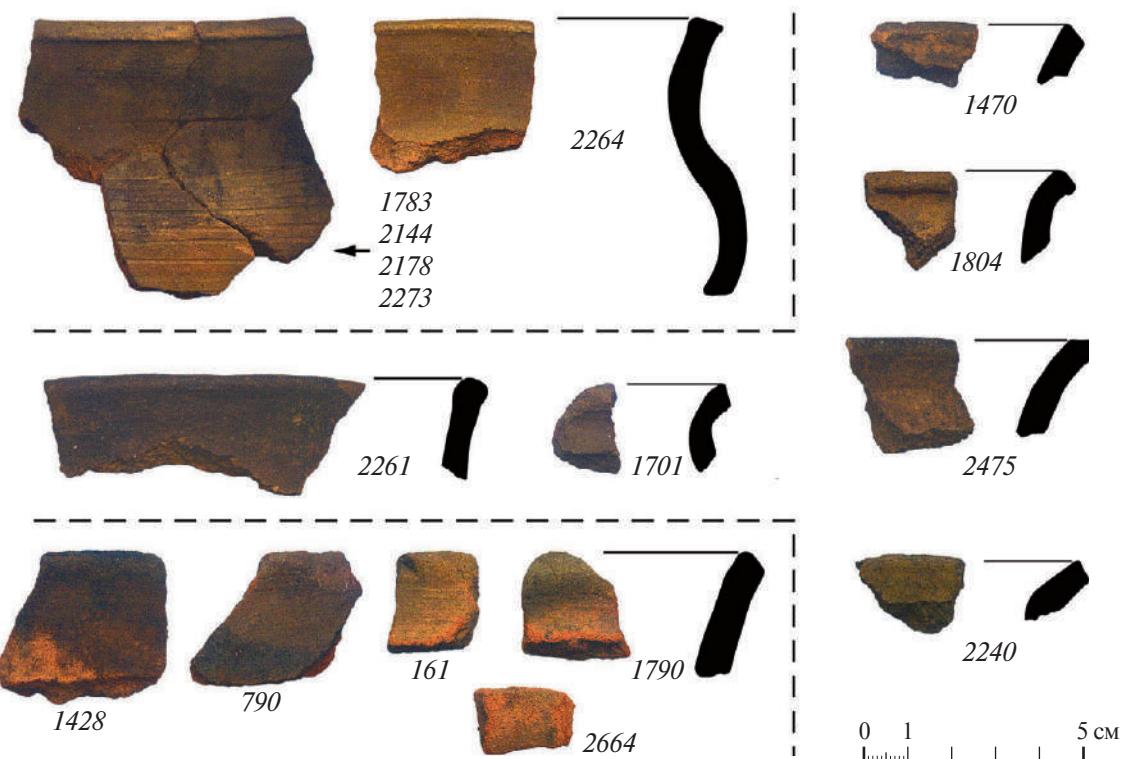

Рис. 114. Раскоп 1. Яма 1. Керамика из нижней части заполнения

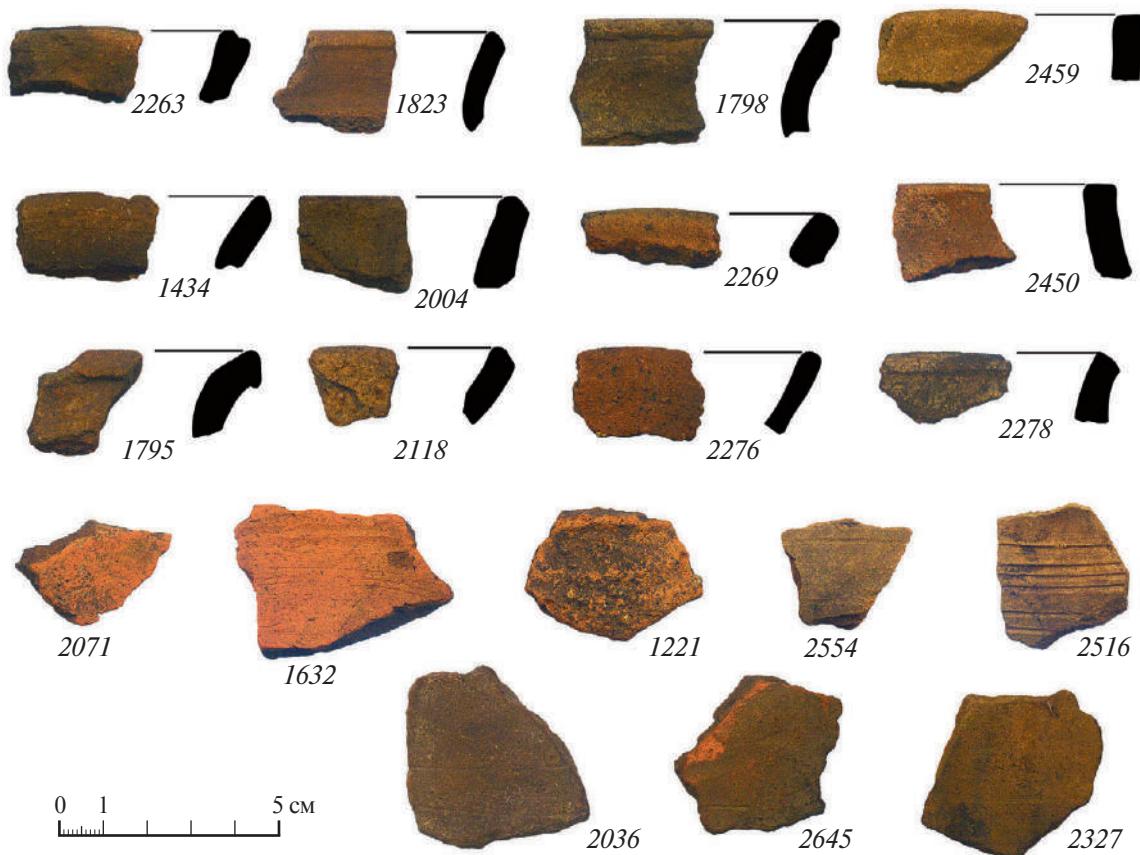

Рис. 115. Раскоп 1. Яма 1. Керамика из нижней части заполнения

ГЛАВА 6

УСАДЬБА А НА ПОСАДЕ ШЕРНЫ. РАСКОП 2. 2003 Г.

Раскоп 2 был заложен в июне 2003 г. к югу от раскопа 1. Размеры его составили 16×6 м, а площадь – 88 кв. м¹. Благодаря плавному склону в направлении р. Шеренки и ручью нивелировочные отметки раскопа 2 превышали отметки раскопа 1 так, что юго-восточный угол раскопа 2 был на 50 см выше северо-западного угла раскопа 1 (рис. 70).

Пахотный горизонт

Как и в раскопе 1, верхний культурный слой представлял собой серую гумусированную супесь. В восточной части раскопа 2 мощность пахотного чехла достигала 35 см, тогда как в западной части раскопа – 20–30 см (рис. 71). Наибольшая концентрация керамики (рис. 72) (в 1-м пласте – 2118 фрагментов, во втором – 1615) также приходилась на восточную часть раскопа, где число фрагментов на квадрат составляет от 200 до 300.

Повышенная мощность слоя и концентрация керамики отражали крупное сооружение – яму 6, которая, как показали дальнейшие исследования, представляла собой подземную часть жилой постройки или клети. Это сооружение располагалось в центре древней усадьбы, в 3,8 м к юго-востоку от исследованной в 2002 г. ямы 2 – жилой постройки XIII в. Концентрация керамики над ямой 6 была несколько ниже, чем над ямой 2 (до 550 фрагментов) и ямой 1 (до 907 фрагментов).

В западной части раскопа (над ямами 14–16) количество керамики на квадрат колебалось в диапазоне 70–140 фрагментов. Здесь были исследованы небольшие ямы 10, 14, 15 и 16. В восточной части раскопа исследовались ямы 8 и 9.

Процентное соотношение типов керамики пахотного слоя несколько отличалось от такового в раскопе 1. Керамика последней четверти XV – на-

чала XVI в. – белоглиняная грубая, красноглиняная гладкая, чернолощеная и мореная (4,7% в пласте 1 и 3,7% в пласте 2) – соответствовала фоновым значениям, отражающим присутствие данного материала на памятнике. Если исключить эту керамику из расчетов, соотношение курганной, серой и красноглиняной грубой посуды будет равно для 1-го пласта 52,4% / 25,4% / 8,4% при 13,8% трудноопределимой, а для 2-го пласта – 61% / 24,5% / 4,7% при 9,8% трудноопределимой. При сравнении этих цифр с аналогичными по 1-му раскопу (60,3% / 20,9% / 8,8% при 10% трудноопределимой) видно, что серой керамики в верхнем слое второго раскопа примерно на 5% больше. Если сделать соответствующие расчеты лишь по венчикам (358 венчиков в двух пластах), для 1-го пласта мы получим соотношение 50,5% / 42,1% / 7,4%, а для 2-го пласта – 59% / 37,8% / 2,6%, а в целом по верхнему слою 54,5% / 40% / 5,5%. Если сравнить это соотношение с соотношением 1-го раскопа (64% / 30% / 6%), то окажется, что серой керамики в раскопе 2 примерно на 10% больше.

Находки верхнего слоя, как и керамика, концентрировались над ямами 5 и 6, а также к западу от них. Из находок средневекового времени² представляют интерес два венчика льячек, найденные в 3 м друг от друга между ямами 5 и 6 (рис. 136 Б: 402, 425), а также заготовка литейной формы из камня (рис. 136 Б: 479), обнаруженная к западу от ямы 6 (рис. 116: 402, 425, 479). О бронзолитейном производстве свидетельствует пролитая на землю бронза (рис. 133: 460). По всей видимости, жители постройки 6 практиковали литье цветных металлов.

Обращают на себя внимание крупный фрагмент нижней части амфоры (рис. 136 Б: 478), найденный между ямами 1 и 6 (рис. 116: 478), а также еще два фрагмента амфор (рис. 136 Б: 401, 410), обнаруженные у ямы 6 (рис. 116: 401) и в яме 5 (рис. 117 Б: 410).

¹ Четыре квадрата, накрывавшие южную часть изученной в 2002 г. ямы 1, не копались в целях сохранения части этого уникального сооружения для последующих исследований.

² XVIII–XIX вв. датируются обгоревший фрагмент сосуда зеленого стекла (№ 420), обломки фаянса (№№ 432, 474) и фарфора (№ 473), стеклянного бокала (№ 422), фрагменты чугунных изделий (№№ 452, 455) и железная полоса (№ 423).

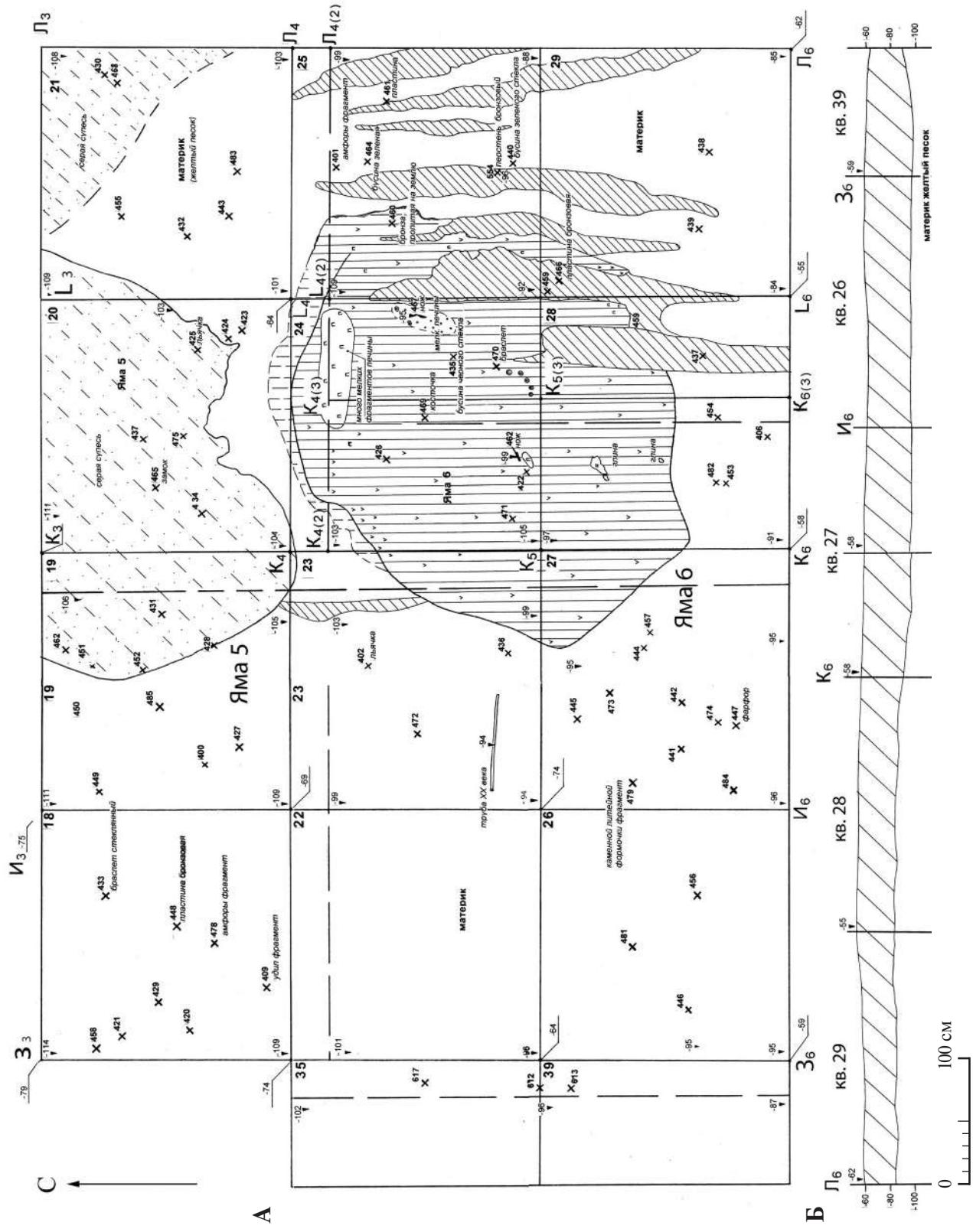

Рис. 116. Раскоп 2. Центральная часть. А — план зачистки материка (пласти I) на уровне -90 см в районе ямы б и на уровне -100 см в районе ямы 5; Б — профиль южной стены раскопа по линии Л6—36

Из женских украшений встречены шесть фрагментов стеклянных браслетов (рис. 132 Б): витые (из черного и бурого стекла) и гладкие (из черного стекла с отдельными желтыми пятнами, зеленого и бутылочного стекла с перевитием из желтого стекла). Встречена серия стеклянных навитых бус: из черного и зеленого матового стекла (рис. 132 Б: 435, 440, 464), а также шаровидная бусина желтого стекла (рис. 132 Б: 548).

Среди находок из цветного металла наиболее интересна *шумящая подвеска с изображением птицы из биллона*. Она принадлежит к группе 1 и типу III по Е. Я. Рябинину³ (рис. 133 Б: 558). Найдена также шумящая привеска к подвеске группы VI типа XIX⁴ (рис. 133 Б: 592). Обе они датируются XII–XIII вв.⁵ Предметы из бронзы представлены бубенчиком с одной прорезью, оковкой деревянного предмета (рис. 133 Б: 598, 617), петлей для подвешивания к поясу (рис. 133 Б: 485) и пластинами.

Среди инвентаря, выполненного из железа, можно отметить оковку круглого предмета (рис. 135: 445), фрагмент удил (рис. 135: 409), ножи (рис. 135: 444, 467, 468), скобу (рис. 135: 443), иглу и крюк (рис. 135: 613, 463) и др.⁶

В восточной части раскопа 2 в зачистке материала открылись ямы 5 и 6 (рис. 76, 116).

Раскопки ямы 6

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ РАБОТ И ИХ МЕТОДИКА. После зачистки 2 пласта на уровне -90 см, когда определились границы ямы, в меридиональном направлении была заложена дополнительная бровка (рис. 116–118) с тем, чтобы получить разрез ямы 6 по ее центральной части. В связи с наличием трех бровок раскопки велись двумя участками: западным (западная половина кв. 24 и кв. 23) и восточным (восточная половина кв. 24 и кв. 25). Кроме того, северная часть ямы исследовалась в кв. 20, 21, а южная – в кв. 27 и кв. 28. Находки фиксировались по пластам с точным изображением в плане и обязательной нивелировкой, что позволило связывать их с конкретными слоями. Что касается керамики, то она бралась по пластам, которые затрагивали в ряде случаев несколько слоев.

³ Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV в. // Свод археологических источников. Е1–60. Л.: Наука, 1981. С. 101. Табл. IV, № 2.

⁴ Там же. С. 117, табл. XX.

⁵ Там же. С. 13.

⁶ Гвозди (№№ 426, 430, 436, 438, 447, 456, 458, 459, 481, 483), в том числе миниатюрные (№№ 437, 451, 453), пробои (№№ 434, 439, 449), пластина (№№ 422, 462), полосы (№№ 441, 446, 454), проволока (№№ 424, 427).

После выборки ямы по указанным участкам и снятия профилей бровок (рис. 117 В) была разобрана дополнительная бровка север–юг. Культурный слой из постройки 6, как и из всех других ям, просеивался через мелкозернистое сито, что позволяло извлекать находки мелких фракций.

После завершения раскопок коллекции керамики, полученные с каждого конкретного пласта и квадрата, были зашифрованы: им присвоены номера, по которым можно определить их принадлежность тому или иному пласту и квадрату. Затем эти коллекции были систематизированы с учетом групп слоев: 1) серая и черная гумусированные супеси, 2) верхний грязный песок, 3) нижний грязный песок.

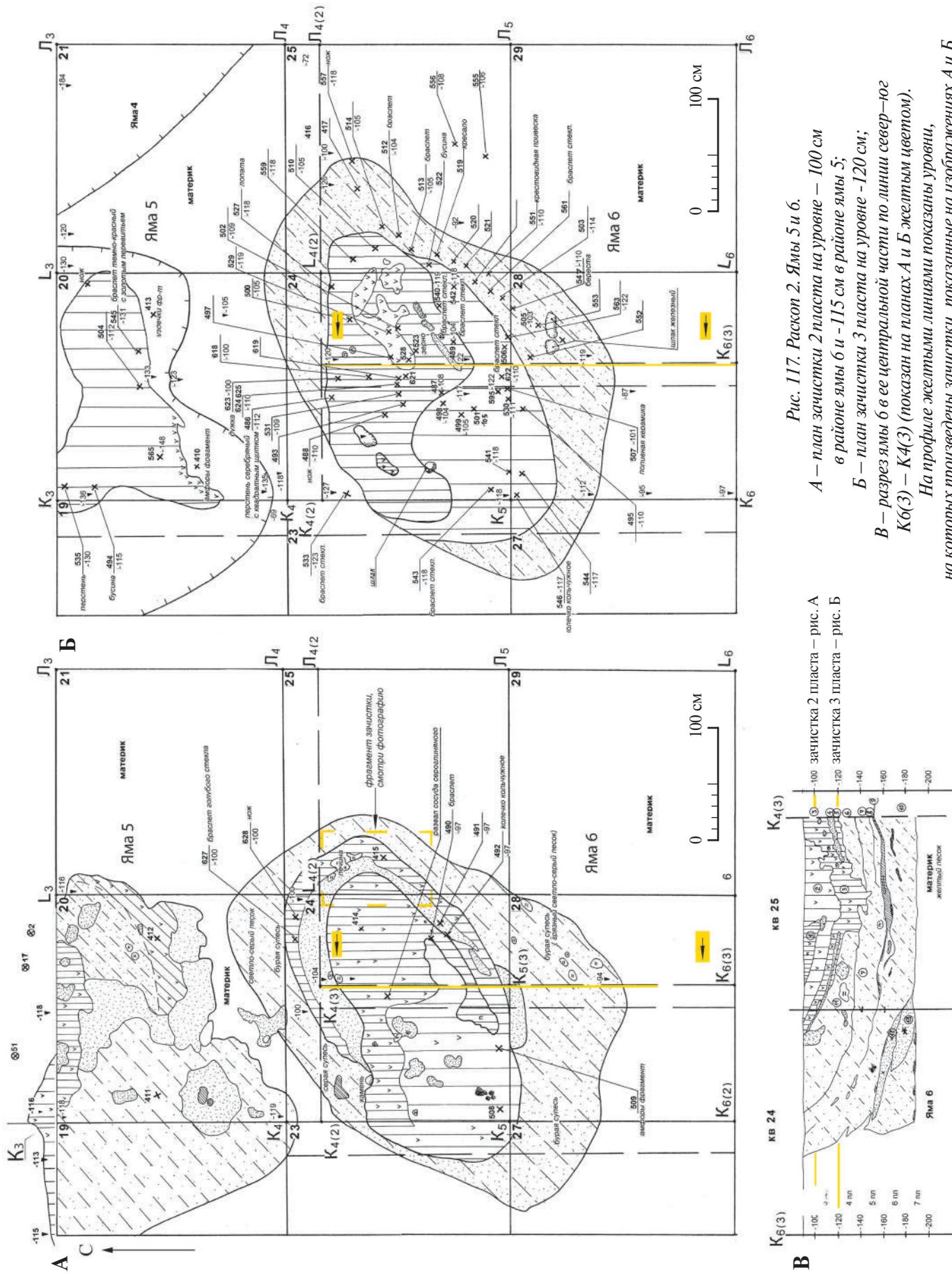
После предварительных замечаний обратимся непосредственно к описанию хода раскопок и полученных материалов.

В зачистке материала (1 пласт) яма имела округлую форму и размеры 3,9×3,7 м (рис. 116). Во 2-м пласте (-90 – -100 см) разбирался слой темно-серой, переходящей в черную интенсивно гумусированной супеси, которая была богата находками. Среди украшений можно назвать четыре фрагмента стеклянных браслетов: витого из черного и желтого стекла, гладкого из темно-зеленого непрозрачного стекла с золотым перевитием и гладкого из голубого прозрачного стекла (рис. 132: 490, 491, 627). Встречена навитая ягодовидная бусина из зеленого стекла (рис. 132: 522) и половина бронзового пластинчатого перстня (рис. 133 А: 554).

Предметов вооружения практически нет, за исключением кольчужного колечка (рис. 133 А: 492). О нерядовом характере инвентаря наиболее красноречиво говорит крупный фрагмент верхней части амфоры с горизонтальным орнаментом (рис. 136: 509). Предметы из железа многочисленны. Это нож (рис. 134: 628), кресало (рис. 134: 519), полосы (№№ 414, 415, 520) и поковки (№№ 471, 472, 521). При разборке бровки север–юг в слое 3 найден развал сероглинняного горшка, который собрался до целой формы.

После выборки слоя черной супеси (2-й пласт -90 – -100 см) в зачистке 2-го пласта (на отметке -100 см – план на рис. 117 А, фотографии на рис. 118, 119) размеры ямы составили 3,9×2,6 м. Она представляла собой овал с подпрямоугольными углами.

Под черной супесью открылись две структуры. Первая из них представляла собой слой грязного песка на периферии ямы. Вторая (в центре ямы) – следы просевших в яму остатков наземной части сооружения. Эта последняя структура состояла из двух прослоек шириной в среднем по 20 см: нижней черной супеси (слой 3) и прослойки серого грязного песка (слой 5). Между ними просматривались вкрапления обожженной глины (слой 4 – фото на рис. 119).

Эта структура, как и первая, имела подпрямоугольную форму, ориентирована по линии ЮЗ–СВ и размеры $2,4 \times 1,6$ м. Далее в направлении к периферии ямы в зачистке читались слои темно-серой гумусированной супеси (слой 11), среднего грязного песка (слой 7) и нижнего грязного песка (слой 10).

В толще 3-го пласта (-100 – -120) (рис. 117 Б) выклинились пятна верхней черной супеси (слой 2) и темно-серой супеси (слой 3). Затем разбиралась пачка слоев, описанных в зачистке 2-го пласта (слои 3, 4, 5). Именно из этих насыщенных углем и печиной прослоек, мощность которых составляла в среднем по 5 см, и происходит огромное число находок, зафиксированных в этом пласте. Как видно на плане, находки практически не выходят за контур очерченной выше подпрямоугольной структуры (слои 3, 4, 5) (рис. 117 Б).

Всего из 3-го пласта происходит 53 находки. Обратимся к их описанию.

Найдены из цветных металлов. Из серебра изготовлен перстень с квадратным щитком, украшенный черневой инкрустацией (рис. 133: 486). Эта находка характеризует достаточно высокий статус населявших усадьбу людей. Из бронзы изготовлена проволока (рис. 133: 553).

Найдены из стекла включают бусы, браслеты и перстни. Бусы представлены двумя экземплярами. Это навитая зонная бусина голубого стекла (рис. 132 А: 530) и бисер из белого матового стекла (рис. 132 А: 556). Браслеты в основном гладкие: желтого с черными пятнами стекла, голубого, светло-бурого и черного стекла (рис. 132 А: 506, 510, 540, 542). Найдены также браслеты из зеленого непрозрачного (рис. 132 А: 512, 513) и бурого стекла (№ 550). Следует выделить фрагмент витого браслета из темно-зеленого стекла (рис. 132 А: 561). Имеются два фрагмента стеклянных гладких браслетов с расширением в средней части: из темно-зеленого и темно-коричневого стекла (рис. 132 А: 500, 533).

Найдены из керамики и камня. Среди привозных вещей следует выделить редкую находку *поливной керамики* (толщина около 1 см) (рис. 136: 507) и шиферное пряслице (рис. 136: 487). Можно упомянуть также точильный камень, использовавшийся для заточки игл (?) (рис. 136: 531).

Найдены из кости. Особый интерес представляют незавершенная крестовидная привеска или крест-тельник из кости (рис. 133: 551). Эта находка маркирует уже известную нам по раскопкам ямы 2 деятельность костореза.

Найдены из железа. Следует выделить находку еще двух кольчужных колечек (рис. 133 А: 503, 546; № 492 – найдена во 2-м пласте). Забегая вперед, скажем, что в яме 6 почти нет предметов вооружения, но эта находка ясно показывает, что на усадьбе присутствовали воины.

Рис. 118. Раскоп 2. Яма 6. Зачистка 2 пласти (-100 см).
Вид с юго-запада

Из сельскохозяйственного инвентаря интерес представляет фрагмент оковки лопаты (рис. 134: 528), а из инструментов – большое (11 см) и маленькое (7 см) долота (рис. 134: 595, 622). Их аналог – долото с сохранившимся деревянным стержнем – происходит из Новгорода⁷. Прочий инвентарь из железа представлен иглами (рис. 134: 501, 532, 541, 619), ножами (рис. 134: 488, 498, 557), гвоздями (№№ 416, 505) и другими предметами⁸.

Несмотря на просеивание культурного слоя сквозь сито, найдено лишь одно зерно (№ 523), фрагменты обработанной по краю бересты (рис. 136: 547, 625) и косточка (№ 555).

⁷ Сингх В. К. Деревообработка средневекового Новгорода // Археология Пскова и Псковской земли. Вып. 30. Псков, 2015. С. 204. Рис. 2: 4.

⁸ Пластиной (417), кольцом с заходящими концами (№ 489), скобой (№ 493), пробоями (№№ 496, 514, 544), стержнем (№ 497), дужкой (№ 623), фрагментом пружины (№ 624), полосами (№№ 502, 528), стержнем (№ 529), поковкой (№ 621).

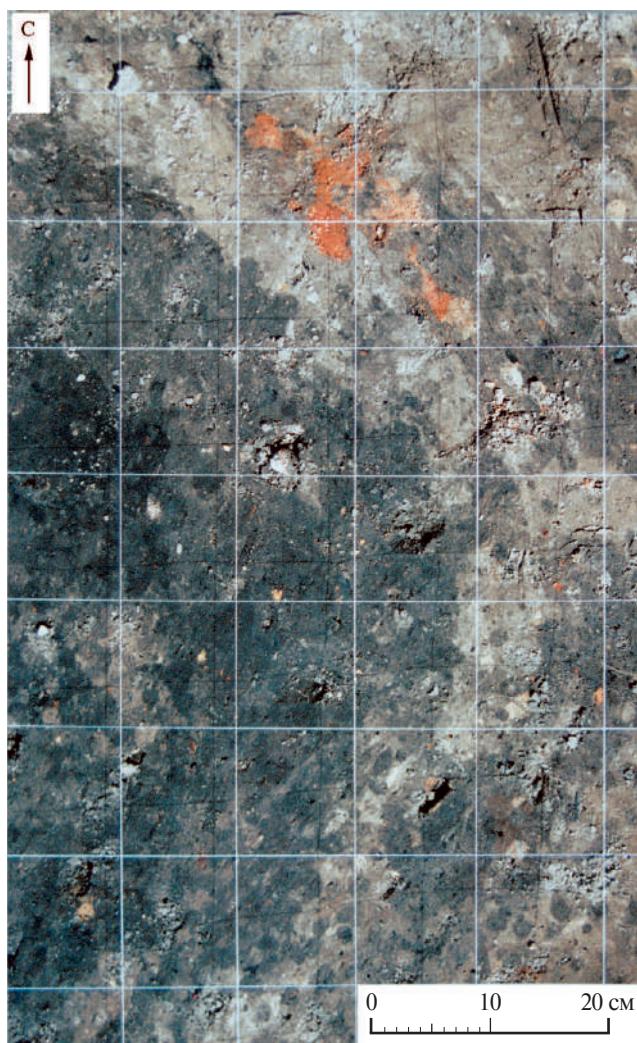

Рис. 119. Раскоп 2. Яма 6. Зачистка 2 пласта (-100 см).

Фрагмент 1 зачистки крупным планом в восточной части кв. 24 и 25 (местоположение см. на рис. 117 А).

На снимке видны слои 5 (серый грязный песок), прослойка материкового белого песка и слой 3 (черная супесь), которые образуют структуру подпрямоугольной формы

Керамика из двух верхних слоев гумусированных супесей, серой супеси (слои 1–3), а также из слоев 4–6 (пласты 1–4) в сумме составляет 2825 фрагментов. Распределение по типам следующее: курганной посуды – 9,7% серой – 59%, красноглиняной грубой – 4,8% и неопределенной керамики, которая относится к этим типам – 26,5%. Если не принимать в расчет последнюю, соотношение будет несколько иным: 13% / 80% / 7%, а если учитывать только венчики: 12,5% / 87,5% / 0%. Подобное соотношение керамики нетипично для раннего этапа жизни усадьбы и позволяет датировать яму 6 в пределах середины XIII – начала XIV в. Обилие стеклянных браслетов,

пик распространения которых приходится на период 1230–1270-х гг., этому выводу не противоречит.

В зачистке пласта 3 (-120 см) (рис. 117 Б) общие размеры ямы составили 3,8×2,5 м. Пачка слоев, отражающих следы сооружения, провалившегося после пожара в погреб (слои 3–5), фиксируется на отметке -120 в виде пятна подпрямоугольной формы размерами 1,8×1,2 м, которое сместилось к северо-востоку. Периферия ямы была представлена теперь слоями верхнего грязного песка (слои 6 и 7) и нижнего грязного песка (слой 10).

В 4-м пласте (-120 – -140) продолжалась разборка пачки слоев, отражающей следы сооружения, просевшего после пожара в погреб. Эти слои, как уже отмечалось, были богаты находками. Наиболее яркие из них – маленький серебряный крест-тельник с тремя шариками на концах средокрестия (рис. 133 А: 607) и фрагмент сосуда из прозрачного желтого стекла (рис. 132: 608). К предметам христианского культа относится каменный крест-тельник (рис. 133 А: 614).

Найдена серия фрагментов стеклянных браслетов: три гладких – из черного стекла с желтыми пятнами (рис. 132: 600 – возможно, часть уже описанного браслета № 615), из непрозрачного стекла (рис. 132: 601) и черного стекла с золотым перевитием (рис. 132: 603). Наиболее крупный и тщательно выполненный браслет – витой из темно-зеленого стекла (рис. 132: 610).

Инвентарь из железа пополнился ножом (рис. 134: 575), гвоздями (№№ 418, 419), в том числе миниатюрными (№ 626), полосой с заклепкой (№ 526), проколкой (№ 604) и пробоями (№№ 605, 611). Можно отметить два фрагмента проволоки из бильона (рис. 133 А: 584).

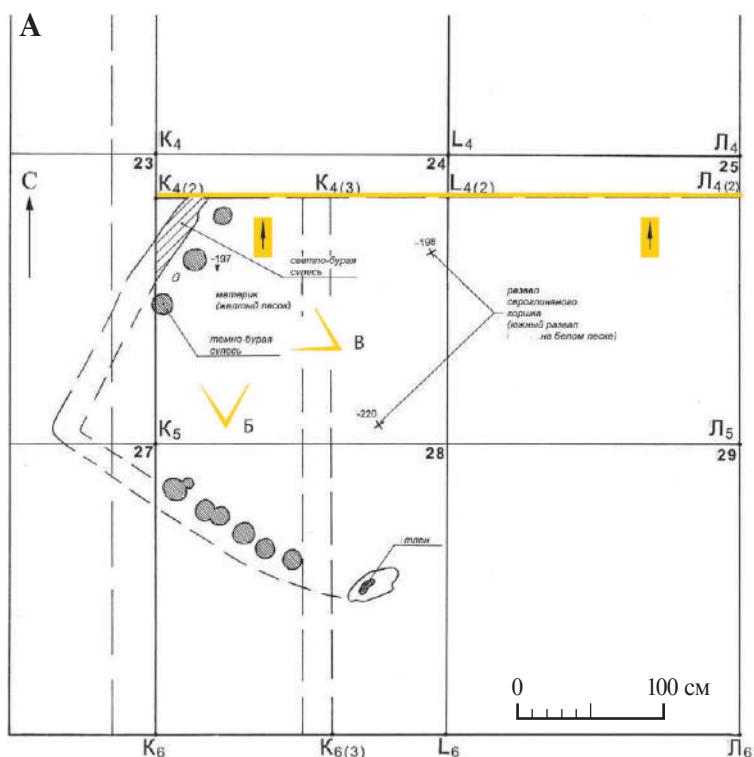
В зачистке 4-го пласта (-140 см) (рис. 120 А) общие размеры ямы сократились до 3,5×2,7 м, а гумусированные слои фиксировались лишь в западной ее части (2,6×1,2 м).

5-й пласт (-140 – -160) был уже почти исключительно сложен верхним и нижним грязным песком (слои 6–8), в котором не было сделано ни одной находки (номера слоев см. на рис. 117 В).

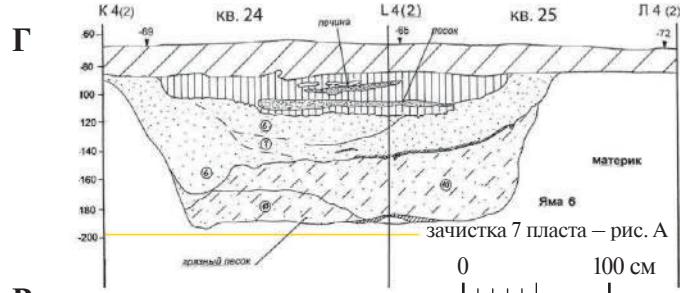
Керамика из верхнего грязного песка (слои 6–8) и слоя 9 представлена всего 200 фрагментами. Соотношение курганной древнерусской посуды, постдревнерусской серой посуды, красноглиняной грубой и неопределенной керамики составляет 11% / 85% / 0,5% / 3,5 %. Без учета неопределенной керамики соотношение равно 11,5 / 88% / 0,5%, а на основании лишь венчиков – 18% / 82% / 0%. Так или иначе, 80% керамики принадлежит серой посуде, что напоминает комплекс из сруба 1 Исторического проезда в Москве (порубочные даты 1248 и 1251 гг.), который датируется второй половиной XIII в.⁹

⁹ Московская керамика. Новые данные о хронологии. М., 1991. С. 22–23.

Рис. 121. Раскоп 2. Дно ямы 6.
А – план зачистки 7 пласта на уровне -200 см;
Б – следы столбовой конструкции,
ориентированной по линии СВ–ЮЗ,
в зачистке на уровне -200 см
в северо-западном углу квадрата 24,
вид сверху, север в верхней части снимка;
на снимке видно, что между стенкой
котлована постройки (материковые песчаные
прослойки) в верхнем левом углу кадра
и столбовой конструкцией виден слой
кремовой супеси – остатки горизонтальных
плах, заложенных между столбами
и краем котлована;
В – та же конструкция, вид с юго-востока;
на заднем плане – естественные песчаные
отложения, образующие стенку котлована
древней постройки, по бокам от них – бровки.
Точки фотосъемки показаны на плане А;
Г – разрез ямы 6 по линии запад–восток
(К4(2)–Л4(2)), показанный на плане А
желтым цветом

В зачистке пласта 5 (-160 см) (рис. 120 Б) пятно, отражающее яму 6, сократилось и приобрело более отчетливо выраженную подпрямоугольную форму ($3,35 \times 2,7$ м). Прослежено пятно гумусированной супеси (слой 9) ($1,6 \times 1$ м). Остальная часть ямы заполнена нижним грязным песком (слой 10), который подстилает слой 9. По контуру между ним и краем ямы прослеживается желтый аморфный речной песок. Окружающий материк представлен желтым речным песком, который имеет характерную слоистость.

В 6 пласте (-160 – -180), в слое нижнего грязного песка на отметке -175 см, были найдены два фрагмента стеклянных гладких браслетов: черного стекла с желтыми пятнами и зеленого бутылочного стекла (рис. 132: 615, 616). В 7-м пласте (-180 – -200) разбирался слой нижнего грязного песка, а на периферии – желтого песка. На самом дне ямы было най-

дено два развала горшков. Они собрались в один сероглинняный горшок. Статистика керамики дает 80% серой посуде.

КОНСТРУКЦИЯ В ОСНОВАНИИ ЯМЫ (рис. 121). В зачистке, проведенной на отметках -198 – -200 см, выявились следы столбовых конструкций. Они состояли из двух элементов: ямок от столбов диаметром 10–15 см, заполненных кремовой супесью, и полосы кремовой супеси снаружи от столбовых ямок. Прослежено два ряда ямок (в кв. 24 и 28) – они маркируют линии перпендикулярных друг к другу стенок ямы. Можно заключить, что после откопки котлована, представлявшего собой в плане квадрат (примерно $2,7 \times 2,7$ м), на расстоянии 20 см от его краев, через 10 см, были вбиты колья диаметром 10–15 см. Затем между ними и краем котлована были уложены горизонтально тонкие бревна.

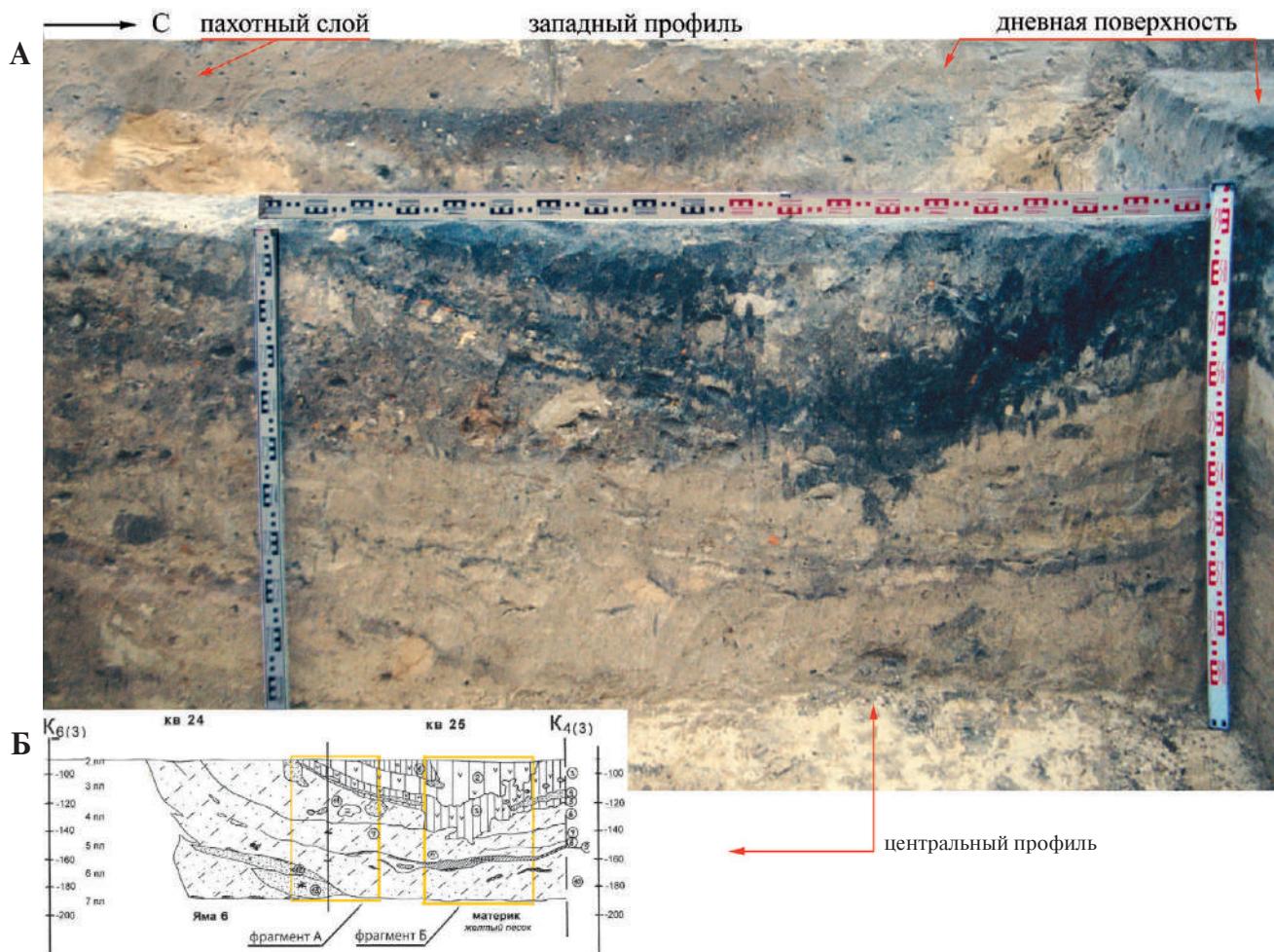

Рис. 122. Раскоп 2. Разрез ямы 6 – центральный профиль по линии север–юг K6(3)–K4(3), вид с востока.

А – фотография центрального разреза, на дальнем плане – западный разрез ямы по линии K6–K3;

Б – чертеж центрального разреза; желтым цветом показаны фрагменты 1 и 2,

фотографии которых приведены на рис. 123 и 124

Рис. 123. Раскоп 2. Разрез ямы 6 – центральный профиль по линии север–юг К6(3)–К4(3), вид с востока. Фрагмент 1

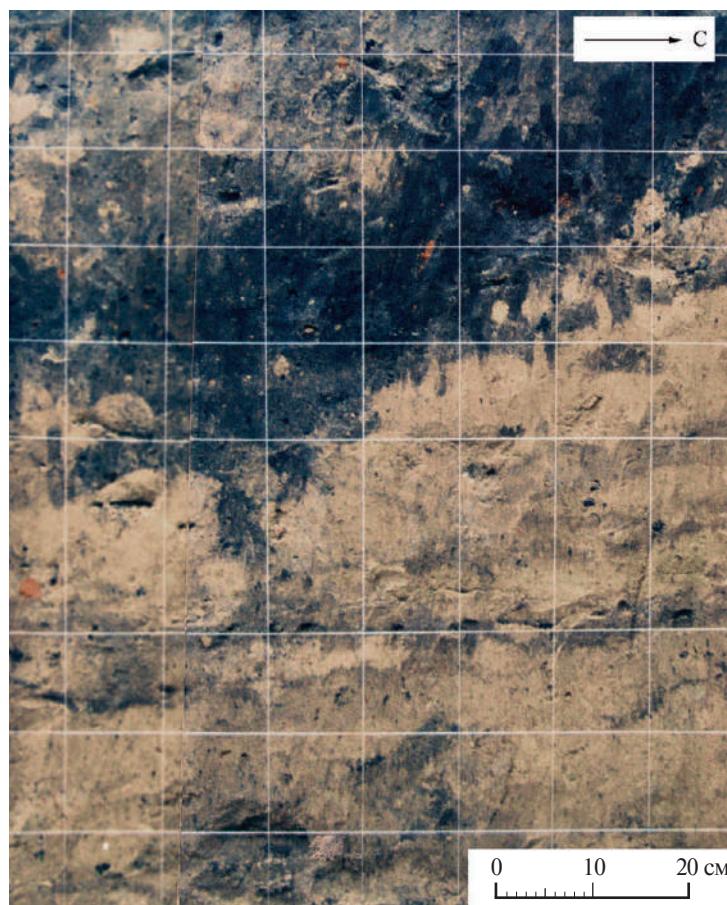

Рис. 124. Раскоп 2. Разрез ямы 6 – центральный профиль по линии север–юг К6(3)–К4(3), вид с востока. Фрагмент 2

Общая глубина котлована от уровня материка составляла 110 см. Следовательно, его можно интерпретировать как глубокое подполье наземной постройки.

РАЗРЕЗЫ ЯМЫ 6. Наиболее полное представление о стратиграфии этого сооружения дала бровка, ориентированная по линии север–юг, заложенная в центральной части ямы 6 (рис. 117 В). Верхняя часть заполнения состояла из верхней черной супеси (слой 1), темно-серой супеси (слой 2) и нижней черной супеси (слой 3). Их подстилала пачка слоев, включающих в себя прослойку скоплений обожженной глины (слой 4), прослойку песка и гумусированной супеси (слой 5). Далее в южной части ямы прослеживался коричневый слой 11 – темно-серая гумусированная супесь с печиной и углами. Средняя часть заполнения представлена слоями верхнего грязного песка: светло-серый, серый и желтый пески (слои 6, 7, 8). Их подстилает темная прослойка гумусированной супеси (слой 9). Нижняя часть заполнения включает нижний грязный песок (слой 10), прослойку кремового песка (слой 12) и желтого чистого песка (слой 13).

В разрезе западного края ямы 6 по линии север–юг ярко представлен слой 9, отражающий среднюю часть заполнения (рис. 120 В). Нижняя часть заполнения представлена слоем 10. Особенno ценным является отражение в виде слоя 12 (кремовой супеси) следов деревянных конструкций, которые описаны выше.

Завершая описание ямы 6, следует отметить, что в ее заполнении было найдено значительное количество костных остатков (335 фрагментов кости, из которых 28% определены). Большая часть кухонных остатков принадлежит домашнему скоту: свинье, козе и корове. В небольшом количестве присутствуют кости взрослой лошади и жеребят¹⁰.

Раскопки ямы 6 существенно дополняют наши представления о втором этапе жизни усадьбы А, который пришелся на вторую – третью четверти XIII в.

¹⁰ Дмитриева Е.Л. Заключение по костным остаткам раскопа 2 на селище Могутово-2 // Чернов С. З. Отчет о раскопках на селище Могутово-2 на участке обнаружения сфрагистического комплекса в Щелковском районе Московской области в 2003 году // Архив ИА РАН. Р-1. №31658. С. 21–28.

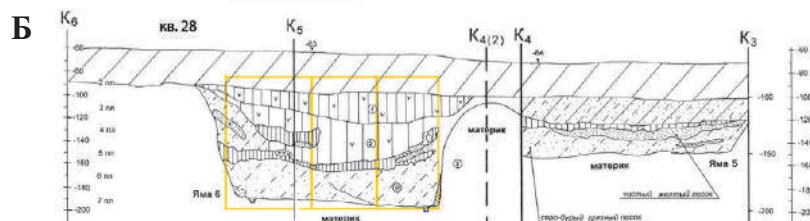

Рис. 125. Разрез ямы б в ее западной части по линии север–юг (К6–К3), вид с востока.

А – фотография; Б – чертеж с показом местоположения фрагментов 1, 2, 3, приведенных на фотографиях 126–128

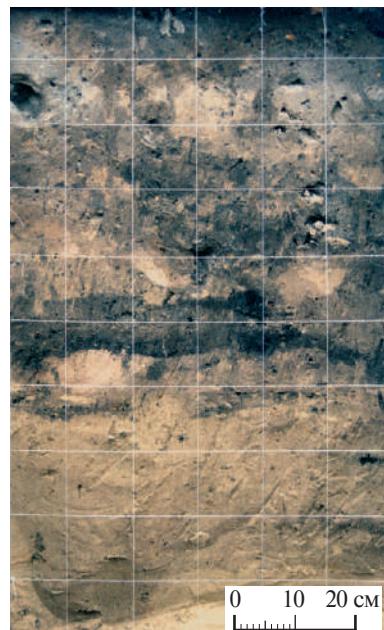

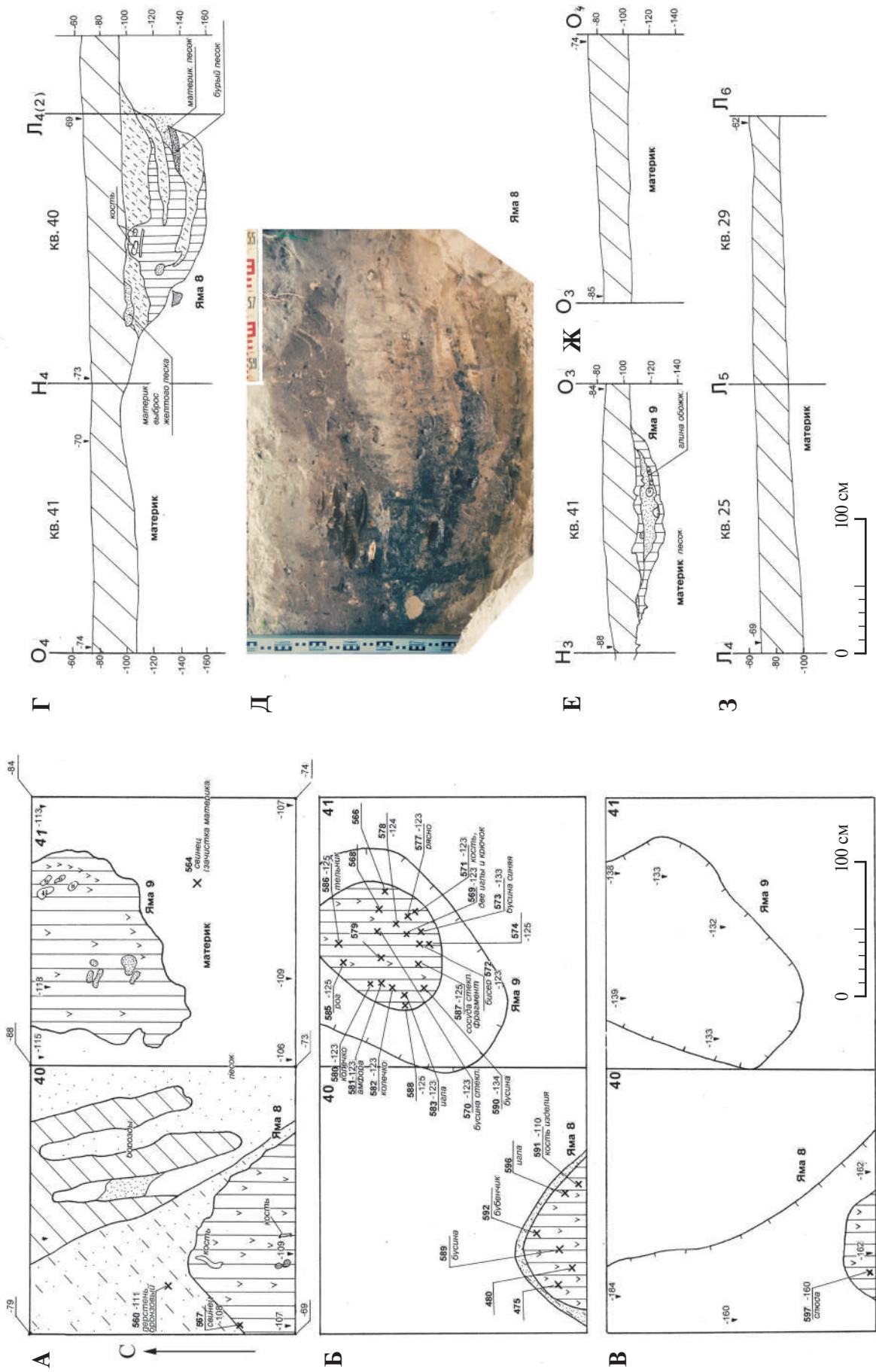
Рис. 126. Разрез ямы б в ее западной части по линии север–юг (К6–К3), вид с запада. Фрагмент 1

Рис. 127. Разрез ямы б в ее западной части по линии север–юг (К6–К3), вид с запада. Фрагмент 2

Рис. 128. Разрез ямы б в ее западной части по линии север–юг (К6–К3), вид с запада. Фрагмент 3

Рис. 129. Ракон 2. Восточная часть раскопа (ямы 8 и 9).

A — план зачистки материка (пластина) на уклоне -110 см; B — план зачистки заполнения ям 8 и 9 на уклоне -130 см.

Γ — матрица, зависящая от параметров α , β , γ и δ .

На это указывает обилие стеклянных браслетов, пик распространения которых приходится на 1230–1270-е гг., и доминирование серой керамики, характерное для закрытых комплексов типа сруба 1 *Исторического проезда* в Москве (порубочные даты 1248 и 1251 гг.).

По облику материальной культуры сооружение, маркируемое ямой 6, напоминает ранее исследованное хоромное строение (яма 2 и верхний слой ямы 1). О присутствии нерядового населения свидетельствуют находки перстня с инкрустацией чернью, импортов (амфоры, поливная керамика, фрагмент стеклянного сосуда), разнообразных предметов личного благочестия (серебряный и каменный кресты-тельники). О присутствии воинского контингента говорят находки кольчужных колечек. Нахodka незавершенного креста-тельника из кости свидетельствует о том, что жители усадьбы занимались косторезным делом, о котором мы уже знали по раскопкам ямы 2. Кроме того, практиковалось литье изделий из цветных металлов.

Другие сооружения раскопа 2

Обратимся теперь к описанию других сооружений, изученных в раскопе 2.

РАСКОПКИ ЯМЫ 5. Яма 5 ($2,4 \times 3,3$ м, глубина 45 см) выявлена в 30 см к северу от ямы 6, между нею и ямой 2. В зачистке 2-го пласта она фиксировалась как пятно темно-серой супеси с фрагментами материкового песка и черной супесью вдоль северного ее контура (рис. 117 А). В толще 3-го пласта эти прослойки были пройдены. В зачистке 3-го пласта (-130) (рис. 117 Б) площадь ямы резко сократилась и приобрела вид пятна серого грязного песка, которое было добрano в 5-м пласте. Дно ямы открылось на отметке -155 см.

Разрез ямы (рис. 120 В: по линии К4–К3) показал, что верхнюю часть заполнения составляла серая супесь. На отметках -120 – -128 см почти горизонтально залегала прослойка черной супеси с углами. Ее подстилала прослойка материкового выброса (желтый песок). Ниже залегали последовательно слои серо-бурого грязного песка, прослойка светло-желтого песка (материковый выброс) и вновь серо-бурого грязного песка. Дно ямы прослеживалось на отметках -150 см и имело ровную поверхность.

Общее количество керамики, происходящей из ямы 5, составляет 522 фрагмента. Соотношение курганной, серой керамики и посуды, которая может принадлежать к обоим этим типам, составляет 66,3% / 24,7% / 8,8%. При учете лишь венчиков соотношение равняется 79% / 21%. Украшения представлены фрагментом бочонковидной бусины из коричневого

и белого стекла (рис. 138: 494), пластинчатым перстнем с орнаментом, нанесенным точками (рис. 138: 535), и гладким браслетом из коричневого стекла с золотым перевитием (рис. 132: 545). Встречены фрагмент амфоры (рис. 138: 410), донце горшка с клеймом в виде двух окружностей (рис. 138: 411), железное изделие с петлей (рис. 138: 413), нож (рис. 138: 404), гвозди. Судя по описанному выше профилю, ямы 5 и 6, по-видимому, синхронны.

ЯМЫ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ РАСКОПА 2 дают представление о застройке, существовавшей между хоромным строением (ямы 1 и 2) и западным углом усадьбы А.

После зачистки материка в западной части раскопа открылось пять ям: 10, 14, 15, 16 и 26, которые не были затронуты перекопом ХХ в. (рис. 130 А). Ямы 10 (более 1 × более 0,6 м) и 16 (1,6 × более 0,7 м) вошли в раскоп частично. Первая из них заполнена гумусированной супесью, вторая – грязным песком с фрагментами печины. Глубина ям соответственно 45 и 30 см (рис. 130 А, Г, Д, Е).

Яма 15, выявленная целиком ($2,9 \times 1,1$ м), была заполнена темно-серой гумусированной супесью и имела глубину 35 см. Яма 26 попала в раскоп частично и будет описана в следующей главе (рис. 130).

Наиболее информативна яма 14 ($1,5 \times 1,3$ м, глубина 60 см). Очертания ямы округлые, заполнение – темно-серая с коричневым оттенком гумусированная плотная супесь с небольшим количеством мелкого угля. По мере выборки пластов 2–5 контуры ямы сужались (рис. 131 А, Б, В, Г).

В 3-м пласте на отметке -110 см встречены крестовидная привеска из камня, обломленная в основании, и витой бронзовый перстень (рис. 133 В: 534, 562). В 4-м пласте на отметке -121 см найден фрагмент бочонковидной стеклянной бусины из черного стекла, покрытой листом красного и накладными нитями белого стекла (рис. 133 В: 602). На дне ямы на отметке -152 см зафиксирован фрагмент гладкого стеклянного браслета золото-кофейного цвета (рис. 133 В: 606).

Из ямы 14 происходит значительная керамическая коллекция (609 фрагментов). Если исключить из рассмотрения 2,7% белоглиняной и красноглиняной гладкой посуды, которая происходит из кротовин, курганная, серая и красноглиняная грубая посуда находится в соотношении 18,5% / 50,4% / 22,8% при 8,4% неопределенных. Если использовать в расчетах только венчики (их 46), то соотношение преобразуется в 20% / 55% / 25 %. Отсутствие в заполнении узко датируемых вещей не дает возможность проверить выводы, полученные по керамическому материалу, тем не менее яму 14 следует относить ко второму периоду жизни усадьбы (XIII в.). Этот вывод в дальнейшем будет сопоставлен с радиоуглеродными датами, полученными по углю из этой ямы.

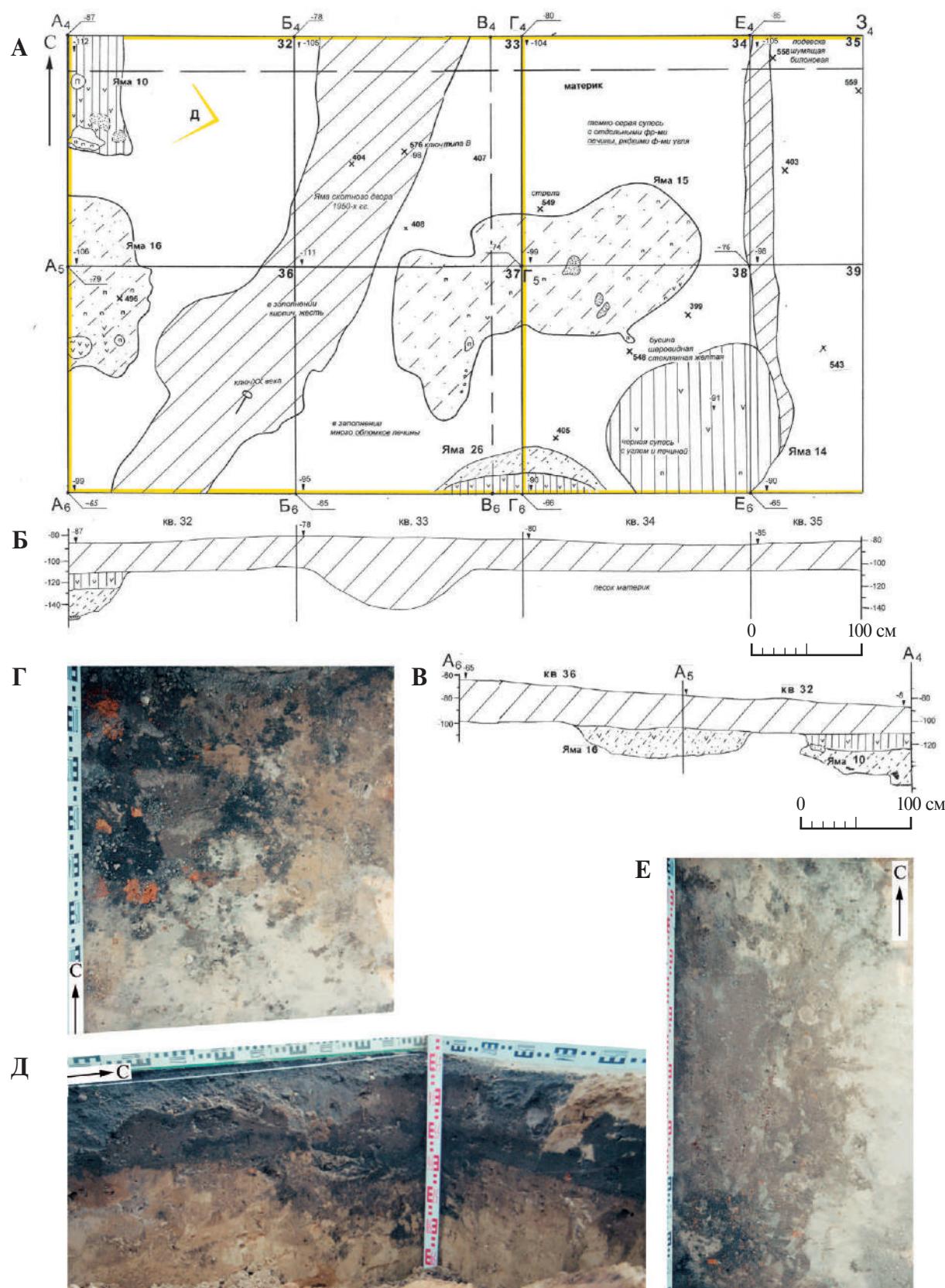

Рис. 130. Раскоп 2. Западная часть. А – зачистка материка (пласт I) на уровне -90 – -100 см; Б – профиль северной стенки раскопа по линии А4–34; В – профиль западной стенки раскопа по линии А6–А4; Г – яма 10 в зачистке материка; Д – яма 10 в материке, вид с юго-востока на профили при соединении западной и северной стенок раскопа; Е – яма 16 в зачистке материка (точку съемки см. на плане А)

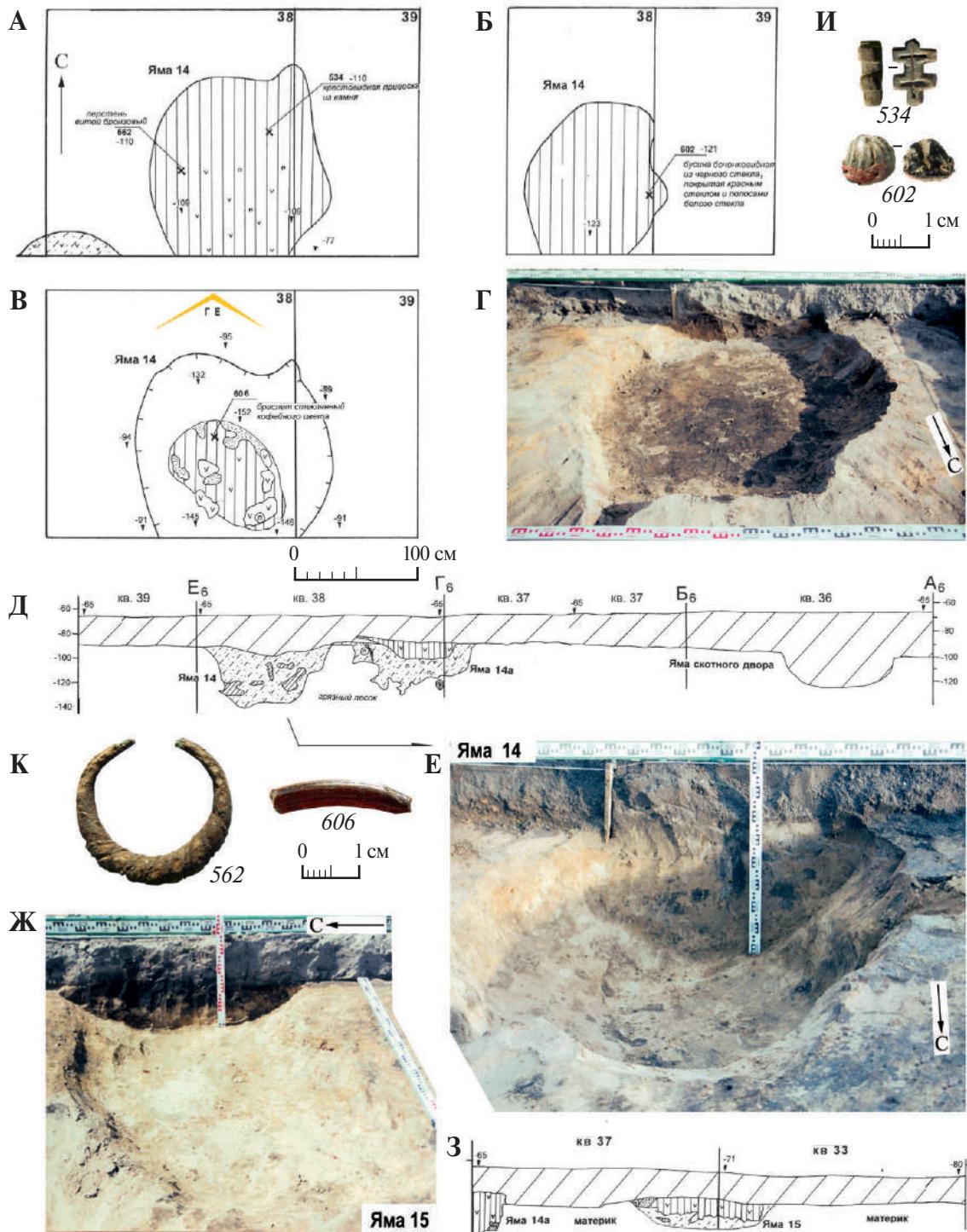
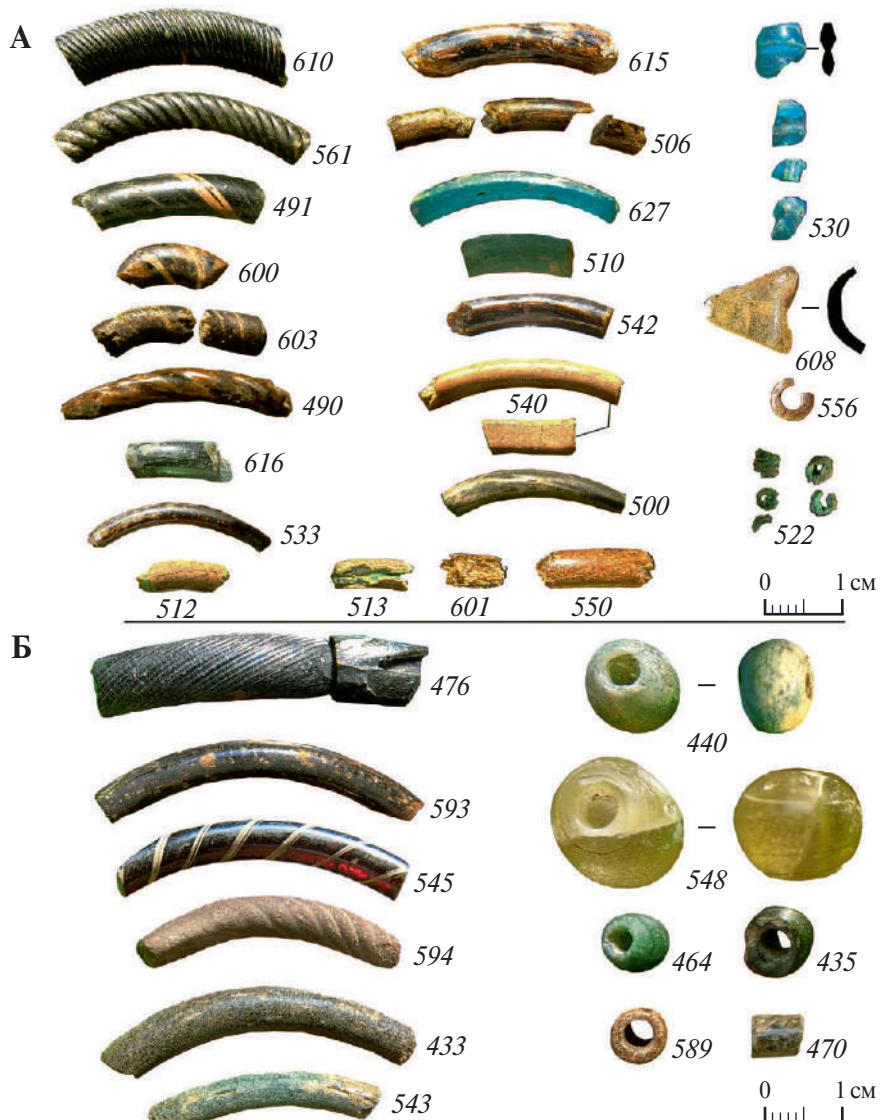

Рис. 131. Раскоп 2. Западная часть. А – яма 14, план зачистки заполнения на уровне 2-го пласта (110 см). Б – яма 14, план зачистки заполнения на уровне 3-го пласта (-120 см). В – яма 14, план зачистки заполнения на уровне 4-го пласта (-140 см). Г – яма 14 на уровне зачистки 2-го пласта (-110 см), вид с севера. Д – профиль южной стенки раскопа 2 по линии Е6–А6 (см. на рис. 130 А). Е – яма 14 в материке, вид с севера, и ее разрез в южной стенке раскопа (см. профиль Д). Ж – яма 15 в материке, вид с запада, на заднем плане – разрез ямы (см. профиль З). З – профиль бровки север–юг по линии Г6–Г4, вид с востока (см. на рис. 130 А). И, К – находки из ямы 14: 534 – крестовидная привеска из камня с двумя перекрестьями и утраченной верхней частью (ушком для подвешивания); 562 – перстень витой бронзовый литой с имитацией металлической кручёной нити; 602 – бусина бочонковидная из чёрного стекла, покрытая полосой из красного стекла с нитями белого стекла, фрагмент; 606 – браслет стеклянный гладкий коричневого (бутилочного) стекла, фрагмент

Рис. 132. Раскоп 2. Предметы из стекла из ямы б и верхнего слоя.

А – находки из ямы б. Стеклянные браслеты: 610 – массивный витой, темно-зеленого стекла; 561 – витой, темно-зеленого стекла; 491 – гладкий, темно-зеленого полупрозрачного стекла с перевитием из желтого стекла; 600 – гладкий, черного стекла с перевитием золотистого стекла; 603 – гладкий, черного стекла с перевитием золотистого стекла; 490 – витой, из желтого и черного стекла, в виде чередующихся пятен; 616 – гладкий, зеленого прозрачного стекла; 533 – миниатюрный, темно-коричневого (бутылочного) стекла; 615 – витой, из желтого и черного стекла, в виде чередующихся пятен; 506 – гладкий, желтого и черного стекла; 627 – гладкий, голубого (цвета морской волны) стекла с уплощением; 510 – гладкий, зелено-голубого стекла; 542 – гладкий, темно-коричневого (бутылочного) стекла; 540 – гладкий, бурого непрозрачного стекла с уплощением, 500 – темно-зеленого стекла с уплощением; 512, 513 – гладкие браслеты из зеленого стекла, покрытые непрозрачной пленкой; 550, 601 – гладкие браслеты бурого стекла. Стеклянные бусы: 530 – бусины зонные, навитые, винтообразные, голубого стекла (цвета морской волны), 4 фрагмента; 608 – фрагмент стеклянного сосуда, желтого полупрозрачного стекла; 556 – бусина навитая, желтого непрозрачного стекла; 522 – 5 фрагментов бисера навитого, ягодовидного, зеленого стекла.

Б – находки из верхнего (пахотного) слоя. Стеклянные браслеты: 476 – мелкокрученый массивный, черного стекла с уплощением; 593 – гладкий, черного стекла с отдельными желтыми пятнами; 545 – гладкий, коричневого (бутылочного) полупрозрачного стекла с перевитием из желтого стекла; 594 – витой, непрозрачного бурого стекла; 433 – гладкий, бурого непрозрачного стекла; 543 – гладкий, зеленого непрозрачного стекла; 470 – гладкий, черного стекла с отдельными желтыми пятнами. Стеклянные бусы: 440 – зеленого матового стекла; 548 – бочонковидная, желтого полупрозрачного стекла; 464 – зонная, зеленого непрозрачного стекла; 435 – зонная, черного стекла; 589 – навитая, желтого непрозрачного стекла

Рис. 133. Раскоп 2. Предметы из цветных металлов и кольчужные кольца из ямы 6, ямы 14 и верхнего слоя.

А – находки из ямы 6: 486 – перстень серебряный с квадратным щитком, украшенный черневой инкрустацией; 607 – крест-тельник серебряный, с тремя шариками на концах; 551 – крест-тельник из легкого камня, полуфабрикат (не вырезаны верхняя часть креста и ушко для подвешивания); 614 – крест-тельник из мрамора, с обломанной верхней частью; 554 – перстня пластинчатого бронзового половина; 584 – обломки биллоновой сережки (?); 553 – проволока бронзовая; 492, 503, 546 – кольчужные колечки железные; 555 – косточка вишни (?).

Б – находки из верхнего (пахотного) слоя: 558 – зооморфная подвеска-амулет биллоновая с изображением птицы, 1 группы 3 типа, вариант 1а по Е. Я. Рябинину; 598 – бубенчик бронзовый с одной прорезью и шариком внутри; 592 – подвеска с бубенчиком бронзовая; 485 – петля для подвешивания инструмента на пояссе; 560 – перстня бронзового обломок с уплощением; 477 – колечка биллонового обломок; 612 – сережка (?) бронзовая в виде незамкнутого колечка; 617 – наперсток на мизинец бронзовый.

Предметы, связанные с обработкой цветных металлов: 448, 461, 466, 599 – пластинки бронзовые тонкие (толщиной около 1 мм); 564 – полуфабрикат из свинца толщиной 2 мм; 460 – фрагмент бронзы, пролитой на землю; 567 – свинцовый полуфабрикат квадратной формы толщиной 1–2 мм.

В – находки из ямы 14: 534 – крестовидная привеска из камня с двумя перекрестьями и утраченной верхней частью (ушком для подвешивания); 562 – перстень витой бронзовый литой с имитацией металлической крученою нити; 602 – бусина бочонковидная из черного стекла, покрытая полосой из красного стекла с нитями белого стекла, фрагмент; 606 – браслет стеклянный гладкий коричневого (бутилочного) стекла, фрагмент

Рис. 134. Раскоп 2. Предметы из железа из заполнения ямы б: орудия, инструменты, фурнитура для обустройства дома, бытовой инвентарь. Охотничий инвентарь: 549 — наконечник миниатюрной черешковой стрелы. Орудия и инструменты: 528 — лопаты обломок; 595, 622 — долото втульчатое (шиповое) и аналогия втульчатого долота с деревянной рукояткой из раскопок Новгорода (Синх В. К. Деревообработка средневекового Новгорода // Археология Пскова и Псковской земли. Вып. 30. Псков, 2015. С. 204, рис. 2: 4); 519 — кресало (?); 521 — инструмента обломок. Фурнитура для обустройства дома: 418, 419 — гвозди. Бытовой инвентарь: 488, 498, 575, 628 — ножи; 465 — фрагмент цилиндрического замка типа В с прорезью для вставки ключа снизу без щитков (вторая половина XII — начало XV в.); 576, 621 — ключи от цилиндрических замков типа В; 416 — подковный гвоздик; 626 — миниатюрный гвоздик; 632 — дужка

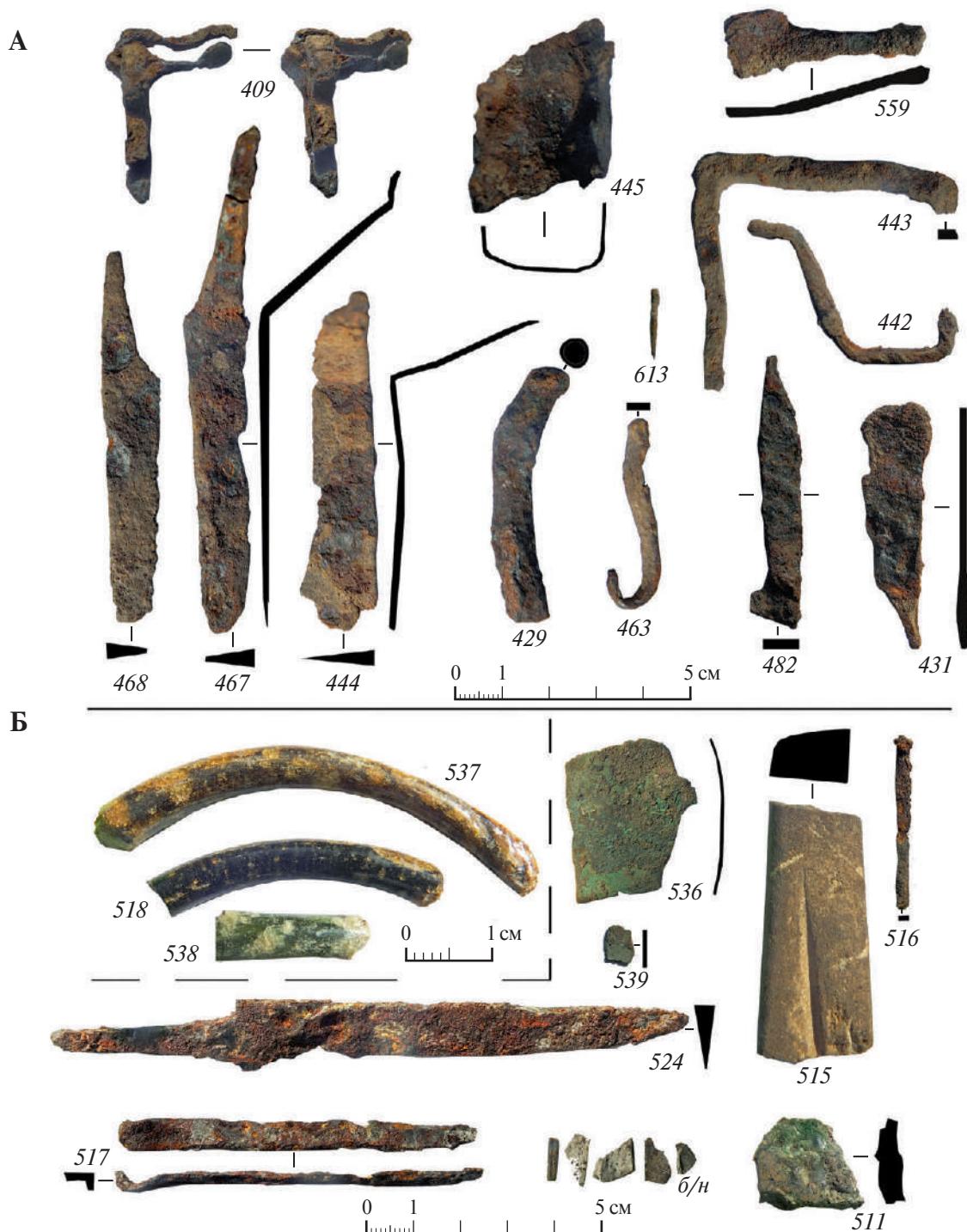

Рис. 135. Раскоп 2. А – предметы из железа из верхнего слоя. Орудия и инструменты: 445 – фрагмент оковки деревянного орудия; 431, 482, 559 – фрагменты инструментов неопознанного назначения.

Снаряжение всадника и коня: 409 – фрагмент удил. Орудие рыбной ловли: 463 – крючок.

Фурнитура для обустройства дома: 443 – скоба толщиной 2 мм; 442 – ключ от деревянного замка.

Бытовой инвентарь: 444, 467, 468 – ножи; 429 – кованый согнутый стержень, округлый в сечении.

Б – находки из ямы 7. Стеклянные браслеты: 537 – гладкий, черного и желтого стекла пятнами;

518 – гладкий, черного стекла; 538 – гладкий, зеленого полупрозрачного стекла.

Полуфабрикаты из бронзы: 536, 539 – пластинки.

Изделия из железа: 524 – нож; 517 – ключ от цилиндрического замка типа В; 516 – проколка (?).

Изделие из камня: 515 – оселок для заточки тонких предметов (игл?).

Изделие, связанное с литьем цветных металлов: 511 – фрагмент тигеля

Рис. 136. Раскоп 2. Предметы из керамики, камня и органических материалов из ямы б и верхнего пахотного слоя.

А – находки из ямы б. Находки из органических материалов: 547 – фрагмент верхнего слоя бересты; 625 – фрагмент нижнего слоя бересты; 508 и б/н 2 (пл. 2, кв. 25) – кальцинированные кости.

Предметы из камня: 487 – прядильце шиферное из овручского пирофиллита; 531 – оселок со следами затачивания игл (?); б/н 1 – фрагменты охры (?).

Керамика: 507 – стенка поливного белоглинянного сосуда из хорошо отмученной глины толщиной 1 см; 509 – фрагмент верхней части амфоры с горизонтальным орнаментом. Б – находки из верхнего (пахотного) слоя.

Керамика: 401, 478 – фрагменты амфор; 403 – с вертикально стоящим венчиком и отверстием для стягивания треснувшего сосуда; 398 (раскоп 1, пл. 2, кв. 6), 399, 400 – фрагменты днищ горшков с клеймами.

Изделия, связанные с литьем цветных металлов: 479 – обломок каменной формы-полуфабриката для отливки изделий; 402, 425 – венчики лячек, покрытых поливной

Рис. 137. Амфоры усадьбы А. Раскоп 2. Специальная съемка, выполненная И. В. Волковым в 2009 г.
 509 – фрагмент верхней части амфоры «трапезундской» группы с горизонтальным орнаментом из заполнения ямы 6;
 581 – фрагмент верхней части амфоры «трапезундской» группы с горизонтальным орнаментом из заполнения ямы 9;
 478 – фрагмент нижней части амфоры с незаглаженным швом, отражающим придонную стыковку блоков,
 найден в 2 м к юго-востоку от ямы 1 (пл. 2, кв. 18); 1193 – ручка амфоры группы «с клеймом SSS»,
 найденная в заполнении ямы 52 (раскоп 4 – Центральный, восточная часть)

ЯМЫ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ РАСКОПА.
Участок раскопа, расположенный в 1,5 м к востоку от ямы 6, открыл сооружения раннего этапа жизни усадьбы. Здесь была доследована южная часть ямы 4, частично раскопанной в 2002 г., и изучены ямы 8 и 9, давшие яркие находки.

В верхнем слое наблюдалось преобладание курганной посуды над серой и красноглиняной керамикой (соотношение 73% / 15% / 2% при 2% неопределенных), что характерно для участков усадьбы с постройками первого периода. В пахотном горизонте были найдены фрагмент бронзового перстня (рис. 133 Б: 560) и две свинцовые пластины (вторая размерами 15×13×3 мм) (рис. 133 Б: 564, 567).

Яма 8, открывшаяся в южной части кв. 40, имела округлую форму и размеры 1,7×0,8 м при глубине 60 см (рис. 129 Г, Д). Заполнение ее было представлено темно-серой, переходящей в черную супесью с углем и печиной. Разборка верхней части заполнения ямы показала, что толща 3 пласта (-110 – -130) состоит из черной супеси и прослойки песка в ее западной половине. В зачистке 4-го пласта (-162) размеры ямы сократились до 0,8×0,3 м. Она была заполнена черной супесью, которая залегала на дне ямы (отметка -160 см). Соотношение курганной керамики к серой (всего 391 фрагмент), определенное по венчикам, составило 60% / 40%. В 3-м пласте были встречены заготовка изделия из кости, украшенная резным

орнаментом (рис. 138 Б: 591), стеклянная навитая бусина (рис. 138 Б: 614), железные игла, костиль, гвоздь и дужка (рис. 138 Б: 596, 629, 475, 480).

В северной части кв. 41 выявилась яма 9. Она имела овальную форму размером 1,4×1,2 м, пологие стенки и глубину 35 см и уходила в северную стенку раскопа. Заполнена яма была темно-серой, переходящей в черную супесью с углем и печиной (рис. 129 А–В, Е). Это небольшое сооружение дало 21 находку. Все они происходили из 3-го пласта. Это фрагмент стеклянного сосуда (рис. 138: 587) и коллекция бус: навитая круглая красного стекла и бисер (рис. 138: 570, 572), а также бочонковидные бусы с накладными нитями белого, желтого и красного стекла (рис. 138: 590, 529) и бипирамидальная бусина голубого стекла (рис. 138: 573). Среди изделий из цветного металла особенно интересна накладка (полая внутри с выступающим стерженьком) в форме рясна, выполненная из сплава, в котором присутствует серебро (рис. 138: 577) и бронзовые колечки (рис. 92: 580, 582). Найден фрагмент амфоры (рис. 138: 581). Из кости выполнен крохотный крест-тельник (рис. 138: 586), а также полуфабрикат из рога лося (рис. 138: 585). Изделия из железа представлены иглами (рис. 138: 569, 583), гвоздями (№№ 574, 578, 588) и пробоями (№№ 568, 609). Курганская, серая и красноглиняная грубая керамика (всего 527 фрагментов) соотносятся как 41% / 42% / 1,3% при 14% неопределенной посуды.

Рис. 138. Раскоп 2. Находки из ям 5, 8, 9.

A – находки из ямы 5. 494 – стеклянная бусина бочонковидная из коричневого и белого стекла; 535 – перстень бронзовый пластинчатый орнаментированный;

413 – ручка орудия с обломанной рабочей частью и кольцом для привешивания к поясу.

Предметы из железа: 412 – строительный костиль; 413, 504, 565 – строительные гвозди; 620 – нож.

Керамика: 410 – обломок стенки амфоры; 411 – донце горшка с клеймом.

Б – находки из ямы 8. 614 – пронизка из коричневого стекла с накладной полосой желтого стекла; 591 – изделие из кости орнаментированное.

Изделия из железа: 480 – дужка; 596 – проколка;

475 – гвоздь строительный; 629 – костиль строительный.

В – находки из ямы 9. Украшения из цветных металлов:

577 – рясно бронзовое; 580, 582 – сережки латунные.

Предмет личного благочестия из камня: 586 – крест-тельник миниатюрный из желтого песчаника с утраченной верхней частью.

Украшения и изделия стеклянные: 590 – бусина бочонковидная черного стекла с накладными нитями белого стекла;

579 – бусина бочонковидная черного стекла с накладными нитями желтого и красного стекла;

573 – бусина биконическая синего стекла с золотой нитью;

570 – бусина навитая круглая зонная оранжевого стекла;

587 – сосуда стеклянного фрагмент; 572 – бисер навитой из черного стекла.

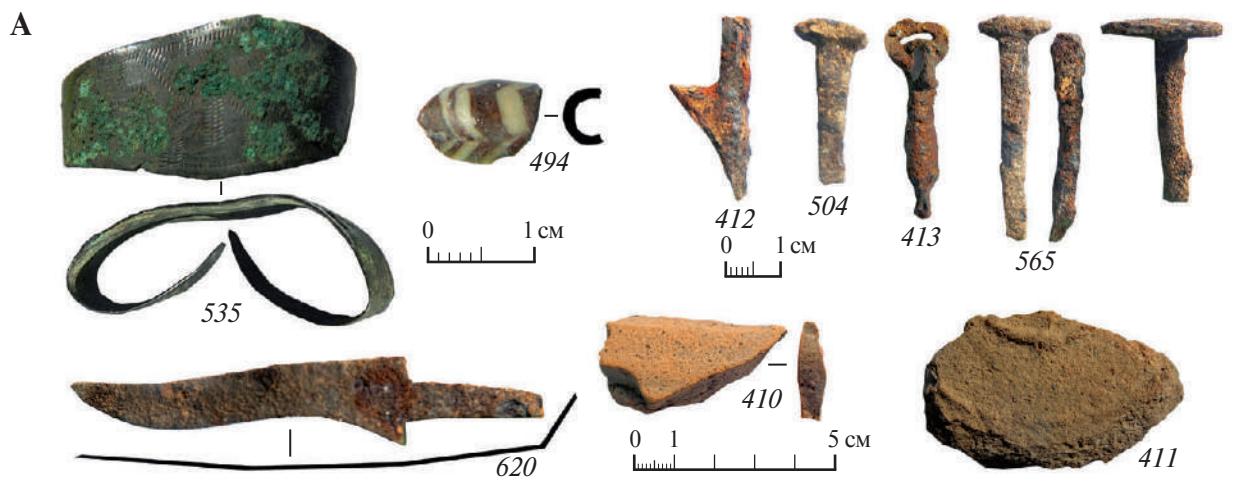
Бытовые предметы из железа: 569, 583 – иглы и крючок; 568, 574, 578, 588 – гвозди.

Полуфабрикаты из кости: 585 – рог оленя обработанный.

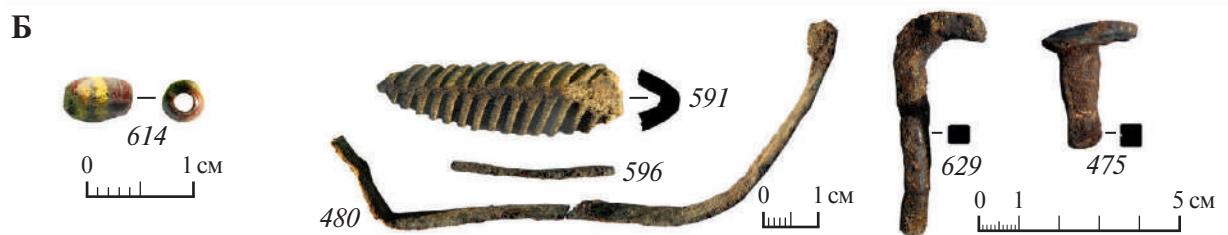
Керамика: 581 – верхней части амфоры фрагмент, украшенный горизонтальным орнаментом;

566 – донце горшка

A

Б

В

